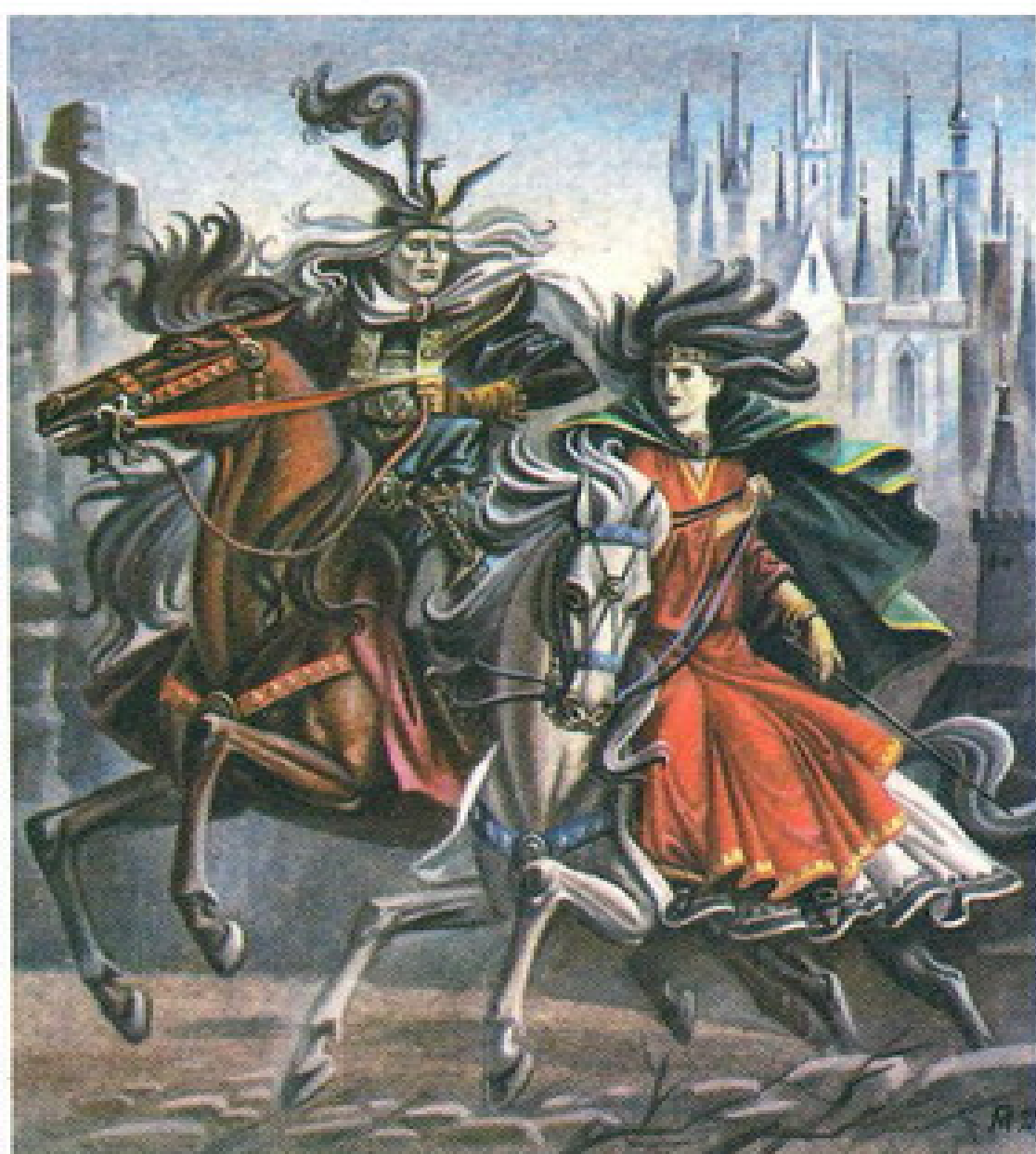

Маўка МУРКОК

Победитель бурь

Хроника Элрика

Annotation

Первая Хроника Эльрика «Повелитель Бурь» (романы «Город мечты» и «Похититель душ») английского писателя Майкла Муркока является продолжением уже известной читателю Хроники Корума.

Принц в Алой Мантии Джайлин Ирси, Вечный Герой, странствующий по бесчисленным мирам, предстает в своей новой инкарнации под именем Эльрика, последнего императора Мельнибонэ. Он снова оказывается вовлеченным в извечную борьбу Повелителей Хаоса и Хранителей Закона, грозящую нарушить Космическое Равновесие. На пути его ожидают лишения и удачи, предательство и верность, коварство и любовь, друзья и недруги. Во всех невзгодах Эльрика выручает волшебный меч, испещренный руническими письменами, который черпает чудодейственную силу, питаясь душами убиваемых им существ. Но со временем Эльрик начинает замечать, что этот меч, названный Повелителем Бурь, из верного слуги превращается в жестокого хозяина, наделенного злой волей к уничтожению...

Майкл Муркок
«Повелитель бурь»
ГОРОД МЕЧТЫ
ПРОЛОГ

КНИГА ПЕРВАЯ

В островном государстве Мельнибонэ до сих пор соблюдаются старые обычаи, хотя за последние пятьсот лет империя потеряла, былое могущество и сейчас поддерживает прежний уровень жизни за счет торговли с Молодыми Королевствами. Имрирр Прекрасный, Город Мечты, стал торговой столицей мира.

Быть может, следует позабыть о старых обычаях, начать новую жизнь, и таким образом попытаться избежать своей судьбы? Тот, кто претендует на престол Эльрика, считает, что необходимо следовать заветам предков. Он говорит, что Эльрик, отказываясь от древних ритуалов, обрекает Мельнибонэ на погибель. Так начинается трагедия, которая спустя долгие годы закончится уничтожением мира.

Глава первая

У него была мертвенно-бледная кожа, молочно-белые волосы, спускавшиеся ниже плеч, красивый продолговатый череп, красные глаза. Он сидел на троне, вырезанном из цельного рубина.

Взгляд у него был озабоченным; изредка он подносил изящную руку к украшавшей его голову короне в виде дракона, расправляющего крылья; на его пальце блестел перстень с редким акторийским камнем, который, казалось, изменял не только цвет, но и форму, словно ему было так же тесно в своей золотой тюрьме, как молодому альбиносу на Рубиновом Троне.

Он смотрел на хрустальную лестницу, ведущую от трона в зал, где развлекались придворные, танцую с такой легкостью и изяществом, словно они были бестелесными духами. Он сидел и думал о тайнах бытия и тем самым резко отличался от своих подданных, которые, как правило, старались вообще ни о чем не думать. Впрочем, их нельзя было в этом винить: они были мельнибонийцами с Острова Драконов, который правил миром в течение десяти тысяч лет и только за последние пять веков потерял свое бывшее могущество. Мудрые и жестокие мельнибонийцы чтили только обычаи своих предков — философия их не интересовала.

Молодому человеку, четыреста двадцать восьмому потомку первого колдуна-императора Мельнибонэ, поведение придворных казалось не только высокомерным, но и глупым. Не вызывало сомнений, что не пройдет и одного-двух столетий, как Остров Драконов будет завоеван быстро развивающимися государствами, которые мельнибонийцы свысока называли «Молодыми Королевствами». Корсары уже сделали несколько неудачных попыток захватить Имрирр Прекрасный, Город Мечты, столицу Мельнибонэ. Но даже самые близкие друзья альбиноса отказывались обсуждать с ним возможность падения Империи. Они были недовольны, когда он заводил разговор на эту тему, и не только не верили ему, но и обижались, считая, что он зло шутит над ними.

Итак, император скучал в одиночестве. Он скорбел, что его отец, Садрик Восемьдесят Шестой не зачал других детей, один из которых смог бы по праву занять Рубиновый Трон, Садрик умер год назад, восторженно приветствовав того, кто явился за его душой. Восемьдесят Шестой император Мельнибонэ не знал другой женщины, кроме своей жены, которая умерла, подарив жизнь болезненному отпрыску. Со страстью мельнибонийца (которую не ведали появившиеся на Земле люди) Садрик продолжал любить императрицу и после ее смерти. Он не мог найти удовлетворения ни в чьем обществе и ненавидел своего сына, явившегося причиной ее гибели. С помощью волшебных заклинаний, магических рун, редких целебных трав вырос мальчик, слабый от природы, и если бы не знания могущественных колдунов-императоров Мельнибонэ, он давно уже превратился бы в полуслепую калеку, который вряд ли смог бы поднести ложку ко рту без посторонней помощи.

Молодой император, страдающий неизлечимым недугом, нашел утешение в книгах. Прежде чем ему исполнилось пятнадцать, он прочитал все книги, — некоторые по несколько раз, — в библиотеке своего отца. Начав обучение под руководством Садрика, он стал со временем более сильным магом, чем многие его великие предки. Знания альбиноса были огромны. Если б он только захотел, ему ничего не стоило бы восстановить бывшее могущество Мельнибонэ и вновь править миром, оставаясь неуязвимым для своих врагов. Но книги заставили его задуматься над вопросами бытия. Какие цели можно преследовать, используя свою силу? Существуют ли причины, по которым этой силой нельзя распоряжаться? Стоит ли вообще, если ты обладаешь могуществом, употреблять его для достижения каких бы то ни было целей? Что такое Добро и Зло? Книги заставили его задуматься о тайнах бытия, и он до сих пор многого не понимал. Для одних своих подданных альбинос был загадкой, для других — предателем, потому что он думал и действовал совсем не так, как, по их представлениям, полагалось действовать истинному мельнибонийцу, тем более императору.

Его двоюродный брат Йиркан неоднократно высказывал сомнения по поводу права альбиноса управлять великим мельнибонийским народом. «Этот книжный червь обречет нас всех на гибель», — сказал он однажды вечером Дайвиму Твару, Хранителю Драконых Пещер. Дайвим Твар, один из немногих друзей императора, тут же передал ему слова Йиркана, но молодой человек не обратил на них особого внимания, расценив поведение принца, как мальчишескую выходку, в то время как любой из предков альбиноса подверг бы дерзнувшему высказаться подобным образом медленной и утонченной публичной

казни.

Положение императора усложнялось еще и тем, что Йиркан, не скрывавший своего стремления занять Рубиновый Трон, был братом Каймориль, которую альбинос считал самым близким своим другом и которая в один прекрасный день должна была стать его женой и императрицей.

На мозаичном полу зала Йиркан, разодетый в богатые шелка, сверкая драгоценными камнями в перстнях, танцевал с сотней женщин, каждая из которых, по слухам, была когда-то его любовницей. Красивое лицо принца, обрамленное черными волосами, — завитыми и напомаженными, — поражало высокомерием. Танцуя, он задевал придворных своим тяжелым плащом, отороченным мехом, и при этом презрительно улыбался. Те, кому не нравилась его надменность, молчали, ибо Йиркан считался могущественным колдуном. Но большинство благородных мельнибонийцев восхищалось поведением принца и сожалели, что император на него непохож.

Император об этом знал. Он был бы рад доставить удовольствие придворным, которые чествовали его своими танцами, но не мог заставить себя принять участие в утомительной церемонии, называя ее в глубине души «ритуальным позированием». Пожалуй, в этом отношении он вел себя высокомернее Йиркана, с радостью предававшегося любому веселью.

Музыка с галерей звучала все громче; рабы, подвергшиеся специальной хирургической операции, после которой каждый из них мог петь одну только ноту, удвоили свои усилия. Даже император был тронут мрачной гармонией песни, которую не смог бы спеть ни один человеческий голос. Почему страдания и боль одних дают другим возможность наслаждаться? — подумал Эльрик. — Быть может, наслаждения не бывает без боли? Или в страдании — секрет любого великого искусства?

Император Эльрик закрыл глаза, намереваясь поразмышлять, но в это время придворные в зале зашумели. Двустворчатые двери распахнулись настежь, кавалеры оставили своих дам, перестали танцевать, отступили на шаг, склонили головы в низких поклонах. В зал вошли солдаты в светло-голубой форме, в высоких причудливых шлемах, с длинными копьями, украшенными разноцветными лентами. Девушка в голубом платье шла впереди; руки ее украшали браслеты с бриллиантами и сапфирами, в черных, как смоль, волосах, горели нити изумрудов. На лице ее совсем не было косметики, чем она резко отличалась от остальных придворных дам. Эльрик улыбнулся. Согласно традиции, Каймориль всегда и всюду сопровождала почетная стража. Император медленно встал, глядя, как девушка поднимается по хрустальным ступенькам к Рубиновому Трону.

— Каймориль. Я думал, ты не почтишь нас сегодня своим присутствием.

Она улыбнулась.

— Сир, мне захотелось немного поболтать.

Эльрик с признательностью посмотрел на нее. Девушка понимала, что он будет скучать на балу, и решила развлечь его, зная, что он обрадуется встрече с нею.

— Присаживайся, милая Каймориль, — сказал альбинос, вновь занимая трон, который он с радостью уступил бы девушке, устроившейся, согласно этикету, на верхней ступеньке хрустальной лестницы.

Каймориль лукаво и нежно посмотрела Эльрику в глаза, заговорила тихим, мелодичным голосом. Солдаты спустились в зал, смешались с императорскими стражниками.

— Ты не хочешь завтра прогуляться по острову, милорд?

— Мне надо заняться кое-какими делами... — Эльрик обрадовался ее предложению. Прошло уже несколько недель с тех пор, как они вместе выезжали из города в сопровождении стражи, державшейся на почтительном расстоянии.

— Разве они не терпят отлагательств?

Он пожал плечами.

— В Мельнибонэ не бывает неотложных дел. После десяти тысяч лет любую проблему можно считать незначительной. — Он ухмыльнулся, словно нерадивый ученик, собравшийся прогулять уроки. — Ты меня уговорила. Встретимся завтра на рассвете, пока все спят.

— Подышим чистым, свежим воздухом. Нас ждет теплый день: солнышко пригреет, как летом, на небе не будет ни облачка.

Эльрик рассмеялся.

— Я смотрю, ты тоже занялась колдовством!

Каймориль потупилась, провела тоненьким пальчиком по хрустальной ступеньке.

— У меня ведь тоже есть друзья, пусть не самые могущественные среди духов стихий.

Альбинос наклонился, провел рукой по ее пышным волосам.

— Йиркан знает?

Принц Йиркан запретил своей сестре изучать волшебство. И он сам, и его друзья занимались черной магией, вызывая на Землю страшных, сверхъестественных существ. Йиркан знал, насколько опасно иметь с ними дело, и невольно считал, что любое волшебство чревато ужасными последствиями. К тому же он ненавидел всех, кто обладал той же волшебной силой, которая была у него, и в первую очередь — колдуна-императора Мельнибонэ.

— Будем надеяться, что хорошая погода не помешает завтра никому из моих подданных, — сказал Эльрик.

Каймориль удивленно на него посмотрела. Она была мельнибонийкой от кончиков ногтей до корней волос, и ей даже в голову не пришло, что ее колдовство может кому-нибудь повредить. Покачав головой, она дотронулась до руки альбиноса.

— Почему непричинение зла должно лежать в основе каждого твоего поступка? — спросила она. — Прости, я тебя не понимаю.

— Я сам себя не понимаю. На практике подобный подход к делу бессмыслен. Но если помнишь, многие мои предки предсказывали, что как духовная, так и физическая природа Земли скоро изменится. Возможно, я предчувствую перемены, когда в голову мне приходят мысли, несвойственные мельнибонийцу.

Музыка плыла по залу, то затихая, то усиливаясь. Придворные продолжали танцевать, искоса наблюдая за Эльриком и Каймориль, разговаривающими на верхней площадке хрустальной лестницы. Придворные судачили между собой. Придворные гадали. Когда Эльрик объявит Каймориль будущей Императрицей? Вернется ли Эльрик к исполнению отмененного Садриком древнего ритуала, по которому в жертву богам Хаоса приносились двенадцать женихов и двенадцать невест для того, чтобы обеспечить счастливый брак императора? Не вызывало сомнений, что именно отказ Садрика следовать традициям принес ему несчастье, погубив его жену и подарив болезненного отпрыска, который — о ужас! — может умереть, так и не зачав очередного наследника престола. Эльрик просто обязан восстановить древний обычай! Даже Эльрик должен испытывать страх при мысли о том, что его может постигнуть судьба отца.

Другие придворные им возражали. Эльрик не почитает старинных обычаев. Он никогда не будет им следовать. Эльрик рискует не только собственной жизнью, но и безопасностью Мельнибонэ. Эльрику безразличны идеалы, которым следовали его великие предки.

Те, кто так говорил, были в приятельских отношениях с принцем Йирканом, который продолжал танцевать, делая вид, что не замечает, как Эльрик разговаривает с Каймориль; как Эльрик, позабыв о своем достоинстве, сидит на краешке трона; как Эльрик не обращает внимания на своих придворных, собравшихся специально, чтобы развлечь его, и предается пустой болтовне с женщиной.

Внезапно принц Йиркан остановился, не закончив пируэта, поднял голову, уставился на императора. Стоявший в другом конце зала Дайвим Твар заметил нарочито-вызывающую позу принца и нахмурился. Рука Хранителя Драконьих Пещер невольно потянулась к рукояти меча, нащупала пустоту: в танцевальном зале оружие разрешалось носить только стражникам. Дайвим Твар напрягся, настороженно глядя на Йиркана, медленно поднимающегося по хрустальной лестнице. Не одна пара глаз следила за двоюродным братом императора; многие придворные перестали танцевать, хотя рабы пели все громче и громче.

Эльрик бросил взгляд в зал, увидел Йиркана, стоявшего на предпоследней ступеньке лестницы.

Принц поклонился настолько вежливо, что поклон его можно было назвать оскорбительным.

— Припадаю к стопам моего императора, — сказал он.

Глава вторая

— Наслаждаешься ли ты танцами, брат? — спокойно спросил Эльрик, прекрасно понимая, что Йиркан решил заставить его врасплох и, если возможно, унижить. — Нравится ли тебе музыка?

Йиркан опустил глаза, позволил себе чуть заметно улыбнуться.

— Мне все нравится, сир. Быть может, тебе что-нибудь не по душе? Ты сегодня не танцуешь с нами.

Эльрик задумчиво потер пальцем переносицу.

— Тем не менее, я получаю огромное удовольствие от танцев, брат. Разве нельзя радоваться, глядя, как радуются другие?

Казалось, Йиркан был искренне изумлен. Он поднял голову, посмотрел Эльрику в глаза немигающим взглядом. Альбинос отвернулся, небрежно махнул рукой в сторону галерей.

— А может, это боль других доставляет мне наслаждение. Не бойся за меня, брат. Я доволен, очень доволен. Ты можешь продолжать танцевать, не сомневаясь ни на минуту, что твой император в восхищении от бала.

Йиркан не собирался уступать.

— Но ведь для того, чтобы подданные не разошлись по домам, опечаленные и обеспокоенные тем, что не угодили своему монарху, император должен показать, что он всем доволен.

— Должен напомнить тебе, брат, — спокойно сказал Эльрик, — что у императора имеется только одна обязанность — управлять своими подданными. Император ничего и никому не должен. Это подданные в неоплатном долгу у своего императора. Таковы традиции Мельнибонэ.

Йиркан никак не ожидал подобного ответа. На какое-то мгновение он растерялся, затем решительно произнес:

— Я согласен, сир. Долг императора — править своими подданными. Именно поэтому бал не доставляет многим из них большого удовольствия.

— Не понимаю, что ты хочешь этим сказать, брат.

Каймориль поднялась на ноги. Она явно была встревожена вызывающей позой и тоном своего брата.

— Йиркан. — Каймориль посмотрела на него в упор.

Принц сделал вид, что только что ее заметил, кивнул.

— Сестра. Я вижу, ты разделяешь с нашим императором нелюбовь к танцам.

— Йиркан, — прошептала она, — ты зашел слишком далеко. Император терпелив, но...

— Терпелив? А может, безразличен? Может, традиции нашей расы не имеют для него значения? Может, он презирует гордых мельнибонийцев?

По хрустальным ступеням лестницы быстро поднимался Дайвим Твар. Хранитель Драконых Пещер понял, что Йиркан потерял терпение и решил бросить вызов Эльрику.

Каймориль побледнела, как полотно, торопливо сказала;

— Брат, твоя жизнь...

— А я не хочу жить, если дух мельнибонийцев будет сломлен. Поддерживать дух нашей нации — прямая обязанность императора. Вдруг нами станет управлять император, не желающий выполнять свои обязанности? Вдруг император окажется слишком слаб? Вдруг император не будет заботиться о величии Острова Драконов и его обитателей?

— Ты задаешь риторические вопросы, брат, — сказал Эльрик ледяным тоном, и его красные глаза мрачно блеснули. — Император, о котором ты говоришь, никогда не занимал и никогда не займет Рубиновый Трон.

Дайвим Твар подошел к Йиркану, дотронулся до его плеча.

— Принц, если ты дорожишь своей честью и своей жизнью...

Эльрик поднял руку.

— Ты неправильно понял моего брата, Дайвим Твар. Йиркан развлекает нас философскими рассуждениями. Испугавшись, что мне наскучили музыка и танцы, — в чем он ошибся, — принц решил позабавить меня разговором на отвлеченные темы. Мы довольны тобой, принц Йиркан. Тебе удалось нас позабавить. — Эльрик улыбнулся.

Лицо Йиркана вспыхнуло, он прикусил нижнюю губу.

— Продолжай, дорогой брат, — дружелюбным тоном произнес Эльрик. — Нам интересно будет услышать, чем закончатся твои рассуждения.

Йиркан огляделся по сторонам, словно затравленный зверь, но все его друзья находились в зале. Рядом с ним стояли Дайвим Твар и Каймориль, а от них он не мог ожидать поддержки. Принц прекрасно понимал, что его сторонники слышат каждое произнесенное им слово и что он «потеряет лицо», если промолчит. Эльрик даже посочувствовал Йиркану, который с удовольствием прекратил бы неприятный для себя разговор и удалился бы, с тем чтобы выбрать другое место и время для ссоры с императором. Да и самому альбиносу не хотелось продолжать дурацкую перепалку, которая, что там ни говори, напоминала спор двух маленьких девочек о том, кто из них первой будет играть с рабами.

Йиркан решительно произнес:

— В таком случае я выскажу предположение, что физически слабый император не обладает достаточной силой, чтобы править своими подданными, как того требует...

Эльрик поднял руку, приказывая Йиркану замолчать.

— Достаточно, дорогой брат. Вполне достаточно. Ты утомил себя беседой, пытаюсь развлечь тебя и пожертвовав тем удовольствием, которое ты получаешь от танцев. Я тронут твоим вниманием. Но сейчас и у меня появилось желание немного отдохнуть. — Он сделал знак своему старому слуге Худобе, стоявшему за тронном вместе с императорскими стражниками. — Худоба! Мою мантию! — Эльрик поднялся на ноги. — Еще раз благодарю тебя за заботу, брат. — Он посмотрел в зал, повысил голос: — Я вами доволен. А теперь я хочу отдохнуть.

Худоба накинул на плечи своего господина мантию из белой лисы. Преданный слуга императора был стар, высок ростом и необычайно худ.

Эльрик прошел по лестничной площадке, открыл дверь, ведущую в коридор, в конце которого находились его апартаменты.

Йиркан был в бешенстве. Он резко повернулся, словно собираясь обратиться с речью к присутствующим в зале придворным. Некоторые из них открыто улыбались, глядя на него. Руки Йиркана непроизвольно сжались в кулаки, он с ненавистью уставился на Дайвима Твара. Хранитель Драконьих Пещер ответил ему холодным взглядом.

И тогда Йиркан откинул голову назад и расхохотался. Завитые, напомаженные волосы рассыпались по его спине. Рабы перестали петь. Йиркан, продолжая смеяться, горделиво запахнул в свой черный плащ.

Каймориль сделала шаг вперед.

— Брат, прошу тебя...

Он оттолкнул ее плечом, уверенно пошел к Рубиновому Трону. Не оставалось сомнений, что Йиркан собирается сесть на Трон и тем самым совершить самое большое святотатство, известное в Мельнибонэ. Каймориль схватила принца за руку.

— Мельнибонийцы хотят видеть Йиркана на Рубиновом Троне! — громко воскликнул он, окидывая свою сестру презрительным взглядом.

Каймориль испуганно вскрикнула, в ужасе посмотрела на Дайвима Твара.

Хранитель Драконьих Пещер, с трудом сдерживая ярость, сделал знак стражникам. В мгновение ока между Рубиновым Троном и Йирканом возникли два ряда солдат с пиками наперевес.

Принц остановился, посмотрел на Дайвима Твара. Глаза его недобро, блеснули.

— Моли богов, чтобы ты погиб вместе со своим господином, — свистящим шепотом произнес он.

— Почетная стража проводит тебя домой, — спокойно ответил Дайвим Твар. — Сегодня ты блеснул красноречием, принц Йиркан.

Йиркан вновь огляделся по сторонам, расслабился, пожал плечами.

— Время терпит. Если Эльрик сам не отречется от престола, его придется свергнуть.

Каймориль гордо вскинула голову.

— Если ты причинишь Эльрику малейший вред, я убью тебя собственными руками, Йиркан!

Принц поднял брови, надменно улыбнулся. Казалось, в эту минуту он ненавидит свою сестру так же сильно, как императора.

— Твоя преданность этому жалкому созданию определила твою судьбу, Каймориль! Я предпочту, чтобы ты умерла, чем родила от него какого-нибудь недоноска. Я не потерплю, чтобы наша кровь смешалась с его жидкой кровью! Ты посмела мне угрожать? Позаботься лучше, чтобы твоя жизнь не оборвалась преждевременно, сестра! — Он сбежал по хрустальной лестнице, перепрыгивая через ступеньки, решительно пошел к выходу, расталкивая плечами придворных, не слушая похвал поздравляющих его льстецов. Йиркан знал, что проиграл, и был в бешенстве. Он вышел из зала, изо всех сил хлопнув дверью.

Дайвим Твар поднял руку.

— Продолжайте танцевать и веселиться. Пусть император отдыхает спокойно.

Но подданные не хотели больше танцевать. Разбившись на группы, они возбужденно обсуждали события сегодняшнего вечера.

Дайвим Твар повернулся к Каймориль.

— Эльрик не хочет думать об опасности, принцесса. Тщеславие Йиркана может погубить всех нас.

— Включая Йиркана. — Каймориль вздохнула.

— Да, включая Йиркана. Но как можно избежать этой опасности, если Эльрик отказывается отдать приказ об аресте твоего брата?

— Император считает, что такие, как Йиркан, могут говорить все, что угодно, безнаказанно. Я с трудом его понимаю, но Эльрик как-то сказал мне, что, убив Йиркана, он изменит своим принципам.

Дайвим Твар пожал плечами, нахмурился. Он тоже не понимал Эльрика и часто с ужасом ловил себя на мысли о том, что невольно симпатизирует Йиркану. По крайней мере принц не скрывал ни своих взглядов, ни своих намерений. Дайвим Твар слишком хорошо знал Эльрика и не допускал, что альбинос боится Йиркана или не трогает его по недомыслию. Парадокс заключался в том, что Эльрик чувствовал свою силу, мог уничтожить Йиркана в любую минуту, а тот все время испытывал могущество своего двоюродного брата, инстинктивно понимая, что как только император прикажет с ним расправиться, тогда он, Йиркан, победит. Ситуация была сложной, и Дайвиму Твару совсем не хотелось в нее впутываться. Впрочем, он был предан императорской династии Мельнибонэ, а о его преданности Эльрику ходили легенды. Не раз Хранителю Драконьих Пещер приходила в голову мысль отдать приказ тайно умертвить Йиркана, но принц был могущественным колдуном, и такая попытка наверняка не увенчалась бы успехом.

— Принцесса Каймориль, — сказал Дайвим Твар, — мне остается надеяться, что твой брат когда-нибудь захлебнется собственной злобой и скончается не сходя с места.

— Я тоже на это надеюсь, Повелитель Драконов.

Они вместе вышли из зала.

Глава третья

Ранняя заря окрасила высокие башни Имрирра, сверкавшие всеми цветами радуги. Розовые, желтые, фиолетовые, зеленые, пурпурные, оранжевые, золотые, голубые, белые башни переливались и сияли в солнечном свете. Двое всадников выехали из Города Мечты, поскакали по зеленому полю к сосновому бору, только что начавшему просыпаться. Докали белки, лисы прятались в норы, пели птицы, цветы раскрывали лепестки, наполняя воздух тончайшими ароматами. Лениво жужжали насекомые. Контраст между городом и природой был так же велик, как противоречия в душе одного из всадников, который соскочил с коня и пошел по лужайке, утопая по колени в высоких голубых цветах. Другой всадник, вернее, всадница, остановила коня, но не спешила. Наклонившись в высоком мельнибонийском седле, она улыбнулась своему спутнику.

— Эльрик? Ты хочешь остановиться так близко от Имрирра?

Он улыбнулся ей в ответ.

— Ненадолго. Мы с тобой так торопились, что сейчас мне хочется хоть немного привести свои мысли в порядок.

— Как ты спал?

— Хорошо. Правда, я видел сон, но не помню какой, и с утра у меня слегка болела голова. Впрочем, неудивительно: вчерашний разговор с Йирканом не доставил мне удовольствия.

— Как ты думаешь, он собирается использовать против тебя колдовство?

Эльрик пожал плечами.

— Если это произойдет, я узнаю заранее, Йиркану известно мое могущество. Сомневаюсь, что он осмелится прибегнуть к колдовству.

— У него есть все основания считать, что ты не захочешь воспользоваться своей силой. Разве нельзя предположить, что ему надоест испытывать твоё терпение, и он найдет на тебя какое-нибудь чудовище, чтобы проверить, на что ты способен?

Эльрик нахмурился.

— Не исключено. Но вряд ли он пойдет на это сейчас.

— Он не успокоится, пока не уничтожит тебя, Эльрик.

— Или пока сам не погибнет. — Альбинос наклонился, сорвал цветок, улыбнулся. — Твой брат не признает компромиссов. Слабые ненавидят слабость.

Каймориль соскочила с коня, подошла к Эльрику, взяла из его рук цветок, прикоснулась идеально очерченными губами к раскрывшимся лепесткам.

— А сильные ненавидят силу, любимый. Йиркан — мой родной брат, и тем не менее я говорю тебе: используй свою силу против него.

— Я не могу его убить. У меня нет на это права. — На лице Эльрика появилось печальное и одновременно задумчивое выражение.

— В таком случае отправь его в ссылку.

— Разве ссылка и смерть не одно и то же для мельнибонийца?

— Если мне не изменяет память, ты когда-то собирался совершить длительное путешествие по Молодым Королевствам.

Эльрик с горечью рассмеялся.

— Возможно, я не истинный мельнибониец. Йиркан так и говорит, и многие ему вторят.

— Он ненавидит тебя за то, что ты погружен в свои мысли. В этом отношении ты похож на своего отца, а его все считали выдающимся императором.

— Мысли Садрика не влияли на его поступки. Он управлял государством так, как должен был управлять император. И честно говоря, Йиркан будет править не хуже моего отца. У него тоже имеется возможность вновь сделать Мельнибонэ великой державой. Если бы твой брат сел на трон, он первым делом постарался бы вернуть империи былое могущество, а большинство мельнибонийцев только этого и хотят. Какое право я имею мешать моим подданным?

— Ты — император, и имеешь право делать все, что считаешь нужным. Так думают те, кто тебе предан.

— Возможно, они преданны не тому, кому надо. А вдруг Йиркан не ошибается, и я предам их, а Остров Драконов обреку на гибель? — Он печально посмотрел на нее. — Быть может, мне следовало умереть при рождении. Тогда императором стал бы Йиркан, Неужели судьба так жестоко ошиблась?

— Судьба никогда не ошибается. Все события происходят по велению судьбы, если, конечно, она вообще существует и если то, что происходит с человеком, не является следствием его собственных поступков.

Эльрик глубоко вздохнул, усмехнулся.

— Тебе тоже не следовало бы со мной общаться, Каймориль. Ты стала кощунствовать и по законам Мельнибонэ можешь понести суровое наказание. Брось меня, пока не поздно.

Она рассмеялась.

— Твоими устами говорит мой брат. Тебе захотелось проверить, действительно ли я тебя люблю?

— Нет, Каймориль, но я советую тебе самой проверить свои чувства. Мне почему-то кажется, что наша любовь будет трагична.

Он вскочил в седло. Каймориль последовала его примеру, улыбнулась, покачала головой.

— Ты во всем умудряешься видеть только плохое. Почему бы тебе не радоваться тому, что дарит нам жизнь? Не так уж часто она нас балует.

— Да. С этим я не спору.

Они услышали позади себя стук копыт, обернулись, увидели на некотором расстоянии от леса двух всадников. Это были стражники, от которых Эльрик и Каймориль усаkali, желая побыть вдвоем.

— Скорее! — воскликнул альбинос. — Проедем лес, переберемся через холм, и нас никогда не найдут!

Они прищипорили коней и через несколько минут быстрой езды очутились в долине, поросшей кустами нойделя с крупными иссиня-черными ядовитыми ягодами. На Острове Драконов росло много редких и волшебных трав, в частности тех, которым Эльрик был обязан своей жизнью и здоровьем. Эти травы, посаженные предками Эльрика тысячи лет назад, использовались для приготовления волшебных мазей и при чтении заклинаний. Последнее время мельнибонийцы почти не покидали Имрирр, рабы же собирали только те листья, ягоды и корни, которые их господа принимали, чтобы видеть страшные и удивительные сны. Они мечтали наяву, получая от этого наивысшее наслаждение (недаром Имрирр Прекрасный назывался Городом Мечты). Даже рабы жевали ягоды, приносящие забвение, и никогда не бунтовали. Из всей мельнибонийской знати один Эльрик не пользовался страшным зельем — возможно, потому, что поддерживал свою жизнь с помощью многих других трав.

Стражники остались далеко позади. Проехав долину, поросшую кустами нойделя, Эльрик и Каймориль очутились у высоких гранитных скал. Внизу лениво плескалось море, омывая белые песчаные пляжи. Чайки парили высоко в безоблачном небе; их далекие крики странным образом гармонировали с тем душевным покоем, который чувствовали двое влюбленных. По узкой горной тропинке они спустились на берег, стреножили коней, пошли по пляжу рука об руку. Мягкий восточный ветерок развеивал молочно-белые волосы Эльрика, черные, как вороново крыло, кудри Каймориль.

В большом сухом гроте, где ласково шептало эхо воин, они разделись, легли на мягкий песок. Время, казалось, перестало существовать. Солнце постепенно поднималось над горизонтом, пригревая землю. Прошло несколько часов. Двое влюбленных встали, побежали купаться. Ветер стих.

Когда они вышли на берег и начали одеваться, Эльрик заметил на горизонте огромную черную тучу.

— Мы промокнем насквозь, прежде чем доберемся до Имрирра, — сказал он. — Идет шторм.

— Может, переждем в гроте? — предложила Каймориль, прижимаясь к нему всем телом.

— Нет. Мне необходимо вернуться в город, чтобы принять травы. Через час-полтора я начну слабеть. Ты ведь видела, что происходит, когда я теряю силы.

Она нежно провела пальцами по его лицу.

— Да. Я видела тебя слабым, Эльрик. Пойдем скорее.

Когда они вскочили в седла, небо над их головами стало серым; гром гремел совсем близко, сверкали молнии. Море билось, как раненый зверь, Лошади хрипели, ударяли копытами в песок, без понуканий поскакали по направлению к городу. Первые крупные капли дождя застучали по земле. Хлынул ливень. Небо было черным, как смоль, молнии сверкали, не переставая, грохочущий гром напоминал рев гиганта или Повелителя Хаоса, яростно пытающегося проломить барьер между Высшими Измерениями и Землей.

Каймориль бросила взгляд на мертвенно-бледное лицо Эльрика, освещенное небесным огнем, и почувствовала, как у нее все похолодело внутри. В эту секунду ей почудилось, что стихия превратила доброго ученого человека, которого она так хорошо знала, в исступленного демона, в чудовище, лишенное человеческих чувств. Его красные глаза горели, молочно-белые волосы слиплись на голове, на губах играла мрачная улыбка..

И внезапно Каймориль с необычайной ясностью поняла, что никогда в жизни больше не будет у них с Эльриком ни минуты покоя. Сегодняшний день был последним счастливым днем в их жизни. По воле богов разразилась эта буря, словно предвещающая другие бури, куда более страшные, которые не позволят им быть вместе.

Каймориль вновь посмотрела на Эльрика. Альбинос смеялся. Он запрокинул голову, и ливень хлестал его по лицу, а вода стекала по щекам в полуоткрытый рот. Эльрик смеялся, как счастливый ребенок.

Каймориль попыталась улыбнуться, быстро отвернулась, чтобы скрыть набежавшие на глаза слезы. Она плакала молча и немного успокоилась, лишь увидев на фоне безоблачного западного горизонта черный силуэт Имрирра.

Глава четвертая

Стражники в желтых доспехах скакали навстречу Эльрику и Каймориль от восточных ворот города.

— Наконец-то они нас нашли. — Эльрик усмехнулся. — К счастью, слишком поздно.

Каймориль кивнула, попыталась улыбнуться, но не смогла скрыть своего подавленного состояния.

Эльрик решил, что девушка расстроена тем, что они так мало побыли вместе, и ни о чем не стал ее расспрашивать.

— Эй, стража! — крикнул он. — Ведите нас скорее во дворец, мы насквозь промокли!

Лицо капитана стражников, скакавших во весь опор, было озабоченным.

— Сир! — вскричал он. — Мы поймали шпионов, отвели их в башню Моншанджик.

— Шпионов?

— Да, сир. — Лицо капитана было белым, как мел. Капли дождя стекали с его шлема за воротник легкого плаща. Он с трудом справлялся с лошадью, норовившей свернуть на обочину дороги, где почти не было рытвин, заполненных водой. — Сегодня утром они проникли в лабиринт. Судя по пестрой одежде — это варвары с юга. Мы решили дожидаться императора и не стали их допрашивать.

Эльрик махнул рукой.

— Хорошо, капитан. Пойдем посмотрим на храбрых дураков, которые осмелились зайти в морской лабиринт Имрирра Прекрасного!

Башня Моншанджик получила свое название в честь колдуна-архитектора, построившего морской лабиринт тысячу лет назад. Гавань Имрирра представляла собой естественную лагуну, отгороженную от моря системой пещер в гигантской скале. После того, как лабиринт был построен, пещеры превратились в крытые каналы, секрет которых знали немногие. Корабли Молодых Королевств, торгующих с Имрирром, должны были стоять у наружной стены лабиринта до прибытия специально обученного лоцмана. Перед тем, как ворота одного из пяти входов в морской лабиринт открывались, капитана корабля и всю его команду отправляли в трюм с завязанными глазами, а рабам, сидящим на веслах, одевали на головы глухие стальные шлемы, полностью закрывавшие лица. Им оставалось только подчиняться командам лоцмана, а если они допускали хоть малейшую ошибку, корабль разбивался о скалы. Мельнибонийцы особо не переживали по этому поводу и тех, кто не утонул, делали своими рабами. Купцы из Молодых Королевств знали, что им грозит, но все равно рисковали, так как свои жалкие товары они могли выменять на богатства, которые им и не снились.

Зеленая, цвета морских глубин, башня Моншанджик стояла на самом берегу у огромного каменного мола, уходившего чуть не на середину лагуны. Несмотря на всю свою красоту, она казалась невзрачной по сравнению с кружевными башнями города. В этой башне велись все дела, связанные с торговлей и мореплаванием, а в ее подземельях сидели пленники, нарушившие одно из тысяч правил, необходимых для нормального функционирования гавани. Приказав одному из стражников сопровождать Каймориль во дворец, Эльрик въехал на коне под арку ворот и очутился в огромном дворе, заполненном купцами, матросами и мельнибонийскими чиновниками, которые выдавали разрешение на торговлю. Шум сотен голосов постепенно стих. Не обращая внимания на окружающих его людей, Эльрик, в сопровождении капитана стражи, подскочил ко входу в башню, заехал в широкий холл, из которого можно было попасть в подземелье по длинному тоннелю.

Копыта лошадей били по каменному полу; рабы, прислуга, служащие отскакивали в сторону, освобождая всадникам дорогу, низко кланяясь своему императору. Многочисленные факелы, освещавшие тоннель, бросали густые тени на гранитные стены. Было холодно и сыро. А затем, внезапно, всадников обдала волна горячего воздуха, и они очутились в большой пещере, заполненной едким дымом и человеческим страхом. На восьми из многочисленных цепей, свисающих с потолка, раскачивались четверо людей, повешенных за ноги. Они были абсолютно голыми; кровь текла по их телам из нескольких десятков маленьких, но глубоких порезов, сделанных непревзойденным мастером своего дела, стоявшим с ними

рядом.

Одетый в белые одежды, испачканные кровью, мастер этот напоминал скелет. Он был высок, непомерно худ, с тонкими чертами лица, тонкими губами, тонкими пальчиками, тонкими волосами, щелочками вместо глаз. В руках он держал скальпель, настолько тонкий, что его можно было заметить только тогда, когда на его поверхности играли блики огня, горевшего в яме в углу пещеры. Звали этого мастера «доктор» Шутка, и мастерство его (исполнителя, а не творца, хотя «доктор» мог бы с этим поспорить) заключалось в том, что он умел выведывать чужие тайны. Доктор Шутка был Главным Следователем Мельнибонэ.

Услышав сзади шаги, он резко повернулся, держа тонкий скальпель между тонким большим и еще более тонким указательным пальцами. Узнав Эльрика, он поклонился ему в пояс.

— Мой император! — Голос у него был тонкий, и говорил он настолько быстро, что, казалось, слова его звучали не в ушах, а прямо в мозг собеседника.

— Доктор. — Эльрик наклонил голову. — Это — те самые южные варвары, которых поймали сегодня утром?

— Да, сир. — Доктор Шутка отвесил еще один поясной поклон. — Я надеюсь, ты останешься ими доволен.

Эльрик холодно посмотрел на пленников. Он не чувствовал к ним никакой жалости. Они были шпионами, прекрасно понимали, что произойдет, если их поймают. Правда, среди них была одна женщина и один совсем еще мальчик. Позор тем, кто послал их на это дело.

Женщина злобно лягнула зубами, — теми, которые у нее остались, — и прошипела, глядя на альбиноса:

— Демон!

Эльрик сделал шаг назад.

— Они рассказали тебе, доктор, что им надо было в нашем лабиринте?

— О, пленники все еще пытаются отделаться от меня полуправдами. Они — прекрасные актеры, тонко чувствуют свои роли. Смею утверждать, им было велено разведать путь через лабиринт. Но подробности они пока что от меня скрывают. Это игра, сир, и каждый из нас соблюдает ее правила.

— А когда они все тебе расскажут, доктор?

— О, очень скоро, сир.

— Я хотел бы знать, следует ли нам ожидать нападения. И чем скорее мы это узнаем, тем больше времени останется у нас на составление планов. Ты согласен со мной, доктор?

— Да, сир.

— Прекрасно, — раздраженно сказал Эльрик, недовольный тем, что день, так хорошо начавшийся, омрачили непредвиденные события. Он не ожидал, что сразу после прогулки с Каймориль ему придется заняться государственными делами.

Доктор Шутка повернулся к своим подопечным, привычным движением схватил одного из мужчин за половой член. Скальпель сверкнул в воздухе, дикий крик сотряс стены пещеры. Доктор Шутка швырнул что-то в огонь.

Эльрик уселся на приготовленный для него стул. Ритуал, необходимый для получения нужной информации, не вызывал у альбиноса отвращения. Ему было откровенно скучно. Вопли, стоны, звон цепей, тонкий шепоток доктора Шутки окончательно испортили ему хорошее настроение, которое сохранялось вплоть до того момента, как он вошел в камеру пыток. Но присутствовать при исполнении подобных ритуалов вменялось в обязанность императору, а в данном случае он просто не мог уйти, не узнав, какая опасность грозит государству. Когда все закончится, он поздравит своего Главного Следователя, а затем отдаст распоряжения, необходимые для отражения любой атаки. А потом ему придется совещаться с военачальниками и, возможно, просидеть всю ночь, выслушивая различные предложения и составляя

план битвы. Эльрик откровенно зевнул и откинулся на спинку стула, глядя как доктор Шутка орудует тонкими пальчиками, тонким скальпелем, тонкими щипчиками и тонким пинцетом. Вскоре альбинос перестал замечать окружающее; мысли его были заняты теми философскими проблемами, которые он никак не мог решить.

Люди назвали бы Эльрика бесчеловечным, и ошиблись бы. Альбинос был мельнибонийцем. Он с детства привык к зрелищам подобного рода. Он не смог бы спасти пленников, даже если б захотел, не нарушив при этом всех до единой традиций Острова Драконов. А в данном случае государству грозила опасность, и он просто использовал самые доступные методы, чтобы отвратить ее. Эльрик привык повелевать теми своими чувствами, которые мешали исполнению его прямых обязанностей. Если б он видел смысл в том, чтобы отпустить на свободу четырех пленников, он освободил бы их, но смысла в этом не было, и пленники первыми изумились бы, поступи он подобным образом. Эльрик смотрел на проблемы морали с практической точки зрения, принимал решения в зависимости от действий других людей. Сейчас он оставался пассивным наблюдателем. Альбинос ничего не хотел менять в государстве, он хотел измениться сам; предпочитал не проявлять инициативу, а наилучшим образом реагировать на поведение тех, кто имел с ним дело. Сейчас ему легко было принять решение. Шпион — это агрессор. От агрессоров необходимо защищаться всеми доступными методами. Методы доктора Шутки были не только самыми доступными, но и самыми действенными.

— Сир?

Эльрик рассеянно поднял голову.

— Они все мне рассказали, сир, — прошептал тонкий голос доктора Шутки с другого конца пещеры.

Две пары цепей были пусты; рабы подбирали с пола какие-то ошметки и кидали их в огонь. Два бесформенных куска мяса, висевшие на четырех других цепях, напоминали Эльрику жаркое, тщательно приготовленное его шеф-поваром. Один из кусков мяса слегка дрожал, другой был недвижим.

Доктор Шутка тщательно уложил свои тонкие инструменты в тонкий деревянный ящичек, прикрепленный к поясу. Его белые одежды стали красно-коричневыми.

— Как выяснилось, в нашем лабиринте уже побывали шпионы, — сообщил доктор Шутка своему господину. — Этих послали для того, чтобы проверить правильность уже имеющегося у корсаров плана каналов. Если они не вернутся, варвары все равно отплывут в точно назначенный срок.

— Но ведь тогда они будут знать, что нам обо всем известно?

— Не обязательно, сир. Мы распространили слухи среди купцов и матросов из Молодых Королевств, что четырех шпионов убили в лабиринте при попытке к бегству.

— Понятно. — Эльрик нахмурился. — В таком случае мы сможем заманить корсаров в ловушку.

— Да, сир.

— Ты знаешь маршрут, который они избрали?

— Да, сир.

Эльрик повернулся к одному из стражников.

— Немедленно отправь гонца к моим военачальникам. Который час?

— Первый после захода солнца, сир.

— Прикажи им собраться в тронном зале через два часа.

Внимательно выслушав все подробности, которые сообщил ему Главный Следователь, Эльрик устало поднялся на ноги.

— Ты, как всегда, действовал безупречно, доктор Шутка. Я тобой доволен.

Мастер низко поклонился, согнувшись чуть ли не пополам, и тоненько хихикнул.

Глава пятая

Разодетый в шелка и бархат, в сопровождении двух гигантов-телохранителей, каждый из которых нес в руках знамя с его гербом, принц Йиркан первым вошел в тронный зал.

— Мой император! — возбужденно вскричал он, явно гордясь собой. — Ты позволишь мне командовать нашими воинами? Это освободит тебя от лишних забот, позволит заняться более важными делами. Например, философскими изысканиями, которые отнимают все твоё время.

— Ты очень заботлив, принц Йиркан, — нетерпеливо ответил Эльрик, — но не беспокойся за меня понапрасну. Я буду командовать армией и флотом Мельнибонэ, исполняя долг императора.

Глаза Йиркана гневно сверкнули, но в это время ему пришлось посторониться и пропустить вперед Дайвима Твара. Телохранители не сопровождали Хранителя Драконых Пещер, и одет он был на скорую руку. Под мышкой Дайвим Твар нес свой шлем.

— Мой император! С твоего разрешения я доложу тебе о драконах?

— Благодарю тебя, Дайвим Твар, но подожди, пока соберутся мои военачальники. Я хочу, чтобы они тоже все слышали.

Дайвим Твар поклонился, посмотрел на Йиркана и встал по другую сторону хрустальной лестницы.

Постепенно тронный зал заполнялся военачальниками. Каждый из них с глубоким поклоном останавливался у подножья хрустальной лестницы, на верхней площадке которой на Рубиновом Троне сидел Эльрик. Альбинос не успел переодеться после утренней прогулки с Каймориль. Вернувшись во дворец из камеры пыток, он все оставшееся до совещания время посвятил изучению карт лабиринта, — карт, в которых разбирался только царствующий император и которые с помощью магических средств были скрыты от посторонних глаз.

Эльрик поднял голову.

— Южане собираются ограбить Имрирр Прекрасный и убить всех мельнибонийцев, — сказал он. — Они считают, что им известен путь через морские каналы. Более ста боевых кораблей уже в пути. Завтра, с наступлением темноты, они намереваются войти в лабиринт, ровно в полночь высадиться в гавани и к утру захватить Город Мечты. Как вы думаете, это возможно?

— Нет! — в один голос взревели военачальники.

— Нет. — Эльрик улыбнулся. — Но как нам получить удовольствие от этой маленькой стычки, которую они решили затеять?

Йиркан как всегда высказался первый.

— Поплывем к ним навстречу на золотых галерах, полетим на драконах! — вскричал он. — Уничтожим их флот, и раз они так хотят воевать, нападём на их страны, сожжём города! Победив варваров, мы обеспечим себе безопасность!

— Драконов не будет, — спокойно произнес Дайвим Твар.

— Что? — Йиркан резко повернулся. — Что?!

— Драконов не будет, принц Они спят в пещерах и благодаря тебе их невозможно разбудить.

— Благодаря мне?

— Разве не ты использовал их в конфликте с вильмирийскими пиратами? Я говорил тебе, что драконов необходимо поберечь на тот случай, если они понадобятся нам в серьезном сражении. Но ты меня, не послушался и сжег несколько пиратских суденышек, а сейчас драконы спят.

— Я не думал...

Эльрик поднял руку.

— Не имеет значения. Побережем драконов для худших времен. Южные варвары — ничтожества, их нападение ничем нам не грозит. Пускай себе думают, что мы ничего не знаем; пускай зайдут в лабиринт.

Мы перекроем все входы и выходы, окружим корсаров, перебьем их, как мух.

Йиркан, нахмурившись, уставился в пол, явно пытаясь найти в плане Эльрика какие-нибудь недостатки. Адмирал флота, Магам Колим, одетый в зеленые, цвета морских глубин, доспехи, вышел вперед, поклонился.

— Золотые галеры Имрирра готовы защитить город, сир. Однако чтобы расставить их по местам, нужно время. Сомневаюсь, что нам удастся разместить в лабиринте все наши силы.

— Отправь часть барж в бухты побережья, на тот случай, если несколько кораблей вырвутся из нашей западни.

— Прекрасный план, сир. — Магам Колим вновь поклонился и сделал шаг назад.

Военачальники согласно закивали головами.

— Я хочу повторить предложение, сделанное мною императору, — громко сказал Йиркан. — Его особа слишком важна, чтобы рисковать ею в битве, моя же скромная особа — никчемна. Я готов принять на себя командование сухопутными и морскими силами, а император может оставаться во дворце в полной уверенности, что битва будет выиграна, а варвары наказаны. Возможно, императору необходимо дочитать какую-нибудь книгу?

Эльрик улыбнулся.

— Я вновь благодарю тебя за заботу, принц Йиркан. Но император должен упражнять не только ум, но и тело. Командовать буду я.

Когда Эльрик вошел в свои покои, Худоба уже приготовил своему господину доспехи, которые служили верой и правдой многочисленным мельнибонийским императорам. Доспехи эти были заколдованы, ни одно оружие на Земле не могло пробить их, и, если верить слухам, они выдерживали удары легендарных рунных мечей — «Повелителя Бурь» и «Властительницы Мрака», которыми владели самые жестокие императоры Мельнибонэ, пока Повелители Хаоса не забрали мечи, спрятав их в одном из измерений, куда даже боги не всегда могли проникнуть.

Лицо Худобы сияло от счастья; он гладил доспехи искривленными пальцами — так ласкают любимую женщину. Глазами, полными слез, он посмотрел на Эльрика, дрожащим голосом произнес:

— О, сир! О, мой император! Завтра ты познаешь радость битвы!

— Да, Худоба. Будем надеяться, она действительно доставит мне радость.

— Я обучил тебя великому военному искусству: фехтованию, стрельбе из лука, метанию копья; ты одинаково хорошо бьешься и конный, и пеший. Ты усвоил все, что я знал, хоть многие и считают тебя физически слабым. За исключением одного человека, ты — лучший воин Мельнибонэ.

— Возможно, принц Йиркан владеет оружием лучше меня, — задумчиво произнес Эльрик. — Как ты думаешь?

— Я сказал, за исключением одного человека, сир.

— И этот человек — Йиркан. Что ж, быть может, когда-нибудь мне и моему двоюродному брату придется проверить, кто из нас двоих сильнее. И хватит об этом. Пойду приму ванну.

— Поторопись, сир. Говорят, до подхода корсаров надо многое успеть сделать.

— А после ванны я лягу спать. — Эльрик улыбнулся, глядя на своего преданного слугу. — Не беспокойся, Худоба. Не могу же я лично руководить расстановкой галер. Завтра я буду командовать битвой, а для этого мне необходимо как следует отдохнуть.

— Если император так считает, значит, так оно и есть.

— Ты удивлен моим поведением, Худоба? Тебе, как я вижу, очень хочется, чтобы я поскорее занялся делами военными и кромсал людские тела и души, будто я — сам Ариох.

Худоба быстро прикрыл заскорузлой ладонью рот, словно эти слова произнес он, а не его господин.

Глаза верного слуги расширились от ужаса.

Эльрик рассмеялся.

— Тебе кажется, я кощунствую? Не беспокойся, я высказывал куда более смелые мысли, но пока еще меня никто не покарал. Запомни, Худоба, в Мельнибонэ не демоны управляют императорами, а императоры — демонами.

— Императору виднее.

— Я говорю правду. — Эльрик позвал рабов, вышел из комнаты. Душа его пела в ожидании предстоящей битвы.

Черный нагрудник кирасы, черные наголенники, черные латные рукавицы... Одетый в черные доспехи, он стоял на капитанском мостике. На боку его висел двуручный меч, принадлежавший, по слухам, великому герою по имени Оубек. К золотому ограждению мостика был прислонен круглый щит с изображением дракона, пикирующего на неприятеля. И черный шлем его был в форме дракона с распростертыми крыльями и хвостом, загнутым к спине. В тусклом свете фонаря, висевшего, у основания мачты, видны были чуть раскосые горящие красные глаза, красивые черты мертвенно-бледного лица: прямой нос, высокие скулы, изящно очерченные губы. Эльрик, император Мельнибонэ, всматривался в темноту и думал свои думы.

Он стоял на высоком капитанском мостике боевой золотой галеры, напоминающей плавучую крепость с мачтами, парусами, веслами и катапультами. «Сын Света» был флагманской галерой флота. Рядом с Эльриком стоял один из его немногочисленных близких друзей, адмирал Магам Колим. Он знал альбиноса с пеленок, обучал его искусству ведения морского боя, правилам навигации. В глубине души Магам Колим, быть может, и сомневался в способности слишком ученого и углубленного в себя молодого человека управлять государством, но он признавал права Эльрика на престол и выходил из себя, когда слышал изменнические речи Йиркана и ему подобных. Принц Йиркан тоже находился на флагманской галере, но в данный момент на капитанском мостике его не было.

«Сын Света» стоял на якоре в одном из ста искусственных гротов, выдолбленных в скале специально для золотых галер. Мачты покачивались у самого потолка грота, весла гребцов, — от двадцати до тридцати весел с каждого борта, — не доходили всего нескольких дюймов до его стен. Золотые галеры, построенные с помощью волшебства в незапамятные времена, практически невозможно было уничтожить; несмотря на внушительные размеры они могли искусно маневрировать и идти быстрее самых быстроходных кораблей Молодых Королевств. Не в первый раз стояли они в потайных гротах и не в последний (но это уже совсем другая история).

В эти дни боевые галеры Имрирра редко выходили в открытое море, но раньше они неустанно бороздили океанские просторы, держа в страхе весь мир. В те времена у Мельнибонэ было больше двухсот галер, а сейчас осталось всего сорок, но и сорока галерам ничего не стоило расправиться с сотней пиратских суденышек.

Вдыхая сырой воздух, вслушиваясь в плеск волн, Эльрик думал о том, что составил неудачный план битвы. Он не сомневался, что они победят, но сожалел о тех мельнибонийцах и варварах, которые погибли в бою. Быть может, ему следовало не устраивать корсарам западню, а каким-то образом отпугнуть их.

Южные варвары были далеко не первыми, кто польстился на несметные сокровища Имрирра Прекрасного. Южные варвары были далеко не первыми, кто решил, что мельнибонийцы окончательно деградировали и не смогут защитить Город Мечты. Южные варвары будут наказаны в назидание остальным! Империя Мельнибонэ сохранила свою силу! По мнению Йиркана, империя была достаточно могущественна, — если не солдатами, то колдовством, — чтобы вновь завоевать весь мир!

— Тихо! — Адмирал Магам Колим наклонился вперед, прислушался. — Не весло ли плеснуло по воде?

Эльрик кивнул.

— По-моему, да.

Плеск весел становился все слышнее. Скрипели деревянные мачты. Южные варвары вошли в лабиринт. «Сын Света» находился ближе других галер к входу и, соответственно, должен был первым начать боевые действия, но только после того, как в лабиринт войдет последний корабль корсаров. Магам Колим быстро подошел к мачте, загасил фонарь, затем спустился с капитанского мостика, чтобы отдать команде последние распоряжения.

Незадолго до этого Йиркан вызвал волшебный туман, скрывший золотые галеры от посторонних глаз, но позволявший видеть корабли противника, на палубах которых горели факелы, освещавшие темные воды извилистого канала. В течение нескольких минут мимо грота прошло десять пиратских суденышек. Магам Колим вернулся на капитанский мостик вместе с Йирканом. Голову принца украшал шлем в форме дракона, но не такой великолепный, как у Эльрика — главнокомандующего немногих Повелителей Драконов Мельнибонэ. В предвкушении предстоящей битвы Йиркан кровожадно усмехался. Эльрик не хотел, чтобы принц сражался с ним бок о бок, но не мог отказать ему в законном праве находиться на флагманской галере.

Теперь уже мимо грота прошло более полусотни кораблей корсаров. Йиркан нетерпеливо мерил шагами капитанский мостик; доспехи его слегка поскрипывали, рука в латной рукавице судорожно сжимала рукоять меча.

— Скоро, — все время повторял он. — Скоро.

А затем якорная цепь протяжно застонала, весла разом погрузились в воду, и золотая галера величественно заскользила к последнему из пиратских кораблей, ударив его в борт, расколов на две части.

Отчаянные крики матросов, падающих за борт, сотрясали воздух. В мрачном свете пляшущих факелов были видны люди, цеплявшиеся за остатки палубы. На палубу галеры упали пять-шесть копий, но имрирские лучники быстро добились несколько человек, оставшихся в живых.

Первые звуки сражения послужили сигналом для других боевых галер. Сохраняя идеальный строй, они неожиданно появились перед изумленными корсарами прямо из каменных стен по обеим сторонам тоннеля. Должно быть, варвары подумали, что на них напали демоны. Эхо, разносившее под темными сводами крики, стоны, звяканье металла о металл, напоминало злобное шипение огромной свирепой змеи. Да и сам флот корсаров был похож на змею, разорванную на десятки кусков безжалостными золотыми зверьми.

Но южные варвары не были трусами, и замешательство их длилось недолго. На «Сына Света» напали сразу три пиратских корабля. Зажженные стрелы взвились в воздух, посыпались на деревянные палубы золотой галеры. Кое-где возникли небольшие пожары, несколько мельнибонийских матросов погибли.

Эльрик поднял щит над головой; две горящие стрелы отскочили от него, упали вниз. Альбинос сбегал по трапу, встал во главе отряда воинов, подготовившихся дать бой приближающимся корсарам. Катапульты рявкнули; шары голубого огня полетели в темноту, но даже не задели пиратские корабли. Еще один залп... самый последний корабль вспыхнул, как спичка. Абордажные крючья впились в борт другого корабля, и Эльрик в числе первых перепрыгнул на его палубу, кинулся к капитану варваров, одетому в грубые доспехи, с двуручным мечом в руке, громко призывающему матросов расправиться с мельнибонийскими шелудивыми псами.

У капитанского мостика на альбиноса напали три корсара, вооруженные саблями и небольшими круглыми щитами. Лица их были искажены от страха: они понимали, что погибнут, но намеревались дорого продать свои жизни. Повесив боевой щит на плечо, Эльрик взял меч двумя руками, набросился на матросов, сбив одного с ног, убив второго ударом в горло. Клинок сабли блеснул перед глазами альбиноса, острое слегка задело его за щеку. Из царапины потекла кровь. Уклонившись от второго удара, Эльрик сделал выпад, пропорол варвару живот. Корсар с удивлением уставился на зияющую рану, словно не веря, что сейчас умрет. Затем глаза его закрылись, и он рухнул на палубу.

Человек, которого Эльрик сбил с ног, попытался встать, и альбинос рубанул с плеча, раскроил ему череп. Теперь путь на капитанский мостик был свободен. Эльрик начал подниматься по трапу, прикрывая голову щитом. Ему показалось, что сквозь шум битвы он слышит, как капитан кричит:

— Умри, белолицый демон! Умри! Тебе не место на нашей Земле.

Слова эти поразили альбиноса до глубины души, на мгновение ему действительно захотелось умереть. Возможно, капитан был прав. Возможно, именно по вине ныне царствующего императора, империя разваливалась, мельнибонийцы вырождались, драконы перестали размножаться. Он отразил удар мечом, подставив щит, попытался подрубить капитану ноги. Варвар быстро отскочил назад, и это дало Эльрику возможность быстро пробежать по последним ступенькам трапа и ступить на мостик. Лицо корсара было почти таким же бледным, как у альбиноса, по лбу его ручьями тек пот, в глазах застыло жалобное и вместе с тем испуганное выражение.

— Вам следовало оставить нас в покое, — словно издалека услышал Эльрик собственный голос. — Мы не причинили вам никакого вреда, варвар. Когда мельнибонийцы в последний раз воевали с Молодыми Королевствами?

— Вы вредите нам тем, что существуете, Белолицый. Вы — злые колдуны. Ваши обычаи бесчеловечны. Вы смотрите на всех свысока. Вы омерзительны.

— Значит, вы решили нас уничтожить потому, что чувствуете к нам отвращение? Или вас прельстило наше богатство? Не обманывай ни себя, ни других, капитан: только алчность привела вас в Мельнибонэ.

— По крайней мере, алчность присуща любому человеку, ее можно понять. А вы — нелюди. Хуже того, вы ведете себя так, будто вы боги, а на самом деле вам до них далеко. Ваши дни сочтены. Вас необходимо уничтожить, а город ваш стереть с лица Земли.

Эльрик кивнул.

— Возможно, ты прав, капитан.

— Конечно, я прав. Наши священники проклинают вас, наши мудрецы предсказывают, что вы погибнете. Вас погубят те самые Повелители Хаоса, которым вы служите.

— Повелители Хаоса давно уже не интересуются делами Мельнибонэ. Они перестали оказывать нам помощь более тысячи лет назад. — Эльрик внимательно наблюдал за капитаном, прикидывая разделявшее их расстояние. — Возможно, по этой причине мы и лишились бывшего могущества. А может, мы просто устали от сознания собственной силы.

— Пусть будет так, — сказал капитан, вытирая пот со лба. — Как бы то ни было, время ваше истекло; с вами и вашим колдовством пора покончить раз и навсегда... — Он громко застонал, глядя на лезвие меча, пронзившего ему грудь.

Встав на одно колено, альбинос вытащил лезвие из раны, молча глядя на внезапно осунувшееся лицо капитана.

— Ты поступил нечестно, Белолицый, — прошептал варвар. — Мы только начали разговаривать, а ты прервал беседу на самом интересном месте. Твое искусство выше всяких похвал. Пусть же дьявол заберет твою душу, чтобы мучилась она вечными муками. Прощай.

Эльрик посмотрел на труп варвара и, сам не зная почему, изо всех сил ударил его мечом по шее. Голова отделилась от туловища, покатила по мостику, ударилась о столбик перил ограждения, полетела вниз, в холодные глубокие воды.

А затем по трапу вскарабкался ухмыляющийся Йиркан.

— Ты свиреп и удачлив в бою, мой император! Варвар был прав!

— Прав? — Эльрик, сверкая глазами, уставился на своего двоюродного брата. — Прав?!

— Ну, конечно! Твое искусство выше всяких похвал! — и, хохоча во все горло, Йиркан спустился на палубу к мельнибонийцам, которые добивали оставшихся в живых корсаров.

Эльрик никогда не давал себе отчета в том, почему раньше он никак не реагировал на злобные выходки Йиркана, но сейчас он вдруг понял, что ненавидит принца лютой ненавистью. В эту минуту император Мельнибонэ с наслаждением убил бы своего брата, который словно заглянул ему в душу, а затем плюнул в нее. Внезапно Эльрик с необычайной остротой ощутил свое ничтожество и горько пожалел,

что он — мельнибониец, император, и что Йиркан родился на свет.

Глава шестая

Подобно левиафанам, золотые галеры плыли среди обломков пиратских кораблей. Некоторые из них еще горели, другие — тонули, но большинство давно погрузились в неизмеримые глубины морского канала. Причудливые гигантские тени плясали на сырых каменных стенах, словно отдавая салют душам погибших воинов перед тем, как они опустятся на дно, где, как утверждали, все еще правил один из Повелителей Хаоса, набравший на затонувшие корабли команды из моряков, погибших в морских сражениях. А может, их ожидала не такая печальная судьба, и им придется служить Страаше, Повелителю духов воды, которые распоряжались водной стихией, но не имели отношения к неизведанным глубинам и дну морей и океанов.

Но несколько кораблей вырвались из западни. Каким-то чудом утлые суденышки развернулись, вышли в открытое море. Об этом доложил Эльрику, Магаму Колиму и принцу Йиркану, вновь стоявшим на мостике флагманской галеры, один из капитанов.

— Мы должны догнать и уничтожить их! — вскричал Йиркан. Лицо принца лоснилось от пота, щека нервно дергалась, глаза лихорадочно блестели. — Скорее в погоню!

Эльрик пожал плечами. Он сильно ослаб, так как не взял с собой трав, которые принимал регулярно. Ему хотелось вернуться в Имрирр и как следует отдохнуть. Он устал от кровопролития, устал от Йиркана, но больше всего он устал от самого себя. Ненависть, которую альбинос чувствовал сейчас к своему двоюродному брату, тоже подтачивала его силы, и он ненавидел себя за свою ненависть, а это было хуже всего.

— Нет, — сказал он. — Пускай живут.

— Пускай живут? Оставить их действия безнаказанными? О чем ты говоришь, мой император! Это — нарушение наших обычаев. — Йиркан повернулся к Магаму Колиму. — Ведь это — нарушение обычаев, адмирал?

Магам Колим пожал плечами. Он тоже устал и хотел вернуться в Имрирр, хотя в глубине души был согласен с Йирканом. Враги Мельнибонэ должны быть наказаны, даже если они осмелятся помыслить о нападении на Город Мечты. Магам Колим сухо ответил:

— Я сделаю то, что прикажет мне император.

— Пускай живут, — повторил Эльрик и тяжело облокотился о перила ограждения. — Пускай вернутся в свои варварские страны и расскажут всем, как Повелители Драконов уничтожили их жалкий флот. Я думаю, корсары надолго оставят нас в покое.

— В Молодых Королевствах слишком много дураков, — ответил Йиркан. — Нас никогда не оставят в покое. Самый лучший способ проучить их — уничтожить всех корсаров до единого.

Эльрик глубоко вздохнул, с трудом справляясь с охватившей его слабостью.

— Принц Йиркан, ты испытываешь мое терпение.

— Мой император, я думаю только о благополучии Мельнибонэ. К тому же я ни от кого не хочу выслушивать, что, по слабости своей, император испугался вступить в бой с пятью пиратскими суденышками.

На этот раз Эльрик разозлился до такой степени, что почувствовал прилив сил.

— Кто скажет, что император испугался? Быть может, ты, Йиркан? — Следующую фразу он произнес в сердцах, сам не понимая, как она вырвалась у него. — Хорошо, мы догоним корсаров, потопим их корабли. Чем скорее, тем лучше. И хватит об этом. Я устал.

Глаза Йиркана загадочно блеснули. Он отвернулся и громким голосом начал отдавать распоряжения матросам.

Когда мельнибонийский флот вышел из лабиринта, небо посветлело. Адмирал Магам Колим взял курс на Кипящее Море, за которым лежали страны южных варваров. Корсары никогда не осмелятся пересечь Кипящее Море — это не удавалось ни одному смертному, — они обогнут его с западной стороны.

Вернее, им не удастся его обогнать, потому что их догонят быстроходные боевые галеры Мельнибонэ. Сидевшим на веслах рабам дали выпить настой трав, который утроит их силы на несколько часов, после чего они умрут. Паруса наполнились попутным ветром. Величественные золотые крепости, казалось, скользили по морю; секрет их постройки не знали даже мельнибонийцы, растерявшие часть волшебных знаний своих великих предков. Глядя на галеры, словно пришедшие на Землю из иного мира, легко было представить себе, как должны были ненавидеть мельнибонийцев люди из Молодых Королевств.

Скоро корабли южных варваров показались на горизонте. «Сын Света» оторвался от галер флота на почтительное расстояние, и сейчас рабы, потев от страха, готовили катапульты к бою, осторожно черпая ложками воспламеняющуюся жидкость и наливая ее в бронзовые шары.

Другие рабы накрыли на стол на капитанском мостике, подали трем Повелителям Драконов вино, пищу на платиновых тарелках. Эльрик настолько ослаб, что не смог проглотить ни кусочка, но с жадностью выпил большой кубок крепкого желтого вина. Глаза его заблестели, он почувствовал прилив сил. Он налил себе второй кубок, выпил вслед за первым. На горизонте появилась небольшая полоска света: разгоралась заря.

— Как только взойдет солнце, — сказал альбинос, — начинайте обстреливать корсаров из катапульт.

— Пойду, распоряжусь. — Магам Колим вытер губы, положил на тарелку обглоданную кость, встал из-за стола. Эльрик слышал, как он тяжело спускается по трапу. Горькое чувство обиды охватило альбиноса: он подумал о том, что окружен врагами. Когда Йиркан с ним спорил, поведение адмирала было более чем странным. Эльрик вздрогнул, попытался выкинуть глупые мысли из головы. Но усталость, недовольство собой, издевательское отношение к нему Йиркана, которое принц не скрывал, вновь заставили его почувствовать свое одиночество. Даже Каймориль и Дайвим Твар не могли понять причин, побуждающих императора действовать вопреки сложившимся традициям. Возможно, самым лучшим для него выходом будет отказаться от всего, что связывало его с Мельнибонэ, и стать скитальцем, обычным наемником, предлагающим свои услуги тем, кто в них нуждается.

Тусклый красный полукруг солнца осветил черную полосу воды на горизонте. Катапульты рывкнули, бронзовые шары со свистом — постепенно затихающим — рассекали воздух. Казалось, дюжина метеоров летела по небу к пяти суденышкам, находившимся на расстоянии всего в несколько сот футов от преследующей их галеры.

Два пиратских корабля вспыхнули; три оставшихся успели поменять курс. Бронзовые шары упали в море, загорелись и пошли ко дну, продолжая гореть в воде.

Рабы лихорадочно наполняли воспламеняющейся жидкостью следующую партию снарядов; Йиркан кричал на них с капитанского мостика, приказывая поторопиться. А затем корсары изменили тактику. Видимо, они поняли, что спастись от преследования невозможно, и поэтому, разойдясь в разные стороны, пошли на сближение с «Сыном Света», совсем как те корабли, которые напали на флагманскую галеру в лабиринте. Эльрик пришел в восхищение не только от их отваги, но и от искусства, с которым они маневрировали, и от той быстроты, с которой они приняли единственно верное решение, не дававшее им, впрочем, ни одного шанса на спасение.

Катапульты вновь рывкнули, два бронзовых шара упали на один из кораблей, мгновенно запыхавший ярким факелом. Горящие люди прыгали в воду. Горящие люди стреляли из луков по флагманской галере. Горящие люди падали с мачт. Горящие люди погибали, но горящий корабль продолжал идти вперед: кто-то из матросов намертво закрепил румпель, направив судно прямо на «Сына Света». Горящий корабль ударился в золотой борт; огонь перекинулся на деревянные палубы галеры как раз в том месте, где находились катапульты. Бронзовая бочка с воспламеняющейся жидкостью вспыхнула; матросы и рабы кинулись к ней со всех ног, пытаясь загасить пожар. Эльрик усмехнулся. Наверняка, варвары намеренно подставили свой корабль под огненный снаряд. Они рассчитали верно: в то время как большая часть команды галеры тушила пожар, два других корабля взяли мельнибонийцев на abordаж.

— Корсары на борту! — вскричал Эльрик, сожалея, что задумался о своем и вовремя не предупредил имрирцев об опасности. — Варвары атакуют!

Йиркан резко повернулся, в мгновение ока оценил обстановку, кинулся вниз по трапу.

— Оставайся здесь, мой император! — крикнул он Эльрику через плечо. — Ты слишком ослаб и не сможешь принять участие в битве!

Призвав на помощь все свои силы, альбинос пошел вслед за Йирканом, чтобы помочь защитникам галеры.

Корсары сражались не для того, чтобы победить: они понимали, что, в конечном итоге, это невозможно. Сражаться их заставляло чувство гордости. Им хотелось захватить хотя бы одну мельнибонийскую галеру, тем более — флагманскую. Таких людей трудно было презирать. Они знали, что скоро к месту морского боя подойдут другие галеры и мечтали только об одном: как можно дороже продать свои жизни.

На Эльрика напали сразу два варвара, вооруженные саблями и небольшими круглыми щитами. Он бросился в атаку, но доспехи, казалось, пригнули его к палубе, а щит и меч были такими тяжелыми, что он с трудом их поднял. Два кривых клинка одновременно ударили по его шлему. Эльрик сделал шаг назад, пронзил руку одному корсару, оттолкнул щитом второго. Клинок сабли зазвенел, отскочив от нагрудной пластины, и альбинос едва удержался на ногах. Из-за густого дыма почти ничего не было видно, раскаленный воздух обжигал легкие, отовсюду доносились крики и стоны. В полном отчаянии Эльрик очертил мечом полукруг, почувствовал, как лезвие вошло во что-то мягкое. Один из варваров упал, захлебнувшись собственной кровью; альбинос поскользнулся о его труп, сумел удержать равновесие только опустившись на одно колено, вытянув вторую ногу назад. Торжествуя победу, оставшийся в живых корсар кинулся к нему, наткнулся на острие меча, который Эльрик выставил перед собой. Варвар покачнувшись, упал на альбиноса, но тот ничего не почувствовал. Император Мельнибонэ потерял сознание. Болезненная кровь предавала его каждый раз, когда он не принимал лекарств вовремя.

Почувствовав на губах привкус соли, он решил, что это — кровь, и открыл глаза. Он ошибся. Волна, прокатившаяся по палубе, привела его в чувство. Он попытался выбраться из-под трупа варвара, но не смог пошевелиться. Затем он услышал знакомый голос и повернул голову.

Принц Йиркан стоял на палубе и ухмылялся во весь рот. Он наслаждался беспомощным состоянием Эльрика. Густой черный дым по-прежнему висел в воздухе, но шум битвы затих.

— Мы... мы победили, брат? — с трудом выговаривая каждое слово, спросил Эльрик.

— Да. Перебили всех варваров до единого. Сейчас возвращаемся в Имрирр.

Эльрик облегченно вздохнул. Если в ближайшее время он не примет своих целебных трав, то начнет медленно умирать.

Видимо, Йиркан понял, о чем подумал альбинос. Он злобно рассмеялся.

— Хорошо, что битва так быстро закончилась. Еще немного, и мы остались бы без нашего императора.

— Помоги мне встать, брат. — Эльрик ненавидел себя за то, что обратился к Йиркану с просьбой, но у него не было выхода. Он протянул руку. — У меня хватит сил, чтобы осмотреть галеру.

Йиркан сделал шаг вперед, остановился, задумчиво посмотрел на протянутую руку Эльрика, усмехнулся.

— Мой император, я вынужден с тобой не согласиться. Ты умрешь, прежде чем мы достигнем Имрирра.

— Глупости. Я могу жить без лекарственных трав долгое время, хотя двигаться мне трудно. Я приказываю тебе, Йиркан: помоги мне встать.

— Ты не можешь мне приказывать, Эльрик, Видишь ли, теперь император Мельнибонэ — это я!

— Остерегись, брат. Я мог бы простить тебе предательство, но мои приближенные не позволят мне этого сделать. Я вынужден буду...

Йиркан перешагнул через Эльрика, подошел к перилам ограждения борта. Одна из секций, которая обычно открывалась для спуска трапа, прикреплялась к ограждению четырьмя болтами. Йиркан медленно вывернул болты, ударом ноги скинул секцию в море.

Эльрик отчаянно пытался освободиться, но был настолько слаб, что не смог даже пошевелиться. В Йиркана же, казалось, вселился могущественный демон. Словно пушинку поднял он лежавший на альбиносе труп варвара и отшвырнул его в сторону.

— Йиркан, — сказал Эльрик, — ты делаешь глупость.

— Я никогда не был осмотрительным человеком, брат, и тебе об этом прекрасно известно. — Кончиком сапога Йиркан подтолкнул альбиноса к отверстию в заграждении.

Эльрик заскользил по палубе, увидел внизу черное волнующееся море.

— Прощай, мой бывший император. Теперь на Рубиновом Троне будет сидеть истинный мельнибониец. И кто знает, может, он сделает Каймориль своей императрицей? Такое уже случилось...

А затем Эльрик почувствовал, что летит в пустоту. Он ударился о воду; тяжелые доспехи потянули его вниз. Последние слова Йиркана вновь и вновь звучали у него в ушах, напоминая настойчивый плеск волн по золотым бортам галеры.

КНИГА ВТОРАЯ

Окончательно потеряв уверенность в себе, не зная, что ждет его в будущем, император-альбинос должен теперь воспользоваться своими колдовскими силами, а значит, поступиться принципами, которые определяли всю его жизнь. Но другого выхода у него нет. Он обязан стать властным. Он обязан стать жестоким. Но и это не принесет ему успокоения...

Глава первая

Эльрик быстро шел ко дну, отчаянно стараясь задержать дыхание. У него не было сил, чтобы плыть, а тяжелые доспехи не позволяли ему продержаться на поверхности до тех пор, пока его заметит Магам Колим или кто-нибудь из преданных слуг.

Рев в его ушах постепенно затихал, превращаясь в еле слышное бормотание, похожее на голоса водных духов, с которыми он подружился еще в юности. Легкие у него тоже перестали болеть; красный туман, застилавший глаза, рассеялся. Ему показалось, что он видит лица Садрика, Каймориль, Йиркана. Глупый Йиркан: хоть принц и кичился своим мельнибонийским происхождением, в нем отсутствовала утонченность, присущая всем мельнибонийцам; нрав его был таким же прямым и грубым, как у тех варваров из Молодых Королевств, которых он презирал... Внезапно Эльрик подумал о том, что должен быть благодарен своему двоюродному брату. Жизнь закончилась. Страх, ненависть, мучения, любовь остались в прошлом, а будущее сулило благостное забвение. Он перестал задерживать дыхание, расслабился, отдал всего себя целиком морю и Повелителю водных стихий Страаше, который когда-то был близким другом императоров Мельнибонэ. И внезапно он вспомнил старое заклинание, с помощью которого его предки вызывали Страашу, и заклинание это с необычайной силой вспыхнуло в его умирающем мозгу.

На Землю жизнь пришла из моря,
О, Повелители морей,
Живете вы, не зная горя,
Не ведая людских страстей.

Но дружба наша неизменна,
Прошу помочь мне в этот час,
Соленой кровью в наших венах
Я заклинаю вас сейчас.

Страаша, общий враг наш, может
Порвать связующую нить,
Он море хочет уничтожить
И судьбы наши изменить.

Быть может, слова заклинания, имели какой-нибудь мистический смысл, а может, они относились к определенному периоду мельнибонийской истории, о котором даже Эльрик ничего не знал. Тем не менее он вновь и вновь повторял про себя эти слова, не понимая их значения, а тело его тем временем погружалось в зеленые глубины. Тьма навалилась на него, легкие наполнились водой. Как странно, что он умер, но все еще продолжает слышать заклинание...

Казалось, прошло много времени, прежде чем глаза его опять открылись, и он увидел скользящие навстречу ему туманные фигуры, а впереди них — существо с бирюзовыми волосами и бородой, бледно-зелеными глазами и кожей, ничем не отличающимися по цвету от морской воды. Существо улыбнулось Эльрику, заговорило. Голос его напоминал шум прибоя.

— Ты позвал Страашу, и он пришел, смертный. Невидимой нитью связаны наши судьбы. Помогая тебе, я помогаю сам себе. Чего ты хочешь?

Вода заполнила рот Эльрика, но ему нетрудно было разговаривать, а это доказывало, что он спит.

— Страаша. Когда я был маленьким, я видел тебя на картинах в библиотеке в башне Д'Арпутна. Страаша.

Морской царь протянул к альбиносу зеленые руки.

— Да. Ты позвал меня. Тебе нужна наша помощь. Мы свято чтим договор, заключенный с твоими предками.

— Я не хотел тебя звать. Мой умирающий мозг случайно вспомнил слова заклинания. Я счастлив, что утонул, Повелитель Страаша.

— Этого не может быть. Если твой мозг позвал нас, значит ты хочешь жить. Мы поможем тебе. — Подводное течение разведало бирюзовую бороду Страаши; морской царь ласково, чуть ли не с нежностью смотрел на альбиноса.

Эльрик закрыл глаза.

— Я сплю. Я фантазирую, обманываю сам себя. — Альбинос знал, что не дышит, что в легких у него вода. Значит, он умер. — Но если б ты не был плодом моего воображения, старый друг, и действительно согласился бы помочь мне, я попросил бы тебя перенести меня в Мельнибонэ, чтобы я смог расправиться с узурпатором, Йирканом, и спасти Каймориль. Я сожалею только об одном: Каймориль ждут нескончаемые мучения, если ее брат станет императором.

— И это все, о чем ты просишь духов воды? — разочарованно спросил Страаша.

— Я ни о чем не прошу. Я лишь сообщаю тебе, в чем заключалось бы мое желание, если б все происходящее не являлось моей фантазией, и я мог бы разговаривать. А сейчас я умру.

— Этому не бывать, император Эльрик, Наши судьбы действительно переплетены воедино, и я знаю, что твое время еще не пришло. Я сделаю то, о чем ты меня просишь.

Эльрик был поражен. Он никогда не подозревал, что галлюцинация может быть так похожа на действительность. «Какую жестокую пытку я устроил сам себе, — подумал он. — Как, должно быть, мне не хочется сознавать, что я умер».

— Ты будешь жить. — Морской царь бережно взял Эльрика на руки, понес по извилистым коралловым коридорам, где дул прохладный ветерок и переливался мягкий свет. Эльрик почувствовал, как вода исчезла из его желудка и легких. Возможно ли, что он попал в легендарное измерение духов стихий, пересекающееся с измерением Земли?

В большой полукруглой пещере, розовые стены которой были украшены бесценными жемчужинами, морской царь положил альбиноса на пол, покрытый тончайшим белым песком, пружинившим под ногами.

Когда Страаша двигался, казалось, шумит ласковый прибой, лениво накатывающийся на берег. Морской царь сел на молочно-белый нефритовый трон, стоявший посередине пещеры, подпер зеленую голову зеленым кулаком, с любопытством, но доброжелательно посмотрел на Эльрика.

Альбинос все еще был очень слаб, но дышалось ему легко. У него появилось ощущение, что морская вода очистила его от всего плохого. Он мыслил ясно, отчетливо и начал сомневаться в том, что спит.

— Мне все еще непонятно, почему ты меня спас, Повелитель Страаша, — пробормотал он, продолжая лежать на том месте, куда положил его морской царь.

— Мы услышали заклинание и пришли. Все очень просто.

— Да, но я думал, помимо заклинаний для колдовства необходимо исполнение определенных ритуалов. По крайней мере раньше заклинания всегда читали нараспев и при этом чертили на полу определенные знаки.

— Быть может, острая необходимость заменяет любые ритуалы. Хотя ты и выразил желание умереть, было совершенно очевидно, что ты себя обманываешь. Мы никогда не услышали бы тебя сразу и необычайно отчетливо, если б ты действительно не хотел жить. Не думай об этом. Когда ты отдохнешь, мы выполним твою просьбу.

Чувствуя ломоту во всем теле, Эльрик приподнялся на локте, потом сел, скрестив ноги.

— Ты говоришь, что наши судьбы переплетены воедино. Значит, ты знаешь, какая судьба меня ждет?

— Кое-что знаю, император Эльрик. Наш мир состарился. Когда-то духи стихий были всемогущи в вашем измерении и во многом помогали мельнибонийцам. Теперь же и вы, и мы утратили былое могущество. На Земле происходят перемены. Судя по некоторым признакам, Повелители Высших Измерений вновь заинтересовались вашим миром. Возможно, они боятся, что люди из Молодых

Королевств забудут об их существовании. Возможно, появление людей на Земле знаменует начало новой эры, где нет места ни богам, ни таким существам, как я. Мне кажется, Повелители Хаоса и Повелители Закона несколько обеспокоены таким положением дел.

— Больше ты ничего не знаешь?

Страаша поднял голову, посмотрел Эльрику в глаза.

— Больше я ничего не могу тебе сказать, сын моих старых друзей. Но если ты покоришься своей судьбе, когда поймешь, что тебя ждет, тебе будет легче жить на свете.

Эльрик вздохнул.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Повелитель Страаша. Постараюсь последовать твоему совету.

— Ну, что ж. Теперь ты отдохнул, и нам пора трогаться в путь.

Морской царь поднялся с молочно-белого нефритового трона, подошел к альбиносу, вновь бережно взял его на руки.

— Прежде чем твоя жизнь закончится, мы встретимся еще раз, Эльрик, — сказал он. — Надеюсь, я опять смогу оказать тебе помощь. И помни, что мои братья, духи воздуха и огня, тоже готовы тебе служить. Не забудь и о зверях, которые способны выручить тебя в трудную минуту. Они помогут тебе бескорыстно. Но бойся богов, Эльрик. Повелители Высших Измерений ничего не делают даром...

И вновь они очутились в коралловых тоннелях. Страаша мчался с такой скоростью, что временами Эльрик не понимал, где он находится: в измерении духов стихий или на Земле. За все путешествие морской царь не вымолвил ни слова.

Глава вторая

Странные облака самых причудливых форм неслись по небу, изредка обнажая большое красное солнце. Золотые галеры скользили по морю, а за ними медленно шел «Сын Света», Мертвые рабы лежали рядом с веслами; порванные паруса обвисли; на полуразрушенном капитанском мостике стоял новый император Мельнибонэ, единственный человек во всем флоте, кто пребывал в прекрасном расположении духа. На мачте «Сына Света» теперь развевался флаг с гербом Йиркана: принц не стал долго ждать и объявил Эльрика погибшим в бою, а себя — императором Мельнибонэ.

Странное небо Йиркан воспринял, как хорошее предзнаменование: наконец-то Мельнибонэ возвратит себе былое могущество. Отдавая распоряжения громовым голосом, принц сиял от счастья, и Магам Колим, всегда с уважением относившийся к Эльрику, а сейчас вынужденный исполнять приказания Йиркана, серьезно подумывал, не поступить ли ему с Йирканом так же, как Йиркан (в чем адмирал не сомневался) поступил с Эльриком.

Дайвим Твар стоял на корме своей галеры, «Богине Теркали», и тоже смотрел на странное небо, но в отличие от Йиркана он считал это дурным предзнаменованием. Дайвим Твар был глубоко опечален гибелью Эльрика и вынашивал планы мести Йиркану, если будет доказано, что принц убил своего брата для того, чтобы беспрепятственно взойти на Рубиновый Трон.

На горизонте показался Остров Драконов — темное пятно неправильной формы, — зовущий мельнибонийцев в свою утробу, где их ждали наслаждения, которые можно было получить только в Городе Мечты. Вскоре они оказались у ворот лабиринта, и золотые галеры одну за другой поглотила тьма каналов, — там все еще плавали обломки кораблей и белые вздутые трупы южных варваров. Никто не радовался победе над врагом, ведь мельнибонийцы потеряли в бою своего императора. Теперь на протяжении семи дней и семи ночей в Городе Мечты будет исполняться ритуал под названием «Дикий Танец». Все мельнибонийцы выпьют настой трав, чтобы не спать, ибо каждый, и стар, и млад, должен бодрствовать и оплакивать своего погибшего императора. Обнаженные Повелители Драконов будут бродить по городу, оплодотворяя — согласно традиции — всех молодых женщин, которые встретятся им на пути, чтобы они могли родить как можно больше детей благородной крови. Многих рабов убьют и съедят; одна из башен будет снесена, а на ее месте выстроена другая, и назовут ее именем Эльрика VIII, императора-альбиноса, который погиб в морском бою, защищая Мельнибонэ от южных варваров.

Он погиб в морском бою, и тело его исчезло в волнах, а это не предвещало ничего хорошего, потому что теперь Эльрику придется служить Пийрайе, Богу Хаоса, хранителю самых страшных тайн, пребывающему на дне морском в виде спрута с тысячами щупалец; Повелителю флота Хаоса — затонувших кораблей под управлением мертвых матросов. «Просто непостижимо, — думал Дайвим Твар, — что такая печальная судьба постигла одного из гордых императоров Мельнибонэ». Он любил Эльрика, хоть и не всегда одобрял его поведение. Сегодня вечером, решил Дайвим Твар, он отправится в Пещеры и проведет всю ночь со спящими драконами — единственными оставшимися у него близкими существами, — оплакивая альбиноса. А затем Дайвим Твар вспомнил Каймориль, ожидавшую возвращения своего суженого.

Золотые галеры вошли в гавань. Наступил вечер. Набережные Имрирра, освещенные факелами, были пустынные; на причале рядом с небольшой каретой стояла группа людей: Каймориль в сопровождении своей охраны пришла встретить Эльрика. Дул холодный ветер.

Галеры остановились на почтительном расстоянии от причала, ожидая, пока пришвартуется флагман «Сын Света». Если бы не этот древний обычай, Дайвим Твар сошел бы на берег первым, увел бы Каймориль и рассказал бы ей все, что ему было известно о смерти Эльрика. К сожалению, он не имел такой возможности. «Богиня Теркали» едва успела бросить якорь, как с борта «Сына Света» был спущен трап, и торжествующий Йиркан, пыжась от гордости, сошел на причал, триумфально салютуя двумя поднятыми руками своей сестре.

Внезапно Каймориль с необычайной ясностью ощутила, что Эльрика нет в живых, и мгновенно заподозрила Йиркана в том, что он причастен к смерти любимого ею человека. Либо Йиркан бросил Эльрика в бою, либо сам убил его, дождавшись подходящего случая. Каймориль хорошо знала своего

брата, который особенно гордился собой, когда ему удавалось кого-нибудь предать. Ее полные слез глаза гневно засверкали; откинув голову, она закричала, глядя на странное, грозное небо:

— О, горе! Йиркан погубил его!

Охранники, как по команде, вздрогнули. Капитан стражи заботливо спросил:

— Что ты сказала, принцесса?

— Он мертв, и этот... мой брат убил его. Арестуйте принца Йиркана, капитан. Убейте принца Йиркана!

Капитан неуверенно положил руку на рукоять меча. Вид у него был несчастный. Молодой воин, давно и безнадежно влюбленный в Каймориль, выхватил меч из ножен, страстно пробормотал:

— Я убью его, принцесса, если на то будет твоя воля.

Капитан бросил на своего подчиненного предостерегающий взгляд, оставшийся незамеченным.

Еще двое воинов выхватили мечи, глядя на приближающегося Йиркана. Принц плотно запахнулся в алую мантию, глаза его горели.

— Теперь Йиркан — император! — вскричал он, и шлем в форме дракона качнулся, заблестел в свете факелов.

— Нет! — в отчаянии воскликнула Каймориль. — Эльрик, Эльрик, где ты?

— На дне морском. Он служит своему новому господину, Повелителю Хаоса, Пийрайе. Его мертвые руки держат штурвал затонувшего корабля. Его мертвые глаза ничего не видят. Его мертвые уши слышат лишь удары хлыста Пийрайи, а его мертвая плоть ничего не чувствует, даже тяжести доспехов, в которых он утонул.

— Убийца! Предатель!

Капитан, человек практичный, тихо сказал своим воинам:

— Вложите мечи в ножны и приветствуйте нового императора.

Ему не подчинился лишь стражник, безумно влюбленный в Каймориль.

— Но он убил нашего императора! Так сказала принцесса!

— Что с того? Теперь Йиркан — император. Преклони перед ним колена, или ты умрешь.

Дико вскрикнув, молодой воин бросился на Йиркана, никак не ожидавшего нападения. Принц отпрянул, пытаясь высвободить из-под мантии руки.

В мгновение ока капитан стражи выхватил меч из ножен, прыгнул, нанес сильнейший удар. Воин покачнулся, судорожно вздохнул, упал, бездыханный, к ногам Йиркана.

Поступок капитана явился подтверждением власти узурпатора. Злобно усмехнувшись, он посмотрел на лежащий перед ним труп. Капитан упал на колени, продолжая держать в руках окровавленный меч.

— Мой император! — вскричал он.

— Ты доказал свою преданность, капитан.

— Я служу Рубиновому Трону.

— Ты хорошо ему служишь.

Два противоречивых чувства, печаль и ярость, боролись в душе Каймориль, но она была бессильна что-либо изменить. У нее совсем не осталось друзей.

Гнусно ухмыляясь, император Йиркан подошел вплотную к своей сестре. Он похотливо погладил ее по щеке, по губам, по шее, затем рука его скользнула вниз, словно невзначай задела девичью грудь.

— Сестра, — сказал он, — ты в полной моей власти.

Каймориль потеряла сознание.

— Отнесите ее в башню, — распорядился Йиркан, — и не спускайте с нее глаз. Даже в самые

интимные минуты два человека должны наблюдать за ней, ибо она может замыслить недоброе.

Капитан поклонился, сделал знак стражникам.

— Слушаюсь, мой император. Все будет исполнено.

Йиркан оглянулся, уставился на тело мертвого воина.

— Сормите эту пададь ее рабам, чтобы он и после смерти продолжал служить ей. — Он улыбнулся.

Капитан тоже улыбнулся, оценив шутку. Он был рад, что наконец-то в Мельнибонэ появился настоящий император. Император, который знал, как должно себя вести; император, который умел наказывать врагов и награждать верных друзей. Капитан с восторгом подумал о тех золотых днях, которые настанут в Мельнибонэ. Золотые галеры вновь распускают паруса и нагонят страх на выскочек из Молодых Королевств. В уме своем капитан считал добычу, которая достанется ему после взятия таких варварских городов, как Лормир, Аргимильяр, Пикрейд, Ильмиора, Джадмар. Быть может, император наградит его за верную службу и сделает когда-нибудь, скажем, наместником Острова Пурпурных Городов. Какие восхитительные пытки придумает он знаменитым корсарам, в частности, графу Смиоргану Лысому, осмелившемуся сделать свой остров таким же, как Мельнибонэ, торговым центром. Глядя на безжизненное тело Каймориль, которую несли стражники, капитан внезапно почувствовал возбуждение. Йиркан, вне всяких сомнений, наградит его за преданность. Несмотря на холодный ветер капитана прошиб пот. Он сам будет охранять принцессу. И ни на секунду не спустит с нее глаз.

Маршируя во главе отряда, Йиркан неторопливо приближался к башне Д'Арпутна, откуда мельнибонийские императоры испокон веков управляли своими подданными, восседая на Рубиновом Троне. Йиркан отказался сесть в паланкин, принесенный рабами, и пошел пешком, намереваясь в полной мере насладиться своим триумфом. Он приближался к башне Д'Арпутна, стоявшей в центре города, как к любимой женщине: предвкушая наслаждение, не спеша, зная, что она все равно принадлежит ему и только ему.

Император оглянулся. Чуть впереди отряда шли Магам Колим и Дайвим Твар. Люди, высыпавшие на улицы, кланялись Йиркану в пояс. Рабы падали перед ним ниц. Всадники заставляли лошадей преклонять колена. Вкус власти был слаще любого самого экзотического блюда. Йиркан глубоко дышал. Воздух тоже принадлежал ему. Весь Имрирр был его собственностью. Вся империя Мельнибонэ. Скоро весь мир будет у его ног. И он отомстит. О, как он отомстит! Земля содрогнется от ужаса; страх будет править сердцами людей!

В экстазе, почти ничего не замечая вокруг, император Йиркан вошел в башню Д'Арпутна. У дверей в тронный зал он остановился, сделал знак слугам, распахнувшим двери настежь. Йиркан переступил через порог, медленно, подолгу задерживая взгляд на каждой детали, обвел зал глазами. Стены, знамена, трофеи, галереи принадлежали ему одному. Тронный зал был пуст, но вскоре здесь зазвучит смех, засверкают богатые наряды, придворные будут развлекаться, согласно древним мельнибонийским традициям. Слишком много времени прошло с тех пор, как в воздухе тронного зала сладко пахло кровью. Йиркан позволил себе перевести взгляд на хрустальную лестницу, ведущую к Рубиновому Трону, ступенька за ступенькой, все выше и выше... Внезапно Дайвим Твар, стоявший позади Йиркана, глухо вскрикнул. Принц невольно посмотрел на трон, и рот его приоткрылся, а глаза, казалось, вылезли из орбит.

— Иллюзия!

— Дух, — не скрывая своего удовлетворения, сказал Дайвим Твар.

— Кошунство! — вскричал император Йиркан, делая несколько шагов вперед на негнущихся ногах, указывая пальцем на закутанную в плащ с капюшоном фигуру, сидевшую на Рубиновом Троне. — Он мой! Мой!

Фигура ничего не ответила.

— Мой! Изыди! Трон принадлежит Йиркану! Теперь Йиркан император! Кто ты? Зачем ты встал на моем пути?

Капюшон откинулся, обнажив мертвенно-бледное лицо в ореоле молочно-белых волос. Красные

глаза холодно уставились на невнятно визжащее, спотыкающееся на каждом шагу существо, приближающееся к хрустальной лестнице.

— Ты умер, Эльрик! Я знаю, что ты умер!

Дух ничего не ответил, но на губах у него зазмеилась ироническая улыбка.

— Ты не мог спастись! Ты утонул! Ты не имеешь права возвращаться из мертвых! Твоя душа принадлежит Пийрайе!

— В море правит не только Пийрайа, — сказал тот, кто сидел на Рубиновом Троне. — Почему ты убил меня, брат?

В полной растерянности, даже не понимая, что выдает себя с головой, Йиркан вскричал, в ужасе глядя на альбиноса:

— Потому что управлять Мельнибонэ должен я! Потому что ты был недостаточно силен, недостаточно жесток, недостаточно капризен!

— Неплохо я подшутил над тобой, верно, брат?

— Изыди! Изыди! Изыди! Я не дам привидению встать на моем пути! Мертвый император не может царствовать в Мельнибонэ!

— Посмотрим; — сказал Эльрик, делая знак Дайвиму Твару и его солдатам.

Глава третья

— Теперь я буду управлять государством так, как ты этого хотел, брат, — сказал Эльрик, глядя на солдат, которые схватили узурпатора и разоружили его.

Йиркан дышал, как загнанный зверь. Он быстро огляделся по сторонам, словно надеясь найти поддержку у воинов, но они смотрели на него либо равнодушно, либо с презрением.

— Ты будешь первым, кто испытает на себе силу моей власти. Надеюсь, ты доволен? — Йиркан задрожал всем телом, опустил голову. Эльрик рассмеялся. — Отвечай мне, брат!

— Пусть никогда не познаешь ты минуты покоя! Пусть душа твоя будет мучаться вечными муками, служа Ариоху и рыцарям Хаоса! — Йиркан откинул голову; глаза его бешено вращались, на губах выступила пена. — Ариох! Ариох! Прокляни этого жалкого альбиноса! Уничтожь его, если не хочешь, чтобы империя Мельнибонэ погибла!

Эльрик продолжал смеяться.

— Ариох не слышит тебя. В наши дни Хаос почти не имеет влияния на Земле. И такому слабому колдуну, как ты, никогда не удастся получить у Повелителей Мечей помощи, которую они оказывали нашим великим предкам. А теперь скажи мне, где Каймориль?

Йиркан угрюмо молчал, уставившись в пол.

— Она в своей башне, мой император, — произнес Магам Колим.

— Капитан ее личной стражи вызвался наблюдать за принцессой, — добавил Дайвим Твар. — Этот холуй собственноручно убил воина, который пытался защитить Каймориль. Боюсь, твоя суженая в опасности, мой император.

— Немедленно иди к ней. Возьми с собой отряд воинов. Приведи ко мне Каймориль и капитана.

— Как прикажешь поступить с Йирканом, сир?

— Он останется здесь до прихода сестры.

Дайвим Твар поклонился и покинул зал вместе со своими солдатами. Присутствующие обратили внимание, что шагал он легко, а выражение его лица было не таким хмурым, как тогда, когда он входил в башню Д'Арпутна вслед за Йирканом.

Йиркан поднял голову, недоуменно огляделся по сторонам. Какое-то мгновение он выглядел как обиженный ребенок, которого забыли покормить. В его взгляде не было ни злости, ни ненависти, и Эльрику невольно стало жаль своего брата. Усилием воли альбинос подавил в себе это чувство.

— Будь счастлив, брат, что в течение нескольких часов ты наслаждался всей полнотой власти, имел возможность по своему усмотрению распоряжаться судьбой каждого мельнибонийца.

— Как тебе удалось спастись? — тихим, удивленным голосом спросил Йиркан. — У тебя не было ни времени, ни сил, чтобы прибегнуть к колдовству. Ты едва шевелил руками и ногами, на тебе были тяжелые доспехи, ты не мог не пойти ко дну. Это нечестно, Эльрик. Ты должен был утонуть.

Альбинос пожал плечами.

— У меня много друзей в море. Они почитают кровь императоров, текущую в моих жилах, и, в отличие от тебя, признают мое право на Рубиновый Трон.

Йиркан попытался скрыть свое изумление, но у него ничего не вышло. Невольно он почувствовал уважение к Эльрику, хоть и продолжал ненавидеть его всеми силами своей души.

— Друзей? — переспросил он.

— Да. — Император-альбинос усмехнулся.

— Я... я думал, ты поклялся никогда не пользоваться своей волшебной силой.

— Но ведь ты первый говорил, что давать подобные клятвы недостойно императора Мельнибонэ. Вот видишь, Йиркан, тебе все-таки удалось меня победить!

Прищурившись, принц уставился на Эльрика, словно пытаясь найти в его словах скрытый смысл.

— Ты вернешь на Землю Повелителей Хаоса?

— Ни один, даже самый могущественный, волшебник не может вернуть Повелителей Хаоса, как, впрочем, и Повелителей Закона, если они этого не захотят. Ты это знаешь. Ты должен это знать, Йиркан. Разве ты не пытался вызвать Ариоха? И он не явился, верно? Скажи, получил ли ты от него бесценный подарок, о котором мечтал всю жизнь — два черных рунных меча?

— Ты и об этом знаешь?!

— Теперь знаю. Раньше я только догадывался.

Лицо Йиркана исказилось злобой. Он попытался что-то сказать, но из его горла вырвался хриплый звериный рык.

В тронный зал вошли Дайвим Твар и Каймориль.

Девушка была бледной и осунувшейся, но она улыбалась.

— Эльрик!

— Каймориль! С тобой все в порядке?

Она с отвращением посмотрела на капитана, которого ввели в зал солдаты Дайви́ма Твара, затем быстро отвела взгляд в сторону, кивнула.

— Да. Со мной все в порядке.

Капитан дрожал от страха. Он умоляюще посмотрел на Йиркана, словно надеясь, что пленный принц выручит его из беды. Но Йиркан угрюмо смотрел в пол.

— Подведите его ближе. — По знаку Эльрика капитана подтащили к подножью хрустальной лестницы. Он громко застонал. — До чего же ты смешон и жалок, — сказал альбинос. — По крайней мере у Йиркана хватило смелости посягнуть на мою жизнь. Тщеславие его не знало границ. Ты же стремился только к одному, стать холуем, и поэтому предал свою госпожу и убил своего солдата. Как тебя зовут?

Капитан с трудом сглотнул слюну. Прошептал, еле выговаривая слова:

— Вальгарик. Меня зовут Вальгарик. Что я мог сделать? Я служу Рубиновому Трону.

— Вот как? Предатель утверждает, что его поступками руководила преданность интересам государства. Я думаю, он лжет.

— Я клянусь, сир! Клянусь! — Капитан завыл, как волк, упал на колени. — Убей меня сразу. Не наказывай по-другому!

Сначала Эльрик так и собирался поступить, но потом передумал. Вальгарика необходимо было наказать в назидание всем остальным. И поэтому альбинос покачал головой.

— Нет, Сегодня ночью ты умрешь в тронном зале, согласно мельнибонийским традициям, в то время как мои подданные будут праздновать мое возвращение и веселиться по поводу того, что теперь настали новые времена.

Вальгарик зарыдал, затем вспомнил, что он — мельнибониец, поднялся на ноги. Низко поклонившись, он отступил на шаг.

— Я должен решить, как мне связать твою судьбу с тем, кому ты так рьяно служил. Скажи, как ты убил воина, который хотел выполнить приказание твоей госпожи?

— Я убил его быстро, сир. Одним ударом.

— А что стало с трупом?

— Принц Йиркан приказал мне скормить его рабам принцессы Каймориль.

— Понимаю. Что ж, брат, сегодня вечером я приглашаю тебя на пир, на котором, надеюсь, капитан Вальгарик развлечет нас всех своей смертью.

Йиркан побледнел как полотно.

— Что ты задумал?

— Небольшие кусочки плоти, которые доктор Шутка будет отрезать от тела капитана Вальгарика послужат тебе трапезой. И, кстати, в каком виде ты желаешь ее вкушать? Мы вовсе не настаиваем, чтобы ты ел сырое мясо.

Услышав свой приговор, капитан Вальгарик вскричал от ужаса, безумными глазами посмотрел на Йиркана, как будто принц уже начал поедать его плоть. Йиркан дрожал с головы до ног.

— Пир начнется ровно в полночь, — сказал Эльрик. — До тех пор я повелеваю содержать Йиркана под стражей в его собственной башне.

Принца и капитана стражи увели, а Дайвим Твар и Каймориль подошли к альбиносу, который откинулся на спинку Рубинового Трона и смотрел в никуда невидящим взглядом.

— Ты поступил жестоко, но мудро, — заметил Дайвим Твар.

— Оба они этого заслуживают, — добавила Каймориль.

— Да, — пробормотал Эльрик. — Так поступил бы мой отец. Так поступил бы Йиркан, если бы мы с ним поменялись местами. Я всего лишь соблюдаю старинные обычаи. И мне не надо теперь притворяться, что я сам себе хозяин. Я останусь здесь, пока не умру, пойманный в ловушку Рубинового Трона, и буду служить государству, как служил ему капитан Вальгарик.

— Почему бы тебе не убить предателей сразу? — спросила Каймориль. — Ты знаешь, что я прошу об этом не потому, что Йиркан — мой брат. Я ненавижу его больше кого бы то ни было. Но если ты приведешь свой план в исполнение, ты можешь погубить себя, Эльрик.

— Что с того? Пусть я стану бессмысленным исполнителем воли моих предков, марионеткой, которую дергают за ниточки традиций и обрядов десяти тысячелетней давности. Если я погублю себя, значит так надо.

— Возможно, тебе следует выспаться, прежде чем... — нерешительно произнес Дайвим Твар.

— Я чувствую, что мне не придется спать много ночей после того, как мой приговор будет приведен в исполнение. Но твой брат не умрет, Каймориль. Он съест плоть капитана Вальгарика, а потом я отправлю его в ссылку. Его высадят на берег одного из Молодых Королевств, и ему придется жить среди варваров. Мне кажется, это не слишком суровое наказание.

— Оно слишком мягкое, — сказала Каймориль. — Я советую тебе убить Йиркана как можно скорее. Прикажи своим солдатам покончить с ним, не давай ему времени опомниться и устроить против тебя новый заговор.

— Я не боюсь его заговоров. — Эльрик устало поднялся на ноги. — А сейчас я попросил бы вас обоих удалиться. Мне необходимо подумать.

— Я вернусь в башню и приготовлюсь к пиру. — Каймориль притронулась губами к щеке альбиноса. — Помни, что я люблю тебя, Эльрик.

— Я прикажу своим людям, чтобы тебя проводили, — сказал Дайвим Твар. — И ты должна назначить нового капитана стражи. Хочешь, я подберу тебе хорошего человека?

— Спасибо, Дайвим Твар.

Они ушли, а Эльрик вновь сел на Рубиновый Трон, уставился в одну точку. Изредка он дотрагивался до своих молочно-белых волос, и рука его дрожала, а в странных красных глазах отражались тоска и боль.

Спустя некоторое время он поднялся на ноги и в сопровождении стражников медленно пошел к своим покоям. Проходя по коридору мимо библиотеки, он остановился. Альбинос инстинктивно искал утешения в знаниях, но в эту минуту ему была ненавистна сама мысль о книгах и рукописях. Это они внушили ему мысль о морали и справедливости; это они довели его до отчаяния только потому, что он решил вести себя, как подобает мельнибонийскому императору.

Опустив голову, Эльрик прошел в свои покои, начал ходить из комнаты в комнату. Но и собственные апартаменты вызывали у него сейчас глухое раздражение. Они были обставлены слишком просто, слишком грубо, совсем не во вкусе мельнибонийцев (пожалуй, за исключением его отца), которые любили наслаждаться яркими красками и разнообразными формами предметов. Он завтра же все здесь изменит. Пускай мертвая рука предков руководит теперь всеми его действиями. Он изо всех сил боролся с частью самого себя, требующей проявить милосердие к Вальгарика и Йиркану, и либо убить их сразу, либо отправить обоих в ссылку. Но он не мог изменить принятого решения.

Устав от ходьбы, Эльрик присел на кушетку, стоявшую у окна, из которого открывался вид на город. По небу все еще плыли грозные облака и сквозь них, подобно глазу чудовищного зверя, выглядывала желтая луна. Казалось, она глядела на альбиноса иронически, словно радуясь тому, что он одержал победу над своей совестью. Эльрик закрыл лицо руками.

Через некоторое время слуги доложили ему, что в тронном зале начали собираться придворные. Эльрика одели в желтые императорские одежды, возложили ему на голову корону. Когда он вышел на верхнюю площадку хрустальной лестницы, мельнибонийцы громко и восторженно закричали — так радостно они ни разу еще его не приветствовали. Коротко кивнув, Эльрик сел на Рубиновый Трон, глядя на стоявшие в зале столы, уставленные яствами. Рабы поставили перед альбиносом небольшой столик и два стула для Дайвима Твара и Каймориль. Но ни Дайвима Твара, ни Каймориль нигде не было видно. И почему до сих пор не привели ни Вальгарика, ни Йиркана? Капитан должен был висеть на цепях в центре зала, а принц Йиркан сидеть с ним рядом. Доктор Шутка уже накалил свои инструменты ка небольшой жаровне и неторопливо переключивал тонкий скальпель из руки в руку. Рабы разносили горячие блюда, хотя никто не имел права начать трапезу, пока император не приступит к еде.

Эльрик подозвал капитана своей стражи.

— Разве принцесса Каймориль и Дайвим Твар еще не пришли?

— Нет, сир.

Каймориль опаздывала редко, а Дайвим Твар — никогда. Эльрик нахмурился. Возможно, им просто не хотелось присутствовать при исполнении неприятного ритуала?

— А где пленники?

— За ними послали, сир.

Внезапно Эльрик услышал странный звук, напоминающий стон. Придворные за столами перестали разговаривать, начали недоуменно оглядываться по сторонам. Звук становился все громче и громче.

Двери распахнулись настежь, и на пороге появился Дайвим Твар в изодранных окровавленных одеждах. Тяжело дыша, спотыкаясь на каждом шагу, он побежал вперед, а следом за ним в тронный зал медленно вползло темно-фиолетовое с голубыми прожилками облако тумана, которое и издавало этот протяжный, леденящий душу стон.

Эльрик вскочил на ноги, отшвырнул столик, бросился вниз по хрустальной лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Стонущий туман продвигался все дальше и дальше, словно охотился за Дайвимом Тваром.

Эльрик подбежал к своему другу, обнял его.

— Дайвим Твар! Что это за колдовство?

Лицо Хранителя Драконьих Пещер было искажено от страха, зубы его стучали.

— Йиркан вызвал волшебное облако, которое помогло ему бежать, — дрожащим от страха голосом произнес он. — Я стал преследовать принца, но туман поглотил меня, и мне едва удалось из него выбраться.

— Где Каймориль?

— Йиркан похитил ее с помощью капитана Вальгарика и ста верных ему солдат.

— Нам надо немедленно их догнать!

— Тебе не справиться со стонущим туманом. Смотри! Он приближается!

И действительно, фиолетовое облако окутало Эльрика с головы до ног, Он попытался рассеять его, делая пассы руками в воздухе, но туман сгустился. Яркие вспышки света ослепили альбиноса; ему показалось, что сквозь стоны он слышит слова: Эльрик слаб. Эльрик глуп. Эльрик должен умереть!

— Замолчи! — вскричал он и бросился вперед, но наткнулся на чье-то тело и упал на колени. Перед его глазами появились лица: страшные, чудовищные — такие не увидишь и в кошмарном сне. — Каймориль! — громко крикнул он. — Каймориль!

В ту же секунду он увидел свою суженую, которая презрительно смотрела на него и издевательски смеялась. На лице девушки появились морщины, кожа обвисла... на Эльрика смотрела древняя старуха. Он закрыл глаза, но образ Каймориль не исчез.

— Каймориль, — стонал туман. — Каймориль.

Силы покинули альбиноса. Он позвал Дайвима Твара, но услышал в ответ лишь эхо собственного голоса. Казалось, прошло несколько часов, прежде чем стоны ослабли, а туман стал постепенно рассеиваться. Эльрик открыл глаза, попытался встать, но ноги у него подкосились, и он упал, стукнувшись головой о нижнюю ступеньку хрустальной лестницы. Он опять не прислушался к совету Каймориль, которая просила его убить Йиркана, и тем самым подверг девушку смертельной опасности. «Я недостоин жить», — подумал Эльрик и потерял сознание.

Глава четвертая

Эльрик очнулся только утром и первым делом послал за Дайвимом Тваром. Повелитель Драконьих Пещер не сообщил ему ничего нового. С помощью волшебства Йиркан освободился, с помощью волшебства бежал.

— Мы должны найти Каймориль, — сказал Эльрик. — Отправь на поиски тысячу человек. Отправь всех мельнибонийцев, если это понадобится. Постарайся разбудить драконов. Снаряди в путь золотые галеры. Обыщи весь мир, но найди Каймориль.

— Я сделал все, о чем ты говоришь, кроме одного, — ответил Дайвим Твар. — Каймориль мне найти не удалось.

Прошел месяц. Имрирские воины маршировали по землям Молодых Королевств, разыскивая своих соотечественников-ренегатов.

Альбинос терзался угрызениями совести. «Я рассуждал о морали и забывал о Каймориль, — думал он. — Размышляя о нравственности и безнравственности своих поступков, я заботился только о себе».

Прошло два месяца. Имрирские драконы взвились в небо, отправились на Восток и на Юг, на Запад и на Север. Они пролетали над морями и горами, лесами и долинами, наводя ужас на жителей многих городов, но Йиркан со своими приспешниками как сквозь землю провалился.

«В конечном итоге, — думал Эльрик, — человека судят по его действиям, а то, что я сделал — не то, что хотел сделать или думал, что хочу сделать, — было глупым, никчемным и не принесло ничего, кроме вреда. Йиркан прав, презирая меня, и, быть может, я ненавижу его именно за это».

Прошло три месяца. Золотые галеры Имрирра останавливались в самых далеких портах; матросы расспрашивали о Йиркане горожан и путешественников. Но мельнибонийский принц не зря был могущественным волшебником, и о нем никто не слышал.

Все это время Эльрик мучался, не желая прибегать к колдовству, чтобы найти Йиркана. Уставшие от странствий солдаты постепенно возвращались на Остров Драконов, и вскоре альбинос потерял всякую надежду на успех. Тогда он решил. Прежде всего он начал принимать травы, которые не просто поддерживали его силы, а увеличили их в несколько раз. Затем он приступил к чтению определенных рукописей, перечитывая их десятки раз, почти не выходя из библиотеки.

Рукописи эти были на древнем мельнибонийском языке, с помощью которого великие предки Эльрика общались со сверхъестественными существами и вызывали на Землю богов Хаоса. И, наконец, альбинос усвоил все необходимое, хотя, изучая страшные заклинания, он часто задумывался о правильности принятого им решения. Когда же Эльрик твердо запомнил ритуал, который ему надлежало исполнить, — в рукописях особо подчеркивалось, что малейшая оплошность может привести к гибели, — он принял сонное зелье и пролежал в полудреме в течение трех дней и трех ночей.

Утром четвертого дня Эльрик приказал всем рабам и слугам удалиться из своих покоев, У дверей он поставил стражников, повелев им никого не впускать, даже по самым неотложным делам. Затем он вынес из одной комнаты всю мебель, положил по центру пола рукопись, сел рядом и начал приводить свои мысли в порядок.

Через пять часов Эльрик поднялся на ноги, взял заранее приготовленные кисточку и пузырек с тушью, начал чертить на стенах и полу символические знаки, сложные узоры, настолько запутанные, что, казалось, некоторые линии исчезали под углом к поверхности, на которой были нарисованы. Затем альбинос распростерся в центре огромного рунного знака, положив одну руку на рукопись, а вторую — на палец которой блестел перстень с акторийским камнем — на пол ладонью вниз. Светила полная луна. Лунный луч падал прямо на голову альбиноса, серебрил его молочно-белые волосы.

Он послал свою мысль извилистой тропинкой логики по бесконечным равнинам идей, сквозь горы символов и разнообразных истин бесчисленных вселенных. Он посылал свою чистую мысль все дальше и дальше, сопровождая ее словами, срывающимися с его искривленных губ, — словами, которые вряд ли

поняли бы даже мельнибонийцы, хотя от каждого звука кровь наверняка заледенела бы в их жилах. Изредка Эльрик стонал, тело его непроизвольно дергалось, но он продолжал говорить, не умолкая ни на секунду, и одно слово повторял чаще других. Это слово было «Ариох».

Ариох, демон-покровитель колдунов-императоров Мельнибонэ, один из самых могущественных богов Хаоса, которого называли также Валетом Мечей, Повелителем Семи Кругов Тьмы, Владыкой Преисподней и многими-многими другими именами.

— Ариох!

Это к Ариоху взывал Йиркан, требуя, чтобы Повелитель Хаоса проклял Эльрика. Это на Ариоха уповал мятежный принц, стремясь захватить Рубиновый Трон. Это Ариох являлся Хранителем двух рунных мечей с черными лезвиями, обладавшими неизмеримым могуществом, которым не раз пользовались предки альбиноса.

— Ариох! Я вызываю тебя на Землю!

Рунные заклинания с воем вырывались из груди Эльрика. Мысль его достигла, наконец, измерения, в котором обитал Ариох.

— Ариох! Тебя вызывает Эльрик, император Мельнибонэ!

Альбинос увидел глаз, уставившийся на него. К первому глазу подплыл второй. Теперь на него уставились два глаза.

— Ариох! Повелитель Хаоса! Помоги мне!

Глаза моргнули и исчезли.

— Ариох! Помоги мне, и я обещаю служить тебе верой и правдой!

Фигура, ничем не напоминающая человеческую, медленно повернулась к Эльрику. Он увидел лицо без малейших признаков черт, голову в ореоле красного света. Затем и это видение исчезло.

Альбинос истощил свои силы. Мысль его покинула иные измерения, губы не произносили ни заклинаний, ни имен. В полном изнеможении он лежал на полу своей комнаты, чувствуя, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Он был убежден, что его постигла неудача. Стояла мертвая тишина.

Внезапно он услышал какой-то тихий звук и с трудом поднял голову. По комнате летала муха. Она жужжала и носилась как угорелая точно над теми линиями, которые Эльрик начертил на стенах и полу. Внезапно муха опустилась на один рунный знак, потом перепрыгнула на другой. Должно быть, она влетела в окно, подумал Эльрик. Муха его раздражала, но он, словно зачарованный, не мог отвести от нее взгляда.

Затем муха уселась Эльрику на лоб. Это была большая черная муха, и жужжала она до неприличия громко. Потерев передние лапки одна о другую, муха стала ползать по лицу альбиноса. Он задрожал от отвращения, но у него не было сил ни смахнуть, ни прихлопнуть ее. Муха взлетела, начала кружить под самым его носом. Внезапно он увидел ее глаза, очень похожие на те, что смотрели на него в другом измерении. Альбинос понял, что муха эта — не обычное насекомое. У нее было человеческое лицо, и она, как ни странно, улыбалась.

Разлепив спекшиеся губы, альбинос с трудом произнес:

— Ариох?

Прекрасный юноша стоял на том месте, где только что кружила муха. Прекрасный юноша говорил прекрасным голосом: мягким, нежным и одновременно очень уверенным. На нем была мантия, переливающаяся всеми цветами радуги, но не слепящая глаза. На поясе у него висел узкий меч, голову окружал ореол красного огня. В его мудрых, древних как мир, глазах отражалось бесконечное и непобедимое Зло.

— Эльрик, — сказал прекрасный юноша.

Альбинос почувствовал прилив сил и встал на колени.

— Эльрик.

Альбинос поднялся на ноги. Все его тело переполняла энергия.

Прекрасный юноша был высок ростом. Он смотрел на императора Мельнибонэ сверху вниз и улыбался, совсем как муха.

— Ты — единственный, кто способен служить Ариоху. Много времени прошло с тех пор, как меня вызывали в это измерение, но теперь я здесь, и я помогу тебе, Эльрик. Я стану твоим покровителем. Я защищу тебя от многих опасностей, дам тебе силу, укажу неисчерпаемый источник могущества, которым ты сможешь воспользоваться, но при этом я буду твоим господином, а ты — моим слугой.

Слова Повелителя Хаоса вселили в Эльрика ужас.

— Какой службы ты от меня требуешь, герцог Ариох? — спросил он, сделав невероятное усилие, чтобы взять себя в руки.

— В данный момент мне ничего от тебя не нужно. Служи самому себе и тем самым ты послужишь мне. Позже тебе придется выполнить несколько моих поручений, но сначала поклянись, что ты будешь служить мне верой и правдой.

Эльрик нерешительно посмотрел на Повелителя Хаоса.

— Ты должен дать мне клятву, — рассудительно произнес Ариох. — Если ты этого не сделаешь, я не смогу помочь тебе ни наказать Йиркана, ни найти Каймориль.

— Я клянусь, — сказал Эльрик и внезапно почувствовал такое неизъяснимое блаженство, что вскрикнул от радости и упал на колени.

— В таком случае ты можешь время от времени обращаться ко мне, и я окажу тебе помощь, если ты действительно попадешь в отчаянное положение. Я буду появляться перед тобой в том виде, который сочту необходимым в каждом конкретном случае. А теперь, прежде чем я покину это измерение, я разрешаю тебе задать мне один вопрос.

— Я хотел бы получить ответы на два вопроса.

— На первый из них я не могу ответить. Вернее, не хочу. Ты должен смириться с этим, так как дал мне клятву верности. Но ты можешь ничего не бояться, если будешь добросовестно мне служить.

— Тогда ответь на второй вопрос. Где принц Йиркан?

— В стране южных варваров. С помощью волшебства он завоевал два небольших государства, Ойн и Йу, и сейчас готовится к походу на Мельнибонэ, так как ему известно, что ты все силы бросил на поиски Каймориль, а Остров Драконов оставил практически незащищенным.

— Как ему удалось спрятаться?

— Он не прятался. С помощью заклинаний Йиркан раздобыл волшебное Зеркало памяти. Тот, кто посмотрит в него, забывает обо всем. Любой путешественник, посетивший Ойн или Йу просто не помнит, что видел там Йиркана и имрирских воинов. Это — самый лучший способ скрыться от преследования.

— Да, — Эльрик кивнул, нахмурился. — Видимо, мне придется уничтожить Зеркало Памяти, Интересно, что произойдет, если я его разобью?

Ариох поднял изящную руку.

— Я ответил не на один, а на несколько вопросов, потому что до сих пор речь шла о Йиркане. Но больше я тебе ничего не скажу. Быть может, уничтожить Зеркало Памяти — в твоих интересах, но на твоём месте я нашел бы другой способ обезопасить себя, так как в Зеркале содержатся миллионы воспоминаний тех, кто когда-либо в него гляделся. А теперь мне пора. Ты должен без промедления отправиться в Ойн и Йу, которые находятся в нескольких месяцах пути от Мельнибонэ, к югу от Лормира. Быстрее всего туда можно добраться на корабле, который называется «Корабль по Суше и по Морю». Прощай, Эльрик. — Муха зажужжала, уселась на стену и исчезла.

Глава пятая

Эльрик мерил шагами открытую террасу, расположенную на верхнем этаже башни Д'Арпутна. День стоял пасмурный, ни один луч солнца не пробивался сквозь низкие плотные облака. Город Мечты жил обычной жизнью, хотя на улицах его почти не было видно солдат, которые находились в Молодых Королевствах. Пройдет много времени, прежде чем они вернутся на родину, так и не выполнив поручение своего императора.

— Сколько драконов спят сейчас в Пещерах?

Дайвим Твар прислонился к перилам, рассеянно посмотрел на полупустынные улицы, скрестил руки на груди. У него было усталое, измученное лицо.

— Два или три. Даже если нам удастся их разбудить, вряд ли мы сумеем ими воспользоваться. Скажи, что это за «Корабль по Суше и по Морю», о котором говорил Ариох?

— О нем упоминается в Серебряной Рукописи и некоторых других книгах. Один мельнибонийский герой плавал на нем в те далекие времена, когда империи еще не существовало. Но где находится этот корабль, я не знаю.

— А кто знает? — Дайвим Твар выпрямился, посмотрел на альбиноса.

— Ариох. — Эльрик пожал плечами. — Но он отказался отвечать на мои вопросы.

— Разве твои друзья, духи воды, не обещали тебе помогать? Кому, как не им, знать о волшебном корабле?

Эльрик нахмурился, на лбу его обозначились глубокие морщины.

— Да. Страше наверняка известно о Корабле по Суше и по Морю. Но мне ненавистна сама мысль о том, что я должен буду вновь обратиться к нему с просьбой. Духи воды не такие могущественные существа, как Повелители Хаоса. К тому же они капризны и не любят, когда в их дела вмешиваются посторонние. И самое главное, мне не хочется пользоваться своими волшебными силами без крайней необходимости.

— Ты колдун, Эльрик, и только что доказал свое могущество, вызвав Повелителя Хаоса, Ариоха. И после этого ты заявляешь, что не хочешь пользоваться своими волшебными силами? Ты нелогичен, сир, и я прошу тебя как следует подумать и пересмотреть свои взгляды. Ты уже решил применить колдовство, чтобы найти Йиркана и Каймориль. Жребий брошен. Ты поступишь мудро, если попросишь Страшу прийти тебе на помощь.

— Ты не можешь представить себе, сколько надо затратить умственной и физической энергии...

— Я могу себе это представить, сир. Я — твой друг. Мне очень не хочется, чтобы ты мучился, но...

— Не забывай, Дайвим Твар, что природа не наградила меня здоровьем, — напомнил своему другу Эльрик. — Надолго ли меня хватит, если я все время буду принимать отвары трав, которые удваивают мои силы? Я могу умереть, прежде чем найду Каймориль.

— Прости меня, сир. Я был неправ.

Эльрик подошел к Дайвиму Твару, положил руку ему на плечо.

— Нет. Ты был прав. В конце концов, что мне терять? Я праздную труса, в то время как речь идет о жизни моей возлюбленной. Я упрямо повторяю те глупые ошибки, которые уже привели к плачевному результату. Я вызову Страшу. Ты пойдешь со мной на берег?

— Да! — Внезапно Дайвим Твар понял, что его, как и Эльрика, начали терзать угрызения совести. Гордому мельнибонийцу, которому такие чувства были в диковинку, стало не по себе.

В последний раз Эльрик проезжал по этим местам вместе с Каймориль. Казалось, столетия прошли с тех пор. Какой он был глупец, считая, что их счастье будет продолжаться вечно. Шел мелкий дождь. К Мельнибонэ приближалась зима.

Эльрик и Дайвим Твар остановились у скал, спешили, спустились по крутой тропинке на берег.

Капли дождя тонули в море. Над водой, неподалеку от пляжа, висел туман, Черные скалы, туман, безмолвие... Дайвиму Твару показалось, что он попал в какой-то иной мир, где, если верить легенде, обитают души самоубийц. Галька скрипела под ногами двух Повелителей Драконов; туман приглушал шаги, с жадностью поглощал звуки, как будто они были пищей, без которой он не мог обойтись.

— Сейчас, — прошептал Эльрик, не замечая ни дождя, ни тумана, — я должен вспомнить заклинание, которое само по себе возникло в моем мозгу несколько месяцев назад.

Он подошел к берегу моря, сел, скрестив ноги, на песок, невидящим взглядом уставился на туман. На какое-то мгновение Дайвиму Твару показалось, что его друг — беспомощный ребенок. У Хранителя Драконых Пещер защемило сердце, ему захотелось подойти к альбиносу, предложить ему отправиться в Ойн и Йу, не прибегая к волшебству.

Эльрик поднял голову, словно собака, которая собирается завывать на луну. Страшные, леденящие душу звуки начали срывать с его губ, и стало ясно, что даже если Дайвим Твар к нему обратится, альбинос его не услышит.

Дайвим Твар, Повелитель Драконов, хорошо знал древний мельнибонийский язык, но он почти не понимал слов: тягучих, протяжных, напевных, с определенными ударениями, подчеркивающими какой-то особый смысл фраз, которые Эльрик произносил то басом, то тонким визжащим голосом. Жутко было слышать эту песню-заклинание, вырывающуюся из горла обычного смертного, и Дайвим Твар наконец понял, почему Эльрик всегда с большой неохотой пользовался своей волшебной силой. Хранителю Драконых Пещер захотелось уйти, спрятаться, но он заставил себя остаться на месте.

Эльрик продолжал тянуть ноту за нотой. Пошел сильный дождь. Камешки на пляже блестели, море пенилось. Дайвим Твар задрожал, плотно запахнулся в плащ.

— Страаша... Страаша... Страаша...

Казалось, этими словами шумел дождь. А может, их шептал ветер? Или ими плескало море?

— Страаша!

И вновь Дайвиму Твару захотелось подойти к Эльрику, попросить его прервать колдовской обряд, найти какой-нибудь другой способ, чтобы попасть в Ойн и Йу.

— *Страаша!*

Дайвим Твар попытался окликнуть Эльрика, но не смог разжать губ.

— *Страаша!*

Дайвиму Твару стало ясно, что заклинание не действует, что Эльрик тратит свои силы понапрасну. Но Хранитель Драконых Пещер ничем не мог ему помочь. Ноги его, казалось, примерзли к земле. Язык не шевелился. Дайвим Твар вздрогнул, прищурился. Показалось ему или нет, что туман стал светло-зеленым и приблизился к берегу?

Волна вздыбилась, накатила на песок. Камешки застучали один о другой. Зеленые огоньки замелькали в воздухе. Дайвиму Твару показалось, что туман заискрился, принял форму гигантского существа. Эльрик перестал петь заклинание, сказал своим обычным голосом:

— Повелитель Страаша. Я благодарю тебя за то, что ты ответил на мой зов.

Существо заговорило; голос его напомнил Дайвиму Твару ласковый шум прибоя.

— Мы встревожены, Эльрик. Говорят, ты вызвал в наше измерение богов Хаоса, а духи стихий никогда их не любили. Тем не менее я знаю, что ты идешь той дорогой, которую предопределила тебе судьба, и поэтому мы ни в чем тебя не упрекаем.

— Я вынужден был так поступить. У меня не было другого выхода, Повелитель Страаша. И если ты не захочешь выполнить мою просьбу, я пойму это и не буду больше тебя беспокоить.

— Я выполню твою просьбу, если смогу. Мне трудно помочь тебе, так как предзнаменования говорят о том, что в будущем Землю ждут большие перемены. И все же я сделаю все, что в моих силах. А сейчас скажи, какой помощи ты ждешь от духов воды?

— Знаешь ли ты что-нибудь о Корабле по Суше и по Морю? Я должен найти его, чтобы выполнить данную мною клятву и спасти Каймориль.

— О Корабле по Суше и по Морю я знаю многое, потому что он принадлежит мне. Гроом тоже претендует на него, но он — мой. Мой по праву.

— Гроом, Повелитель Земли?

— Гроом, Повелитель недр Земли. Гроом, Властелин Подземного Царства. Мой брат, Гроом. В незапамятные времена мы с Гроомом решили построить этот корабль, чтобы свободно путешествовать по нашим с ним владениям. Затем мы поссорились, — будь проклята эта глупость! — и подрались. Землетрясения, наводнения, извержения вулканов, тайфуны изменили облик Земли. Исчезли старые континенты, появились новые. Мы сражались не в первый раз, но в последний, и, чтобы не уничтожить друг друга, решили заключить мир. Я отдал Гроому часть своих владений, а он мне — Корабль по Суше и по Морю. Но Гроом уступил мне корабль с большой неохотой, и поэтому он ходит по воде лучше, чем по суше. Я разрешаю тебе им воспользоваться, если ты действительно в нем нуждаешься.

— Я благодарю тебя, Повелитель Страаша. А как мне найти его?

— Он приплывет к тебе сам. А сейчас мне пора. Прощай, Эльрик, и будь осторожен. Ты обладаешь куда большим могуществом, чем тебе кажется, и многие захотят воспользоваться им для достижения своих целей.

— Должен ли я ждать появления корабля здесь, на этом пляже?

— Нет... — словно издали прозвучал голос Страаши. Туман отодвинулся от берега, зеленые огоньки замигали и исчезли. — Возвращайся в свою башню... он... приплывет...

Небольшая волна набежала на песок, отхлынула; морской царь исчез, будто его и не было вовсе. Дайвим Твар протер глаза, медленно подошел к Эльрику, все еще сидевшему на берегу, протянул ему руку.

Альбинос удивленно поднял голову.

— Это ты, Дайвим Твар? Сколько времени прошло?

— Несколько часов. Смеркается. Нам надо успеть вернуться в Имрирр до темноты.

Эльрик с трудом поднялся на ноги, рассеянно произнес:

— Да... морской царь сказал...

— Я все слышал, Эльрик. И его совет, и его предостережение. Думаю, тебе надо последовать первому и запомнить второе. Признаться, мне не по душе эта затея с Кораблем по Суше и по Морю. Как все волшебное, наряду с достоинствами он имеет недостатки и похож на боевую дубинку, которой ты хочешь поразить врага, и которая поражает тебя другим концом.

— Ты безусловно прав, друг мой. Но ведь это ты настаивал, чтобы я воспользовался моей волшебной силой.

— Да, — пробормотал Дайвим Твар, словно разговаривая сам с собой. — Я помню об этом, мой император.

Эльрик устало улыбнулся, дотронулся до руки Дайвима Твара.

— Не расстраивайся. Дело сделано, и теперь у нас есть корабль, на котором мы быстро доберемся до Ойна и Йу.

— Дай-то бог. — В глубине души Дайвим Твар сильно сомневался, что Корабль по Суше и по Морю имеет преимущество перед обычными средствами передвижения.

Они поднялись по крутой тропинке, отерли мокрые бока своих лошадей.

— Как жаль, — сказал Дайвим Твар, — что мы вновь понапрасну истощили силы драконов. Во главе эскадрона моих зверей я стер бы Йиркана и его приспешников с лица земли. Ты помнишь, как в нашей юности мы с тобой бороздили небеса, сир, предаваясь радости и веселью?

— Мы еще не раз полетаем вместе, Дайвим Твар, когда вернемся домой с принцессой Каймориль, — сказал Эльрик, вскакивая в седло белого иноходца. — Мы усядемся на Огненного Клыка и его подругу Железную Лапу, запоем песню Повелителей Драконов, поднимем копыта с нашими штандартами, а ты протрубишь в рог, и наши братья-драконы устремятся ввысь. Свобода дороже могущества. Пусть Молодые Королевства идут своим путем, но поостерегутся вмешиваться в дела Острова Драконов!

Дайвим Твар укоротил поводья, печально вздохнул. Лицо у него было озабоченным.

— Будем надеяться, наступит тот час, когда слова твои сбудутся. Но меня не покидает мысль, что дни Имрирра сочтены, да и мне осталось недолго жить на этом свете.

— Глупости, Дайвим Твар! Я умру намного раньше тебя!

Они скакали галопом, стремясь попасть в Город Мечты как можно скорее.

— У меня есть два сына, — неожиданно сказал Дайвим Твар. — Ты знал об этом, Эльрик?

— Первый раз слышу. Ты никогда о них не говорил.

— Они родились несколько лет назад от моих прежних любовниц.

— Я рад за тебя, друг мой.

— Они хорошие мельнибонийцы.

— Почему вдруг ты заговорил о своих сыновьях?

— Я люблю их и хочу, чтобы они получили все, что может дать им Остров Драконов.

— Разве что-нибудь может этому воспрепятствовать?

— Не знаю. — Дайвим Твар пристально посмотрел на альбиноса. — Ответственность за будущее моих детей лежит на тебе, сир.

— На мне?

— Из слов морского царя я понял, что судьба Острова Драконов находится в твоих руках. Прошу тебя никогда не забывать о моих сыновьях, Эльрик.

— Конечно, Дайвим Твар. Я уверен, что со временем они станут прекрасными Повелителями Драконов, а один из них сменит тебя на посту Хранителя Драконых Пещер.

— Мне кажется, ты не совсем меня понял, мой император.

Эльрик торжественно посмотрел на своего друга, покачал головой.

— Я прекрасно тебя понял, Дайвим Твар. Но мне кажется, ты судишь слишком строго, если считаешь, что я стану врагом своего народа или уничтожу Город Мечты.

— Прости меня. — Дайвим Твар опустил голову, но выражение его лица не изменилось.

Поздно вечером они сидели за столом, пили горячее вино, закусывали сладостями. Эльрик был нарочито весел, заставлял себя говорить оживленно. Он очень устал, но впервые за последние несколько месяцев ему стало спокойнее на душе. Дайвим Твар не мог не признать, что теперь у них появилась возможность быстро расправиться с Йирканом, но его пугали непредсказуемые опасности, которые могли встретиться им на пути. Тем не менее он не высказал своих опасений Эльрику. Хранитель Драконых Пещер был очень рад, что его друг находится в прекрасном расположении духа и не хотел портить ему настроение. Они разговаривали о Корабле по Суше и по Морю, гадали, сколько воинов можно разместить на его борту, обсуждали неведомые земли Ойн и Йу, строили планы сражения с Йирканом.

Когда Эльрик отправился спать, Дайвим Твар обратил внимание, что император не волочит ноги, как обычно, а идет легкой пружинящей походкой. И вновь Хранителю Драконых Пещер показалось, что альбинос похож на маленького беззащитного ребенка, которого ждет горькое разочарование в жизни.

Дайвим Твар вздохнул. Он тоже чувствовал себя виноватым в том, что Каймориль попала в беду. Ему следовало проявить твердость характера, повлиять на императора, уговорить его казнить Йиркана на

месте. В этом случае Эльрику не пришлось бы ни вызывать Ариоха, ни прибегать к помощи морского царя, и в государстве царили бы мир и спокойствие. Дайвим Твар пожал плечами, выкинул ненужные мысли из головы. Истинный мельнибониец должен был придерживаться одного правила: искать удовольствие во всем, в чем только возможно. Впрочем, всегда ли мельнибонийцы думали исключительно о себе и своих удовольствиях? Быть может, Эльрик вовсе не был слабым императором и возрождал традиции, о которых никто уже не помнил?

И вновь Дайвим Твар пожал плечами. В конце концов, к чему искать ответы на эти вопросы? Перед тем, как отправиться на покой, он зашел к своим бывшим любовницам, разбудил их, потребовал привести к нему сыновей: Дайвима Слорма и Дайвима Мава. Он молча смотрел на изумленных заспанных ребяташек, то хмурясь, то потирая лоб рукой, а затем велел вновь уложить их в постели и сказал двум женщинам, Ниопаль и Самараль, изумленным не меньше детей:

— С завтрашнего дня они начнут обучаться в Драконьих Пещерах.

— Не рано ли, Дайвим Твар? — спросила Ниопаль.

— Нет. Дай бог, чтобы они успели закончить свое обучение. — Мрачные предчувствия все сильнее одолевали Дайвима Твара, и он ничего не мог с собой поделать.

Наутро Дайвим Твар вернулся в башню Д'Арпутна. Эльрик нетерпеливо мерил шагами крытую террасу и то и дело подзывал к себе слуг, задавая им один и тот же вопрос: не приближается ли к Острову Драконов какой-нибудь корабль. На альбиносе были черные доспехи, глаза его лихорадочно блеснули, пальцы непроизвольно сжимались и разжимались; разговаривал он быстро, часто глотая слова. Дайвим Твар понял, что сегодня утром Эльрик принял более сильную дозу лекарственных трав, чем обычно.

— Как ты себя чувствуешь, мой император? — спросил он.

— Превосходно. — Эльрик ухмыльнулся. — Я бы чувствовал себя еще лучше, если бы Корабль по Суше и по Морю стоял в гавани. — Он посмотрел в сторону причала, потом на далекий лес. — Почему его до сих пор нигде нет? Как жаль, что Повелитель Страаши высказался так неопределенно!

— Это верно. — Дайвим Твар подошел к столу, уставленному яствами, принялся за еду. Эльрик продолжал ходить по террасе. Было очевидно, что со вчерашнего вечера он ничего не ел. Дайвим Твар подумал, что сильные дозы лекарственных трав повлияли на мозг императора. Беспокойство за судьбу Каймориль, ненависть к Йиркану, те нагрузки, которые альбинос испытал, занимаясь магией, кого угодно могли свести с ума. Хранитель Драконьих Пещер вздохнул, вытер салфеткой губы.

— Не хочешь ли ты немного отдохнуть? — спокойно спросил он. — Как только Корабль по Суше и по Морю войдет в гавань, тебе об этом немедленно доложат.

— Ты, конечно, прав, Дайвим Твар, — согласился Эльрик, — но я не в состоянии отдыхать. Мне не терпится как можно скорее отправиться в путь, чтобы встретиться с Йирканом лицом к лицу, отомстить ему, соединиться с Каймориль.

— Я тебя понимаю, но...

Эльрик вымученно рассмеялся.

— Ты кудахчешь надо мной, совсем как Худоба. Мне не нужны две няньки, Хранитель Драконьих Пещер.

Дайвим Твар заставил себя улыбнуться.

— Прости меня, сир. Будем надеяться, волшебный корабль... что это? — Он вытянул руку в сторону леса. — Деревья согнулись, как при урагане, а ветра нет.

Эльрик повернул голову, прищурился.

— Странно. Похоже...

Земля вдали заволновалась, как море.

— Парус, — сказал Дайвим Твар. — Должно быть, это и есть твой корабль, сир.

— Да, — прошептал Эльрик. — Это — мой корабль. Собирайся, Дайвим Твар. Мы отплываем в полдень.

Глава шестая

Корабль по Суше и по Морю поражал своими изящными очертаниями. Ни один смертный не смог бы так искусно вырезать из дерева высокие борта, мачты, мостики, поручни, — черные, темно-синие, зеленые, кроваво-красные. Ванты корабля были цвета морских водорослей; на отполированных до блеска палубах виднелись темно-коричневые прожилки, напоминающие корни растений; паруса на трех высоких мачтах походили на белоснежные облака, плывущие по небу в погожий солнечный день. Все на этом корабле радовало глаз; нельзя было смотреть на него и не восхищаться его совершенством. Эльрик невольно подумал, что Кораблю по Суше и по Морю не страшны никакие опасности. Он шел по земле, как по морю; создавалось такое впечатление, что почва под его килем на какое-то мгновение превращается в воду, а затем становится такой же как прежде.

Волшебный корабль стоял у башни Д'Арпутна; рабы поднимались по трапам, сгибаясь под тяжестью продовольствия и оружия, необходимых для долгого путешествия. Эльрик горящим взглядом смотрел на подарок морского царя. Дайвим Твар обходил шеренги воинов. После того урока, который мельнибонийцы преподали южным варварам, было маловероятно, что они нападут на Остров Драконов, но Йиркан поклялся захватить Рубиновый Трон, и поэтому большую часть воинов пришлось оставить в городе под командованием Магама Колима. По непонятной причине Дайвим Твар, помимо обычных солдат и матросов, набрал второй отряд из ветеранов-добровольцев, каждый из которых страдал одним и тем же физическим недугом. По единодушному мнению окружающих, толку от них не было никакого, и поэтому никто не стал возражать против того, чтобы они отправились в экспедицию.

Ветераны поднялись на корабль первыми, Эльрик — последним. Стоя на палубе, он повернулся лицом к городу, отдал салют и приказал поднять трап.

Дайвим Твар ждал императора на капитанском мостике. Хранитель Драконых Пещер снял одну из латных рукавиц и гладил странные деревянные поручни, восхищаясь их красотой.

— Этот корабль не предназначен для войны, Эльрик, — сказал он. — Обидно будет, если с ним что-нибудь произойдет.

— Что с ним может произойти? — рассеянно спросил альбинос, глядя на матросов, карабкающихся по вантам. — Неужели ты думаешь, Страаша или Гроом допустят, чтобы их детищу кто-нибудь причинил вред? Не беспокойся за Корабль по Суше и по Морю, Дайвим Твар. Давай лучше позаботимся о собственной безопасности и о том, чтобы экспедиция наша завершилась успешно. Страаша предупреждал, что по земле корабль идет хуже, чем по воде, и поэтому я предлагаю основной путь проделать морем, а в одном из портов на западном побережье Лормира разузнать о странах Ойн и Йу все, что возможно.

— Говорят, за Лормиром находится край Земли. — Дайвим Твар нахмурился. — Послушай, а может, Ариох хочет заманить нас в ловушку? Вдруг Йиркану удалось с ним договориться, и Повелитель Хаоса обманул тебя, послав в экспедицию, из которой мы никогда не вернемся?

— Я думал об этом, — признался Эльрик, — но у нас нет другого выхода. Мы должны верить Ариоху.

— Должны, так должны. — Дайвим Твар иронически усмехнулся. — И еще один вопрос, сир. Как управлять кораблем? На нем нет якорей, которые можно поднять, а на суше не бывает приливов и отливов. Посмотри, паруса наполнились ветром, мачты скрипят, а мы стоим на месте, как прикованные.

Эльрик пожал плечами.

— Быть может, он управляется голосом? Вперед, корабль! Мы готовы к отплытию!

Корабль по Суше и по Морю чуть задрожал, начал двигаться, словно отошел от причала. Альбинос улыбнулся, глядя на изумленное выражение лица Дайвима Твара, который невольно схватился за поручень и испуганно закричал:

— Сейчас мы врежемся в крепостную стену!

Эльрик быстро подошел к рулевому управлению в виде рычага, прикрепленного к валу с делениями, взялся за рычаг, как за весло, потянул его на себя. В ту же секунду корабль повернул к другой части крепостной стены! Эльрик отвел рычаг в противоположную сторону до упора. Корабль накренился, круто

развернулся, помчался вперед по направлению к далекому лесу.

Альбинос счастливо рассмеялся.

— Вот видишь, Дайвим Твар, как все просто. А ты боялся!

— Я предпочел бы путешествовать на драконах, — слегка дрожащим голосом ответил Дайвим Твар. — По крайней мере их можно понять. А к магии я всегда относился с большим подозрением.

— Негоже держать такие речи благородному мельнибонийцу! — воскликнул Эльрик, перекрикивая вой ветра в вантах, скрип рангоутов, хлопание белых парусов.

— Возможно, — согласился Хранитель Драконых Пещер. — Но если б я не думал того, что сказал, навряд ли я сейчас стоял бы рядом с тобой, сир.

Эльрик удивленно посмотрел на своего друга, но ничего ему не ответил.

Корабль мчался по склонам гор и каменистым холмам, пробирался сквозь леса, огибая деревья, величаво плыл по травянистым равнинам. Казалось, он парил над землей подобно ястребу, выслеживающему добычу. Имрирские воины, забыв обо всем на свете, толпились на палубах, и только боцман вел себя так, словно никакого чуда не произошло. Он покрикивал на матросов, расставлял их по местам, одним словом, исправно исполнял свои обязанности.

Рулевой, которого Эльрик поставил к непривычному «штурвалу», сильно нервничал. По выражению его лица сразу было видно, что он боится разбить корабль о какой-нибудь камень или дерево. Несмотря на довольно холодную погоду, ему все время приходилось отирать лоб, чтобы пот не заливал глаза. Тем не менее он был хорошим моряком и постепенно освоился с управлением, хотя ему поминутно приходилось менять курс из-за того, что корабль мчался с сумасшедшей скоростью, — быстрее лошади на галопе, быстрее любимых сердцу Дайвима Твара драконов. Мельнибонийцы радовались как дети, глядя на проносящийся мимо бортов корабля пейзаж; Эльрик счастливо смеялся.

— Если Гроом мешает продвижению корабля по суше, — крикнул он Дайвиму Твару, — мне страшно даже подумать, с какой скоростью мы поплывем по воде!

Хранитель Драконых Пещер, настроение которого явно улучшилось, улыбнулся своему другу, откинул назад разметавшиеся по лицу длинные волосы.

— Нас просто снесет с палубы, сир! — пошутил он.

А затем, словно услышав их разговор, Корабль по Суше и по Морю внезапно трянуло, стало кидать с борта на борт, как будто он попал в сильное встречное течение. Рулевой побледнел, как полотно, вцепился в рычаг, пытаясь выправить курс. Раздался страшный, леденящий душу крик: матрос упал с мачты, ударился о палубу с такой силой, что слышно было, как захрустели кости. Корабль швырнуло раз, другой, неожиданно он выровнялся и вновь плавно пошел вперед.

Эльрик уставился на труп матроса, до боли в пальцах сжал поручни. Его красные глаза мрачно сверкали, на губах змеилась ироническая усмешка.

— Глупец! — воскликнул он. — Какой же я глупец, что испытывал терпение богов!

Корабль по Суше и по Морю чуть уменьшил скорость — так бывает, когда в море к днищу корабля прилипают ракушки. У Эльрика возникло такое ощущение, что все вокруг него переменилось: по-другому шелестели деревья, неохотно расступались травы и кусты, круче стали склоны гор. И альбинос понял, что чувствует присутствие Гроома, Повелителя недр Земли, Властелина Подземного Царства, желавшего обладать кораблем, который когда-то символизировал единство Духов земли и воды и из-за которого впоследствии Страаша и Гроом поссорились.

Эльрику стало страшно.

Глава седьмая

Земля все еще цеплялась за киль, когда корабль достиг моря, скользнул в воду и помчался вперед, с каждой минутой увеличивая скорость. Вскоре Остров Драконов скрылся из виду, на горизонте показались облака пара, вечно висевшие над Кипящим Морем, которое Эльрик не решился пересечь даже на волшебном корабле. Альбинос приказал взять курс на западное побережье Лормира, наименее воинственное из всех Молодых Королевств. (Король Лормира, Фадан, человек крайне осторожный, наверняка не принимал участия в рейде на Город Мечты.) В скором времени Корабль по Суше и по Морю вошел в порт Рамазас, вызвав восхищение у столпившихся на причале обывателей, пораженных его красотой. Изумление их еще больше усилилось, когда они увидели мельнибонийцев, которых в Молодых Королевствах не любили, но боялись. Тем не менее к Эльрику и его товарищам отнеслись с должным уважением, а в гостинице им подали довольно сносные еду и вино.

Гостиница — самая большая в порту — носила пышное название: «Уходящие в Море вернутся Домой». Ее хозяин, преуспевший рыбак, прекрасно знал южное побережье, несколько раз бывал в Ойн и Йу и говорил об этих странах с явным презрением.

— Ты считаешь, они готовятся к войне, милорд? — Он поднял брови, отхлебнул вино из кувшина, вытер губы, покачал головой. — Должно быть, собираются сражаться с воробьями. В Ойне и Йу живут малограмотные суеверные крестьяне, которым едва удастся сводить концы с концами. Среди них нет воинов. Единственный город, Доз-Кам, расположенный по обеим сторонам реки Ар, является столицей обоих государств.

— Ты ничего не слышал о мельнибонийце-ренегате, который завоевал Ойн и Йу, и сейчас муштрует этих самых нищих крестьян, сколачивая из них армию? — спросил Дайвим Твар, прихлебывая вино из бокала. — Его зовут принц Йиркан.

Хозяин гостиницы с любопытством посмотрел на Хранителя Драконых Пещер.

— Вы ищете соотечественника, который вас предал? Неужели Повелители Драконов тоже воюют друг с другом?

— Это наше личное дело, — высокомерно ответил Эльрик.

— Конечно, милорд, конечно.

— Может, ты что-нибудь знаешь о зеркале, которое лишает людей памяти? — спросил Дайвим Твар.

Хозяин гостиницы откинул голову и расхохотался.

— Сомневаюсь, что в Ойне или Йу найдется хоть одно простое зеркало, не говоря уже о волшебном! Нет, милорды, вы ошибаетесь, если считаете, что в Ойне и Йу имеются свои армия и флот.

— Должно быть, ты прав, — спокойно сказал Эльрик, глядя в бокал с вином, из которого он не сделал ни глотка. — Тем не менее мы должны проверить, насколько твои слова соответствуют действительности. Это не только в наших, но и в ваших интересах.

— За нас не беспокойся. С дурачками из Ойна и Йу мы расправимся в два счета. А проверить мои слова несложно. Плыви вдоль побережья и через три дня окажешься в большой бухте, куда впадает река Ар, на противоположных берегах которой расположен Доз-Кам: город, больше похожий на деревню, хоть он и является столицей двух государств. Жители его продажны, нечистоплотны и больны все поголовно, но, к счастью, они еще и ленивы, так что опасаться их нечего, в особенности если у тебя есть оружие. Через час пребывания в Доз-Каме ты поймешь, что грозить тебе может только одно: подхватить неизвестную болезнь. — В восторге от собственной шутки, хозяин гостиницы громко расхохотался. — Что же касается их флота, — добавил он, вдосталь насмеявшись, — он состоит из нескольких утлых суденышек, на которых они не осмеливаются выходить в море, предпочитая ловить рыбу на отмелях у побережья.

Эльрик отодвинул бокал с вином.

— Благодарю тебя, — сказал он и положил на стол серебряную монету.

— Боюсь, у меня нет сдачи, — вкрадчиво произнес хозяин гостиницы.

— Оставь ее у себя.

— Спасибо вам, господа. Надеюсь, вы не откажетесь остановиться в моей гостинице? Я отведу вам лучшие комнаты во всем Рамазасе.

— Мы переночуем на нашем корабле, а завтра утром отправимся в путь.

Хозяин гостиницы подождал, пока мельнибонийцы выйдут на улицу, потом попробовал серебряную монету на зуб. Она показалась ему странной на вкус, и он быстро вынул ее изо рта, стал рассматривать. Мог ли простой смертный отравиться мельнибонийским серебром? Пожав плечами, он сунул монету в кошелек, но на всякий случай решил выбросить два бокала, из которых пили заморские гости.

Корабль по Суше и по Морю отплыл из порта Рамазас на заре, а ровно в полдень вошел в бухту, куда впадала река Ар, и лег в дрейф неподалеку от узкого перешейка, поросшего тропическими деревьями. Эльрик и Дайвим Твар прошли по мелководу, выбрались на берег. Им не хотелось обнаруживать своего присутствия до тех пор, пока они не убедятся в справедливости слов хозяина гостиницы о Доз-Капе. Расчистив мечами тропинку к двум самым высоким деревьям, они забрались на них, устроились поудобнее, стали смотреть на город: маленький, грязный, убогий. Видимо, Йиркан решил поселиться в странах Ойн и Йу потому, что, во-первых, их нетрудно было завоевать с помощью сотни имрирских воинов и волшебства, а во-вторых — из-за удаленности обоих государств от цивилизованных стран запада. Однако хозяин гостиницы жестоко ошибался, считая, что в Ойне и Йу нет своего флота. В небольшой гавани стояло около тридцати боевых кораблей. Но наибольший интерес у Эльрика и Дайви́ма Твара вызвало огромное зеркало, прикрепленное к двум столбам на крыше самого высокого здания города. Вставленное в изумительной красоты раму, которая не могла быть изготовлена руками простого смертного, оно сверкало и переливалось в солнечном свете. Не вызывало сомнений, что это — Зеркало Памяти.

— Нам не следует входить в гавань Доз-Капы, — заметил Дайвим Твар. — Мне кажется, зеркало не действует на нас только потому, что оно направлено прямо на стоящие на рейде корабли. Обрати внимание на механизм, с помощью которого его можно поворачивать в любую сторону, кроме одной: внутрь страны. Да и кто, кроме крестьян Ойна и Йу, может прийти в столицу по суше?

— Я понял твою мысль, Дайвим Твар. Ты предлагаешь воспользоваться особыми свойствами нашего корабля...

— Обойти Доз-Капу с тыла, — подхватил Хранитель Драконьих Пещер, — и бросить в бой наших ветеранов. Пока они будут сражаться с жителями города, мы постараемся захватить Йиркана и освободить Каймориль. Как ты думаешь, это реально?

— Реально или нет, но у нас слишком мало сил для лобовой атаки, и поэтому твой план — самый лучший. Надеюсь, внезапность нападения позволит нам взять над ренегатами верх. Только бы Гроом не обнаружил, что мы вновь путешествуем по его владениям. Боюсь, он попытается отнять у нас Корабль по Суше и по Морю...

Стоя на капитанском мостике, Эльрик отдал приказание рулевому, и корабль послушно повернул к земле, прошел по мелководу, выбрался на берег, углубился в лес, распугивая изумленных птиц и мелких животных. Вскоре путешественники оказались в Ойне — стране джунглей и бесплодных равнин, где крестьяне выращивали скудные урожаи. Впереди показалось большое озеро. Дайвим Твар, сверившись с грубой картой местности, приобретенной в Рамазасе, предложил поменять курс и приблизиться к Доз-Капе с юга. Эльрик согласно кивнул.

В этот момент земля начала дрожать; на травянистой равнине, словно на море, поднялись высокие волны; корабль положило на один борт, потом на другой.

Двое матросов упали с мачт на палубы, разбились насмерть. Боцман кричал во все горло (хотя вокруг царил мертвая тишина), приказывая свободным от вахты матросам спуститься в трюм. Эльрик обмотал один конец шарфа о поручень, а второй привязал к руке. Дайвим Твар сделал то же самое со своим поясом. Корабль швыряло, как щепку; казалось, он не выдержит этой бури, разразившейся на земле.

— Неужели Гроом так быстро нас обнаружил? — задыхаясь, спросил Дайвим Твар. — Или это дело

рук Йиркана?

Эльрик пожал плечами.

— Йиркан здесь не при чем. Это, конечно, Гроом, и я не знаю, как умиротворить его. Властелин Подземного Царства самый упрямый и, возможно, самый могущественный из Повелителей четырех стихий.

— Но ведь он нарушает договор со своим братом, поступая подобным образом.

— Я в этом не уверен. Страаша предупреждал, что на земле у нас могут быть неприятности. Остается надеяться, что Гроом истощит свои силы, а корабль выстоит, как он выстоял бы в обычный шторм на море.

— То, что происходит сейчас, страшнее любого шторма на море!

Эльрик согласно кивнул, но не сумел ответить, так как корабль принял чуть ли не вертикальное положение, и альбиносу пришлось ухватиться за поручни двумя руками, чтобы не упасть. Зловещую тишину нарушил рев, в котором угадывался отдаленный смех.

— Повелитель Гроом! — вскричал Эльрик. — Повелитель Гроом! Не трогай нас! Мы не сделали тебе ничего плохого!

Смех усилился; корабль задрожал от киля до клотика. Земля поднималась и опадала огромными волнами; холмы, скалы, деревья надвигались на Корабль по Суше и по Морю с угрожающей быстротой, словно стремясь уничтожить его, и опять отступали — видимо, Гроом не хотел причинить вред своему детищу.

— Гроом! Ты никогда не обижал смертных! — вновь вскричал Эльрик. — Не трогай нас! Мы готовы заплатить выкуп, если ты этого желаешь!

Альбинос говорил все, что приходило ему в голову, не надеясь, что Властелин Подземного Царства его услышит, понимая, что, даже услышав его слова, Гроом не обратит на них внимания.

— ГРООМ! ГРООМ! ГРООМ! Это я, Эльрик, Император Мельнибонэ, зываю к тебе!

Смех гремел, не переставая; корабль кружился, как в водовороте.

— ПОВЕЛИТЕЛЬ ГРООМ! Неужели ты хочешь убить тех, кто никогда не причинял тебе вреда?!

Земля начала медленно оседать. Огромное коричневое существо, похожее на столетний дуб, появилось прямо по курсу корабля, застывшего на месте. Волосы и борода существа были зелеными, как листья, глаза сверкали подобно золотым вкраплениям в руде, зубы напоминали камни, ноги — корни деревьев; от него исходил душный приятный запах. Гроом, Повелитель недр земли, повел носом воздух, нахмурился, сказал мягким, но могучим голосом:

— Мне нужен мой корабль.

— Мы не можем отдать тебе то, что нам не принадлежит.

— Мне нужен мой корабль. — В тоне Гроома проскользнули капризные нотки. — Мне он нужен. Он — мой.

— Зачем он тебе, Повелитель Гроом?

— Зачем? Он — мой. Он — мой! — Гроом топнул ногой, и земля задрожала.

— Это — корабль твоего брата, Повелитель Гроом, — с отчаянием в голосе воскликнул Эльрик. — Он отдал тебе часть своих владений, а ты уступил ему Корабль по Суше и по Морю. Таковы были условия договора.

— Какого еще договора? Это мой корабль.

— Если ты отнимешь у нас корабль, Повелитель Страаша заберет земли, которые он тебе выделил.

— Мне нужен мой корабль. — Гроом переступил с ноги на ногу, комья глины посыпались с его тела, застучали по палубам Корабля по Суше и по Морю.

— Тебе придется убить нас, чтобы завладеть им, — сказал Эльрик.

— Убить? Гроом не убивает смертных. Он никого не убивает. Гроом созидает. Гроом дает жизнь.

— Ты уже убил трех наших товарищей. Три человека погибли из-за того, что ты поднял на земле бурю.

Гроом вновь нахмурился, поскреб в затылке. Волосы его зашелестели, как листья на ветру.

— Гроом никого не убивает, — повторил он.

— Гроом убил троих. Трое людей лишились жизни по его вине.

Властелин Подземного Царства неуверенно хмыкнул.

— Но мне нужен мой корабль!

— Его одолжил нам твой брат, и мы не вправе им распоряжаться. Кроме того, мы преследуем благородную цель...

— Меня не интересуют ни ваши цели, ни вы сами. Мне нужен мой корабль. Мой брат не должен был одалживать его вам. Я почти забыл о нем, а сейчас вспомнил. И он мне нужен.

— Быть может, ты согласишься принять какой-нибудь дар взамен корабля, Повелитель Гроом? — неожиданно спросил Дайвим Твар.

Гроом покачал огромной головой.

— Что может подарить мне смертный? Люди все время обирают меня. Они крадут мои кости, мою кровь, мою плоть. Разве ты способен отдать мне все то, что забрали у меня тебе подобные?

— Неужели тебе ничего не нужно? — спросил Эльрик.

Гроом закрыл глаза.

— Золото? Драгоценные камни? — предложил Дайвим Твар. — В Мельнибонэ много сокровищ.

— У меня их больше, — сказал Повелитель Подземного Царства.

Эльрик пожал плечами.

— Как можем мы договориться с богом, Дайвим Твар? — Он иронически улыбнулся. — Что ему нужно? Больше солнца? Больше дождей? Стихии нам неподвластны.

— Я довольно грубый бог, — признался Гроом, — если меня вообще можно считать богом. Но я не хотел убивать ваших товарищей. У меня появилась одна мысль. Отдайте мне тела погибших. Похороните их в моей земле.

Эльрик почувствовал, как сердце сильно забилося у него в груди.

— И это все, чего ты хочешь?

— По-моему, я прошу многого.

— А если мы выполним твою просьбу, ты позволишь нам плыть дальше?

— Да, — проворчал Гроом. — Но только по воде. Я не могу допустить, чтобы вы бороздили поверхность моей земли. В конце концов я не бесчувственный чурбан. Можете добраться вон до того озера, а затем корабль будет обладать только теми свойствами, которыми наделил его мой брат Страаша.

— Повелитель Гроом, нам очень нужен Корабль по Суше и по Морю. Мы срочно должны попасть в город...

— Можете добраться до озера. По суше корабль не пойдет. А сейчас отдайте мне то, что обещали.

Гроом протянул огромную руку, бережно взял тела трех матросов, которые боцман, по приказанию Эльрика, вынес на палубу.

— Благодарю вас, — буркнул он. — Прощайте. — И с этими словами Властелин Подземного Царства медленно стал оседать, пока полностью не слился с поглотившей его землей.

В ту же секунду никем не управляемый корабль заскользил по направлению к озеру, совершая свое последнее путешествие по суше.

— Все наши планы рухнули, — сказал Эльрик.

Дайвим Твар тоскливо посмотрел на сверкающее на солнце озеро.

— Мне тяжело говорить об этом, сир, но если ты не прибегнешь к помощи волшебных сил, нам не удастся спасти Каймориль.

Эльрик вздохнул.

— К сожалению, ты прав, Дайвим Твар.

Глава восьмая

Принц Йиркан был доволен. Все шло согласно его планам. Он прохаживался по плоской крыше самого высокого в Доз-Каме дома, изредка бросая взгляды на гавань, где стояли боевые корабли, захваченные им с помощью Зеркала Памяти. Тот, кто смотрел в него, забывал обо всем на свете. Демоны прикрепили зеркало к двум колоннам, установили на нем поворотный механизм, а Йиркан заплатил им душами тех жителей Йона и Йу, которые оказали ему сопротивление.

Он подошел к своей сестре, заговорил с ней. Каймориль лежала на деревянной скамье, уставившись в небо невидящим взглядом. Платье, в котором Йиркан похитил ее из Города Мечты, давно превратилось в грязные лохмотья.

— Взгляни на наш флот, Каймориль! Пока золотые галеры Мельнибонэ разбросаны по всему свету, мы войдем в гавань Имрирра и объявим город нашим! Эльрик не сможет оказать нам сопротивления. Как легко император попался в мою ловушку! Он дурак! И ты была дурой, согласившись принять его ухаживания!

Каймориль ничего не ответила. Все эти месяцы Йиркан подмешивал в ее еду и питье зелье, которое лишило принцессу сил, вызвало в ней такую же слабость, как у Эльрика, когда он не пил своих лекарственных трав. У Йиркана тоже был измученный вид. Непрерывные занятия черной магией сделали из него человека нервного, раздражительного. Глаза его мрачно сверкали, он практически перестал заботиться о своей внешности. Глядя на брата и сестру, можно было подумать, что жалкий город Доз-Кам оказал влияние на них обоих, заразил каждого какой-то болезнью.

— За себя, однако, можешь не беспокоиться, — продолжал Йиркан, злобно ухмыляясь. — Ты обязательно станешь императрицей. Но на Рубиновом Троне будет восседать император Йиркан, а Эльрик умрет тысячью смертей, прежде чем окончательно расстанется с жизнью. О, как сладко я отомщу ему.

Голос Каймориль звучал словно издалека. Отвечая своему брату, она даже не повернула головы.

— Ты безумен, Йиркан.

— Безумен? Что я слышу, сестра? Мы, истинные мельнибонийцы, никого не судим. Каждый из нас волен делать то, что хочет. Возможно, пребывание среди простых людей из Молодых Королевств повлияло на тебя нежелательным образом. Ничего, это поправимо. Скоро мы вернемся на Остров Драконов, и ты забудешь обо всем, как если б посмотрела в Зеркало Памяти. — Он вздрогнул, бросил испуганный взгляд на зеркало, словно ожидая, что сейчас оно повернется в его сторону.

Каймориль закрыла глаза. Она дышала медленно и тяжело. Принцесса терпеливо выносила испытания, выпавшие на ее долю, не сомневаясь, что рано или поздно Эльрик придет за ней. Надежда помогала ей жить. Она твердо решила, что покончит с собой, когда надеяться будет больше не на что.

— Я говорил тебе, что прошлой ночью мне сопутствовал успех? Я вызвал демонов, Каймориль. Могущественных демонов! Я получил от них бесценные сведения. И мне, наконец, удалось открыть Врата Тьмы. Скоро я войду в них, найду то, что искал, стану самым могущественным смертным на Земле! Я говорил тебе это, Каймориль?

Принцесса никак не отреагировала на откровения своего брата, которые он повторял в пятый или шестой раз за утро. Она чувствовала себя смертельно усталой. Ей хотелось спать. С трудом выговаривая каждое слово, она произнесла:

— Я ненавижу тебя, Йиркан.

— Ничего, Каймориль, скоро ты меня полюбишь. Очень скоро.

— Эльрик придет.

— Эльрик! Ха! Он бездельничает в своей башне, ожидая новостей, которые никто не сможет ему сообщить, кроме меня, когда я появлюсь в Имрирре!

— Эльрик придет.

Лицо Йиркана перекосилось. В это время служанка поднялась на крышу, поднесла принцу кубок с

вином. Йиркан схватил кубок, начал жадно пить, потом плюнул в девушку, которая отскочила в сторону, дрожа от страха. Принц поднял кубок, опрокинул его.

— Так прольется жидкая кровь альбиноса-императора! — вскричал он, глядя, как вино плещет на покрытую белой пылью крышу.

Каймориль его не слушала. Она пыталась вспомнить своего любимого и те дни, когда они были счастливы вместе.

Йиркан швырнул пустой кубок служанке в голову, но девушка-ойнянка давно привыкла к подобному обращению и вовремя пригнулась, громко бормоча единственные слова, с которыми она обращалась к своему господину:

— Спасибо, Повелитель демонов. Спасибо, Повелитель демонов.

Йиркан расхохотался.

— Да! Повелитель демонов! Ты права, называя меня этим именем. С каждым днем я становлюсь все могущественнее!

Девушка удалилась, чтобы принести Йиркану еще один кубок с вином, а принц подошел к перилам ограждения на крыше и вновь с восхищением уставился на боевые корабли, стоявшие в гавани. Внезапно на улице, примыкавшей к другой стороне здания, послышался какой-то шум. Йиркан недовольно нахмурился. Неужели жители Ойна и Йу подрались между собой? Почему имрирские военачальники не уследили за порядком? Куда подевался капитан Вальгарик?

Йиркан бросился на противоположный конец крыши, пробежав мимо Каймориль, которая, казалось, спала, посмотрел вниз.

— Пожар? — неуверенно пробормотал он. — Пожар?

И действительно, город горел, но подожгли его не люди. Огромные огненные шары величаво плыли по воздуху, прикасаясь к стенам, дверям, крышам домов, которые в ту же секунду вспыхивали, как факелы.

Йиркан громко выругался. Сначала он подумал, что допустил ошибку при чтении какого-нибудь заклинания, в результате чего взбунтовался один из демонов, но потом принц увидел на реке корабль неописуемой красоты и понял, что город подвергся нападению. Но почему? В Доз-Каме нечем было поживиться, он не представлял никакого интереса для корсаров. А имрирцам никогда не приходило бы в голову искать его, Йиркана, в этом захолустье. И Эльрику тоже.

— Не может такого быть, чтобы Эльрик меня обнаружил! — взревел мятежный принц. — Не должно такого быть! Зеркало! Надо немедленно повернуть зеркало к захватчикам!

— И к своим собственным воинам, брат? — Каймориль с трудом приподнялась, оперлась о локоть. — Ты был слишком самоуверен, Йиркан. Эльрик пришел.

— Глупости! На нас напали варвары из какой-то близлежащей страны. Как только они окажутся в центре города, мы сможем использовать против них Зеркало Памяти. — Он подбежал к лестнице, ведущей в его апартаменты. — Вальгарик! Капитан Вальгарик, где ты?

Запыхавшийся Вальгарик поспешно поднимался на крышу. По лицу его градом катился пот.

— Немедленно займись зеркалом! Поверни его к захватчикам!

— Но, сир, тогда и наши...

— Поторопись! Выполняй приказ! Скоро эти варвары вольются в ряды нашей армии, а их корабль станет флагманом нашего флота!

— Варвары, сир? Разве могут варвары повелевать сверхъестественными существами? Эти шары — духи огня. Мы не можем с ними бороться.

— Огонь уничтожают водой. Водой, капитан Вальгарик. Неужели ты этого не знаешь?

— Мой император, мы пытались потушить огненные шары, но вода не стала выливаться из ведер. Какой-то могущественный волшебник командует захватчиками. Ему подвластны и духи огня, и духи воды.

— Ты сошел с ума, капитан Вальгарик, — твердо сказал Йиркан. — Сошел с ума. Немедленно перестань болтать глупости и займись зеркалом.

— Слушаюсь, сир. — Вальгарик облизнул пересохшие губы, низко поклонился и пошел выполнять распоряжение своего господина.

Йиркан вновь подошел к перилам ограждения. Сражение кипело на улицах, но из-за густого дыма принцу никак не удавалось рассмотреть атакующих.

— Наслаждайтесь мнимой победой! — Йиркан ухмыльнулся. — Скоро вы потеряете память и навсегда станете моими рабами!

— Это Эльрик. — Каймориль улыбнулась. — Он пришел, чтобы отомстить тебе, брат.

Йиркан чуть не поперхнулся собственной слюной.

— Ты так думаешь? Ты в этом убеждена? Даже если б ты оказалась права, он все равно никогда не захватил бы меня в плен, зато тебя нашел бы в таком состоянии, что не обрадовался бы. Но это не Эльрик. Какой-нибудь глупый шаман подговорил восточных варваров напасть на нас. Скоро он будет в моей власти.

Каймориль с трудом встала со скамьи, подошла к Йиркану, пристально посмотрела вниз.

— Эльрик, — сказала она. — Я вижу его шлем.

— Что?! — Йиркан оттолкнул сестру, перегнулся через перила ограждения.

На улицах города имриррцы сражались с имриррцами, — теперь это не вызывало сомнений. Во главе нападавших бился человек в черном шлеме в форме дракона, — такой шлем носил только один мельнибониец. Двуручный меч, когда-то принадлежавший графу Оубеку из Маладора, поднимался и опускался, а лезвие его, обагренное кровью, сверкало в лучах восходящего солнца.

На какое-то мгновение Йиркана охватило отчаяние. Он застонал.

— Эльрик. Эльрик. Эльрик. Почему мы всегда недооценивали друг друга? Что за проклятье лежит на нас?

Каймориль тряхнула волосами, в глазах ее зажглись огоньки.

— Я говорила, что он придет, брат!

Йиркан круто повернулся.

— Да, он пришел, и зеркало лишит его рассудка, превратит в моего раба, который поверит всему, что я ему скажу. Моя месть будет слаще, чем я предполагал! Ха! — Он поднял голову, быстро прикрыл глаза рукой, понимая, какую страшную ошибку чуть было не совершил. — Скорее! Спускаемся вниз! Зеркало поворачивается! — Послышались скрип и скрежет цепей. — Скоро Эльрик и его воины вольются в ряды нашей армии! Какая великолепная шутка! — Крепко схватив Каймориль за руку, Йиркан подбежал к лестнице, начал быстро спускаться в свои апартаменты. — Эльрик поможет мне завоевать Город Мечты! Он своими руками уничтожит все то, что ему дорого, сам себя скинет с Рубинового Трона!

— Неужели ты думаешь, Эльрик ничего не знает об опасности, которая грозит ему, если он посмотрится в Зеркало Памяти? — презрительно спросила Каймориль.

— Конечно, знает, да что толку? Чтобы сражаться, надо видеть, с кем ты сражаешься. Если Эльрик закроет глаза, его убьют. Если он их откроет, то не сможет не посмотреть в зеркало. — Йиркан огляделся по сторонам. — Куда подевался Вальгарик? Что он мешкает?

На лестнице послышался топот ног; капитан Вальгарик вбежал в комнату.

— Зеркало поворачивается, сир, но я боюсь, оно окажет воздействие на наших воинов.

— Что с того? Пускай себе лишаются памяти. Мы быстро объясним и нашим друзьям, и нашим врагам, как им надлежит действовать в дальнейшем. У тебя слишком слабые нервы, капитан Вальгарик.

— Но нашими врагами командует Эльрик!

— У Эльрика тоже есть глаза, хоть они и похожи на горящие угли. Он такой же, как все.

На улицах вокруг дома Йиркана кипела битва. Мельнибонийцы во главе с Эльриком и Дайвимом Тваром теснили своих противников все дальше и дальше. Атака развивалась крайне успешно; повсюду валились трупы солдат Ойна и Йу, имрирские ренегаты в страхе отступали. Духи огня, которых Эльрик вызвал с большим трудом, исчезали один за другим (им тяжело было долго оставаться в измерении Земли), но они выполнили свою миссию. Теперь уже не вызывало сомнений, кто победит в битве: большинство защитников города тушило пожары, не желая, чтобы Доз-Кам сгорел дотла. В гавани пылали боевые корабли.

Дайвим Твар первый заметил, что зеркало стало поворачиваться. В ту же секунду он протрубил в рожок, подзывая к себе отряд воинов, до сих пор не принимавших участия в сражении.

— Теперь ваша очередь! — вскричал он, опуская забрало шлема, в котором прорезь для глаз была закрыта железной полосой.

Эльрик тоже опустил забрало своего шлема, оказался в полной темноте. Однако битва продолжалась: вперед вышли ветераны Мельнибонэ. Лица их были открыты.

Йиркан отодвинул тяжелую штору, осторожно выглянул в окно, раздраженно спросил:

— Вальгарик? Они все еще сражаются. Почему? Ты уверен, что Зеркало Памяти повернуто в их сторону?

— Да, сир.

— Посмотри сам. Имрирцы продолжают наступать, а наши защитники постепенно попадают под влияние зеркала. В чем дело, Вальгарик? В чем дело?

Вальгарик выглянул в окно, со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Они слепые, — сказал он, и в голосе его проскользнули нотки восхищения. — Они слепые, мой император, и они ведут за собой Эльрика и его солдат, которые закрыли прорези для глаз в шлемах, чтобы ничего не видеть.

— Слепые? — растерянно спросил Йиркан, словно не веря собственным ушам. — Слепые?

— Да. Ветераны, ослепшие в предыдущих боях; прекрасные воины, привыкшие жить и действовать в темноте. Эльрик может не бояться нашего зеркала, сир.

— А-а-а-а! Нет! Нет! — Не помня себя от ярости, Йиркан изо всех сил ударил капитана по спине. — Эльрик неумен! Эльрик глуп! Какой-нибудь могущественный демон подсказал ему эту мысль!

Капитан Вальгарик вжал голову в плечи.

— Да, сир. Но разве есть на свете демоны более могущественные, чем те, которыми командуешь ты?

— Нет. Конечно, нет. О, если б только я мог сейчас вызвать одного из них! Но я истратил все свои силы, открывая Врата Тьмы. Я должен был предвидеть... но я не мог этого предвидеть! Ах, Эльрик! Я уничтожу тебя, как только завладею рунными мечами. — Йиркан нахмурился. — Но кто предупредил его? Какой демон? Неужто ему удалось заручиться помощью Ариоха? Нет, не мог он вызвать Ариоха. Даже я не смог его вызвать!

А затем, словно в ответ на его бессвязные слова, послышался боевой клич Эльрика, разнесшийся, казалось, по всему городу.

— Ариох! Ариох! Кровь и души для моего повелителя, Ариоха!

Йиркан заметался по комнате, бормоча себе под нос:

— Я должен завладеть двумя рунными мечами. Я должен пройти во Врата Тьмы. У меня есть могущественные союзники, сверхъестественные существа, которые с легкостью расправятся с Эльриком. Время... Мне нужно выиграть время...

Вальгарик продолжал наблюдать за битвой.

— Скоро они будут здесь, — пробормотал он.

Каймориль улыбнулась.

— Что скажешь, Йиркан? Кто из вас двоих глуп — Эльрик или ты?

— Замолчи! Не мешай мне думать!.. — Йиркан нервно потер лоб. Внезапно глаза его заблестели; он исподтишка посмотрел на Каймориль, затем резко повернулся к Вальгару.

— Ты должен уничтожить Зеркало Памяти.

— Уничтожить? Ведь это — наше единственное оружие, сир!

— Вот именно. Но разве зеркало может помочь нам победить Эльрика?

— Нет.

— Уничтожь его, и оно сослужит нам службу. — Йиркан вытянул руку по направлению к лестнице. — Иди. Уничтожь зеркало.

— Но, принц Йир... мой император...

— Выполняй приказ!

— Слушаюсь, сир. Как мне уничтожить его?

— Заберись на колонну с обратной стороны зеркала. Ударь по нему своим мечом. Оно сразу разобьется.

— Что я еще должен сделать?

— Ничего. Считай, больше ты у меня не служишь. Можешь идти на все четыре стороны.

— Разве мы не отправимся на завоевание Мельнибонэ?

— Конечно, нет. Я разработал другой план захвата Острова Драконов.

Вальгарик пожал плечами. По выражению его лица было ясно видно, что он никогда не верил обещаниям Йиркана. Опустив голову, капитан начал медленно подниматься по лестнице.

— А сейчас, Каймориль... — Йиркан усмехнулся, по-волчьи обнажив зубы, грубо схватил свою сестру за плечи. — А сейчас я подготовлю тебя к встрече с твоим суженым.

Один из слепых воинов воскликнул:

— Нам больше не оказывают сопротивления, сир. Мы убиваем людей, как скотину на бойне. В чем дело?

— Зеркало лишило их памяти, — ответил Эльрик. — А сейчас нам необходимо укрыться в каком-нибудь доме, где мы сможем передохнуть перед решительным наступлением. Ведите нас, ветераны!

Через несколько минут альбинос поднял забрало шлема, огляделся по сторонам. Он стоял в пакгаузе, к счастью, достаточно просторном, чтобы в нем мог разместиться весь его отряд. Подождав, пока последний воин закроет за собой дверь, Эльрик начал обсуждать создавшееся положение с Дайвимом Тваром.

— Нам необходимо найти Йиркана, — сказал Хранитель Драконых Пещер. — Давай допросим одного из пленных.

— Какой в этом смысл, друг мой? Все они потеряли память и не помнят даже, как их зовут, — напомнил Эльрик Дайвиму Твару. — Подойди к одному из окон, отодвинь занавеску и осторожно, чтобы не попасть под влияние зеркала, выгляни на улицу. Быть может, тебе удастся увидеть какое-нибудь здание, в котором, скорее всего, поселился мой брат.

Дайвим Твар молча повиновался.

— Я вижу самый большой в Доз-Каме дом, — сказал он, — а рядом с ним несколько имриррских воинов. Похоже, они не смогут оказать нам сопротивление.

Эльрик подошел к окну.

— Думаю, в этом доме мы найдем Йиркана. Захватить его будет несложно. Но нам надо спешить. Я боюсь, он убьет Каймориль. Выберем кратчайший маршрут, объясним нашим ветеранам...

— Что это за звук? — внезапно спросил один из слепых воинов, поднимая голову. — Словно где-то далеко гудит колокол.

— Странный звук, — сказал второй ветеран.

Теперь и Эльрик услышал зловещий гул, доносившийся, казалось, со всех сторон.

— Зеркало! — вскричал Дайвим Твар. — Быть может, оно обладает свойствами, о которых мы ничего не знаем?

— Возможно... — Эльрик попытался вспомнить свой разговор с Ариохом. — Ничего конкретного Повелитель Хаоса о зеркале не сказал. И уж по крайней мере он не говорил... Йиркан разбивает зеркало! — вскричал альбинос. — Но зачем? — Внезапно он почувствовал, что неприятный звук проникает прямо в мозг, будоражит мысли.

— А может, Йиркан погиб, и его колдовство погибло вместе с ним? — спросил Дайвим Твар. — Может... — Он застонал, схватился за голову.

Теперь Эльрик понял, что произошло. Руками в латных рукавицах он зажал уши. Зеркало разбилось, а воспоминания, которые оно хранило тысячи, десятки тысяч лет вырвались на волю. Это были воспоминания богов и смертных, зверей и разумных существ, населявших Землю задолго до того, как появилась империя Мельнибонэ. И воспоминания эти пытались проникнуть в мозг Эльрика, в мозг каждого имрирца, в мозг каждого человека в Доз-Капе. Ужасные, душераздирающие крики доносились со всех сторон. Только в мозг капитана Вальгарика воспоминания проникнуть не смогли, потому что изменник поскользнулся, слезая с колонны, упал и разбился о мостовую, усыпанную осколками стекла.

Эльрик не слышал предсмертного крика капитана Вальгарика, не слышал, как тело его ударилось сначала о крышу, а затем о мостовую. Эльрик катался по каменному полу складского помещения, как и все его товарищи, пытаясь выкинуть из головы миллионы воспоминаний, ему не принадлежавших: о любви и ненависти, странных и обычных приключениях, о родственниках, к которым он не имел ни малейшего отношения, о мужчинах, женщинах и детях, о животных, кораблях и городах, о сражениях, страхах и желаниях. Одни воспоминания старались вытеснить другие из мозга альбиноса, грозя уничтожить его память, а следовательно, и его самого. Эльрик катался по каменному полу пакгауза, повторяя одно и то же слово, чтобы не забыть, кто он такой: «Эльрик. Эльрик. Эльрик».

Только один раз в жизни, вызывая Ариоха на Землю, потерял альбинос столько физических и душевных сил, сколько сейчас. Но постепенно ему удалось вытеснить из своего мозга все воспоминания, кроме собственных. С огромным трудом поднялся он на ноги, огляделся по сторонам.

Почти все его люди, включая ветеранов, погибли. Трупы лежали в неестественных позах, некоторые воины перед смертью разбили свои головы о стены. Из правой глазницы боцмана текла кровь: видимо, он пытался выцарапать собственный глаз. Дайвим Твар, свернувшийся в клубок, что-то бессвязно бормотал себе под нос. Многие имрирцы сошли с ума, но безумие их было тихим: они смотрели в потолок невидящим взором, беззвучно шевеля губами. Только пятеро, включая Эльрика, не лишились памяти. Альбинос наклонился к Дайвиму Твару, положил руку ему на плечо.

— Дайвим Твар?

Хранитель Драконьих Пещер поднял голову, посмотрел Эльрику в глаза. Дайвим Твар словно постарел на тысячу лет, но на губах его блуждала ироническая улыбка.

— Я жив, Эльрик, — сказал он.

Через некоторое время они вышли из пакгауза, не опасаясь больше Зеркала Памяти. Повсюду лежали трупы жителей Доз-Капы, не выдержавших наплыва чужих воспоминаний. Окоченевшие тела протягивали к Эльрику руки. Мертвые губы молча молили о пощаде. Желание отомстить Йиркану вспыхнуло в

альбиносе с новой силой.

Дверь в дом Йиркана была распахнута настежь. Осторожно переступая через мертвые тела, Эльрик, Дайвим Твар и четверо имрирцев поднялись по лестнице на четвертый этаж, вошли в просторную комнату. И увидели Каймориль.

Она лежала на кровати абсолютно голая; ее кожа была разрисована непристойными рунами. Глаза девушки закрывались сами собой; казалось, она не видит и не слышит ничего вокруг. Эльрик подбежал к ней, прижал к себе. Тело Каймориль было холодным как лед.

— Он... заставил меня... заснуть... волшебным сном, от которого... только он... может пробудить меня. — Она зевнула. — Я... не хочу спать... потому что мой Эльрик... скоро придет.

— Эльрик пришел, — мягко сказал альбинос. — Я здесь, Каймориль.

— Эльрик? — Девушка расслабилась, тело ее обмякло. — Ты... должен найти Йиркана... только он... может разбудить меня...

— Где он? — Лицо альбиноса посуровело, в красных глазах зажглись недобрые огоньки. — Где?

— Он ушел... чтобы добыть... два рунных меча... наших предков...

— «Властительницу Мрака» и «Повелителя Бурь», — хмуро сказал Эльрик. — Эти мечи прокляты. — Но куда он ушел, Каймориль? Как ему удалось скрыться?

— Он... он... он... воздвиг... Врата Тьмы... Ему удалось... заключить... страшный договор с демонами... В следующей... комнате... — Веки Каймориль закрылись, морщинки на лбу разгладились, на лице появилось умиротворенное выражение. Она уснула.

Дайвим Твар выхватил меч из ножен, распахнул дверь в другую комнату, погруженную во тьму. В дальнем углу комнаты тускло сверкал и переливался воздух. Из тьмы исходил зловонный запах.

— Без черной магии здесь не обошлось, — сказал Эльрик. — Йиркан оказался хитрее, чем я думал. Он проник в одно из бесчисленных измерений, и теперь я не смогу узнать, в какое именно. О, Ариох, дорого бы я дал, чтобы найти своего брата!

— В таком случае ты его найдешь, — с иронией произнес мелодичный голос.

Сначала альбинос подумал, что в мозгу его зазвучало эхо одного из воспоминаний Зеркала Памяти, но потом он понял, что к нему обратился Повелитель Хаоса.

— Удали из комнаты своих людей, чтобы я мог поговорить с тобой, — сказал Ариох.

Эльрик заколебался. Ему хотелось остаться наедине с Каймориль, а не с Ариохом. Он поглядел на девушку, и его красные глаза наполнились слезами.

— То, что я скажу, даст тебе возможность помочь Каймориль и отомстить Йиркану. Более того, ты станешь самым могущественным смертным из всех, кто когда-либо населял этот мир.

Эльрик посмотрел на Дайвима Твара.

— Мне бы хотелось немного побыть одному.

— Конечно, сир. — Дайвим Твар и четверо имрирских воинов вышли из комнаты, закрыли за собой дверь.

Ариох стоял, прислонившись к этой самой двери. Повелитель Хаоса улыбался открыто и дружелюбно. Он вновь был в образе прекрасного юноши, и только древние как мир глаза не гармонировали с его внешностью.

— Пришло время, когда ты должен отправиться на поиски рунных мечей, чтобы Йиркан не завладел ими первым, — сказал Ариох. — Хочу предупредить тебя: эти мечи сделают твоего брата таким могущественным, что он уничтожит половину планеты, и не заметит этого. Если Властительница Мрака и Повелитель Бурь окажутся в руках Йиркана, погибнешь ты, Каймориль, Молодые Королевства и, возможно, Мельнибонэ. Я помогу тебе проникнуть в измерение, где хранится это сверхъестественное оружие.

— Меня часто предупреждали, — неуверенно произнес Эльрик, — что искать рунные мечи — опасно,

а владеть ими — еще опаснее. Мне кажется, надо придумать какой-нибудь другой способ обезвредить Йиркана.

— Другого способа не существует. Завладев мечами, твой брат станет неуязвимым, потому что они делают могущественным того, кто ими пользуется. — Ариох вздохнул. — Неизмеримо могущественным. Ты должен поступить так, как я сказал. Это в твоих интересах.

— И в твоих тоже, герцог Ариох?

— Да, и в моих тоже. Я не бескорыстен.

Эльрик покачал головой.

— Я не знаю, что мне делать. Слишком много сверхъестественных событий произошло за последнее время. Я подозреваю, что боги просто используют нас в своих целях.

— Боги служат тем, кто хочет служить им. Кроме того, боги — служители судьбы.

— Все это мне не нравится. Остановить Йиркана — это одно, а стремиться, как он, к власти и обладанию рунными мечами — совсем другое.

— Такова твоя судьба.

— Разве я не могу изменить свою судьбу?

Ариох покачал головой.

— Ни ты, ни я не властны изменить наши судьбы.

Эльрик погладил спящую Каймориль по волосам.

— Я люблю ее. Мое единственное желание — быть вместе с нею.

— Тебе никогда не удастся разбудить Каймориль, если Йиркан завладеет рунными мечами.

— Хорошо. Как мне найти их?

— Пройди Врата Тьмы. Йиркан уверен, что они закрылись за ним, но я держу их открытыми. Ты должен разыскать Тоннель под Трясиной, который ведет в Пульсирующую Пещеру. Рунные мечи хранятся там с тех самых пор, как ими отказались пользоваться твои предки.

— А почему они отказались ими пользоваться?

— У твоих предков не хватило смелости.

— Для чего?

— Для того, чтобы познать себя.

— Ты говоришь загадками, герцог Ариох.

— В этом я ничем не отличаюсь от остальных Повелителей Высших Измерений. Поторопись. Даже я не могу долго держать Врата Тьмы открытыми.

— Хорошо, — повторил Эльрик. — Я готов отправиться на поиски рунных мечей.

В ту же секунду Ариох исчез.

Хриплым, срывающимся голосом альбинос позвал Дайвима Твара. Хранитель Драконых Пещер вбежал в комнату.

— Эльрик? Что случилось? Каймориль грозит опасность? Ты выглядишь, как...

— Я должен догнать Йиркана, Дайвим Твар. Сейчас я последую за ним, а ты возвращайся в Мельнибонэ вместе с Каймориль. Если ты не получишь обо мне никаких известий в течение года, объяви ее императрицей. Если она все еще будет спать, тебе придется управлять государством как регенту, до тех пор пока она не проснется.

Дайвим Твар внимательно посмотрел на альбиноса.

— Ты знаешь, что делаешь, друг мой? — мягко спросил он.

Эльрик покачал головой.

— Нет, Дайвим Твар, не знаю. — Он поднялся на ноги и, спотыкаясь на каждом шагу, вошел в комнату, где находились Врата Тьмы.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Ничто теперь не могло изменить судьбу Эльрика, которая была выкована на наковальне будущего, как были выкованы на наковальне прошлого два черных рунных меча. Мог ли Эльрик свернуть со своего пути, ведущего к отчаянию, вечным мукам и гибели? Или он был обречен тосковать, сражаться, чувствовать свое одиночество и страшные угрызения совести в тысячах инкарнаций, быть Бессмертным Героем, преследующим неизвестную цель?

Глава первая

Эльрик сделал шаг вперед и очутился в стране теней. Врата Тьмы растворились в воздухе, исчезли. Крепко сжимая в руке меч Оубека, альбинос огляделся по сторонам. У него возникло такое ощущение, будто он попал в гигантскую пещеру, стены и потолок которой, хоть и находились вне пределов досягаемости, давили на него, прижимали к земле. И Эльрик горько пожалел, что, предавшись отчаянию, согласился подчиниться воле своего демона-покровителя Ариоха.

Йиркана нигде не было видно. Либо брат Эльрика заранее приготовил себе лошадь по эту сторону Врат Тьмы, либо он оказался в этом измерении под другим, чем Эльрик, углом (измерения медленно вращались одно вокруг другого), а следовательно мог находиться и ближе альбиноса к Пульсирующей Пещере, и дальше от нее. В душном влажном воздухе пахло солью. У Эльрика возникло ощущение, что он стоит на дне моря и каким-то непонятным образом дышит морской водой. Из-за густых теней, лежавших повсюду, вдалеке почти ничего нельзя было разглядеть; темно-серое, мрачное небо напоминало огромный купол, покрывший землю. Эльрик медленно вложил меч в ножны, прищурился, вглядываясь в горизонт. К востоку от каменистого плато, на котором он стоял, смутно угадывались очертания гор, к западу — лес. Расстояние до них определить было невозможно, так как на небе не было ни солнца, ни звезд, ни луны. Холодный ветерок раздувал полы плаща альбиноса. В сотне шагов от него росли несколько искривленных деревьев без единого листика, а за ними — на довольно большом расстоянии — возвышался бесформенный валун. Казалось, Эльрик очутился в измерении, где когда-то произошла страшная битва между Законом и Хаосом, уничтожившая все живое. Много ли существовало таких измерений во Вселенной? На мгновение Эльрик представил себе, что его Земля превратится в мир такой же холодный и мрачный, как этот, и ему стало страшно. Он тряхнул головой, отгоняя неприятные мысли, и пошел вперед.

Проходя мимо деревьев, он случайно задел одну из веток, которая с треском сломалась, вспыхнула и мгновенно сгорела дотла. Ветер подхватил пепел, унес его вдаль. Эльрик плотнее запахнулся в плащ.

По мере приближения к валуну, альбинос все отчетливее слышал какой-то странный звук. Он замедлил шаг, положил руку на рукоять меча. Кто-то храпел во сне: ритмично, громко.

Внезапно храп оборвался. Зашуршала одежда, что-то звякнуло о камень. Незнакомец явно проснулся и приготовился либо к нападению, либо к защите.

— Меня зовут Эльрик из Мельнибонэ, — негромко сказал альбинос. — Я — чужестранец.

Стрела пролетела на волосок от его черного шлема в форме дракона. Эльрик упал на бок, перекатился по земле. Спрятаться ему было негде: единственным укрытием служил валун, за которым притаился неизвестный лучник.

— Я хотел не убить тебя, а продемонстрировать свое искусство, — сказал бесстрастный голос. — Мне осточертели демоны, которыми кишит этот мир, а ты выглядишь опаснее любого из них.

— Я — простой смертный. — Эльрик поднялся на ноги, выпрямился, решив, что уж если ему суждено умереть, надо принять смерть с достоинством.

— Ты упомянул Мельнибонэ. Я слышал об Острове Драконов. На нем живут демоны.

— Это не так. Мы — обычные люди. Только невежественный человек может считать нас демонами.

— Меня нельзя назвать невежественным, друг мой. Я принадлежу к высшей касте воинов-священников Пама, обладаю древними знаниями и до недавнего времени моими покровителями были боги Хаоса. Когда я отказался служить им, они отправили меня в ссылку в это измерение. Возможно, и тебя постигла та же участь? Ведь мельнибонийцы, насколько мне известно, тоже служат Хаосу.

— Да. И я слышал о Паме. Он находится далеко на востоке, за Плачущей Пустошью, за Вздыхающей Пустыней, за городом Эльвером. Пам — одно из первых Молодых Королевств.

— Положим, он не обозначен только на картах западных варваров, а все остальное — верно. Так ты тоже находишься в ссылке?

— Нет. Я пришел в это измерение с определенной целью. Когда она будет достигнута, я вернусь

домой.

— Вот как? Это интересно, мой бледнолицый друг. Я думал, из этого мира невозможно вернуться на Землю.

— Быть может, ты прав, и меня обманули. Если у тебя не хватило сил, чтобы переместиться в другое измерение, значит, и у меня это вряд ли получится.

— О каких силах ты говоришь? Я лишился их после того, как перестал служить Хаосу. Итак, друг, что мы будем делать? Намерен ли ты вызвать меня на дуэль?

— В этом измерении существует лишь один человек, с которым я хочу скрестить мечи, и этот человек — не ты, воин-священник из Пама. — Эльрик вложил меч в ножны, и в ту же секунду его собеседник вышел из-за валуна, снял с тетивы стрелу и положил ее в колчан.

— Я — Ракир, — представился он. — Меня называют Красный Лучник, потому что, как видишь, на мне — алые одежды. Таков наш обычай: каждый воин-священник Пама носит одежды одного цвета. Эта традиция — единственная, которую я соблюдаю. — На нем были алая куртка, алые бриджи, алые сапоги и алая шапочка с алым пером. За спиной у него висел алый лук. Рукоять его меча горела и переливалась подобно крупному рубину. Орлиные черты изможденного лица Ракира, казалось, были высечены из гранита. Он был высок ростом, худ, мускулист; на губах его играла ироническая улыбка, глаза говорили о том, что этот человек пережил многое.

— Странное ты выбрал место для достижения своей цели, — сказал Красный Лучник, сложив руки на груди и оглядывая Эльрика с головы до ног. — Если тебя интересует мое предложение, мы могли бы договориться.

— Ты знаешь мир, в который я попал, намного лучше меня, так что я готов договориться с тобой о чем угодно, если это, конечно, не будет противоречить моим планам.

— Насколько я понимаю, ты пришел сюда по важному делу, а покончив с ним, собираешься вернуться домой. У меня здесь нет никаких дел, и я тоже хочу попасть на Землю. Если я помогу тебе, ты возьмешь меня с собой на обратном пути?

— Я сделаю все возможное, чтобы выполнить твою просьбу. Но я не могу обещать тебе то, что может оказаться мне не по силам.

— Разумно, — согласился Ракир. — А теперь скажи, зачем ты сюда пришел?

— Я ищу два черных рунных меча, выкованные в незапамятные времена. Когда-то ими владели мои предки, сейчас же они находятся в этом измерении. Мне сказали, они хранятся в Пульсирующей Пещере, в которую можно попасть через Тоннель под Трясиной. Эти названия ни о чем тебе не говорят?

— Нет. И о двух черных мечах я тоже ничего не знаю. — Красный Лучник потер подбородок, нахмурился. — Впрочем... в одной из священных книг говорилось о каком-то загадочном оружии с черным лезвием, испещренном рунами.

— Рунные мечи легендарны, о них упоминается во всех древних рукописях, им посвящена книга, в которой рассказывается о тех, кто владел или будет владеть ими. Говорят, прочитав эту книгу, можно узнать свою судьбу. В ней заключена история всех времен, и называется она «Хроника Повелителя Бурь».

— Первый раз слышу. В Паме такой книги нет. Боюсь, друг Эльрик, нам придется отправиться в город Амирон. Попробуем узнать у его жителей то, что тебя интересует.

— В этом измерении есть город?

— Да. И ради тебя я готов на некоторое время в него вернуться. Когда-то я жил там, но затем предпочел жить вне его стен.

— Чем тебе не понравился Амирон?

— Трудно сказать. Жители его — глубоко несчастные люди. Образно говоря, их можно назвать угнетенными и угнетателями в одно и то же время. Ни один из них — будь то ссыльный, беглец или простой путешественник — не может покинуть это измерение по своей воле. Они живут в Амироне потому,

что им некуда деться.

— Одним словом, Амирон — Город Проклятых.

— Как сказал бы поэт: «О, да!» — иронически заметил Ракир. — Впрочем, иногда мне кажется, что все города одинаковы.

— Странное измерение. Здесь нет ни луны, ни солнца, ни звезд. Иногда мне кажется, что я попал в какую-то гигантскую пещеру.

— Ты недалек от истины. Согласно одной из теорий, мы находимся в сфере, погребенной в необъятной толще скалы. По другой теории, мы попали в будущее нашей Земли после гибели Вселенной. За те несколько дней, что я провел в Амироне, я выслушал тысячи теорий, которые показались мне достаточно убедительными. Многие люди утверждают, что все на свете — ложь. Соответственно, все на свете может быть правдой.

Теперь уже Эльрик иронически заметил:

— А ты, оказывается, не только лучник, друг Ракир, но еще и философ.

Ракир рассмеялся.

— Пусть так. Мои рассуждения привели к тому, что я перестал служить Повелителям Хаоса, и в результате оказался здесь. Говорят, на одной из вечно изменяющихся границ Вздыхающей Пустыни стоит город Танелорн. Если я когда-нибудь вернусь на Землю, друг Эльрик, я обязательно отправлюсь на поиски Танелорна, где разговоры о лжи и правде считаются бессмысленными, где можно обрести покой. Люди просто счастливы тем, что живут в Танелорне.

— Я им завидую, — сказал Эльрик.

Ракир усмехнулся.

— Да. Но боюсь, очутившись в Танелорне, я испытаю горькое разочарование. Легенды тем и хороши, что они — легенды. Когда же сталкиваешься с действительностью, мечты развеиваются, как дым. Пойдем в Амирон, Эльрик. Как ни печально, этот город типичен для любого измерения.

Двое высоких мужчин, — оба отщепенцы, хоть и с разными судьбами, — молча пошли вперед по каменистой равнине.

Глава вторая

По сравнению с Амироном Доз-Кам казался самым богатым и самым опрятным городом на свете. Амирон был расположен в естественном котловане, окруженном скалами, над которыми висел густой грязно-серый дым, скрывающий от глаз смертных и богов полуразрушенные и разрушенные здания, сильно отличавшиеся одно от другого. Наряду с палатками и избушками в городе возвышались дворцы и замки, стояли коттеджи и виллы. Некоторые строения без окон и с небольшой дверью напоминали кучу камней. Тут и там горели небольшие костры; в чадном воздухе пахло гнилью.

— Отличительная черта характера жителей Амирона — небывалое высокомерие, — Ракир сморщил свой орлиный нос. — Впрочем, других черт характера у них нет вовсе.

Эльрик осторожно шагал по кучам мусора и отбросов. Между домами лежали глубокие тени.

— Нет ли здесь какой-нибудь гостиницы, где мы могли бы расспросить постояльцев о Тоннеле под Трясиной и Пульсирующей Пещере?

— В Амироне нет ни гостиниц, ни постоянных дворов. Его обитатели ютятся в своих домах семьями или поодиночке. Здесь собрались люди из различных измерений и времен, поэтому в городе царит разруха.

— Как же они живут?

— Грабят друг друга или торгуют с демонами. Самые храбрые охотятся на крыс в подземных пещерах города.

— С какими демонами?

— Здесь много приспешников Хаоса. Им можно продать душу-другую или новорожденного (хотя дети редко рождаются в Амироне). Иногда за их услуги надо платить сам знаешь чем, если тебе приходилось сталкиваться с демонами.

— Понятно. Значит, Хаос безраздельно властвует в этом измерении?

— Трудно сказать. Однако демонам намного проще попасть сюда, чем в наш мир.

— А ты видел хоть одного демона?

— Да. Это — обычные звероподобные существа: грубые, глупые и достаточно могущественные. Многие из них, прежде чем заключили договор с Хаосом, были людьми. Сейчас они стали уродами и в умственном, и в физическом отношении.

От слов Ракира Эльрику стало не по себе.

— Неужели такая судьба ждет каждого, кто служит Хаосу?

— Тебе виднее, ты — мельнибониец. Воины-священники Пама, за редким исключением, сохраняют свой человеческий облик. Мне кажется, что чем выше ставки в той игре, которую Повелители Хаоса ведут со своими слугами, тем незаметнее изменения, происходящие в их телах и душах.

Эльрик вздохнул.

— У кого же нам узнать о Тоннеле под Трясиной?

— В Амироне живет один старик... — Ракир умолк, наклонив голову.

Послышалось громкое хрюканье. Из темноты на свет высунулось лицо с клыками. Уставившись на Эльрика и Ракира, оно еще раз хрюкнуло.

— Кто ты? — спросил альбинос, положив руку на рукоять меча.

— Свинья, — сказала лицо с клыками, и Эльрик не понял, оскорбило его существо или назвало свое имя.

Из темноты появились еще два лица с клыками.

— Свинья, — сказала одно из них.

— Свинья, — повторило другое.

— Змея, — произнес голос за спиной Эльрика.

Альбинос резко повернулся, увидел высокого юношу с клубком змей вместо головы. Змеи открыли рты, произнесли, как одна:

— Змея.

— Явление, — сказал еще один голос.

Эльрик оглянулся, задрожал от отвращения, выхватил меч из ножен.

В эту минуту Свины, Змея и Явление набросились на двух людей.

Ракир убил одну из Свиный, прежде чем она успела сделать три шага. Он снял лук, приладил стрелу и спустил ее с тетивы за доли секунды. Ему удалось убить еще одну Свиныю, а затем он отбросил лук в сторону и тоже выхватил меч из ножен.

Эльрик и Ракир стояли спиной к спине, отражая атаку демонов. Змея плевалась и шипела пятнадцать головами; Явление все время меняло форму: из колеблющейся массы появлялись то плечо, то колено, то рука.

— Явление! — вскричало оно, взмахнув двумя мечами сразу. Эльрик едва успел уклониться от удара, и в это время на него начала Свиныя. Сделав выпад, он пронзил ей легкое. Свиныя покачнулась, упала, захлебнулась собственной кровью. Демоны накинудись на Эльрика и Красного Лучника с удвоенной яростью. Половина голов Змеи валялись на земле, а альбиносу удалось отрубить у Явления одну руку, но из бесформенного туловища тут же появились три новые руки. Казалось, Явление было не одним существом, а несколькими. На мгновение в голове Эльрика мелькнула мысль, что в результате его договора с Ариохом он тоже когда-нибудь превратится в чудовище. Но разве он уже не был чудовищем? Разве люди не принимали его за демона?

Эти мысли разозлили альбиноса, придали ему сил.

— Эльрик! — вскричал он, кидаясь в атаку.

— Явление! — так же яростно воскликнуло бесформенное существо.

Эльрик изловчился, отрубил чудовищу вторую руку. В него полетело еще одно копье, и он едва успел отбить его, как получил сильнейший удар мечом по голове. Черный шлем зазвенел. Альбинос покачнулся, толкнул Ракира в спину. Красный Лучник споткнулся, едва увернувшись от четырех змеиных голов, высунувших жала. Эльрик отсек у Явления руку и длинное щупальце, державшие мечи. Конечности упали на землю, судорожно задергались, вновь слились с бесформенным существом. Эльрика чуть не вытошнило от отвращения; он яростно вонзил меч в колышущуюся плоть.

— Явление! Явление! Явление! — вскричало чудовище, размахивая двумя копьями и четырьмя саблями. — Явление!

— Дело рук Йиркана, — пробормотал, Эльрик. — Мой брат понял, что я кинулся за ним вдогонку, и решил избавиться от меня с помощью своих союзников-демонов. — Он стиснул зубы. — Если, конечно, эта гадина — не сам Йиркан. Скажи, Явление, ты не мой брат, Йиркан?

— Явление... — жалобно произнесло существо. Оно продолжало сражаться, но перестало наступать.

— А может, ты один из моих старых добрых друзей?

— Явление... — демон явно ослабел.

Эльрик наносил удар за ударом по бесформенной массе. Густая зловонная кровь чудовища залила черные доспехи. Альбинос никак не мог понять, почему существо вдруг почти перестало оказывать ему сопротивление.

— Скорее! — донесся до него откуда-то сверху громкий голос. — Прикончи его!

Эльрик поднял голову, увидел старика с красным лицом и седой бородой, сидевшего на полуразрушенной стене.

— Не смотри на меня, глупец! Убей демона!

Альбинос занес меч Оубека высоко над головой, с размаху опустил его на бесформенное тело. Чудовище застонало, всхлипнуло.

— Фрэнк! — еле слышно произнесли невидимые губы, и демон испустил дух.

В это же время Ракир отрубил головы оставшимся трем змеям и пронзил юноше сердце.

Седобородый старик ловко слез со стены, хохоча во все горло.

— Ниун еще не разучился колдовать, верно? Я слышал, как один высокий человек приказал демонам вас уничтожить. Двое против пятерых — это нечестно, поэтому я вмешался в драку и забрал у многорукого демона его силу. Это я могу! Это я могу! Теперь я чувствую себя таким же сильным, как много лун назад, — если, конечно, на свете существует луна.

— Перед смертью он сказал — «Фрэнк». — Эльрик нахмурился. — Быть может, так звали его раньше?

— Все может быть, — сказал старый Ниун. — Бедняга-демон! Теперь он погиб. А вы, двое, не из Амирона, хотя этого, — в красном, — я видел раньше.

— Мы встречались, — с улыбкой сказал Ракир, вытирая окровавленное лезвие меча об одну из змеиных голов. — Ты — Ниун, Который Все Знал.

— Я — Ниун, Который Все Знал и который почти ничего сейчас не знает. Скоро я вообще все забуду и смогу вернуться из этой ужасной ссылки домой. Такой договор я заключил с Орландом, хранителем Рунного Посоха. Я был глупцом, пожелавшим все знать, но Орланд наставил меня на путь истинный и послал в это измерение, чтобы я все забыл. К несчастью, как вы могли заметить, я еще многое помню и даже сохранил свою волшебную силу. От знаний трудно избавиться. Я знаю, например, что ты ищешь черные рунные мечи. Я знаю, что тебя зовут Эльрик из Мельнибонэ. Я знаю твою дальнейшую судьбу.

— Ты знаешь мою судьбу? — Эльрик встрепнулся. — Скажи, что меня ждет?

Ниун открыл рот, словно намереваясь разразиться длинной речью, и тут же закрыл его.

— Я забыл, — сказал он.

— Неправда! — Эльрик сделал шаг вперед, его красные глаза гневно блеснули. — Неправда! Ты помнишь! Я вижу, что ты помнишь!

Ниун опустил голову.

— Я забыл, — повторил он.

Ракир схватил альбиноса за руку.

— Он действительно забыл, друг мой.

Эльрик кивнул.

— Хорошо. Скажи, Ниун, ты знаешь, где находится Тоннель под Трясиной?

— Конечно! От Амирона совсем недалеко до трясины. В ней стоит памятник: черный гранитный орел на черном гранитном постаменте. Под памятником находится вход в тоннель. — Ниун, как попугай, скороговоркой повторил эти фразы несколько раз, затем поднял голову. Лицо его было безмятежным. — Что я тут такое вам сказал?

— Ты объяснил нам, как добраться до Тоннеля под Трясиной, — ответил Эльрик.

— Правда? — Ниун захлопал в ладоши. — Превосходно! Теперь я и это забыл. А кто вы такие?

— Нас тоже лучше забыть, — мягко улыбнувшись, произнес Ракир. — Прощай, Ниун, и спасибо тебе за все.

— За что?

— За то, что ты помнил, и за то, что забыл.

Старый колдун что-то счастливо забормотал себе под нос, а Эльрик и Ракир пошли по городу Амирону, задерживая дыхание, морщась от зловонных запахов. Изредка два спутника видели в окнах любопытные лица; двери тихо скрипели, скрывая очертания чьих-то фигур.

— Из всех жителей этого проклятого богами города я, пожалуй, завидую одному Ниуну, — сказал Ракир.

— А мне его жаль. — Эльрик вздохнул.

— Почему?

— Мне кажется, забыв все, он забудет и о том, что ему позволено покинуть Амирон.

Ракир рассмеялся, хлопнул альбиноса по спине в черных доспехах.

— Ты пессимист, друг Эльрик. Неужели ты во всем видишь только плохое?

— Скорее, я ни в чем не вижу хорошего, — ответил альбинос, слегка улыбнувшись.

Глава третья

Они молча шагали по каменистой земле, окутанной вечными сумерками, и примерно через час подошли к трясине. Черная вода мрачно поблескивала. Тут и там были разбросаны островки черной колючей осоки. В черном тумане изредка появлялись и исчезали мелкие животные. В нескольких сотнях футов от края трясины возвышалось нечто похожее на огромный черный валун.

— Памятник, — сказал Ракир, останавливаясь и опираясь на лук, который он нес в руке. — Хотел бы я знать, как до него добраться? У тебя нет никаких мыслей на этот счет, друг Эльрик?

Альбинос осторожно поставил одну ногу на колеблющуюся поверхность, с трудом выдернул ее из холодной зловонной жижи.

— Где-то здесь должна быть тропинка, — заметил Ракир. — Ведь твоему брату тоже пришлось идти через трясину.

Эльрик пожал плечами.

— Кто знает? Если он прибег к помощи потусторонних сил, трясина вряд ли была ему помехой. — Внезапно альбинос почувствовал сильную усталость и присел на влажный камень. От насыщенного солью воздуха у него закружилась голова. Действие лекарственных трав, которые он принял перед тем, как пройти во Врата Тьмы, заканчивалось.

Ракир подошел к альбиносу, сочувственно посмотрел на него, сказал с наигранной веселостью:

— Что ж, господин колдун, значит и тебе придется прибегнуть к помощи потусторонних сил.

Эльрик покачал головой.

— Я практически ничего не знаю о том, как вызывать обычных демонов. Йиркан изучил множество рукописей по демонологии, поддерживал связь с мирами, населенными демонами, специально занимался черной магией. Нам же, чтобы добраться до памятника, придется найти какую-нибудь тропинку.

Воин-священник из Пама вытащил из кармана куртки красный платок, вытер вспотевший лоб, затем помог Эльрику подняться на ноги. Спутники пошли краем трясины, не выпуская черный памятник из виду.

Они одновременно увидели тропинку: черная мраморная лента, прямая, как струна, уходила в туман.

— У меня такое ощущение, что нас хотят заманить в ловушку, — задумчиво сказал Ракир, глядя на скользкую мраморную поверхность, покрытую болотной жижей. — Но в конце концов, что нам терять?

— Не будем медлить. — Эльрик поставил ногу на мраморную тропинку, осторожно пошел вперед. В руке он держал факел из туго связанных камышей, горевший неприятным желтым пламенем и сильно чадивший.

Ракир последовал за альбиносом, выставив перед собой лук, опираясь на него, как на палку. Красный Лучник тихонько насвистывал мелодию песни, которую знал каждый его соотечественник и которая называлась: *Песня Сипа Героя Высших Измерений, Собравшегося Принести Себя в Жертву*. Она была очень популярна в Паме, в особенности среди воинов-священников.

Эльрику мелодия не понравилась. Более того, она вызвала у него раздражение, но он промолчал, так как все его внимание было поглощено тем, чтобы не упасть со скользкой тропинки, которая к тому же начала колыхаться под ногами.

Они прошли полпути. Памятник был виден, как на ладони: черный орел с добычей в клюве, стоявший на черном постаменте. У Эльрика возникло такое ощущение, что это — надгробный памятник. Быть может, здесь похоронили какого-нибудь великого героя? А может, под памятником были погребены два черных меча, чтобы никто больше не смог воспользоваться оружием, которое питалось человеческими душами?

Мраморная тропинка закачалась из стороны в сторону. Эльрик попытался выпрямиться, поскользнулся, не удержался на ногах, полетел в трясину, но не выпустил из рук самодельный факел. В его свете он ясно видел взволнованное лицо Красного Лучника.

— Эльрик?

— Я здесь, Ракир.

— Ты тонешь?

— Трясина никак не желает со мной расставаться.

— Можешь лечь на живот?

— Я могу наклониться, но ноги мои целиком ушли в трясину. — Он чувствовал, как зловонная жижа тянет его вниз. Мимо него, что-то вереща, пробежал какой-то зверек. Эльрик с трудом подавил страх, закрывшийся ему в душу. — Думаю, тебе надо бросить меня, друг Ракир.

— Что? Ты хочешь, чтобы я лишился единственной возможности вернуться на Землю? Я куда больший эгоист, чем ты думаешь. Ну-ка... — Ракир медленно присел на корточки, протянул Эльрику руку. Оба они были покрыты болотной жижей, оба дрожали от холода, оба прилагали невероятные усилия, чтобы дотянуться друг до друга. С каждой секундой альбинос все больше погружался в трясину.

— Подожди. — Ракир протянул Эльрику локоть. — Сможешь ухватиться?

Наклонившись вперед, напрягая мускулы, альбинос дотянулся до края локтя, сомкнул на нем пальцы.

— А сейчас... ох!.. — Мраморная тропинка закачалась, как лодка на волнах. Ракир упал на спину, ухватился за противоположный край тропинки левой рукой, продолжая держать локоть в правой. — Скорее, Эльрик! Поторопись!

Медленно, неохотно трясина выпускала Эльрика из своих смертельных объятий. Мраморная тропинка все еще раскачивалась из стороны в сторону; лицо Ракира стало почти таким же бледным, как у альбиноса. Наконец, Эльрик выбрался из трясины и, задыхаясь, весь покрытый болотной слизью, упал рядом с Ракиром.

Ракир тоже тяжело дышал, но нашел в себе силы рассмеяться.

— Что за рыбину я поймал! Крупнее не бывает!

— Спасибо тебе, Ракир Красный Лучник. Я обязан тебе жизнью, воин-священник из Пама. И я клянусь, что сделаю все возможное и невозможное, чтобы помочь тебе вернуться в наше с тобой измерение.

— На свете мало настоящих мужчин, — тихо сказал Ракир. — Ты — один из них, Эльрик из Мельнибонэ, и поэтому я не мог бросить тебя в беде. — Он пожал плечами, ухмыльнулся. — Я предлагаю продолжить путь на четвереньках. Может, оно и неприлично, но зато безопасно.

Эльрик молча кивнул.

Прошло совсем немного времени, и они добрались до небольшого поросшего зеленым мхом островка, на котором стоял памятник. Черный орел, казалось, парил высоко в небе (или под куполом пещеры); в черном постаменте Эльрик и Ракир увидели распахнутую настежь дверь.

— Ловушка? — спросил Ракир, подозрительно глядя на черное отверстие входа.

— Скорее всего, Йиркан считает, что демоны прикончили нас в Амироне, — сказал Эльрик, отряхивая, насколько это было возможно, свои доспехи. — Давай не будем гадать, друг Ракир. Войдем и все узнаем.

Они стояли в небольшой комнате с черными мраморными стенами, тускло поблескивающими в свете факела. В комнате была дверь, а за дверью — лестница, ведущая вниз. Эльрик и Ракир молча начали спускаться по мраморным ступенькам и вскоре очутились на нижней лестничной площадке. В двух шагах от них находился вход в тоннель.

Ракир откашлялся, переступил с ноги на ногу.

Эльрик поднял факел высоко над головой, выхватил из ножен меч древнего героя Оубека, решительно пошел вперед. Красный Лучник не отставал от него ни на шаг. Дыхание со свистом вырывалось из груди альбиноса; отовсюду доносились шелестящие, шипящие, звенящие звуки, многократно усиленные эхом.

В тоннеле было тепло. Пол пружинил под ногами, соленым воздухом трудно было дышать. Гладкие стены, напоминавшие цветом человеческую кожу, сотрясались мелкой ритмичной дрожью. Ракир

невольно вскрикнул.

— Такое ощущение, что мы шагаем по живой плоти, — пробормотал он. — По живой плоти!

Эльрик промолчал. Все свое внимание он сосредоточил на том, чтобы не упасть. Страх овладел всем его существом. Ноги у него подкашивались, тело тряслось, как в лихорадке, пот градом катился по лицу. Он с трудом удерживал в руке меч Оубека, в голову ему назойливо лезли мысли, которые он никак не мог отогнать. Не был ли он здесь раньше? Почему тоннель казался ему таким знакомым?

Глухой ритмичный звук выделился из остальных звуков. Впереди, в конце тоннеля, показалось маленькое, идеально круглое отверстие.

Эльрик остановился, покачнулся, едва удержался на ногах.

— Тоннель закончился, — хрипло сказал Ракир. — Дальше хода нет.

Маленькое, идеально круглое отверстие сокращалось и расширялось... сокращалось и расширялось, — так бьется сердце.

— Пульсирующая Пещера, — прошептал Эльрик. — Она находится в конце Тоннеля под Трясиной. Тут должен быть вход, Ракир.

— Человек не может здесь пройти. — Ракир покачал головой.

— Это не так...

Альбинос вложил меч в ножны, протянул Ракиру факел, спотыкаясь, подошел к отверстию и бросился в него головой вперед, прежде чем воин-священник Пама успел помешать ему. Стенки отверстия раздвинулись перед Эльриком, сомкнулись за ним.

Он медленно поднялся на ноги. Слабый розовый свет исходил от стен небольшого помещения, в котором находилось еще одно пульсирующее отверстие. Кровь стучала у Эльрика в висках, он ощущал ломоту во всем теле.

— Эльрик! — Бледный, задыхающийся Ракир стоял позади альбиноса.

Эльрик облизнул пересохшие губы, сказал, с трудом выговаривая каждое слово:

— Ракир. Напрасно ты сюда пришел.

— Я обещал тебе помочь.

— Да, но...

— Я помогу тебе.

У Эльрика не было сил спорить. Он молча кивнул, раздвинул руками упругие стенки второго отверстия и увидел пещеру, стены которой ритмично пульсировали. Посередине пещеры, прямо в воздухе, висели два абсолютно одинаковых черных меча с лезвиями, испещренными рунами.

Принц Йиркан из Мельнибонэ с горящими от жадности глазами и восторженным выражением на лице смотрел на мечи. Эльрик шагнул в отверстие, почувствовал, как под его ногами дрожит пол. Он хотел заговорить с Йирканом, но с губ его сорвалось одно только слово:

— Нет! — С огромным трудом он вытащил из ножен меч Оубека, но не смог даже поднять его. Зрение альбиноса затуманилось, он хрипло дышал. И показалось ему, что исчезли пол, стены, потолок Пульсирующей Пещеры, исчез принц Йиркан. Лишь два черных меча неподвижно висели в воздухе. — Йиркан, — как сквозь сон услышал Эльрик собственный голос. — Они — мои.

Принц улыбнулся, протянул к мечам руку. Черные лезвия слабо застонали, по ним заструилось черное сияние. Эльрику стало страшно.

Ракир прицелился в Йиркана из лука.

— Прикажи, Эльрик, и он умрет.

— Убей его, — сказал альбинос.

Ракир выстрелил.

Стрела медленно полетела вперед, остановилась, зависла в воздухе.

Йиркан ослабился.

— Оружием, изготовленным руками смертных, здесь никого нельзя убить.

— Он прав, — сказал Эльрик. — Твоя жизнь в опасности, воин-священник Пама. Уходи.

— Нет. Я должен остаться и помочь тебе.

Эльрик покачал головой.

— Мне нельзя помочь. Ты погибнешь, если останешься в Пульсирующей Пещере. Уходи!

Ракир неохотно закинул лук за спину, подозрительно посмотрел на два черных меча и, протиснувшись сквозь пульсирующее отверстие, вышел из пещеры.

— А сейчас, Йиркан, — сказал альбинос, бросив меч Оубека на пол, — мы выясним наши отношения раз и навсегда.

Глава четвертая

Внезапно два рунных меча, «Повелитель Бурь» и «Властительница Мрака», полетели по воздуху, сорвавшись с того места, на котором они провели не одну тысячу лет. «Повелитель Бурь» очутился в правой руке альбиноса; «Властительница Мрака» — в правой руке Йиркана.

Двое мельнибонийцев изумленно уставились сначала друг на друга, затем на рунные мечи.

Черные лезвия пели тихими, но отчетливыми голосами. Эльрик поднял большой меч, как пушинку, восхищаясь его красотой.

— «Повелитель Бурь», — негромко сказал он, и внезапно ему показалось, что он и рунный меч составляют одно целое. Эльрику стало страшно. У него возникло ощущение, что он заново родился.

— «Повелитель Бурь». — Черное лезвие сладострастно застонало, рукоять меча вжалась в ладонь альбиноса.

— «Повелитель Бурь»! — вскричал Эльрик и бросился на своего брата.

— «Повелитель Бурь»! — И вновь Эльрика охватил страх, а вместе со страхом появилось непреодолимое желание убить Йиркана, вонзить меч ему в сердце, отомстить, пролить кровь, послать его душу в ад.

Теперь и Йиркан громко вскричал:

— «Властительница Мрака»!

Два брата скрестили мечи. «Властительница Мрака» отразила нападение «Повелителя Бурь», острие ее метнулось к груди альбиноса, который отскочил в сторону и сделал выпад, заставивший Йиркана отступить. «Властительница Мрака» отбила один удар «Повелителя Бурь»... второй... третий. Эльрик и Йиркан были одинаковыми по силе фехтовальщиками, но и рунные мечи стоили один другого; казалось, они были живыми существами, обладающими разумом и волей.

Металл звенел о металл, и под этот звон мечи радостно пели, словно были счастливы, что у них появилась возможность вновь участвовать в битве.

Эльрик не замечал ничего вокруг; лишь изредка он видел искаженное яростью лицо Йиркана. Все внимание альбиноса было поглощено двумя черными мечами; неожиданно он понял, что, соперничая друг с другом, «Повелитель Бурь» и «Властительница Мрака» поставили на кон жизнь одного из людей.

Это наблюдение заставило Эльрика задуматься о той ненависти, которую он испытывал к Йиркану. Да, ему хотелось убить Йиркана, но по своей воле, а не по прихоти черных мечей.

Лезвие «Властительницы Мрака» взметнулось над его головой — «Повелитель Бурь» мгновенно отразил удар.

Эльрик перестал сражаться с Йирканом. Свою волю он противопоставил воле рунного меча. «Повелитель Бурь» метнулся к незащищенному горлу Йиркана. Альбинос изо всех сил сжал рукоять, подтащил меч к себе, тем самым пощадив брата. «Повелитель Бурь» завыл как собака, которой помешали укусить вора.

— Я не стану твоей марионеткой, рунный меч, — сказал Эльрик сквозь стиснутые зубы. — Если нам суждено быть вместе, мы должны научиться понимать друг друга.

«Повелитель Бурь» задрожал, перестал сопротивляться альбиносу, которому в ту же секунду пришлось защищаться от мгновенной атаки «Властительницы Мрака», почувствовавшей свое преимущество и не преминувшей им воспользоваться.

Внезапно Эльрик почувствовал, как сначала по его руке, а затем по всему телу разливается энергия. И он понял, что ему не придется больше поддерживать свои силы с помощью лекарственных трав и заклинаний. Он не устанет в самой тяжелой битве, будет гордо властвовать над людьми в мирное время, сможет безбоязненно путешествовать в одиночестве. Рунный меч каким-то непонятным образом сказал все это альбиносу и вновь самостоятельно отразил нападение «Властительницы Мрака».

А что потребует «Повелитель Бурь» взамен своего бесценного дара? Эльрик знал ответ и на этот вопрос. «Повелитель Бурь» существовал только для того, чтобы участвовать в сражениях, Он получал необходимую ему жизненную энергию, питаясь душами людей, демонов и даже богов.

На какое-то мгновение альбинос замешкался, и Йиркан с громким криком бросился в атаку, нанес сильнейший удар. Лезвие «Властительницы Мрака» скользнуло по черному шлему в форме дракона, и Эльрик не удержался на ногах. Он упал, перекатился с бока на бок, а Йиркан обхватил рукоять рунного меча двумя руками, начал опускать его по сверкающей дуге, намереваясь разрубить своего противника напополам.

Альбинос встал на одно колено и, держа рунный меч одной рукой в латной рукавице за лезвие, а второй — за рукоять, поднял его высоко над головой. «Властительница Мрака» ударила «Повелителя Бурь», и оба меча взвыли, словно испытывая неимоверную боль, застонали, как живые. Черное сияние заструилось по черным лезвиям, — так хлещет кровь из ран человека, пронзенного стрелами.

И вновь исчезла Пульсирующая Пещера, исчез Йиркан, а Эльрик, окутанный черным сиянием, понял, что «Повелитель Бурь» опять разговаривает с ним и требует повиновения.

— Он не умрет! — воскликнул альбинос. — Я не стану убивать его, чтобы доставить тебе удовольствие!

Черное сияние рассеялось, Йиркан занес меч над головой.

«Повелитель Бурь» тут же нанес удар в незащищенную грудь, но Эльрик во второй раз удержал меч, и принц отделался легкой царапиной.

«Повелитель Бурь» яростно задрожал.

— Ты не будешь повелевать мною, — сказал Эльрик.

Казалось, рунный меч наконец-то понял, чего хочет альбинос, и подчинился ему. Эльрик рассмеялся, считая, что теперь «Повелитель Бурь» будет всегда послушен его воле.

— Мы разоружим Йиркана, — сказал он. — Мы не станем его убивать.

Огромный рунный меч замелькал со скоростью фехтовальной рапиры. Финт, движение в защите, в атаке, опять финт... Йиркан, только что ухмылявшийся в предвкушении легкой победы, вскричал от страха, попятился.

Теперь «Повелитель Бурь» делал только те движения, которые хотел сделать Эльрик. Йиркан растерялся. «Властительница Мрака» изумленно взвыла, словно возражая против такого поведения своего брата. Эльрик нанес удар по руке Йиркана, в которой тот держал меч. Лезвие «Повелителя Бурь» разрезало как бритвой одежду, кожу, сухожилия, мышцы. Кровь хлынула из раны, заливая «Властительницу Мрака». Йиркан чуть было не выронил меч, схватил его двумя руками. Эльрик тоже обхватил рукоять «Повелителя Бурь» двумя руками и внезапно почувствовал, как по его жилам разливается неземная сила. Он занес меч над головой, нанес мощный удар по тому месту, где лезвие «Властительницы Мрака» соединялось с рукоятью. Рунный меч вылетел из рук Йиркана. Эльрик улыбнулся. Он подчинил «Повелителя Бурь» своей воле и в результате одержал победу.

«Властительница Мрака» ударилась о стену Пульсирующей Пещеры. Черное лезвие застонало, словно признавая свое поражение. Свет погас, вновь вспыхнул, и Эльрик увидел у своих ног черные ножны такой же искусной работы, как рунный меч. Йиркан стоял на коленях, из груди его вырывались рыдания. Он посмотрел на Эльрика испуганно, как ребенок, затем обвел глазами Пульсирующую Пещеру.

— «Властительница Мрака»? — спросил он безнадежным тоном, понимая, что жить ему осталось недолго.

Но «Властительница Мрака» исчезла из пещеры.

— Твоего рунного меча здесь нет, — спокойно сказал Эльрик.

Йиркан посмотрел на пульсирующее отверстие, сокротившееся до размеров мелкой монеты, и заплакал.

«Повелитель Бурь» задрожал в руке альбиноса, словно требуя себе в награду душу мятежного принца. Эльрик сделал шаг вперед.

— Не убивай меня этим мечом, Эльрик, — быстро произнес Йиркан. — Я сделаю все, что ты захочешь, умру любой смертью, только не этой.

Альбинос вздохнул.

— Мы с тобой жертвы заговора, брат, игрушки богов, демонов и рунных мечей, обладающих чуждым нам разумом. Они решили, что один из нас должен погибнуть, и я подозреваю, что твоей смерти хотят больше, чем моей. — Он наклонился, поднял ножны, вложил в них «Повелителя Бурь», который сразу же перестал дрожать и дергаться. Меч Оубека, который альбинос бросил на пол, тоже исчез. Эльрик отстегнул старые ножны, повесил на пояс рунный меч, положил руку на его рукоять, и не без жалости посмотрел на существо, которое было его братом.

— Ты жалкий червь, Йиркан. Но разве это твоя вина? — На лице принца появилось изумленное выражение. — Хотел бы я знать, если б все твои желания исполнились, ты так и остался бы жалким червем, брат?

Продолжая стоять на коленях, Йиркан выпрямился, с надеждой посмотрел на альбиноса.

Эльрик улыбнулся.

— Я подумаю, как мне с тобой поступить, — сказал он. — Прежде всего ты должен пробудить Каймориль от волшебного сна.

— Ты показал мне, как я ничтожен, Эльрик, — робким, жалобным голосом произнес Йиркан. — Я разбужу ее. Я попытаюсь...

— Ты не можешь снять собственного заклятья?

— Нам не удастся покинуть Пульсирующую Пещеру. Слишком поздно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не думал, что ты последуешь за мной. А затем я решил, что легко с тобой расправлюсь. Мы потеряли слишком много времени. Действие заклинания закончилось. Сейчас войти в пещеру может каждый, но выйти из нее — невозможно. Я дорого дал, чтобы узнать это заклинание.

— Ты дорого дал и за многое другое. — Эльрик подошел к отверстию, посмотрел в него одним глазом, увидел Ракира, нетерпеливо переминающегося с ноги на ногу. — Воин-священник Пама, — обратился к нему альбинос. — Я и мой брат лишены возможности покинуть пещеру. — Он попытался раздвинуть руками пульсирующие стенки отверстия, но они не поддались ни на дюйм. — Ты можешь либо присоединиться к нам, либо вернуться в Амирон. Если ты выберешь первое, то разделишь нашу участь.

— Если я вернусь в Амирон, моей участи трудно будет позавидовать, — ответил Красный Лучник. — Ты на что-нибудь рассчитываешь?

— У нас есть шанс. Я хочу вызвать своего покровителя.

— Повелителя Хаоса? — Ракир поморщился.

— Да. Я говорю об Ариохе.

— Вряд ли Ариох захочет помочь ренегату из Пама.

— Так какое решение ты принимаешь?

Ракир сделал шаг вперед, с трудом протиснулся сквозь отверстие, стенки которого раздвинулись и вновь сомкнулись.

— Я готов разделить твою судьбу и рискнуть жизнью, лишь бы выбраться отсюда. — Он увидел Йиркана, изумленно поднял бровь. — Твой противник жив?

— Как видишь.

— Ты слишком милостив.

— Быть может, милостив, а быть может, — упрям. Я не хочу убивать его только потому, что какое-то сверхъестественное существо решило, что он должен умереть, а я — остаться в живых. Повелители Высших Измерений еще не сделали меня своим рабом, и пока у меня хватит сил, я буду сопротивляться чужой воле.

Ракир ухмыльнулся.

— Я разделяю твои взгляды, но не твой оптимизм. На твоём поясе висит чёрный меч. Не хочешь ли ты попробовать выбраться отсюда с его помощью?

— Это невозможно, — сказал Йиркан, все ещё стоявший на коленях. — Нет таких сил, которые могли бы оказать даже малейшее воздействие на вещество, из которого сделана Пульсирующая Пещера.

— Я поверю тебе на слово, так как не хочу часто пользоваться рунным мечом, — сказал Эльрик. — Сначала я должен научиться управлять им.

— В таком случае придется вызвать Ариоха. — Ракир вздохнул.

Эльрик пожал плечами.

— Если это окажется возможным.

— Не сомневаюсь, что он меня убьёт на месте, — сказал Красный Лучник таким тоном, словно надеялся, что альбинос опровергнет его слова.

Но Эльрик не стал утешать воина-священника из Пама.

— Возможно, мне удастся договориться с Ариохом, — сказал он. — Заодно я кое-что выясню сам для себя.

Он повернулся спиной к Ракиру и Йиркану. Расслабился. Опустошил мозг от всех мыслей, кроме одной, которую послал сквозь измерения.

— Ариох! — вскричал он. — Ариох! Помоги мне, Повелитель Мечей!

Ему показалось, что на него обратили внимание.

— Ариох!

Он почувствовал, что его рассматривают.

— Ариох!

Эльрик понял, что Повелитель Хаоса его услышал.

Ракир закричал не своим голосом. Йиркан завизжал от страха. Альбинос быстро оглянулся, увидел у стены бесформенное чёрное существо, от которого исходил зловонный запах. Неужели это был Ариох? Как же так? Валет Мечей отличался утонченной красотой и изяществом. Впрочем, — подумал Эльрик, — быть может, это и есть истинный облик Ариоха. Возможно, в этом странном измерении, в загадочной Пульсирующей Пещере, Ариох не мог обмануть тех, кто видел его.

Догадка Эльрика не подтвердилась. Бесформенное чудовище исчезло, на его месте появился прекрасный юноша с древними, как мир, глазами.

— Ты добыл меч в честном бою, Эльрик, — сказал Ариох, не обращая никакого внимания на Ракира и Йиркана. — Я поздравляю тебя. И ты пощадил своего брата. Почему?

— По многим причинам. Допустим, потому, что он должен расколдовать Каймориль.

Ариох слегка улыбнулся, и альбинос понял, что избежал ловушки. Если б он убил Йиркана, Каймориль никогда не проснулась бы.

— А что делает здесь этот жалкий изменник? — Ариох холодно посмотрел на Ракира. Красный Лучник побледнел, но не отвёл глаз.

— Ракир — мой друг. Он согласился помочь мне найти рунный меч, а я обещал взять его с собой в наше измерение.

— Это невозможно. Бывший воин-священник Пама отправлен в вечную ссылку. Он наказан за

предательство.

— Если Ракир не вернется со мной на Землю, я отказываюсь от меча. — Эльрик снял ножны с пояса, протянул «Повелителя Бурь» Ариоху. — Тогда и Ракиру, и Йиркану, и мне навсегда придется остаться в Пульсирующей Пещере.

— Это неразумно, Эльрик. Подумай о том, какая на тебе лежит ответственность.

— Я подумал обо всем. Мое решение непоколебимо.

Ариох слегка нахмурился.

— Ты должен взять рунный меч с собой. Такова твоя судьба.

— Я тебе верю. Но я также знаю, что «Повелитель Бурь» не может принадлежать никому, кроме меня. Даже ты, Ариох, при всем своем желании, не можешь им владеть. Разве я не прав?

— Ты далеко не глуп, Эльрик из Мельнибонэ, — иронически, но с нотками восхищения в голосе сказал Ариох. — Ты — достойный слуга Хаоса. Хорошо! Забирай этого предателя с собой, но я советую ему вести себя осмотрительно. Повелители Хаоса злопамятны...

— Я знаю об этом, герцог Ариох, — хрипло произнес Ракир.

Ариох даже не посмотрел в сторону Красного Лучника.

— В конце концов, человек из Пама слишком ничтожен. И если ты хочешь пощадить жизнь своего брата, будь по-твоему. Подобные мелочи не могут повлиять на будущее, предопределенное свыше.

— Что ж, тогда мы договорились, — сказал альбинос. — А теперь отправь нас в наше измерение.

— Куда именно?

— И ты еще спрашиваешь? Конечно, в Мельнибонэ!

Ариох посмотрел на Эльрика чуть ли не с нежностью, мягкой шелковистой ладошкой потрепал его по щеке.

— Ты самый замечательный, самый прелестный из всех моих слуг! — воскликнул он.

Пульсирующая Пещера исчезла. Послышался шум прибоя. Трое людей стояли в тронном зале Имрирра Прекрасного. В углу зала струйка черного дыма поднялась к потолку и исчезла.

Ракир сделал несколько шагов, осторожно сел на первую ступеньку хрустальной лестницы. Йиркан и Эльрик остались стоять на месте, глядя друг другу в глаза. Неожиданно альбинос рассмеялся, хлопнул по ножнам «Повелителя Бурь».

— А сейчас ты должен выполнить свое обещание, брат. Затем я хочу сделать тебе одно выгодное предложение.

— Совсем как на торгах, — пробормотал Ракир, рассматривая красное перо на красной шляпе.

Глава пятая

Йиркан отошел от постели своей сестры. У него было измученное лицо, он говорил безжизненным голосом.

— Дело сделано. — Принц отвернулся, посмотрел в окно, из которого открывался вид на башни Имрирра и на гавань, где стояли золотые мельнибонийские галеры и корабль, подаренный Эльрику морским царем Страшей. — Она проснется через несколько минут, — рассеянно сказал Йиркан.

Дайвим Твар и Ракир вопросительно посмотрели на альбиноса, стоявшего на коленях у постели Каймориль. Морщинки на лице девушки разгладились, она выглядела умиротворенной, и на мгновение Эльрик испугался, что Йиркан обманул его и убил Каймориль. Но затем ее веки дрогнули, глаза открылись. Она увидела альбиноса и улыбнулась.

— Эльрик? Неужели мои сны сбылись? С тобой все в порядке?

— Со мной все в порядке, Каймориль. И с тобой тоже.

— Йиркан?

— Он разбудил тебя.

— Но ведь ты поклялся его убить.

— Я был околдован так же, как ты. Я многого не понимал. Я и теперь многого не понимаю. Но Йиркан переменялся. Я победил его. Он больше не сомневается в моем могуществе и не стремится завладеть Рубиновым Троном.

— Ты слишком милостив, Эльрик. — Она откинула со лба прядь черных, как вороново крыло, волос.

Эльрик обменялся с Ракиром взглядами.

— Возможно, мною движет не милосердие, а чувство дружбы, которое я питаю к Йиркану.

— Дружбы? Не может быть, чтобы ты...

— Оба мы — смертные. Оба мы были пешками в игре Богов Высших Измерений. В конце концов я в первую очередь должен позаботиться о своих близких, а поэтому не имею права ненавидеть Йиркана.

Это и называется милосердием, — сказала Каймориль.

Йиркан подошел к двери.

— Могу я удалиться, мой Император?

Эльрику показалось, что глаза Йиркана лихорадочно блеснули. Но возможно, он ошибся. Выражение лица у принца было покорным. Альбинос кивнул. Йиркан бесшумно выскользнул из комнаты.

— Не доверяй ему, Эльрик, — предостерегающе сказал Дайвим Твар. — Он снова предаст тебя. — Хранитель Драконых Пещер был явно встревожен.

— Нет. Мой брат не посмеет замыслить ничего дурного хотя бы потому, что боится меча, который я ношу на поясе.

— Тебе тоже следует бояться рунного меча, Эльрик.

— Нет, — повторил альбинос. — Это я повелеваю мечом, а не меч мною.

Дайвим Твар хотел что-то сказать, но передумал. Он печально покачал головой, поклонился, взял Ракира за руку и вышел с ним из комнаты, оставив Эльрика наедине с Каймориль.

Девушка обняла альбиноса, притянула его к себе. Они поцеловались. И заплакали.

Праздник в Мельнибонэ продолжался всю следующую неделю. Почти все золотые галеры, солдаты и драконы уже вернулись домой из дальних странствий. Вернулся и Эльрик, доказав, что по праву занимает Рубиновый Трон. Теперь странное поведение альбиноса (включая и то, что он простил своих врагов), воспринималось мельнибонийцами, как должное.

В тронном зале состоялся бал — самый пышный на памяти придворных. Эльрик танцевал с Каймориль и вел себя так, как и подобает истинному императору. Йиркан сидел в темном углу — под ложей, где пели рабы. Он не принимал участия в общем веселье, и придворные делали вид, что не замечают его. Ракир Красный Лучник, будучи героем Мельнибонэ, очаровал сразу нескольких дам и договорился о встрече с каждой из них. Дайвим Твар тоже танцевал, но лицо его было мрачным, и он довольно часто смотрел в сторону принца Йиркана.

После обильной трапезы придворные продолжали веселиться, а Эльрик и Каймориль сели на верхнюю ступеньку хрустальной лестницы.

— Ты согласна стать моей женой, Каймориль? — спросил альбинос.

— Ты ведь знаешь, что я всегда хотела выйти за тебя замуж. Мы оба это знаем.

— Так ты согласна?

Она рассмеялась, думая, что он шутит.

— Да, мой император.

— Даже если при этом ты не будешь императрицей? По крайней мере в течение года?

— Я не понимаю тебя, Эльрик.

— Мне необходимо покинуть Остров Драконов, Каймориль. То, что я узнал за последние несколько месяцев, заставило меня глубоко задуматься. Наша империя разрушается, и, чтобы она не погибла, надо многое изменить, а значит, мне прежде всего необходимо отправиться в путешествие по Молодым Королевствам, посмотреть, как они развиваются, как живут люди. Мельнибонэ — все еще могущественная держава, которая может сделать много хорошего для всей Земли.

— Хорошего? — переспросила Каймориль. В голосе ее появились тревожные нотки. — Мельнибонийцы никому и никогда не делали ни хорошего, ни плохого. Мы — сами по себе и живем ради удовлетворения своих желаний.

— Так жить больше нельзя.

— Ты хочешь изменить образ нашей жизни?

— Я хочу прежде всего понять, нужно ли мне принять подобное решение, а для этого я должен отправиться в мир. Повелители Высших Измерений мечтают безраздельно властвовать над нашей Землей. И несмотря на то, что они оказали мне помощь, я предпочел бы, чтобы люди решали свою судьбу без чьего-либо вмешательства.

— Ты уедешь? — На глаза Каймориль навернулись слезы. — Когда?

— Завтра. Вместе с Ракиром. Мы отплываем на корабле Страаши на остров Пурпурных Городов. У Ракира там есть друзья. Ты поедешь со мной?

— Я... я не могу... Ох, Эльрик, мы могли бы быть так счастливы вместе! Почему ты хочешь меня покинуть?

— Потому что я чувствую, что счастье наше будет продолжаться недолго, если я не пойму, как нам жить дальше.

Каймориль нахмурилась.

— Поступай так, как считаешь нужным, — медленно сказала она. — Я не могу помочь тебе разобраться в том, что тебя тревожит.

— Так ты не едешь?

— Нет. Это невозможно. Я... я — мельнибонийка. — Девушка вздохнула. — Я люблю тебя, Эльрик.

— Я тоже очень люблю тебя, Каймориль.

— В таком случае мы поженимся, как ты вернешься. Через год.

Эльрик опечалился, но он был уверен в том, что принял правильное решение. Альбинос знал, что,

оставшись, он рано или поздно обвинит Каймориль во всех несчастьях, которые могут с ними произойти.

— Ты будешь управлять государством, как императрица, пока я не вернусь, — сказал он.

— Нет, Эльрик. Я не могу взять на себя такую ответственность.

— Кого же мне оставить вместо себя? Дайвима Твара?

— Думаю, он тоже откажется. Может, Магама Колима?

— Нет.

— Тогда тебе придется остаться.

Эльрик задумчиво посмотрел на толпу веселившихся в зале придворных, затем взгляд его остановился на одинокой фигуре Йиркана, сидевшего под ложей, где пели рабы. Альбинос усмехнулся.

— Пусть Йиркан станет императором.

— Нет, Эльрик! — в ужасе вскричала Каймориль. — Только не Йиркан!

— Мне кажется, я принял справедливое решение. Йиркан всегда мечтал о Рубиновом Троне. Если он будет хорошим императором, я, быть может, отрекись от престола в его пользу. Если он злоупотребит властью, это раз и навсегда докажет его несостоятельность.

— Эльрик, — сказала Каймориль, — я люблю тебя. Но ты — глупец и преступник, если собираешься поверить Йиркану еще раз.

— Я не глупец и не преступник, — спокойно ответил альбинос. — Я — Эльрик. И я ничего не могу с этим поделать, Каймориль.

— Ты — Эльрик, которого я люблю! — вскричала девушка. — Но Эльрик обречен. Все мы обречены, если ты покинешь Мельнибонэ!

— Я не могу остаться, потому что люблю тебя.

Она поднялась на ноги. По ее щекам текли слезы.

— А я — Каймориль. И тоже ничего не могу с этим поделать. Ты погубишь нас обоих. — Наклонившись, она погладила его по волосам. — Ты погубишь нас, Эльрик.

— Никогда. Я многому научусь! Я сделаю мир лучше, чем он есть! Когда я вернусь, мы поженимся и будем жить долго и счастливо!

Чем сильнее человек верит в то, что говорит, тем убедительнее он лжет. Эльрик солгал трижды. Насчет Йиркана. Насчет рунного мечка. Насчет Каймориль. Император Мельнибонэ солгал трижды, и это предопределило его судьбу.

ЭПИЛОГ

На острове Пурпурных Городов, в скромном порту Меньи, к чужестранцам относились вежливо и дружелюбно. Эльрик и Ракир оставили корабль Страаши в гавани рядом с другими кораблями из разных стран и добрались до берега на лодке.

— Итак, мне придется отправиться на поиски мифического Танелорна, где можно обрести вечный покой, — иронически сказал Ракир. Он зевнул, потянулся. Стрелы заплясали в колчане за его спиной.

Эльрик, одетый в простые брюки и куртку, словно солдат-наемник, выглядел бодрым и веселым. Он подставил лицо утреннему солнцу, улыбнулся. На боку его висел большой двуручный меч в черных ножнах. С тех пор как альбинос стал обладателем «Повелителя Бурь», ему ни разу не пришлось поддерживать свои силы с помощью лекарственных трав и заклинаний.

— А мне придется посетить государства, отмеченные на моей карте, — сказал он. — Я должен многое узнать, чтобы через год использовать свои знания на благо Мельнибонэ. Жаль, конечно, что рядом со мной не будет Каймориль, но я понимаю ее нежелание отправиться в путешествие по странам варваров.

— Ты собираешься добыть необходимые тебе сведения всего за один год?

Эльрик рассмеялся.

— Меня так сильно тянет к Каймориль, что я боюсь не выдержать разлуки и вернуться домой раньше.

— Я был бы рад стать твоим спутником и помочь тебе, но это невозможно, — сказал Ракир. — Я поклялся отыскать Танелорн, хоть и не знаю, существует ли он на самом деле.

— Хочу верить, что ты найдешь свой Танелорн, воин-священник Пама.

— Не называй меня больше этим именем. Я никогда... — Внезапно глаза Ракира изумленно расширились. — Посмотри! Твой корабль!

Эльрик оглянулся и увидел, что корабль, который когда-то был Кораблем по Суше и по Морю, медленно идет ко дну. Страаша забрал свое детище, в котором альбинос больше не нуждался.

— Духи стихий — мои друзья, — задумчиво сказал Эльрик. — Но, к сожалению, они теряют былое могущество, как потеряла его империя Мельнибонэ. И хотя люди считают мельнибонийцев порождением зла, у нас есть много общего с духами воздуха, земли, огня и воды.

Глядя, как мачты корабля исчезают под водой, Ракир медленно произнес:

— Я завидую, что у тебя такие друзья, Эльрик. Им можно доверять.

— Да.

Ракир искоса посмотрел на рунный меч, висевший у Эльрика на поясе.

— А вообще-то я не советую тебе быть особо доверчивым.

Эльрик расхохотался.

— Не бойся за меня, Красный Лучник! Теперь я сам себе хозяин, и рунный меч послушен моей воле! Через год я стану совсем другим человеком! — Он хлопнул Ракира по спине, положил руку на рукоять «Повелителя Бурь», который, казалось, слегка зашевелился в ножнах. Продолжая смеяться, Эльрик потрянул головой, и его молочно-белые волосы заструились по ветру, а красные глаза весело сверкнули.

ПОХИТИТЕЛЬ ДУШ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИМРИРР ПРЕКРАСНЫЙ

Десять тысяч лет процветала Великая Империя Мельнибонэ, управляя миром. Десять тысяч лет до того, как началась история человечества, или десять тысяч лет после того, как она закончилась — это вопрос спорный, но Великая Империя существовала. И лучше надеяться на светлое будущее, думая о страшном прошлом, чем с тоской вспоминать прошлое в ожидании ужасного будущего. Но не дай вам бог увидеть проблески истины, потому что тогда настоящее станет для вас мучительной агонией.

Уничтоженный бесформенным чудовищем, имя которому время, Мельнибонэ пал, и на смену ему пришли новые королевства: Ильмиора, Шигот, Майдак, Саалим. Затем началась история человечества, появились Индия, Китай, Египет, Ассирия, Персия и Рим. Ни одно из этих государств не просуществовало десяти тысяч лет.

И ни в одном из них не знали древних мистических тайн, известных в Мельнибонэ. Никто не подозревал о существовании страшных оккультных сил, которыми можно было управлять. Десять тысяч лет процветала Империя Мельнибонэ, а затем время ее прошло, и она пала, а сыновья ее разбрелись по свету и стали скитальцами, которых ненавидели и боялись. Медленно вырождаясь, они постепенно теряли знания, доставшиеся им от великих предков. Последним императором Мельнибонэ был насмешливый и циничный Эльрик, и на устах его почти всегда змеилась улыбка, отражавшая горечь, накопившуюся у него в душе. Гордый властитель ненавидимого всеми народа, он предпочитал в одиночку бороться с миром, повинаясь лишь своим желаниям и полагаясь только на свой меч, имя которому было — «Повелитель Бурь».

...Эльрик, когда-то царствовавший в Мельнибонэ, последний маг, почитающий великих богов, беспечный удалец и убийца, раздираемый противоречиями и обладающий знаниями, которые не под силу было вместить в себя ни одному смертному, мот и сатир, ведущий разгульный образ жизни...

Глава первая

— Который час? — Чернобородый откинул шлем в сторону, снял кожаные перчатки, протянул руки к огню, пытаясь согреться.

— Полночь давно прошла, — проворчал один из воинов, только что вошедший в зал. — Ты уверен, что он придет?

— Утешайся тем, что все считают его человеком слова, — сказал, будто сплюнул, высокий юноша с бледным лицом. Сжав тонкие губы, он усмехнулся, по-волчьи обнажив зубы.

— Твоя ирония неуместна, Ярис. — Воин пожал плечами, отвернулся и, словно пытаясь убедить в этом самого себя, произнес: — Он должен прийти.

В огромном зале собрались шесть человек. Последним подошел граф Смиорган Лысый из Пурпурных Городов. Он был невысок ростом, коренаст, на вид лет пятидесяти; его пухлые пальцы то сжимались, то разжимались на усыпанной драгоценными камнями рукояти меча, глаза бегали из стороны в сторону, лицо было испещрено шрамами, которые частично скрывала густая иссиня-черная борода.

— Эльрик высокомерен и меньше всего думает о наших интересах, — сказал Смиорган, плотнее запахиваясь в пурпурный плащ, одетый поверх позолоченных доспехов. — Тем не менее, я считаю, он — наш человек.

— Ты сегодня слишком доверчив, граф. — Ярис вновь усмехнулся. — Непозволительная роскошь в наше смутное время. Лично я... — Он умолк, глубоко вздохнул, посмотрел на своих товарищей. Взгляд его на секунду задержался на худошавом Дармите из Джаркора, затем на Фадане из Лормира, который поджал толстые губы, отвел глаза и уставился в огонь.

— Продолжай, Ярис! — раздраженно воскликнул Нелькон, вильмириец с благородными чертами лица. — Если хочешь сказать что-нибудь дельное, мы с удовольствием тебя слушаем.

Щеголь Джикку зевнул во весь рот и почесал свой длинный нос.

— Говори, Ярис! — нетерпеливо сказал Смиорган. — Мы ждем твоих предложений.

— Я предлагаю отплыть немедленно, а не ждать, пока Эльрик соблаговолит осчастливить нас своим присутствием. Наверняка он сейчас гуляет в какой-нибудь таверне милях в ста отсюда или, что еще хуже, договаривается с Повелителями Драконов о том, чтобы стереть нас в порошок. Время не ждет: наш флот слишком велик, до мельнибонийцев в любую минуту могут дойти слухи, что мы собрались выступить против них. В случае успеха нас ждут фантастические сокровища самого богатого города мира, в случае неудачи — страшная смерть от рук Повелителей Драконов. Чем дольше мы бездействуем, тем больше у них шансов подготовиться к нападению.

— Ты никогда и никому не верил, Ярис. — Король Вильмирии Нелькон говорил медленно, с неприязнью глядя на перекошенное злобой лицо молодого человека. — Как можем мы попасть в Имрирр, не зная расположения каналов лабиринта, ведущих в город? Если мы отплывем без Эльрика, задуманное нами предприятие обречено на провал. Эльрик нам необходим; мы должны либо дождаться его, либо разойтись по домам.

— А я готов рискнуть! — вскричал Ярис, гневно сверкая раскосыми глазами. — Вы осторожничаєте, словно немощные старики, а чтобы добыть богатство, надо не рассуждать, а действовать!

— Глупец! — голос Дармита эхом прокатился по залу. Он невесело рассмеялся. — В юности я думал так же, как ты, и в результате потерял весь свой прекрасный флот. Только знания Эльрика помогут нам захватить Имрирр. После того как мельнибонийский флаг перестал развеиваться над королевскими дворцами всех государств Земли, наша объединенная эскадра стала самой могущественной из всех, когда-либо бороздивших Вздыхающее Море. Каждого из нас знают по имени, каждого из нас боятся. Наши корабли собирают дань со многих прибрежных стран. Мы — сила! — Он сжал руку в кулак и потряс им перед лицом Яриса, оскалив в улыбке желтые зубы. Несколько успокоившись, Дармит продолжал говорить, чеканя каждую фразу. — Но наша сила — ничто, пустой звук по сравнению с той силой, которой обладает Эльрик и которая называется знанием. Он — колдун, будь проклято это слово! Его предки

построили лабиринт, надежно защищающий Имрирр от нападения с моря. Город Мечты может спать спокойно, если Эльрик не проведет нашу эскадру каналами, тайна которых известна только мельнибонийским принцам. Без Эльрика мы погибнем, и он знает об этом не хуже нас.

— Приятно слышать столь лестное о себе мнение, — насмешливо произнес с порога веселый громкий голос. Корсары вздрогнули, разом повернулись к двери.

От самоуверенности Яриса не осталось и следа, когда он встретился взглядом с Эльриком из Мельнибонэ. Древние, как мир, глаза на молодом красивом лице, казалось, смотрели в вечность. Ярис задрожал с головы до ног, отвернулся, уставился на огонь.

Эльрик дружелюбно улыбнулся графу Смиоргану, с которым у него установились довольно теплые отношения, пожал ему руку, коротко кивнул пятерым корсарам и, ловко управляя своим гибким телом, подошел к камину. Ярис торопливо уступил ему место. Эльрик был высок, строен, широкоплеч; его длинные волосы были заколоты сзади. По непонятной причине он облачился в одежды южных варваров: сапоги до колен из мягкой оленьей кожи, нагрудник кирасы из кованого серебра, голубая с белым короткая кожаная куртка, ярко-красные шерстяные бриджи и зеленый бархатный плащ. Сбоку на его поясе висел черный железный меч, испещренный рунами: вселяющий ужас «Повелитель Бурь» — древнее мистическое оружие, появившееся на Земле в те далекие времена, когда Мельнибонэ начал управлять миром.

Одежда Эльрика была кричащей, безвкусной и совсем не вязалась с его обликом; тем не менее он носил ее, желая лишний раз подчеркнуть, что не принадлежит к обществу, в котором ему приходится жить. Впрочем, это становилось ясно при одном взгляде на его лицо. Эльрик, последний Император Мельнибонэ, был альбиносом и черпал свои силы из таинственного и страшного источника.

Смиорган вздохнул.

— Когда мы отплываем в Имрирр, Эльрик? — спросил он.

Альбинос пожал плечами.

— Когда надумаете. Мне это безразлично. Но перед рейдом я должен буду уладить кое-какие свои дела.

— Завтра? Мы сможем отплыть завтра? — робко спросил Ярис, почти физически ощущая необычайную силу человека, которого он совсем недавно обвинил в предательстве.

Эльрик снисходительно улыбнулся, сказал, не глядя на Яриса:

— Через три дня. А может, и позже.

— Три дня! — воскликнул толстяк Фадан, самый осторожный из корсаров. — К этому времени мельнибонийцы обязательно узнают, что мы собираемся на них напасть!

— Я позабочусь о том, чтобы ваш флот не был обнаружен. Мне необходимо побывать в Имрирре до рейда.

— Самый быстрый корабль не доплывет до Имрирра за трое суток! — вскричал Смиорган.

— Я буду в Городе Мечты не позднее завтрашнего дня, — спокойно и уверенно сказал Эльрик.

Смиорган пожал плечами.

— Я, конечно, тебе верю... но зачем?

— Хочу примириться со своей совестью, граф Смиорган. Не бойся, я не предаю вас. Обещаю, что лично поведу корабли в бой. — Отсветы огня играли на белом, как мел, лице Эльрика, дыхание его участилось, красные глаза загадочно сверкали, изящная рука крепко сжимала рукоять меча, испещренного рунами. — По существу, Имрирр пал пятьсот лет назад, а сейчас он будет уничтожен на вечные времена. Я должен отомстить, и поэтому я согласился вам помочь. Как вы знаете, я поставил лишь два условия: во-первых, вы сотрете город с лица земли, а во-вторых — не причините вреда двум людям. Я говорю о моем брате Йиркане и его сестре Каймориль...

Ярис облизнул пересохшие губы. Когда отец его скоростно скончался, Ярис начал управлять

огромным государством, обладающим могущественным флотом. Наглое поведение молодого человека объяснялось тем, что он старался скрыть свою неуверенность под маской показной удали.

— А где мы спрячем флот, милорд Эльрик? — спросил он.

На этот раз мельнибониец удостоил его ответом.

— Этим я займусь прямо сейчас. Граф Смиорган, ты проследишь, чтобы экипажи всех кораблей сошли на берег?

— Хорошо, — коротко ответил корсар.

Смиорган и Эльрик вышли из зала, а пять человек у камина, охваченные леденящим душу ужасом, смотрели им вслед.

— Как может он спрятать наш флот, если мы, лучше всех знающие эти фьорды, не смогли найти в них ни одного потайного места? — растерянно пробормотал Дармит из Джаркора.

Ему никто не ответил.

Корсары сидели молча, почти не двигаясь. Огонь в камине, не получая новой пищи, постепенно угасал. Прошло больше часа, прежде чем половицы закрипели под ногами графа Смиоргана. В глазах его застыл страх, он дрожал мелкой дрожью, дыхание со свистом вырывалось у него из груди.

— Ну? — нетерпеливо выкрикнул Дармит, делая вид, что не замечает плачевного состояния своего товарища. — Спрятал Эльрик флот или нет? Что он сделал?

— Он его спрятал. — Смиорган говорил с трудом, словно человек, только что оправившийся от тяжелой болезни.

Ярис подошел к двери, пристально посмотрел на воды фьорда, увидел лишь множество костров на берегу.

— Слишком густой туман, — прошептал он. — Непонятно, стоят наши корабли на причале или их отвели в другое место. — Ярис прищурился... вздрогнул от неожиданности, увидев в тумане в двух шагах от себя бледное лицо Эльрика. — Здравствуйте, милорд Эльрик. — Ярис попятился.

Эльрик, покачиваясь от усталости, отирая пот рукавом плаща, вошел в зал.

— Вина! — пробормотал он. — Я сделал то, что обещал, и мне это дорого обошлось.

Трясущимися руками Дармит налил крепкое касандрианское вино из кувшина в резной деревянный кубок, молча протянул его Эльрику, который также молча осушил кубок до дна.

— А теперь мне необходимо выспаться. — Альбинос уселся в кресло, вытянул ноги, закутался в свой зеленый плащ, закрыл красные глаза. Тело его расслабилось.

Фадан на цыпочках подошел к двери, запер ее на засов.

Сон шестерых корсаров в ту ночь был тревожен, а наутро они обнаружили, что Эльрик их покинул. На берег им пройти не удалось, потому что в густом тумане не было видно ни зги.

Стоя на узкой полоске берега, Эльрик смотрел на воды фьорда. Он с удовлетворением отметил, что туман в бухте продолжал сгущаться, полностью скрыв могучую эскадру от посторонних глаз. Повсюду стояла ясная погода: неяркое зимнее солнце освещало черные изрезанные скалы и море, вздымавшееся и опускавшееся, словно грудь какого-нибудь чудовища. Эльрик провел пальцами по рунам на рукояти меча, подставил лицо северному ветру.

Альбинос чувствовал себя значительно лучше, чем вчера вечером, когда он истратил почти все свои силы на создание тумана. Эльрик в совершенстве владел искусством вызывания духов воды, огня, земли и воздуха, но у него не было тех запасов энергии, которыми обладали Колдуны-Императоры Мельнибонэ, когда-то управлявшие всем миром. Предки Эльрика передали ему знания, но не смогли передать свою мистическую жизненную силу, и поэтому он не пользовался многими заклинаниями, которые способны были пощадить и его тело, и его душу. И тем не менее только одного человека на всем свете Эльрик считал

достойным противником. Рука альбиноса крепче сжала рукоять меча, когда он вспомнил брата своего, Йиркана. Нахмурившись, Эльрик заставил себя сконцентрироваться на заклинаниях, которые необходимо было произнести, чтобы в кратчайший срок попасть на остров Повелителей Драконов.

Рядом с Эльриком стоял маленький бот, наполовину вытасканный на берег, — судно, куда более прочное и древнее, чем это могло показаться с первого взгляда. Волнующееся море омывало его шпангоуты и откатывалось назад. Начинаясь отлив, и Эльрик понял, что ему нельзя больше терять время.

Мышцы его напряглись, он выкинул все мысли из головы, сосредоточился. Чуть покачиваясь, уставившись в пустоту невидящими глазами, чертя в воздухе кабалистические знаки, он начал произносить слова свистящим монотонным шепотом. Постепенно голос его усилился, стал напоминать сначала далекий пронзительный крик чайки, потом — тоскливый волчий вой. Воздух вокруг Эльрика задрожал, заколебался, в нем возникли туманные, меняющиеся образы. На негнувшихся ногах альбинос пошел к боту.

Голос его давно перестал походить на человеческий; протяжным воем вызывал он духов воздуха, — сильфид, повелевающих бризом, шарнаг, управляющих ураганами, г'гааршанов, создающих смерчи, — и они кружили вокруг него, выполняя тот страшный договор, который заключили с предками Эльрика много веков назад.

Двигаясь как во сне, Эльрик поднялся на борт бота, поставил парус. Спокойные воды у берега вздыбились, огромная волна, вырастая на глазах, поднялась в небо, застыла над маленьким суденышком, подхватила его и швырнула далеко в море.

Сидя на корме, Эльрик тихонько напевал себе под нос, а духи воздуха, весело и пронзительно крича, надули парус и понесли бот по волнам со скоростью, недоступной самому быстроходному кораблю.

Глава вторая

Вот так и получилось, что буквально через несколько часов после отплытия из фьорда Эльрик, последний Император Мельнибонэ, вернулся в последний на земле мельнибонийский город. Когда на горизонте показалась береговая линия Острова Драконов, духи воздуха покинули бот, а Эльрик очнулся от летаргического сна. В который раз с восхищением смотрел он на видимые издалика розовые высокие башни, словно плывущие в белых облаках, на огромную каменную стену, стоящую прямо в море. За этой стеной находился лабиринт каналов, также огороженных каменными стенами, и только по одному из них можно было попасть в гавань Имрирра.

Эльрик решил высадиться на побережье. Он уверенно направил бот к небольшой бухте, известной только ему одному, вход в которую закрывали разросшиеся кусты с крупными голубыми ягодами, содержащими страшный яд, вызывающий у человека сначала слепоту, а затем безумие. Назывались эти ягоды «надуаль» и росли они только на Имрирре наряду с другими редкими и ядовитыми растениями.

Клочковатые облака лениво ползли по небу, напоминая тонкую паутинку. Весь мир, казалось, был нарисован белыми, голубыми, золотыми и зелеными красками. Эльрик, втащив бот на берег, вдохнул полной грудью свежий чистый зимний воздух, ощутил запах прелых листьев. Неподалеку затыкала лисица, призывая самца. Последний Император Мельнибонэ с горечью подумал о том, что его подданные разучились ценить истинную красоту, которую дарит людям природа, и предпочитают сидеть по домам в наркотическом полусне. В Городе Мечты мельнибонийцы только и делали, что мечтали, и Эльрик, дыша полной грудью, радовался, что отказался от власти, доставшейся ему по наследству.

Вместо него на Рубиновом Троне Имрирра Прекрасного восседал его брат Йиркан, ненавидящий альбиноса до глубины души, потому что Эльрик, несмотря на свое нежелание управлять государством, был законным властелином Острова Драконов, а он, Йиркан — узурпатором, не имеющим, согласно мельнибонийским традициям, никаких прав на престол.

Эльрик тоже ненавидел Йиркана, и у него были на это свои причины, настолько веские, что он мечтал уничтожить Имрирр, последний город некогда могущественной Империи, разрушить до основания его белые, желтые и розовые башни.

Вздыхнув, Эльрик отправился в путь. Земля пружинила под его ногами, бледно-желтое солнце садилось в искрящееся море, уступая место холодной безлунной ночи, полной таинственных недомолвок. Спустя несколько часов он подошел к городу, зловещему и фантастически-прекрасному в одно и то же время. Имрирр — древняя столица мира — был скорее произведением искусства, чем местом, предназначенным для обитания. Наряду с многочисленными трущобами, расположенными на узких кривых улочках, многие башни пустовали, потому что Повелители Драконов, к числу которых принадлежал Эльрик, не желали пускать туда ублюдков из простонародья. В Имрирре почти не осталось чистокровных мельнибонийцев. Выстроен был город так, что фундаменты всех его зданий точно следовали изгибам земли, а многочисленные лужайки, словно ступеньки, поднимались к вершине холма, на котором гордо возвышался удивительный замок с многочисленными башенками и шпилями — архитектурный шедевр старого мастера, имя которого давно было забыто. Безжизненным и опустошенный казался Имрирр Прекрасный. Город спал.

Повелители Драконов, их жены, наложницы и рабы, видели страшные и захватывающие сны, навеянные наркотиками, в то время как остальные жители, разошедшиеся после вечернего звона колоколов по своим хибаркам, ворочались на грязных матрасах, мечтая просто уснуть, чтобы во сне забыть о своем жалком существовании.

Положив руку на рукоять меча, Эльрик миновал никем не охраняемые ворота в крепостной стене, пошел по неосвещенным улицам к дворцу Йиркана. Альбиносу часто приходилось прятаться в тенях пустых башен, когда он слышал шаги стражников, строго следящих за тем, чтобы после звона колоколов на улицах не было людей. Тихонько вздыхал ветер. Иногда из некоторых заселенных башен доносился дикий смех или леденящий душу крик какого-нибудь раба, которого убили, вдоволь им насладившись, чтобы смертью своей он доставил еще большее удовольствие мельнибонийскому вельможе.

Эльрик не обращал внимания на эти крики, не возмущался тем, что видел, проходя мимо ярко

освещенных окон. Он ценил удовольствия и иногда зловеще улыбался, слыша вопль очередной жертвы. Альбинос был мельнибонийцем и считал, что это дает ему право наслаждаться тем, что приводит в ужас обычного смертного. Да, Эльрик был мельнибонийцем, и хотя он, подчиняясь своим смутным желаниям, избрал жизнь скитальца в том мире, где люди развлекались грубо и неумело, десять тысяч лет развития цивилизации, жестокой, мудрой и порочной, наложили на него определенный отпечаток. В поисках совершенства альбинос-колдун часто проливал кровь.

Он нетерпеливо постучал в тяжелую дверь черного дерева, расположенную напротив главного входа во дворец, осторожно осмотрелся по сторонам. Эльрик знал, что Йиркан приказал убить его, как только он появится в Имрирге.

Послышался звук отодвигающегося засова, дверь чуть приоткрылась, в образовавшейся щели показалось худое морщинистое лицо.

— Это ты, мой Император? — шепотом спросил высокий и на удивление тощий человек. Близоручко прищурившись, он уставился в темноту, пытаясь разглядеть неожиданного посетителя.

— Я — принц Эльрик, — сказал альбинос. — Ты забыл, мой друг Худоба, что на Рубиновом Троне сидит новый Император.

Слуга покачал головой; прядь жидких волос упала ему на лоб. Судорожным движением костлявой руки он откинул ее назад, отступил в сторону, освобождая проход.

— На Острове Драконов один Император, — сказал он.

Эльрик слабо улыбнулся, вошел в замок, дождался, пока Худоба закроет за ним дверь.

— Она все еще спит, сир, — пробормотал преданный слуга, поднимаясь вслед за альбиносом по витой лестнице.

— Я знаю. — Эльрик пожал плечами. — Мой брат — колдун, глупо было бы недооценивать его силы.

Они молча продолжали подниматься, пока не очутились на верхней площадке лестницы, от которой начинался коридор, освещенный танцующим светом факелов. Причудливые тени плясали на белых мраморных стенах. Притаившись за колонной, Эльрик и Худоба смотрели на дверь в комнату, которую охранял высокий, толстый и абсолютно лысый стражник. На нем были сверкающие иссиня-черные доспехи, в руках он держал короткий лук со стрелой наготове. Эльрик понял, что перед ним стоит один из евнухов-лучников, принадлежащий к Молчаливой Страже — лучшим воинам Имрирра.

Худоба, зная о том, что комната охраняется, приготовился к этому заранее. Не говоря ни слова, он достал из-за колонны лук и колчан со стрелами, встал на одно колено, натянул тетиву. Прицелившись в левый глаз евнуха, он выстрелил, но в этот момент стражник повернулся к нему лицом. Стрела пролетела мимо, ударилась о стену, упала на каменный пол.

Не задумываясь, Эльрик бросился вперед, выхватил меч из ножен, почувствовал, что в жилы вливается неземная сила. Черное лезвие застонало, как спичку перерубив костяной лук, который евнух выставил перед собой, надеясь отразить удар. Стражник тяжело дышал, его толстые мокрые губы дрожали; он раскрыл рот, собираясь закричать, но из его горла не вырвалось ни одного звука: по традиции, мельнибонийским евнухам всегда отрезали языки.

Быстро выхватив короткий меч, стражник попытался парировать второй удар альбиноса. Лезвие «Повелителя Бурь», волшебного оружия, наделенного, казалось, своей жизнью, вошло в твердую сталь, как нож входит в масло. Посыпались искры. Звон металла о металл эхом пронесся по коридору, и Эльрик проклял судьбу, которая спасла евнуха от быстрой смерти. Прикусив губу, альбинос бросился в атаку.

Черный свет струился по огромному мечу, казавшемуся игрушкой в руках Эльрика. Стражник смутно видел лицо своего противника; лишь на мгновение ему показалось, что он узнал знакомые черты, а затем голова его раскололась от нестерпимой боли. Он понял, что сейчас умрет, и смирился с этим, потому что все евнухи по природе своей фаталисты.

Поставив ногу на жирный живот трупа, Эльрик вытащил меч из черепа, вытер окровавленное, испачканное мозгами лезвие о плащ своей жертвы. С лестницы доносился топот бегущих солдат.

Предусмотрительный Худоба скрылся. Эльрик открыл дверь и вошел в комнату, освещенную двумя свечами, стоявшими у изголовья большой кровати, устланной шелками, на которой лежала девушка с волосами цвета воронова крыла.

Губы альбиноса задрожали, из его странных красных глаз потекли слезы. Дрожащими руками он вложил меч в ножны, запер дверь, подошел к кровати, встал перед спящей девушкой на колени. Ее лицо, с чертами такими же тонкими, как у Эльрика, поражало необыкновенной, изысканной красотой. Девушка тяжело дышала во сне, вызванном не усталостью, а заклинаниями ее родного брата Йиркана.

Эльрик осторожно взял ее руку, поднес к губам, поцеловал.

— Каймориль! — прошептал он, вкладывая в это слово всю свою душу. — Проснись, Каймориль!

Девушка даже не пошевелилась; дыхание ее оставалось таким же тяжелым.

Красные глаза Эльрика зажглись ненавистью, лицо перекошилось от обуревавших его чувств. Он сжал безжизненную нежную руку, с трудом заставил себя расслабиться, понимая, что может сломать девушке пальцы.

Солдат колотил в дверь кулаками, громко крича.

Эльрик положил руку Каймориль на ее упругую девичью грудь, встал с колен, непонимающим взглядом уставился на дверь.

— Что здесь происходит? — послышался холодный, надменный голос. — Неужели кто-то осмелился потревожить сон моей бедной сестры?

— Йиркан, сатанинское отродье, — пробормотал Эльрик себе под нос.

Солдат начал давать какие-то путанные объяснения; Йиркан, не дослушав, громко крикнул:

— Кто бы ты ни был, ты умрешь тысячью смертей, когда тебя поймут. Убежать ты не можешь. Если же хоть один волосок упал с головы моей сестры, если ты причинил ей малейший вред, я обещаю, что ты никогда не умрешь, но денно и ночно будешь молить своих богов о смерти!

— Йиркан, презренный болтун, как можешь ты грозить тому, кто не хуже тебя разбирается в черной магии? Это говорю я, Эльрик, твой законный повелитель и господин! Убирайся в крысиную дыру, из которой пришел, прежде чем я призову темные силы, которые сотрут тебя в порошок!

Йиркан неуверенно рассмеялся.

— Значит, ты вернулся, чтобы вновь попытаться разбудить мою сестру, Эльрик? У тебя ничего не выйдет, потому что я один могу снять с нее заклятье. Если ты хоть что-нибудь предпримешь сам, она умрет, и душа ее будет обречена на вечные муки, после чего ты сможешь с нею соединиться!

— Ты — грязный ублюдок, Йиркан! И тебе придется горько пожалеть о своем заклятье, прежде чем твои дни будут сочтены. А если тебе кажется, что сонное зелье заставит нас с Каймориль разлюбить друг друга, ты еще больший дурак, чем я думал! Клянусь шестью грудями Арнары, это ты умрешь тысячью смертей и будешь молить богов о пощаде!

— Хватит! — воскликнул Йиркан. — Солдаты! Я приказываю вам сломать дверь и взять этого мерзавца живым! Эльрик, выслушай теперь в чем я тебе клянусь: никогда в жизни ты не займешь Рубиновый Трон и не соединишься с Каймориль. Воспользуйся оставшимися у тебя минутами свободы, как хочешь, потому что скоро ты будешь ползать передо мной на коленях, испытывая такие душевные муки, каких не знал еще ни один смертный!

Не обращая внимания на угрозы Йиркана, Эльрик посмотрел на единственное окно в комнате. Оно было достаточно большим, чтобы человек мог в него протиснуться. Наклонившись, альбинос поцеловал Каймориль в губы, подошел к двери, снял засов.

Солдат, изо всех сил ударивший в дверь плечом, влетел в комнату, растянулся на полу. Выхватывая меч из ножен, Эльрик поднял его высоко над головой, резко опустил. Голова солдата скатилась с плеч; альбинос закричал протяжным низким голосом;

— Ариох! Ариох! Я дарю тебе кровь и души! Помоги мне! Я дарю тебе этого человека,

могущественный Повелитель Хаоса! Не оставь своего слугу, Эльрика из Мельнибонэ!

В комнату ворвались три воина. Черное лезвие мелькнуло, снесло одному из них половину лица.

— Ариох! Властелин Тьмы! Я дарю тебе кровь и души! Помоги мне, нечистый!

В дальнем углу комнаты за клубился черный туман. Все новые и новые солдаты входили в дверь, нападая на Эльрика, громко выкрикивающего имя Ариоха, а Йиркан в коридоре сыпал проклятиями, приказывая как можно скорее захватить альбиноса в плен. Рунный меч, окруженный странным черным сиянием, пел свою песню, и те, кто слышал ее, невольно дрожали от ужаса. Еще двое солдат упали бездыханными, заливая кровью богатые ковры на полу.

— Кровь и души для Повелителя моего Ариоха!

Черный туман сгустился, приобрел форму. Эльрик бросил быстрый взгляд в угол комнаты и вздрогнул, несмотря на то, что не в первый раз имел дело со страшными силами тьмы.

Солдаты стояли спиной к аморфной массе, которая вздыбилась и поползла вперед. К горлу Эльрика подступила тошнота, он перешел в наступление, тесня солдат к черному существу. Внезапно они почувствовали, что позади них происходит что-то неладное. Четверо воинов обернулись, истощенно закричали, а черная масса дернулась, накрыв их с головой. Ариох изогнулся, высасывая души своих жертв. Захрустели кости; безумно и бессвязно крича, солдаты, все еще живые, упали на пол с переломанными позвоночниками.

Впервые в жизни Эльрик поблагодарил судьбу за то, что Каймориль спит. Он подбежал к окну, посмотрел вниз, увидел, что до земли было несколько сот футов. Эльрик кинулся к двери.

Йиркан с расширенными от ужаса глазами пел заклинания, стараясь отправить Ариоха туда, откуда он пришел. Это была трудная, но выполнимая задача.

Эльрик прошел мимо своего брата, бросил прощальный взгляд на Каймориль, побежал по коридору, скользкому от пролитой крови. На лестничной площадке его ждал Худоба.

— Что случилось, сир? — взволнованно спросил он.

Эльрик схватил слугу за костлявое плечо, начал спускаться по лестнице.

— Потом узнаешь. Нам надо спешить, пока Йиркан занят одним неотложным делом. Слушай меня внимательно и запоминай: через пять дней в истории Имрирра наступит новый этап. Надеюсь, он будет последним. Что бы ни случилось, ты должен в первую очередь позаботиться о безопасности Каймориль. Тебе понятно?

— Да, милорд, но...

Они подошли к двери, Худоба быстро снял тяжелый засов.

— Больше я ничего не могу тебе сказать, у меня нет на это времени. Я вернусь через пять дней. Отнеси Каймориль в башню Д'Арпутна и жди меня там.

Эльрик распахнул дверь настежь и скрылся в темноте, а вслед ему неслись полные отчаяния крики жертв Ариоха.

Глава третья

Эльрик молча стоял на носу флагманского судна графа Смиоргана. С тех пор, как он вернулся во фьорд, и эскадра вышла в открытое море, альбинос разговаривал только в тех случаях, когда необходимо было отдать какие-нибудь распоряжения. Посовещавшись между собой, корсары пришли к выводу, что ненависть гложет душу Эльрика, а это делало его опасным и для врагов, и для друзей. Даже граф Смиорган старался как можно реже подходить к угрюмому мельнибонийцу.

Легкие суденышки, танцую на волнах, шли на восток, и со стороны могло показаться, что на воде распростерлась тень гигантской птицы, парящей в небе. В поход отправилось более пятисот кораблей, практически не отличимых друг от друга: изящных, маневренных, скоростных, мало приспособленных для морских сражений, — ведь они, в основном, были предназначены для торговли и быстрых набегов на прибрежные страны. Яркие паруса — оранжевые, голубые, черные, пурпурные, красные, желтые, зеленые и белые — сверкали на солнце. И на каждом корабле за веслами сидели от шестнадцати до двадцати гребцов, которые одновременно были воинами: корсары не имели возможности набирать отдельное войско, так как ежегодно теряли в рейдах сотни людей.

В центре огромной эскадры шли большие шлюпы с катапультами на палубах; прежде чем попасть в Имрирр, необходимо было пробить брешь в воротах каменной стены, надежно защищающей город со стороны моря. Граф Смиорган и его друзья ели, пили, веселились и с гордостью говорили о своей эскадре, а Эльрик смотрел вдаль невидящим взором, проводя дни без сна и пищи, не обращая внимания на ветер и брызги и сжимая рукоять своего меча до боли в пальцах.

Корабли шли на восток, приближаясь к Острову Повелителей Драконов, где корсаров ожидали либо сказочные богатства, либо ужасная смерть. Час за часом плыли они навстречу своей судьбе, и весла резали воду, а паруса надувал попутный ветер.

Они плыли в самый древний город мира, чтобы жечь, убивать, насиловать, грабить.

Через три дня после выхода из фьорда на горизонте показалось побережье острова, и скрип уключин сменило бряцанье оружия. Корсары готовились к битве, выиграть которую не посчитал бы возможным ни один нормальный человек.

Приказы передавались от корабля к кораблю, эскадра расположилась в боевом порядке.

Стоял ясный день, дул холодный свежий ветер. Нервное возбуждение охватило всех корсаров, начиная от капитанов и кончая простыми матросами: каждый из них гадал, что готовит ему будущее. Перед ними простиралась огромная каменная стена, преграждавшая доступ в гавань и возвышавшаяся над морем на сто футов. Наверху стены стояли башни, куда более прочные, чем в Городе Мечты. Только имрирским галерам разрешалось проходить в морские ворота, а путь через лабиринт не был известен ни одному чужеземцу.

На стене изумленные стражники спешили занять свои места. Они представить себе не могли, что кто-то осмелился на них напасть, и тем не менее огромный флот, равного которому они никогда не видели, выступил против Имрирра Прекрасного. Желтые плащи шуршали, бронзовые доспехи звенели, но двигались стражники, как во сне, словно не верили собственным глазам, а на лицах у них была написана покорность судьбе, — ведь им суждено было погибнуть даже в том случае, если эскадра будет уничтожена.

Дайвим Таркин, командор, был истинным мельнибонийцем, обожавшим жизнь и ее прелести. Красавчик с высоким лбом, крохотными усиками и аккуратно подстриженной бородкой, Таркин выглядел крайне импозантно в бронзовых доспехах и высоком шлеме с плюмажем. Он не хотел умирать. Его первые распоряжения воины выполнили быстро и четко. Напряженно вслушиваясь в крики, доносившиеся с кораблей, Таркин пытался себе представить, что собираются предпринять корсары в первую очередь. Ответ не заставил себя долго ждать.

Катапульта на шлюпе хрипло кашлянула, огромный камень величаво поплыл по воздуху и, не долетев до стены, упал в воду с громким плеском.

Сглотнув слюну и стараясь говорить твердым голосом, Дайвим Таркин тоже приказал выстрелить из катапульты. Воины мгновенно перерезали туго натянутую веревку, и круглое железное ядро понеслось к

вражескому флоту, стоявшему таким тесным строем, что промахнуться было невозможно. Ядро ударило в судно Дармита из Джаркора, пробило в нем огромную дыру. Буквально в течение нескольких секунд, под крики и стоны утопающих, корабль пошел ко дну вместе с Дармитом. Несколько матросов взяли на борт другие корабли; раненых оставили в воде.

И вновь хрипло кашлянула катапульта на шлюпе, но на этот раз снаряд попал в цель, разрушив башню, в которой находился отряд лучников. Каменные осколки полетели во все стороны, и те, кто остался в живых после выстрела, упали в пенящееся море и разбились о стену.

Разгневанные смертью своих товарищей, имрирские лучники послали тучу стрел в самую гущу неприятеля. Корсары взвыли от ярости, но быстро оправились и также повели прицельную стрельбу из луков. Камни из катапулт разрушали башню за башней, пробили брешь в стене, которую к тому времени уже некому было защищать.

Дайвим Таркин все еще оставался в живых, но древко стрелы торчало из его левого плеча, а желтый плащ был залит кровью. Он все еще оставался в живых, когда шлюп ударил тараном в большие деревянные ворота. Второй шлюп пришел на помощь, они ударили одновременно...

Суда корсаров вошли в лабиринт — первые чужеземные корабли, которым это удалось. Испытывая священный ужас при мысли о том, что древние мельнибонийские традиции были грубо нарушены, Дайвим Таркин поскользнулся, дико вскрикнул и упал, сломав шею о палубу корабля графа Смиоргана, который выдвинулся вперед, так как только Эльрик мог указать корсарам путь в лабиринте. Впереди высились каменные стены с потолками, огораживающие каналы; черные входы зияли, как отверстые пасти. Эльрик молча указал рукой на третий канал слева, гребцы взяли за весла, и через несколько секунд корабль поглотила тьма.

— Факелы! — вскричал Эльрик. — Зажгите факелы!

Факелы, приготовленные заранее, запылали, и в их свете стали видны темные воды проложенного в естественной пещере канала, от которого в разные стороны шли ответвления.

— Держитесь вплотную друг к другу, — сказал Эльрик, и эхо многократно повторило его слова, постепенно затихая под каменными сводами.

Лицо Эльрика напоминало маску, его красные глаза лихорадочно блеснули. Гигантские тени, пляшущие на каменных стенах, вызывали у матросов суеверный ужас. Многие из них бормотали про себя молитвы, дрожа от страха.

Весла монотонно чавкали, погружаясь в воду, и вскоре корабли очутились перед очередными пятью входами в ответвления основного канала.

— Средний, — коротко сказал Эльрик.

Рулевой молча повиновался. В пещере стояла зловещая тишина, нарушаемая лишь ропотом матросов да всплесками весел.

Эльрик бросил взгляд на холодную мрачную воду и задрожал с головы до ног.

Наконец, впереди показался солнечный свет; корабли один за другим вышли из пещеры и очутились в узком морском каньоне, ведущем в гавань. С удивлением смотрели матросы на высокие стены, на которых внезапно появились лучники в желтых плащах и бронзовых доспехах. Стрелы понеслись вниз, впиваясь в тела, а кораблям негде было даже развернуться.

— Гребите! — громко вскричал Эльрик. — Быстрее!

Гребцы лихорадочно налегли на весла. Корсары несли большие потери, но по каньону, прямому, как струна, было легко развить большую скорость, а впереди уже показалась набережная Имрирра.

И внезапно каньон закончился, и корабли вошли в спокойные воды гавани, где на причале выстроился большой отряд имрирских воинов. Флагманский корабль графа Смиоргана стукнулся о причал бортом, и Эльрик, выхватывая из ножен рунный меч, не медля бросился в атаку. Стрелы свистели рядом с ним, но каким-то чудом ни одна из них не попала в цель. Испуская боевые кличи, пираты хлынули на берег, столкнулись с имрирскими воинами, вооруженными боевыми топорами. Мельнибонийцы,

пораженные тем, что на их землю вступили чужеземцы, почти не оказывали корсарам сопротивления.

Эльрик рубил направо и налево, снося головы с плеч. Испив крови, «Повелитель Бурь» протяжно завыл, начал управлять рукой альбиноса, требуя новых жертв. На бесцветных губах Эльрика играла мрачная улыбка, его красные глаза недобро блестели. Он хотел как можно скорее покинуть поле боя и заняться своими делами. За спинами солдат в желтых плащах возвышались изумительные по своей красоте башни Имрирра — коралловые, розовые, бледно-голубые, светло-желтые, золотые, ярко-зеленые. В одну из них, башню Д'Арпутна, Эльрик приказал Худобе отнести Каймориль, прекрасно понимая, что в общей неразберихе старому слуге удастся справиться с этой задачей.

Альбинос шел вперед, прорубая кровавую тропу в рядах защитников города, которые умирали в страшных муках, когда «Повелитель Бурь» высасывал их души.

Наконец, Эльрик выбрался из гущи сражения, предоставив корсарам возможность самим расправиться с мельнибонийцами, и помчался по кривым извилистым улочкам, убивая каждого, кто становился на его пути. Похожий на призрака, с мертвенно-бледным лицом, в окровавленных одеждах и помятых от ударов доспехах, он быстро бежал, стуча сапогами по мощеным мостовым к небесно-голубой с золотым куполом башне Д'Арпутна.

Дверь в башню была открыта, а значит, в ней кто-то был. Эльрик ворвался в зал, расположенный на первом этаже. Его никто не встретил.

— Худоба! — крикнул он во все горло, и голое его прозвучало, как гром, прокатившийся под сводами башни. — Худоба, где ты? — Эльрик кинулся к лестнице, побежал по ней, перепрыгивая через ступеньки, непрерывно выкрикивая имя своего слуги. На третьем этаже альбинос остановился, услышав, как в одной из комнат кто-то застонал.

— Худоба, это ты? — Эльрик кинулся в коридор, настежь распахнул дверь комнаты, из которой теперь доносилось тяжелое дыхание. На голом полу лежал старый слуга, тщетно пытавшийся остановить кровь, потоком льющуюся из раны в боку.

— Что случилось, Худоба, где Каймориль?

Морщинистое лицо исказилось болью.

— Она... я... я... принес ее сюда, господин, как ты велел. Но... — Худоба закашлялся, и кровь хлынула горлом, заливая его подбородок. — ...принц Йиркан... он... обманул меня... наверное, выследил... он... ударил меня мечом... и забрал Каймориль... сказал... она будет в безопасности... в башне Вельз'невулла... господин... мне жаль...

— Ты еще не так пожалеешь! — яростно сверкая глазами, воскликнул Эльрик, но тон его тут же смягчился. — Не беспокойся, дружище... я отомщу и за тебя, и за себя. Теперь я знаю, где Каймориль, и мне не составит труда выволить ее из беды. Спасибо тебе за все, Худоба, да обретешь ты покой и счастье, отправляясь в последний долгий путь.

Эльрик резко повернулся, вышел из комнаты, быстро спустился по лестнице и выбежал на улицу.

Башня Вельз'невулла была самой высокой башней императорского дворца. Именно в ней предки Эльрика занимались черной магией и проводили дни и ночи, ставя страшные опыты. Альбинос задрожал, подумав о том, что Йиркан может сделать со своей единственной сестрой.

Как ни странно, улицы города были пустынными, но Эльрик не обратил на это никакого внимания. Ворота во дворец и главный вход тоже не охранялись: такого не случалось за всю историю существования Имрирра Прекрасного. Тем не менее Эльрику это было только на руку; теперь он без помех поднимался по знакомым лестницам, ведущим к самой высокой башне дворца. Ему пришлось остановиться перед сверкающей и переливающейся черной хрустальной дверью. Он нетерпеливо ударил по ней рукоятью волшебного меча, но хрусталь, казалось, лишь на мгновение поменял форму, а затем засверкал с новой силой, Эльрик нахмурился, пытаясь вспомнить одно-единственное слово, которое необходимо было произнести, чтобы дверь открылась. Он боялся впасть в транс, что позволило бы ему сказать это слово не задумываясь, и тратил остатки сил, пытаясь вызвать его из подсознания. Нагрузки, которые Эльрик сейчас испытывал, грозили ему серьезными неприятностями, но у него не было иного выхода.

Дрожа всем телом, с перекошенным от напряжения лицом он словно плюнул этим чужеродным словом и тут же вскричал:

— Повелеваю тебе: откройся!

Переливающийся свет застыл на мгновение, начал пульсировать, потом потек, как вода в ручейке, уплывая в ничто, где не существовало ни пространства, ни времени. Эльрик облегченно вздохнул, вошел в башню Вельз'невулла. Призрачный холодный огонь, от которого путались мысли, вспыхнул на ступенях лестницы, по которой последний император Мельнибонэ медленно поднимался к куполу. Странная неземная музыка стенала и плакала, разливалась волнами, стучала в висках.

На верхней площадке лестницы альбинос увидел злобно ухмыляющегося Йиркана с черным рунным мечом в руке, близнецом «Повелителя Бурь».

— Сатанинское отродье! — хрипло выкрикнул Эльрик. — Я вижу, ты вновь обрел свой меч, «Властительницу Мрака». Что ж, пусть померяется силами со своим братом, если ты не боишься. Я пришел, чтобы убить тебя, Йиркан.

Лезвие «Повелителя Бурь» протяжно застонало в такт звучащей неземной музыке, сопровождавшейся холодным огнем. Рунный меч задергался в руке Эльрика, и альбиносу с большим трудом удалось с ним справиться. Собравшись с силами, он в прыжке преодолел несколько ступенек, отделявших его от Йиркана, и нанес первый удар. Внезапно призрачный огонь со всех сторон окружили потоки лавы. Исчезла лестница, башня, дворец: два человека сошлись в последнем бою за пределами Вселенной.

Два лезвия скрестились с визгом, ревом и грохотом. У Эльрика онемело плечо. Тело перестало ему повиноваться, рунный меч принимал за него все решения. «Повелитель Бурь» вывернул кисть альбиноса, скользнул вдоль лезвия своей сестры-близнеца, вонзился в левую руку Йиркана. Узурпатор закричал, в глазах его отразилась смертная мука. «Властительница Мрака» нанесла ответный удар, ранив Эльрика в то же место, куда был ранен Йиркан. Рыдания вырвались из груди альбиноса, но он стиснул зубы, призвал на помощь всю свою волю и вновь, управляя своим мечом, сделал выпад. Черное лезвие пропороло Йиркану правый бок. Такой удар убил бы любого другого человека.

На секунду Йиркан замер, затем откинул голову и засмеялся демоническим смехом, завывая и всхлипывая. Не справившись с теми силами, которыми управлял, узурпатор сошел с ума. Но несмотря на это, он не перестал быть колдуном, и Эльрик чувствовал вокруг себя потоки чудовищных энергий, грозивших сломать его, как сухую тростинку.

Кровь, хлеставшая из раны Йиркана, залила пол, потушила холодный огонь. Лава медленно отступала, показывая вход в купол. Позади Йиркана кто-то стоял, и Эльрик вскрикнул от изумления, узнав Каймориль, пробудившуюся от сна. Лицо ее было перекошено ужасом.

«Повелитель Бурь», опять обретший самостоятельность, мелькнул, как молния, чуть не выбив «Властительницу Мрака» из руки Йиркана.

— Эльрик? — отчаянно вскричала Каймориль. — Спаси меня! Если ты сейчас меня не спасешь, наши души будут обречены на вечные муки!

Слова эти поразили Эльрика. Он не понял, что именно девушка имела в виду. Рунный меч вновь нанес удар, и Йиркан быстро отступил к двери, ведущей в купол.

— Эльрик! Вложи меч в ножны! Если ты этого не сделаешь, мы расстанемся с тобой навсегда!

Но если б даже альбинос мог сейчас управлять свистящим в воздухе черным лезвием, он никогда не вложил бы его в ножны. Ненависть переполняла все его существо, он мечтал только об одном: пронзить злобное сердце Йиркана.

Каймориль плакала, в мольбе протягивала к Эльрику руки. Брызжа слюной, слабоумный идиот, который был когда-то Йирканом из Имрирра, повернулся к своей сестре, вождельно уставился на нее. Издавая нечленораздельные звуки, он схватил ее за плечо. Девушка попыталась вырваться, но злая колдовская сила еще не оставила Йиркана. Воспользовавшись тем, что его противник на мгновение отвернулся, Эльрик нанес удар, вспоровший ему живот.

Как это ни невероятно, Йиркан остался стоять на ногах, черпая жизненную силу из рунного меча, который все еще отбивал атаки своего близнеца-брата. Узурпатор вытолкнул Каймориль вперед; жалобно вскрикнув, девушка упала на лезвие «Повелителя Бурь», пронзившее ее насквозь. И вновь Йиркан расхохотался, последний раз в жизни, а затем смех его перешел в предсмертный хрип, и он упал бездыханный на каменный пол.

Холодный огонь и лава исчезли окончательно, башня приняла свой прежний вид. Эльрик посмотрел вокруг себя непонимающим взглядом, ему никак не удавалось собраться с мыслями. У его ног лежали трупы мужчины и женщины.

Внезапно к нему пришло понимание того, что произошло, и он застонал — так стонет раненый зверь. Женщина, которую он любил больше жизни, умерла. Рунный меч выпал из его рук, покатился, звеня, вниз по лестнице. Рыдая, Эльрик упал на колени, схватил Каймориль в свои объятия.

— Каймориль! — выкрикнул он, вкладывая в это слово всю свою душу. — Каймориль, я убил тебя!

Глава четвертая

Глядя на пламя, пожирающее Имрирр, Эльрик приказал взмокшим от пота гребцам налечь на весла. Корабль с нераспущенными парусами швыряло, как щепку, и альбиносу пришлось уцепиться за поручни, чтобы его не выбросило за борт. Глядя на Имрирр, Эльрик впервые осознал, что окончательно лишился дома, и внезапно почувствовал, что не в силах проглотить комок, стоявший у него в горле. Ренегат, убийца, он потерял единственную женщину, которую любил, подчинившись обуревавшей его слепой жажде мести. Сейчас жизнь его закончилась. Все закончилось. У последнего императора Мельнибонэ не могло быть будущего, потому что его будущее было неразрывно связано с прошлым, а прошлого больше не существовало. То ли стон, то ли всхлип вырвался из груди альбиноса, и он еще сильнее сжал поручни, не чувствуя боли в пальцах.

Мысли его все время возвращались к Каймориль. Он отнес ее в купол, бережно уложил на кровать, а затем поджег башню Вельз'невулла и вернулся к причалу сквозь пылающий город. Корсары затаскивали на корабли девушек-рабынь и грузили сокровища.

Он, Эльрик из Мельнибонэ, был причиной того, что с лица земли исчезли последние следы существования некогда могучей Великой Империи. Он чувствовал, что вместе с ее исчезновением в нем что-то умерло.

Эльрик смотрел на Имрирр, и внезапно глубокая печаль овладела всем его существом. Башни, изящные и прекрасные, как самые тонкие кружева, рушились одна за другой. Вверх взвивались языки пламени.

Он уничтожил последний памятник древней расы, своей расы. Когда-нибудь люди научатся строить воздушные и прочные башни, которыми славился Имрирр, но сейчас это знание умерло. Город Мечты был уничтожен огнем и мечом, мельнибонийцы вырождались.

Но куда подевались Повелители Драконов? Почему ни они, ни золотые галеры Мельнибонэ не встали на защиту Имрирра Прекрасного? Город был отдан почти без сопротивления, а это означало, что рано было праздновать победу. Быть может, мельнибонийцы устроят засаду и разбудят драконов? Эльрик вздрогнул. Он ничего не сказал корсарам о чудовищах, которых его предки приручили много веков назад. Вполне возможно, именно в эту минуту один из Повелителей Драконов открывал тяжелые железные ворота, ведущие в пещеры. Эльрик заставил себя выкинуть эти мысли из головы.

Корабли эскадры ставили паруса, выходя в открытое море, а Эльрик все еще печально смотрел на Имрирр, молча прощаясь с городом своих предков и с Каймориль. И вновь тело альбиноса сотрясли глухие рыдания, когда он с необычайной ясностью вспомнил, как девушка упала, пронзенная черным лезвием его рунного меча. Внезапно Эльрик услышал ропот людей, подобный раскатам далекого грома, и резко повернулся, не понимая, что случилось.

Тридцать золотых галер Мельнибонэ шли на всех парусах, окружая эскадру с двух сторон. Видимо, подумал Эльрик, они прятались в лабиринте, выжидая, когда, пресытившись грабежами и убийствами, корсары отправятся в обратный путь. Боевые галеры, секрета постройки которых не знал ни один человек, живущий на земле, поражали своей мощью. От них веяло древним и страшным волшебством. По сравнению с ними флот Эльрика казался коллекцией игрушечных корабликов. Не было никакого сомнения в том, что уставшие пираты не смогут оказать сопротивление мельнибонийцам, рвущимся в бой. Оставалось одно: попытаться спастись хотя бы на нескольких кораблях, а для этого Эльрику необходимо было вызвать демон-ветер. Сейчас альбинос находился на флагманском судне Яриса, которого зарезала шлюха в имриррской таверне, где юнец напился от радости до потери сознания. Корабль графа Смиоргана шел неподалеку от судна Эльрика, и коренастый корсар хмурился, стоя на палубе. Он тоже прекрасно понимал, что несмотря на превосходство в численности, им никогда не удастся выиграть морского сражения.

Вызывание духов воздуха, которые могли бы поднять ветер и наполнить паруса многочисленных кораблей, было задачей трудной и опасной. При малейшей ошибке со стороны волшебника силы, которые он привел в действие, могли его уничтожить. И тем не менее, другого шанса спастись от галер не

существовало.

Сосредоточившись, Эльрик начал нараспев выкрикивать имена существ, обитателей воздушной стихии. И вновь он побоялся впасть в транс, потому что духи могли в любую секунду накинуться на него. Речь Эльрика напоминала то крики баклана, то шум прибоя, и постепенно туманные образы тех, кто управлял ветрами, появились перед его взором. Сердце альбиноса бешено стучало, колени дрожали. Последним усилием воли он вызвал демона-ветра, взревшего с такой яростью, что закачались на волнах даже золотые мельнибонийские галеры. Приказав ветру поменять направление, Эльрик наполнил им паруса примерно сорока кораблей, так как всю эскадру спасти было невозможно.

Под завывания ветра и плеск волн боевые галеры врезались в пиратские суденышки, раскалывая их на щепки, а в это время сорок кораблей понеслись вперед с бешеной скоростью. Мачты скрипели и гнулись, весла ломались, как тростинки. Буквально через несколько секунд небольшая эскадра Эльрика вырвалась из окружения и вышла в открытое море. Матросы шептали молитвы, с ужасом глядя на призрачных существ, витающих в воздухе.

Смиорган помахал Эльрику рукой, благодарно улыбнулся.

— Мы спаслись благодаря тебе, Эльрик, — громко крикнул он с палубы своего корабля. — Я знал, что ты принесешь нам счастье!

Эльрик ничего не ответил.

Мельнибонийцы, горя жаждой мести, бросились в погоню. С той же скоростью, что подгоняемые волшебным ветром корабли корсаров, неслись золотые галеры Имрирра, и несколько пиратских суденышек, у которых сломались, не выдержав, мачты, были настигнуты и уничтожены.

Эльрик видел, как летят абордажные крючья, впиваясь в деревянные борта, Катапульты на галерах плевались греческим огнем, обрушивающимся, подобно лаве, на палубы. Люди кричали, кидаясь в воду в горящих одеждах, но и вода не в силах была погасить дьявольский огонь, и многие корабли шли ко дну, пылая как факелы.

Эльрик смотрел на кровавое побоище, а тем временем его небольшая эскадра постепенно отдалялась от преследователей, возглавляемых адмиралом мельнибонийского флота Магамом Колимом.

Только теперь Эльрик повернулся к графу Смиоргану, который невидящим взором уставился в небо, и воскликнул, стараясь перекричать вой ветра:

— Мы ушли от погони! Держи курс на запад, или мы погибнем!

Смиорган, казалось, ничего не слышал. Он продолжал стоять, уставившись в небо, и в глазах его застыл ужас, который может охватить только того, кто никогда в жизни не ведал страха. Эльрик невольно посмотрел вверх.

В небе парили драконы. Они были далеко, но Эльрик прекрасно знал, с какой скоростью могли гигантские рептилии преодолевать самые большие расстояния. Размах крыльев этих почти исчезнувших с лица земли чудовищ достигал тридцати футов. Змеиное сорокафутовое тело с плоской головой заканчивалось коротким толстым хвостом, удар которого мог разрушить самое прочное здание. И хоть драконы не изрыгали огонь, как утверждалось в древних легендах, их яд мог воспламенить дерево, сжечь человека дотла.

На спинах драконов сидели имрирские воины, вооруженные длинными копьями с зазубренными наконечниками. Причудливая мелодия растеклась над волнующимся морем, когда всадники поднесли к губам странной формы охотничьи рожки. Приблизившись к золотым галерам, дракон, летящий впереди, сделал круг над флагманским кораблем и, резко хлопая крыльями, опустился. Серо-зеленое, покрытое твердой чешуей чудовище зависло над пенистыми гребнями волн. На фоне безоблачного неба было ясно видно, как наездник помахал адмиралу Магаму Колиму своим копьем, к древку которого был прикреплен штандарт с черными и зелеными зигзагообразными линиями на желтом поле...

Хранитель Пещер Дайвим Твар, друг юности Эльрика, вел драконов в бой, чтобы отомстить за уничтожение Имрирра Прекрасного...

И вновь Эльрик крикнул графу Смиоргану:

— Сделай все возможное, чтобы не подпустить их близко!

Матросы выхватили мечи из ножен, начали готовиться к битве, хотя и понимали, что обречены. Даже с помощью демона-ветра невозможно было спастись от стремительно летящих драконов. Дайвим Твар, видимо, закончил совещаться с Магамом Колимом. Взмахнув копьем, он ударил дракона по шее, и чудовище, лениво махая крыльями, начало набирать высоту.

С кажущейся медлительностью приближались драконы к пиратским кораблям, в то время как матросы молили своих богов о чуде.

Чуда не произошло. Мачты продолжали гнуться и скрипеть под зловещие завывания демона-ветра. Эльрик видел обреченные лица людей, которые понимали, что скоро умрут. Напрасно отправились они в этот рейд, напрасно награбили неисчислимые сокровища, которыми им не суждено было воспользоваться.

Тряхнув головой, альбинос справился с охватившим его оцепенением, выхватил меч, почувствовал страшную темную силу, пульсирующую в испещренном рунами лезвии. Сейчас Эльрик ненавидел эту силу, обрешую на смерть единственную женщину, которую он любил.

Эльрик понимал, что обязан Повелителю Бурь своей жизнью, что без него он станет слабым и немощным. Последний Император Мельнибонэ был альбиносом и не обладал, подобно обычному человеку, запасами необходимой жизненной энергии. Страх и отчаяние охватили Эльрика, и он проклял тот день, когда решил отомстить Йиркану, и тот час, когда согласился возглавить рейд на Имрирр; но самым страшным проклятием он проклял душу Йиркана, черная зависть которого дала ход всем последующим событиям.

Впрочем, теперь уже ничего нельзя было изменить. Громко хлопая крыльями, драконы зависли над кораблями корсаров, Эльрик принял решение. Он не любил жизнь, но ему не хотелось умирать в битве со своими соотечественниками. Он твердо обещал себе, что погибнет только от собственной руки.

Один из драконов опустился, плюнул ядом, и в это время Эльрик приказал демону-ветру утихнуть, напряг все свои силы, вызывая ураганный ветер, наполнивший паруса лишь его судна. Изумленные корсары на других кораблях, неожиданно попавших в штиль, отчаянно кричали, спрашивая Эльрика, что случилось. Альбинос молчал. Может быть, ему удастся скрыться от драконов. По крайней мере, он на это надеялся.

Он предал графа Смиоргана, человека, который верил ему. Эльрик смотрел, как яд лился с небес и корабли вспыхивали один за другим, посылая в небо языки зеленого и алого пламени. Эльрик, гордый Император Развалин, стоял на палубе и плакал навзрыд, стараясь не думать о будущем и проклиная богов, которые, желая поразвлечься, создали человека.

Корабли корсаров пылали, как факелы, а матросы осуждающе смотрели на Эльрика, хотя и были благодарны судьбе за то, что избегли печальной участи своих товарищей.

Альбинос, ничего не замечая вокруг, продолжал плакать, и душа его не находила покоя.

На следующий вечер единственный корабль, которому удалось спастись от Повелителей Драконов, проплывал мимо острова Пан Танг. Эльрик, погруженный в свои думы, стоял на корме, а матросы, глядя на него со страхом и ненавистью, шептались между собой, называя альбиноса предателем и бессердечным трусом. Казалось, они забыли о том, что спаслись только благодаря Эльрику.

Последний Император Мельнибонэ стоял на корме, держа в руках черный меч, испещренный рунами. Эльрик всегда знал, что «Повелитель Бурь» не был обычным боевым оружием, но сейчас он понял, что меч обладает чувствами, глубину которых невозможно измерить. «Повелитель Бурь» использовал своего владельца, заставив его убить Каймориль. И тем не менее, от этого меча зависела жизнь Эльрика. Альбиносы редко встречаются среди животных и еще реже среди людей. В свои годы Эльрик давно должен был превратиться в медлительного, неуклюжего, плохо соображающего человека, которого в дальнейшем ждала полная потеря зрения и, возможно, смерть. Если рунный меч перестанет оказывать ему помощь, он будет целиком зависеть от милости других людей. Эльрик боялся и не понимал

волшебной силы, заключенной в «Повелителе Бурь», ненавидел тот хаос, который меч посеял в его мозгу и душе. Не зная, как поступить, презирая себя за нерешительность, Эльрик стоял, держа в руках страшное оружие. Лишившись «Повелителя Бурь», он лишится своей гордости, а может, жизни, но зато познает благодатный покой. Владея «Повелителем Бурь», он будет обладать силой и могуществом, но рунный меч поведет его путем зла к страшному и непредсказуемому будущему. Он обретет власть, но никогда не примирится с самим собой, не познает минуты покоя.

Глухие рыдания сотрясли тело Эльрика; в страстном порыве он бросил меч в залитое лунным светом море.

Невероятно, но «Повелитель Бурь» не утонул и не поплыл. Он упал острием вниз, вонзился в воду, как в дерево, и лезвие его задрожало. Стоя вертикально, погрузившись в море на шесть дюймов, черный меч испустил дикий злобный крик, полный ненависти и отчаяния.

Проклятие невольно сорвалось с губ Эльрика. Перегнувшись через борт, он протянул белую изящную руку, стараясь схватить оружие за рукоять, и не смог дотянуться. Тяжело дыша, не в силах справиться с обуревавшими его чувствами, Эльрик прыгнул за борт в холодную воду и неуклюже поплыл к воткнувшемуся в море мечу. Альбинос проиграл бой, «Повелитель Бурь» его выиграл.

Пальцы Эльрика сомкнулись на рукояти рунного меча, который тут же удобно устроился в его руке. Альбинос почувствовал, как в него медленно вливается жизненная сила, и неожиданно понял, что меч зависит от него в той же степени, что и он от меча. Да, Эльрик не мог обойтись без «Повелителя Бурь», но и «Повелитель Бурь» терял свою волшебную силу и становился беспомощным, если у него не было владельца.

— Мы неразрывно связаны друг с другом, — хрипло прошептал Эльрик. — Нас навечно сковали сатанинские цепи и превратности злой судьбы. Что ж, да будет так, и пусть люди трепещут от страха при упоминании имени Эльрика из Мельнибонэ и его рунного меча, «Повелителя Бурь». Мы с тобой — две половинки одного целого, порожденного эпохой, нас покинувшей. Наступил новый век, которому мы ненавистны. Давай же не обманем его ожиданий, когда будем скитаться по новым землям и бороздить неизведанные моря!

Чувствуя себя сильным и здоровым, Эльрик вложил меч в ножны и быстро поплыл к острову, в то время как матросы, оставшиеся на корабле, с облегчением смотрели ему вслед, гадая, доплывет он до берега или погибнет в холодных водах этого странного безымянного моря...

КНИГА ВТОРАЯ

КОГДА БОГИ СМЕЮТСЯ

Глава первая

Однажды вечером Эльрик сидел в таверне, осушая вино кубок за кубком и мрачно глядя в никуда. На улице дул ураганный ветер. Внезапно дверь распахнулась и на пороге появилась бескрылая женщина из Миирна. Ни слова не говоря, она подошла прямо к альбиносу и села к нему на колени.

Ее лицо с тонкими чертами, почти такое же белое, как у Эльрика, обрамляли темно-золотые волосы. Бледно-зеленое платье красиво обтягивало изящную фигуру. В таверне, ярко освещенной свечами, раздавались шумный говор и пьяный смех, но нежный голос женщины из Миирна прозвучал ясно и отчетливо:

— Я искала тебя двадцать дней, — сказала она Эльрику, который смотрел на нее своими красными глазами с высокомерным презрением. Веки альбиноса были полузакрыты, правая его рука лежала на рукояти волшебного меча, «Повелителя Бурь», в левой он держал серебряный кубок с вином.

— Двадцать дней, — пробормотал мельнибониец нарочито оскорбительным тоном, словно обращаясь к самому себе. — Сколько приключений должна была испытать молодая красивая женщина за столь долгий срок. — Откинувшись на высокую спинку кресла, он посмотрел своей собеседнице в глаза. — Меня зовут Эльрик из Мельнибонэ, хотя, видимо, мне нет смысла представляться. Я никому не оказываю услуг, ни от кого не принимаю подношений. А теперь скажи, зачем ты искала меня в течение двадцати дней.

Женщина ответила спокойно и уверенно, словно ее не задел грубый тон альбиноса.

— Я знаю, что в душе твоей накопилось много горечи, Эльрик, ведь о твоих похождениях ходят легенды. Я не прошу оказать мне услугу, но предлагаю тебе себя и одно важное дело. Чего ты хочешь больше всего на свете?

— Покая, — просто ответил Эльрик и иронически усмехнулся. — Я — злой человек, госпожа, и судьба моя предрешена силами тьмы, но я неглуп и честен. Поэтому разреши мне рассказать тебе правду, которую ты можешь назвать легендой — мне это все равно. Год тому назад, пронзенная острием моего верного меча, умерла одна девушка. — Эльрик похлопал по ножнам, и глаза его неожиданно загорелись дьявольским огнем, а на губах появилась презрительная улыбка. — С тех пор у меня не было ни одной женщины, да я никого и не желал. Зачем мне изменять своим привычкам? Конечно, я мог бы за тобой ухаживать, читать тебе красивые стихи, говорить о твоей изящной фигуре, тонко намекая на то, как приятно будет обладать ею, но я не имею права переложить на тебя даже части своей тяжелой ноши. А если наши отношения будут, как ты предлагаешь, близкими, тебе невольно придется нести эту ношу вместе со мной. — На мгновение он умолк, затем медленно произнес: — Должен признаться, я часто кричу во сне ночью, а еще чаще ненавижу самого себя днем. Уходи, госпожа, пока у тебя есть такая возможность, и забудь Эльрика, который не может принести тебе ничего, кроме горя. — Быстрым движением он поднес к губам серебряный кубок, опорожнил его, поставил на стол и снова налил в него вина из кувшина.

— Нет, — спокойно сказала бескрылая женщина из Миирна. — Я не уйду. Пойдем со мной.

Она встала с колен Эльрика, нежно взяла его за руку. Альбинос позволил ей вывести себя из таверны. Над филькирийским городом Расшель бушевал ураган. С циничной улыбкой на устах Эльрик последовал за девушкой на набережную, где она поведала ему, что ее зовут Шаарилья, или Танцующий Туман, и что она — калека и отверженная в своей стране, бескрылая дочь погибшего колдуна.

Эльрика пугало, что его тянет к этой немногословной женщине со спокойными и ясными глазами. Он никогда не думал, что в душе его могут вновь пробудиться подобные чувства, и с трудом удержался от желания взять Шаарилью за нежные плечи и притянуть к себе. Она стояла, не двигаясь, и ветер играл ее волосами, бросая золотые пряди на лицо, словно высеченное из белого мрамора.

Они стояли молча, и обоим было приятно это молчание. Ветер тоскливо завывал, пенистые волны бились о высокую набережную, куда не доносились ни пьяные крики, ни омерзительные запахи большого города. Эльрику стало легче на душе. Шаарилья отвернулась от него, посмотрела на бушующее море.

— Ты когда-нибудь слышал о Книге Мертвых Богов? — спросила она.

Эльрик кивнул. Несмотря на то, что он старался держаться как можно дальше от людей, некоторые вещи не могли его не интересовать. Считалось, что в легендарной книге содержатся знания, которые помогут человечеству решить множество проблем, мучавших его веками, великая мудрость, частичку которой мечтал познать каждый колдун, живущий на Земле. Правда, поговаривали, что Великие Старые Боги сожгли эту книгу на солнце, а затем исчезли в просторах Вселенной и погибли, но многие утверждали, что Безликие Силы украли ее и спасли от уничтожения. Большинство ученых, однако, сходились в мнении, что книги больше не существует, потому что в противном случае ее давно бы обнаружили.

Делая вид, что упоминание о Книге Мертвых Богов оставило его равнодушным, Эльрик спросил у Шаарильи;

— Почему ты заговорила на эту тему?

— Я знаю, что книга существует, — уверенно сказала Шаарилья, — и мне известно, где она находится. Перед смертью отцу удалось раскрыть эту тайну. Возьми и меня, и книгу, только помоги мне добыть ее.

Возможно ли, что Великие Старые Боги знали секрет покоя? Удастся ли ему, наконец, избавиться от ненавистного «Повелителя Бурь»? — Эльрик вздохнул.

— Если ты обратилась ко мне за помощью только для того, чтобы получить книгу, — спросил он, — почему ты не хочешь оставить ее у себя?

— Потому что я — женщина, и боюсь обладать столь ценной вещью; ты же — могучий волшебник, возможно, последний на этой земле, и сумеешь ею распорядиться. Кроме того, ты можешь убить меня, чтобы завладеть книгой: я не буду иметь ни минуты покоя, если оставлю ее у себя, А мне надо узнать совсем немного.

— Что именно? — спросил Эльрик, невольно любясь благородной красотой девушки.

Губы ее сжались, она потупила глаза.

— Когда мы будем держать книгу в руках, я отвечу на твой вопрос.

— Согласен, — быстро сказал Эльрик, чувствуя нежелание Шаарильи выдавать свою тайну. — Мне нравится твой ответ. — Внезапно он схватил ее за плечи, сам не понимая, как это получилось, прижал к себе и прильнул губами к ее губам.

Эльрик и Шаарилья скакали по цветущим долинам Шазаара на запад, к Безмолвным Землям. Между Шазааром и Безмолвными Землями лежала пограничная страна, где не селились даже крестьяне, несмотря на то, что почвы там были плодородными. Жители Шазаара намеренно их не осваивали, так как испытывали суеверный страх при одном упоминании о страшных обитателях Безмолвных Земель, хотя последние редко покидали свою страну, окруженную Туманной Топью.

Путешественники скакали быстро, не встречая препятствий на своем пути. Однако несколько путников предупредили их о грозящей опасности, хотя они не знали, куда и зачем направляются Эльрик и Шаарилья. Это была плохая примета. Альбинос мрачнел с каждым часом, но не высказывал своих опасений Шаарилье, которую, казалось, устраивало его молчание. Они почти не разговаривали днем, а по ночам сходили с ума от страсти и никак не могли насытиться друг другом.

В глубоких сумерках подскакали путешественники к бескрайнему болоту — естественной границе Безмолвных Земель. Спешившись, они установили шелковый шатер на невысоком холме. Внизу стелился туман, наверху — плыли облака, похожие на черные подушки. Изредка сквозь них пробивался лунный луч, серебривший болотную воду и редкие кусты травы. Однажды посеребрил он и высокую фигуру Эльрика, а затем погас, словно ему ненавистно было присутствие живого существа на мрачном холме. Альбиноса устраивала темнота. Он напряженно думал и, перебирая в уме многие зловещие предзнаменования,

пытался представить себе, что ждет его в будущем.

Над далекими горами прогремел гром, подобный смеху богов. Эльрик задрожал, плотнее запахнулся в свой голубой плащ. Неотрывно смотрел он на низину, покрытую туманом.

Через некоторое время к нему подошла Шаарилья, одетая в толстый шерстяной плащ, почти не спасавший от промозглой сырости, которой, казалось, был пропитан воздух.

— Безмолвные Земли, — прошептала она. — Скажи, о них говорят правду? Ты ведь мельнибониец, ты должен знать больше других.

Эльрик нахмурился, недовольный тем, что Шаарилья прервала ход его мыслей. Резко повернувшись, он посмотрел на нее в упор, сухо сказал:

— Обитателей Безмолвных Земель все боятся и ненавидят, потому что они не имеют никакого отношения к человеческой расе. Насколько мне известно, ни один из тех, кто осмелился проникнуть в их страну, не вернулся обратно. Даже в те времена, когда Мельнибонэ была могучей державой, мои предки не управляли и не имели ни малейшего желания управлять этим государством. Говорят, существа, его населяющие, постепенно вымирают. Считается, что их цивилизация намного древнее и порочнее мельнибонийской и что они властвовали над этим миром задолго до того, как люди стали людьми. В наши дни эти существа редко покидают свою страну, окруженную со всех сторон болотами и высокими горами.

Шаарилья невесело засмеялась.

— Значит, они не принадлежат к человеческой расе? Но ведь и мой народ к ней не принадлежит. Неужели я тоже такая страшная, Эльрик?

— Ты вполне меня устраиваешь, — рассеянно ответил альбинос.

Шаарилья улыбнулась.

— Сомнительный комплимент, — сказала она, — но я удовольствуюсь им... пока твой бойкий язык не нашепчет мне в ухо ласковых слов.

Ночь не принесла им покоя, и, как предрекал Эльрик, он громко кричал во сне, преследуемый кошмарами, все время повторяя одно и то же имя, звуки которого наполнили глаза Шаарильи слезами, а душу — ревностью. Альбинос звал Каймориль и, казалось, о чем-то с ней беседовал на певучем, протяжном языке, неизвестном бескрылой женщине из Миирна, плачущей навзрыд.

На следующее утро Шаарилья избегала смотреть Эльрику в глаза. Молча они упаковали седельные сумки, молча начали сворачивать шелковый шатер, и только когда девушка поняла, что альбинос не заговорит первый, она задала ему вопрос, который давно хотела, но не решалась задать. Голос ее слегка дрожал.

— Зачем тебе Книга Мертвых Богов, Эльрик? Чего ты ждешь от нее?

Альбинос пожал плечами, отвернулся, но она продолжала настаивать на ответе.

На мгновение Эльрик задумался.

— Хорошо, — в конце концов сказал он. — Но объяснения займут у меня много времени. Если хочешь знать, я тоже ищу ответы на несколько мучающих меня вопросов.

— Каких, Эльрик?

Альбинос вздохнул, бросил свернутый шатер на землю, выпрямился, рассеянно дотронулся до рукояти рунного меча.

— Существует ли абсолютный Бог, единственный и неповторимый? Мне необходимо это знать, иначе жизнь потеряет для меня всякий смысл. Закон или Хаос управляет нашими судьбами? Человеку бог необходим, так говорят нам философы. Создали ли люди бога или бог — людей? Мы знаем, что Великие Старые Боги умерли. Были ли они высшими существами или отличались от простых смертных только своей мудростью?

Шаарилья дотронулась до руки Эльрика.

— Зачем тебе это?

— Когда меня охватывает отчаяние, я иногда пытаюсь найти утешение у Бога, Шаарилья. Бессонными ночами уношусь я душой в неизведанные глубины космоса и жду, когда кто-то или что-то возьмет меня к себе, согреет, защитит, скажет, что в хаосе Вселенной существует определенный порядок, что искорка разума не угаснет, раз вспыхнув, уничтоженная царящей повсюду анархией. — Эльрик грустно вздохнул. — Если же бога нет, и Вселенная не подчиняется никаким законам, мне не нужны утешения. Я смогу с чистой совестью служить Хаосу, заранее зная, что все мы обречены, так как наша жизнь, которая закончится с истечением времени, не имеет никакого смысла. И в этом случае нас нельзя считать забытыми богом, потому что не существовало на свете бога, который мог бы нас забыть. Иногда эта мысль меня успокаивает, иногда — сводит с ума, и я в ужасе спрашиваю у самого себя, как можно верить в анархию и зло, когда в мире существует столько прекрасного и удивительного. Я тщательно все взвесил, Шаарилья, и пришел к выводу, что повсюду царит анархия, хотя нам кажется, что наши действия и поступки предопределены свыше. Хаос правит всем. Если Книга Мертвых Богов убедит меня в обратном, я с радостью поменяю свое мнение. Но до тех пор я буду доверять только себе и своему мечу.

На лице Шаарильи появилось странное выражение.

— Не все твои слова нашли отклик в моем сердце, — медленно произнесла она, — но мне кажется, я поняла, что ты имел в виду. Скажи мне, однако, не вызваны ли твои мысли недавними событиями? Быть может, ты стал рассуждать подобным образом, оправдывая совершенные тобой преступления: убийство и предательство? В этом случае, конечно, тебе ничего другого не остается, как верить в торжество анархии и в отсутствие справедливости.

Эльрик резко повернулся; его красные глаза гневно засверкали, но почти сразу же он потупил взгляд и опустил голову.

— Возможно, ты права, — сказал он хриплым, ломающимся голосом. — Я не знаю. Это правда, Шаарилья. *Я ничего не знаю.*

Бескрылая женщина из Миирна сочувственно кивнула, из груди ее вырвался тяжелый вздох, но Эльрик ничего не видел и не слышал. По изможденному белому лицу альбиноса катились крупные слезы; на какое-то мгновение силы, казалось, оставили его.

— Я — человек конченный, — простонал он, — а без меча, с которым мне нельзя расставаться, я вообще не человек.

Глава вторая

Они оседлали черных скакунов, понеслись с холма к болоту. Ветер раздувал полы их плащей, свистел в ушах. Выражение их лиц было суровым и решительным: оба они не хотели признаться себе в том, что между ними осталась какая-то недоговоренность.

Копыта лошадей с плеском ударили в болотную жижу. Эльрик сильно натянул поводья, заставил лошадь попятиться. Шаарилья с трудом справилась со своим скакуном, и в конце концов обоим путешественникам удалось благополучно выбраться на твердую землю.

— Как нам перебраться через болото? — нетерпеливо спросил Эльрик у своей спутницы.

— У меня была карта... — неуверенно сказала Шаарилья.

— Где она?

— Я... я ее потеряла. Но мне многое удалось запомнить. Неподалеку должна быть тропинка...

— Где ты потеряла карту и почему я слышу об этом впервые? — гневно вскричал альбинос.

— Прости меня, Эльрик... Перед тем, как найти тебя в таверне, я лишилась памяти на один день, и до сих пор не знаю, что со мной произошло. Я не помню, что делала в тот день, но когда я проснулась, моя карта исчезла.

Эльрик нахмурился.

— Нам мешает какая-то сила, — пробормотал он и, посмотрев на Шаарилью, громко сказал: — Остается надеяться, что у тебя хорошая память. Эти болота знамениты на весь мир, но в них нет ничего сверхъестественного. Поезжай впереди, но не отдаляйся от меня ни на шаг.

Она покорно кивнула, тронула поводья и галопом поскакала к северу. Через некоторое время они подскакали к скале, от которой в болото, покрытое туманом, вела заросшая травой тропинка. Шаарилья свернула на нее не задумываясь, пустила коня легкой рысью. Эльрик не отставал.

Тяжелый туман клубился, странно блестел. Лошади явно нервничали, и всадникам пришлось укоротить поводья. Стояла ватная тишина; от воды, покрытой ряской, пахло гнилью. Нигде не было видно ни одного животного, в небе не кричали птицы.

Эльрик и Шаарилья медленно продвигались вперед, углубляясь в Туманную Топь, и ужас леденил их сердца. Омерзительный запах гниющей растительности стал непереносим.

Несколько часов спустя конь Шаарильи внезапно заржал, встал на дыбы, бешено вращая глазами. Она удержалась в седле, но лицо ее перекосилось от страха. Уставившись в одну точку, бескрылая женщина из Миирна громко позвала Эльрика на помощь.

Альбинос, еле справившийся со своим конем, который чуть не скинул его в болото, помчался вперед.

Что-то двигалось в тумане: медленно, угрожающе. Эльрик выхватил из ножен рунный меч; «Повелитель Бурь» застонал, по лезвию заструилось черное сияние. Последний Император Мельнибонэ почувствовал, как в его тело вливается неземная сила. Глаза альбиноса зажглись дьявольским огнем, губы искривились в презрительной усмешке. Тряхнув поводьями, он заставил лошадь идти вперед.

— Ариох, Повелитель Семи Кругов Тьмы, не оставь меня сейчас! — вскричал он, увидев перед собой белую фигуру, почти не выделявшуюся на фоне тумана. Существо, возвышавшееся над Эльриком, напоминало квадратную стену восьмифутовой высоты. Казалось, у него не было ни лица, ни конечностей.

Эльрик чувствовал, как тяжело бьется сердце лошади, подчинившейся железной воле своего всадника. Шаарилья что-то кричала ему, но он не понял ни одного слова. Взмахнув мечом, альбинос рубанул по туманной фигуре что было сил, но лезвие почти не встретило сопротивления и злобно взвыло. Конь хрипел, отказываясь идти дальше. Эльрику пришлось спешиться.

— Придержи мою лошадь! — крикнул он через плечо Шаарилье и танцующей походкой пошел вперед к огромному существу, преградившему ему дорогу. Теперь Эльрик ясно видел его черты.

Два глаза цвета прозрачного желтого вина находились высоко на безголовом туловище, а сразу под

ними располагалась непристойно выглядывавшая щель, усеянная острыми клыками. Четыре руки чудовища извивались, подобно щупальцам, а ног не было вовсе, и нижний край тела стелился по земле. У Эльрика разболелись глаза. Аморфное существо выглядело омерзительно, от него исходил трупный запах гниющей плоти. Поборов невольный страх, сжимая рукоять меча, альбинос сделал шаг вперед. Он узнал это чудовище по описаниям колдунов-императоров Мельнибонэ. Туманный Великан Бельбейн был болотным духом, питавшимся душами и кровью как людей, так и животных. Никто из мудрецов точно не знал, остался на земле один Туманный Великан или их было несколько, но в любом случае Туманная Топь находилась далеко от тех мест, где Бельбейн обычно охотился. Эльрику стало понятно, почему по пути им не встретились животные.

Небо потемнело. Громко призывая на помощь Демонов-Богов своего народа, альбинос поднял меч над головой. Черное сияние запульсировало; болотный дух, услышав ненавистные ему имена, отпрянул в сторону. Эльрик сделал несколько шагов, остановился. Теперь он понял, что Бельбейн был не белого, как ему показалось вначале, а болезненного желто-зеленого цвета с бледно-оранжевыми прожилками. Всем существом своим чувствовал альбинос чужеродность возвышавшегося над ним существа.

Продолжая выкрикивать древние имена, Эльрик кинулся вперед. «Балаан! Мартим! Эсма! Алястор! Шебос! Верделе! Низикфм! Хаборум! Хаборум, Всепожирающий Огонь!» — кричал он. Казалось, сознание его раздвоилось. Он хотел убежать, скрыться, но те силы, к помощи которых он прибегнул, заставили его кинуться в бой. Лезвие меча рубило туманный образ, состоящий, казалось, из вязкой колышащейся жидкости. И хотя «Повелитель Бурь» не оставлял на теле омерзительной гадины никаких следов, она дрожала, словно испытывала смертельные муки. Эльрик почувствовал, что его поднимают в воздух. У него помутилось зрение, он рубил направо и налево, пытаясь вырваться из рук Туманного Великана. Пот ручьями тек по его телу.

Испытывая ужасную, неестественную боль, не в силах удержаться от крика, он продолжал сражаться, а Бельбейн медленно поднимал его к зияющему рту, похотливо прижимал к себе, как грубый любовник женщину. Видимо, даже рунный меч был бессилен против болотного духа. Альбинос вновь принялся выкрикивать имена богов, а «Повелитель Бурь» пел свою зловещую песню, не умолкая ни на минуту. Но тщетно Эльрик плакал и кричал, зывал к демонам и обещал принести им жертвы.

Свирепо, с полной отдачей сил боролся он за свою жизнь, а в сознании его всплыло страшное имя существа, символизирующее бесконечное Зло. Голосовые связки Эльрика напряглись, протестуя, губы с трудом разжались, и он выкрикнул это имя, ужасаясь самому себе. В ту же секунду Туманный Великан ослабил хватку. Голова у Эльрика раскалывалась, тело дрожало от напряжения, но он рубил и рубил с плеча, чувствуя, что чудовище наконец-то теряет силы.

Внезапно Эльрик очутился в воздухе. Казалось, он превратился в пушинку и падал медленно, беззвучно, в течение нескольких часов, а затем приземлился на колышущуюся поверхность и начал тонуть.

Издали, из другого пространства-времени услышал он чей-то голос, зовущий его по имени. Ему не хотелось отвечать, не хотелось думать; он спокойно лежал на холодном удобном ложе, утопая в нем, как в перине. Но голос Шаарильи все настойчивей проникал в его сознание, и, повинаясь какому-то шестому чувству, он вслушался в ее слова:

— *Эльрик! Тебя засасывает трясина! Не двигайся!*

Он улыбнулся. Зачем ему двигаться? Болото медленно принимало его в свои объятия. Покой, забвение...

Эльрик вздрогнул, глаза его широко открылись. Вокруг клубился туман. Слева от альбиноса испарялась желто-зеленая лужа, от которой исходил трупный запах гниющей плоти. Впереди него стояла Шаарилья, еле различимая в тумане. Позади нее смутно угадывались контуры двух лошадей. Под ним...

Под ним была трясина.

Он лежал, распластавшись, на густой вонючей жиже, которая засасывала его все глубже и глубже. С крайней осторожностью Эльрик попытался пошевелиться, опираясь на рунный меч, который держал в правой руке. Тело его приподнялось, но ноги увязли еще глубже. Сев прямо, он крикнул Шаарилье:

— Брось мне веревку! Быстрее!

— У меня нет веревки, Эльрик! — Она рвала платье на полосы, лихорадочно связывая их узлами.

Эльрик погрузился в болото по пояс.

Шаарилья неловко бросила самодельный жгут, не долетевший до альбиноса, торопливо свернула его, бросила еще раз. С большим трудом Эльрик поймал жгут левой рукой, почувствовал, как он натянулся. Рывок, другой...

— Ничего не получается, Эльрик... У меня не хватает сил...

Альбинос громко выругался.

— Привяжи веревку к луке седла!

Шаарилья-кинулась к лошади, и буквально через несколько секунд Эльрик оказался на поросшей травой тропинке. Тяжело дыша, он попытался встать, но ноги отказались ему служить. Шаарилья опустилась перед ним на колени.

— Ты ранен?

Эльрик слабо улыбнулся.

— Думаю, нет.

— Это было ужасно. Сначала ты исчез, а затем... затем... выкрикнул одно слово... — Шаарилья задрожала, лицо ее стало белым, как мел.

— Какое слово? — удивленно спросил Эльрик. — Разве я что-нибудь говорил?

Она покачала головой.

— Я не могу повторить. Но это слово тебя спасло. Ты выкрикнул его и почти сразу же появился, а затем упал в трясину...

Эльрик, все еще сжимавший в руке «Повелителя Бурь», почувствовал, что слабость его постепенно проходит. Он с трудом поднялся на ноги, спотыкаясь, подошел к своему коню.

— Я уверен, что Бельбейн, как правило, не охотится в этих местах, — сказал он. — Значит, его сюда послали. Но кто... или что... этого я не знаю. Давай поскорее выберемся отсюда.

— Вернемся или продолжим путь? — спросила Шаарилья.

Эльрик нахмурился.

— Конечно, продолжим. Что за странный вопрос?

Она слегка покачала головой.

— Неважно, Я готова.

Они оседлали коней, поскакали вперед, не принимая никаких мер предосторожности, и вскоре оставили Туманную Топь далеко позади.

Теперь Эльрик не сомневался в том, что какая-то сила все время воздвигает препятствия на их пути, и поэтому погонял своего коня, не давая отдыха ни себе с Шаарильей, ни животным.

На пятый день путешествия они очутились в гористой местности. Моросил дождь. Каменистая почва была скользкой; путешественникам волей-неволей пришлось пустить лошадей шагом. Закутавшись в плащи, Эльрик и Шаарилья ехали рядом друг с другом, и каждый из них думал о чем-то своем. Неожиданно они услышали лай собак и топот копыт.

Эльрик кивнул в сторону невысокой скалы, стоящей справа.

— Спрячемся, — предложил он. — Возможно, это — враги. Если повезет, нас не заметят.

Шаарилья молча повиновалась. Лай собачьей своры становился все громче и громче. Эльрик наклонил голову, прислушался.

— Один всадник и несколько собак, — сказал он. — Они либо следуют, либо охотятся за ним.

И внезапно Эльрик и Шаарилья увидели этого всадника, бешено погоняющего коня; позади него мчались звери, с первого взгляда похожие на собак, Расстояние между ними неуклонно сокращалось.

У зверей были собачьи туловища, мощные лапы, заканчивающиеся огромными птичьими когтями, и морды с длинными искривленными клювами.

— Охотничьи псы Дарзи! — в ужасе воскликнула Шаарилья. — Я думала, и они, и их хозяева давно исчезли с лица Земли!

— Интересно, что они здесь делают? — задумчиво произнес Эльрик. — Дарзи и обитатели Безмолвных Земель никогда не поддерживали отношений друг с другом.

— Кто-то привел их сюда, — прошептала Шаарилья. — Эти дьявольские псы обязательно нас учуют!

Эльрик положил руку на рукоять меча.

— В таком случае мы ничего не потеряем, если поможем несчастному, которого они преследуют. Подожди меня здесь, Шаарилья.

Всадник проскакал мимо скалы, за которой спрятались путешественники, и Эльрик помчался вниз по склону, прищипывая коня.

— Эй! — окликнул он незнакомца. — Остановись и прими бой, друг мой! Я пришел к тебе на помощь!

Подняв сверкающий меч высоко над головой, Эльрик врезался в гущу воющих и лязгающих клювами с острыми зубами псов, одному из которых копыта его лошади переломили хребет. Оставшиеся в живых пять или шесть собак на мгновение расступились, и в это время к Эльрику подскочил незнакомец, успевший вытащить из ножен свою длинную кривую саблю. Он был невысок ростом; на лице его выделялся некрасивый большой рот.

— Мне повезло, что мы встретились, сударь! — воскликнул он, весело ухмыльнувшись. Больше он ничего не успел сказать, так как на него прыгнули два пса, и ему пришлось обороняться от их острых когтей и клювов.

На Эльрика напали сразу три собаки. Одна из них высоко подпрыгнула, норовя вцепиться альбиносу в горло. Он почувствовал смрадное дыхание на своем лице. «Повелитель Бурь» по сверкающей дуге рассек воздух, опустил псу на спину, перерубил его пополам. Вонючая кровь фонтаном брызнула на Эльрика и его скакуна, а собаки, почуяв ее запах, еще больше разъярились. Но и «Повелитель Бурь», отведав крови, ликуяще запел и по собственному почину, вывернув кисть Эльрика, пронзил еще одного пса. Зверь пронзительно закричал, забился в агонии, схватился клювом за черное лезвие. Послышалось зловещее шипение, запахло горелым, и собака сдохла.

Конь Эльрика встал на дыбы, пытаясь копытами проломить третьему псу череп, но собака отскочила в сторону и кинулась на альбиноса с левой незащищенной стороны. Отпустив поводья и привстав на стременах, Эльрик нанес удар наискось. Череп пса раскололся, мозги брызнули на залитую кровью землю. Как ни странно, зверь не подох и сделал слабую попытку огрызнуться на Эльрика. Не обращая на него никакого внимания, альбинос повернулся к незнакомцу, который справился с одним псом, но ничего не мог поделать со вторым. Собака схватила клювом клинок сабли у самого эфеса и не отпускала его, стараясь разодрать шею противника острыми когтями.

Эльрик прищипорил коня, ударил мечом, как копьём, пропоров зверю брюхо от ягодиц до горла. Разжав клюв, собака свалилась на землю, задержалась в судорогах, а конь Эльрика в бешенстве стал топтать ее копытами. Тяжело дыша, альбинос вложил рунный меч в ножны и с любопытством посмотрел на человека, которого спас от верной смерти. Он терпеть не мог знакомиться с людьми и всегда смущался, когда его начинали долго и пространно благодарить.

Этого последнего ему можно было не опасаться.

Уродливый рот коротышки расплылся в улыбке, он поклонился, не слезая с седла, и сказал:

— Спасибо, сударь. Если б не ты, мне пришлось бы с ними повозиться. Жаль, конечно, что не удалось подраться от души, но я тебя ни в чем не виню, ты хотел сделать доброе дело. Меня зовут Мунглам.

— Я — Эльрик из Мельнибонэ, — представился альбинос, удивленно глядя на коротышку, который, судя по выражению лица, слышал это имя впервые.

Удивление Эльрика было вполне объяснимым. Историю о том, как он убил Каймориль и предал корсаров, рассказывали со всевозможными подробностями, часто их приукрашивая, во всех тавернах цивилизованного мира. Имя Эльрика из Мельнибонэ стало нарицательным, его узнавали повсюду, тем более, что он был альбиносом.

Заинтригованный поведением Мунглама и невольно чувствуя к нему симпатию, Эльрик внимательно посмотрел на нахального коротышку, стараясь понять, из какой он страны.

Мунглам не носил доспехов, его голубая, выдавшая виды одежда, перепоясанная широким кожаным поясом, на котором висели сабля в ножнах, кинжал и вязаный шерстяной кошелек, давно выцвела. Рост Мунглама не превышал пяти футов, его непропорционально длинные по сравнению с туловищем ноги в высоких кожаных сапогах торчали из стремян. У него был короткий вздернутый нос, серо-зеленые ясные глаза, копна огненно-рыжих волос, закрывающих лоб. Он сидел в стареньком добротном седле, все еще ухмыляясь, но на этот раз взгляд его был обращен не на Эльрика, а на Шаарилью, незаметно подъехавшую к альбиносу сзади.

Когда девушка остановилась, Мунглам изысканно ей поклонился. Эльрик холодно произнес:

— Леди Шаарилья — рыцарь Мунглам из?..

— Эльвера, — подсказал коротышка. — Эльвер — торговый центр всего востока, самый славный город в Молодых Королевствах.

Эльрик кивнул.

— Значит, ты из Эльвера, рыцарь Мунглам? Я о нем слышал. Его ведь построили совсем недавно, лет двести-триста назад. Ты путешествуешь далеко от своей родины.

— Это верно, сударь. Если б я не знал местного языка, мне бы совсем плохо пришлось, но, к счастью, раб, вдохновивший меня на путешествие своими рассказами, обучил меня несколькими туземным наречиям.

— Но почему ты решил отправиться именно в эту страну? — спросила Шаарилья. — Разве ты не слышал легенд о Безмолвных Землях?

— В том-то и дело, что слышал и захотел проверить, врут они или нет. Я совсем было решил, что люди болтают пустое, когда эти твари неожиданно на меня напали. Что им в голову взбрело, я не знаю, видит бог, я не давал щенкам повода для недовольства! Варварская страна!

Эльрик чувствовал себя не в своей тарелке. По натуре он был человеком мрачным и не любил светских бесед, которые, казалось, доставляли Мунгламу огромное удовольствие. Тем не менее, ему все больше и больше нравился веселый коротышка.

Как ни странно, именно Мунглам предложил им путешествовать вместе. Шаарилья, явно протестуя, бросила на Эльрика многозначительный взгляд, но альбинос не обратил на это внимания.

— Что ж, друг Мунглам, — сказал он, — трое сильнее двоих. Если хочешь, можешь к нам присоединиться. Мы направляемся в горы.

— А зачем? — спросил Мунглам.

— Это тайна, — сказал Эльрик, и Мунглам, проявив учтивость, не стал настаивать на ответе.

Глава третья

Дождь усилился; капли, звеня, падали на каменистую почву; все небо было затянуто тучами; дул сильный ветер. Три крохотные фигурки скакали к высоким черным горам, возвышающимся над миром подобно скучающему богу. И возможно, именно бог смеялся над всадниками, а может, это ветер свистел в каньонах и глубоких трещинах, завывал на скальных площадках, лестницами поднимающимися к одиноким пикам гор, над которыми сгустились грозовые тучи. Молнии сверкали, словно кто-то шарил по земле гигантскими пальцами, гром гремел не умолкая, а Шаарилья по мере приближения к горам все замедляла и замедляла бег своего коня.

— Эльрик, — сказала она в конце концов. — Давай вернемся. Смотри, какие силы ополчились против нас! Поверь дурным предзнаменованиям, Эльрик, если не хочешь, чтобы мы погибли.

Альбинос угрюмо молчал: он давно понял, что девушка потеряла интерес к делу, за которое взялась с таким энтузиазмом.

— Эльрик, прошу тебя. Мы никогда не доберемся до места, где хранится Книга. Вернемся, Эльрик. — Она схватила его за рукав, и альбинос нетерпеливо отдернул руку.

— Поздно, Шаарилья. Я слишком любопытен, чтобы остановиться на полпути. Либо продолжай указывать дорогу, либо расскажи мне все, что знаешь, и оставайся здесь. Когда-то ты была готова на все, чтобы прочитать Книгу, а сейчас испугалась каких-то мелких неприятностей. Скажи мне, Шаарилья, что ты хотела узнать?

Она ответила ему вопросом на вопрос.

— А о чем мечтал ты, Эльрик? О покое? Ты не найдешь его в этих суровых горах, если нам удастся дойти до них.

— Ты была неоткровенна со мной, Шаарилья, — холодно сказал альбинос, продолжая смотреть на далекие пики гор. — Ты что-то знаешь о тех силах, которые воздвигают препятствия на нашем пути.

Она пожала плечами.

— Напрасно ты думаешь, что я специально скрыла от тебя нечто важное. Перед смертью отец предупредил меня об опасностях, подстерегающих искателей Книги, но я почти ничего не поняла.

— Что он говорил?

— Речь шла о Том, кто сторожит Книгу. Если верить отцу, Сторож поклялся употребить все свое могущество, чтобы не позволить человечеству познать тайны Мертвых Богов.

— Что еще?

— Это все, Эльрик. Но отец был прав. Сторож убил его либо сам, либо с помощью одного из своих слуг, а я не хочу, чтобы меня постигла участь отца и готова поступиться самым заветным моим желанием ради жизни. Я думала, ты достаточно могуществен и сможешь помочь мне, но сейчас я начала в этом сомневаться.

— До сих пор я защищал тебя от всех опасностей, — просто сказал Эльрик. — А сейчас скажи, что ты все-таки хочешь узнать?

— Мне стыдно.

Эльрик не стал настаивать на ответе, но, помолчав, Шаарилья заговорила сама. Голос ее был тихим, почти неслышным.

— Я хотела получить новые крылья.

— Что?! Значит, ты надеялась вычитать заклинание, с помощью которого можно отрастить крылья?! — Эльрик иронически усмехнулся. — И поэтому ты отправилась на поиски Книги, в которой заключена величайшая мудрость, до сих пор непознанная человечеством?

— Если б ты был калекой в собственной стране, для тебя тоже не было бы ничего важнее на свете! — вскричала Шаарилья.

Эльрик резко повернулся к ней, его красные глаза гневно блеснули. Он провел рукой по молочно-белой коже своего лица, презрительно усмехнулся.

— Я тебя понимаю, — неожиданно спокойным тоном сказал он.

Шаарилья опустила голову, плечи ее поникли.

Они молча продолжали скакать вперед, но через некоторое время Мунглам неожиданно натянул поводья, остановил коня, прислушался.

— В чем дело? — спросил Эльрик, подъезжая к своему спутнику.

— Я слышу стук копыт. И звуки, вызывающие у меня неприятные воспоминания. Снова нас преследуют эти дьявольские псы, Эльрик, на этот раз в сопровождении всадников.

Теперь и Эльрик услышал далекий собачий лай.

— Возможно, ты была права, — сказал он, глядя на Шаарилью. — Похоже, нам грозят серьезные неприятности.

— Что будем делать? — нахмурившись, спросил Мунглам.

— Поскачем в горы, — предложил Эльрик. — Быть может, Дарзи нас не догонят.

Они пришпорили лошадей и галопом понеслись вперед.

Но убежать им не удалось. Вскоре вдалеке показалась свора черных псов, их лай становился все слышнее. Эльрик оглянулся. Спускалась ночь, в наступивших сумерках было плохо видно, но альбиносу показалось, что за собаками скачут всадники в длинных плащах с капюшонами.

Погоня лошадей, путешественники преодолели крутой подъем, остановились у большой скалы.

— Будем сражаться здесь, — решил Эльрик. — На открытом месте с нами сразу расправятся.

Мунглам утвердительно кивнул, явно одобряя действия альбиноса. Они молча ждали, глядя на приближающихся зверей.

Вскоре первые из них вбежали на крутой склон, царапая птичьими когтями каменистую почву, брызжа слюной из клыкастых клювов. Встав между двух валунов, Эльрик и Мунглам отразили атаку, убив трех собак. Их место тут же заняли другие псы, а у подножья горы показались всадники.

— Клянусь Ксиросом! — вскричал Эльрик, неожиданно узнав их. — Да это же Повелители Дарзи, погибшие десять тысяч лет назад! Мы сражаемся с мертвецами, Мунглам, и с призраками, — к сожалению, осязаемыми призраками, — их псов. Если мне не удастся изгнать оживших мертвецов с помощью волшебства, мы погибли!

Всадники, казалось, не собирались принимать участия в сражении. Они стояли чуть поодаль и следили мертвыми светящимися глазами за собаками, которые погибали, но продолжали нападать на Эльрика и Мунглама, пытаясь оттеснить их за валуны. Эльрик тем временем лихорадочно пытался вспомнить заклинание, которое никак не шло на ум. Внезапно его словно осенило. Надеясь, что потусторонние силы не откажут ему в помощи, он нараспев произнес:

Семь Подземных Королей! Нарушители Законов
Издеваются над вами, да и над Вселенной всей.
Смерть пошлите вы им сага, отрицающим каноны,
Завладейте их телами, Семь Подземных Королей!

Все осталось по-прежнему.

— Не получилось, — пробормотал Эльрик безнадежным тоном и расколол очередному псу череп.

Земля всколыхнулась под копытами лошадей Повелителей Дарзи, задрожала, вновь успокоилась.

— Заклинание было недостаточно сильным, — со вздохом сказал Эльрик.

Земля вновь задрожала, на склоне горы, где стояли ожившие мертвецы, бесстрастно наблюдавшие за битвой, появились трещины.

— Назад! — вскричал Эльрик. — Скорее, или мы провалимся вместе с ними!

Они торопливо отступили за валуны, а псы нерешительно посмотрели на своих хозяев, не зная, что им делать дальше. Кони Повелителей Дарзи встали на дыбы, заржали. С губ живых мертвецов сорвался протяжный стон, и в это время земля разверзлась и поглотила их, возвращая туда, откуда они пришли.

Из образовавшейся пропасти послышалось неприличное хихиканье. Это смеялись Подземные Короли, забравшие то, что принадлежало им по праву. Жалобно скуля, псы подбежали к краю пропасти, обнюхали землю, затем, как один, кинулись вниз, чтобы присоединиться к своим хозяевам и разделить с ними их судьбу.

Мунглам задрожал.

— Какие странные у тебя знакомые, друг Эльрик, — сказал он хриплым голосом, подошел к своему коню и сел в седло.

Весь следующий день они провели в горах, следуя маршрутом, который Шаарилья запомнила, изучая карту. Девушка больше не просила Эльрика повернуть назад; альбинос, горя от нетерпения, стремился как можно скорее отыскать Книгу, не сомневаясь, что наконец-то он познает тайну бытия; весельчак Мунглам, которому Эльрик рассказал о цели их путешествия, был настроен скептически; Шаарилья выглядела опечаленной.

Дождь шел не переставая, гроза не утихала. Когда же хлынул ливень, они подошли, наконец, к огромной пещере.

— Дальше я не знаю дороги, — устало сказала Шаарилья. — Книга Мертвых Богов находится где-то за этим входом — других пометок на карте не было.

Эльрик и Мунглам неуверенно переглянулись. Вход в пещеру не был замурован, его никто не охранял.

— Этого не может быть, — сказал Эльрик. — Нас несколько раз собирались уничтожить, а когда мы пришли, куда хотели, никто даже не пытается нам помешать. Ты уверена, что не ошиблась?

Девушка молча указала на скалу над входом, где был выбит символ, который Эльрик сразу узнал.

— Девиз Хаоса! — воскликнул он. — Я мог бы и раньше догадаться!

— А что он означает, Эльрик? — спросил Мунглам.

— Это — символ вечного разрушения и анархии. Мы находимся там, где когда-то властвовали Повелители Хаоса. Значит, вот кто наши враги! Книга Мертвых Богов представляет собой огромную ценность, от нее зависит будущее не только этой планеты, но возможно, галактики и всей Вселенной.

Мунглам удивленно посмотрел на своего спутника.

— Что ты хочешь этим сказать, друг Эльрик? — спросил он.

— Многие колдуны и философы убеждены в том, что две силы — Закон и Хаос — правят во Вселенной, бесконечно сражаясь одна с другой. Люди обычно называют эти силы Добром и Злом. Сторонники Хаоса утверждают, что там, где они правят, все возможно. Противники Хаоса, — те, кто служат Закону, — говорят, что в отсутствии Закона ничто невозможно. Я, как большинство волшебников, стою в стороне, считая, что истина — в равновесии сил. Однако теперь мне стало ясно, что нас вовлекли в вечный бой между Законом и Хаосом. Книга имеет колоссальное значение и для той, и для другой стороны, и я думаю, слуги Хаоса обеспокоены тем, что мы станем слишком могущественны, если Книга окажется в наших руках. Насколько мне известно, они не могут лично вмешиваться в дела людей, и только поэтому мы их не видели. Теперь, быть может, я найду, наконец, ответ на вопрос, существует ли абсолют, высшая сила, которая правит и Законом, и Хаосом.

Эльрик решительно вошел в пещеру. Чуть поколебавшись, Мунглам и Шаарилья последовали за ним.

— Видимо, путь нам предстоит долгий, — сказал альбинос, напряженно вглядываясь в темноту. — Что ж, будем идти, пока не натолкнемся на какую-нибудь преграду.

— Надеюсь, преградой окажется не бездонная пропасть, — иронически заметил Мунглам.

Они пошли вперед, медленно спускаясь вниз по наклонному полу. Становилось все темнее и темнее. Звуки их шагов гулко звучали под каменными сводами.

— Это не пещера, — прошептал Эльрик. — Мы находимся в тоннеле, и я не знаю, куда он ведет.

В течение нескольких часов путешественники шли в полной темноте, держась друг за друга, опасаясь, что в любую секунду они могут свалиться в какую-нибудь трещину в скале. Тоннель уходил вниз, идти становилось все труднее. Эльрику казалось, что он спит и видит непонятный сон. Будущее было настолько неопределенным, что он старался ни о чем не думать. В конце концов у него возникло такое ощущение, что движется пол, а сам он стоит на месте.

Иногда Эльрик спотыкался, в полной уверенности, что сейчас полетит в пропасть, но когда он падал, то всхлипывал от облегчения, чувствуя под собой твердую холодную поверхность.

Ноги его продолжали механически подниматься и опускаться, хотя он и не был уверен в том, что двигается. Время перестало существовать.

Внезапно Эльрик понял, что где-то далеко забрезжил голубой свет. На мгновение остановившись, он побежал вперед и тут же, испугавшись, перешел на шаг. Чем-то странным и зловещим веяло в холодном воздухе. Альбиноса охватил страх, хотя он и не смог бы объяснить, чем он вызван.

Его спутники тоже почувствовали что-то неладное. Они не произнесли ни слова, но Эльрик знал, что им тоже было не по себе. Медленно, осторожно, путешественники приближались к голубому сиянию, пульсирующему далеко внизу.

И наконец, они вышли из тоннеля и остановились, в изумлении глядя на удивительный, неземной пейзаж. Вокруг них дрожал и переливался голубой воздух. Они стояли на черном выступе скалы, внизу расстился серебристый пляж, мерцающий все тем же голубым светом. Темное море волновалось, словно гигант, беспокойно ворочающийся во сне. Повсюду валялись обломки невиданных кораблей, потерпевших крушение. Горизонт отсутствовал, небо было черным, как смоль. Мороз стоял такой, что щипало кожу. Волны беззвучно накатывали на пляж, повсюду царила мертвая тишина. Несмотря на близость горы, в сухом воздухе не чувствовалось запаха соли.

— Что будем делать, Эльрик? — спросил Мунглам, дрожа от холода.

Эльрик покачал головой и долгое время стоял, не отвечая; в голубом свете его белые руки и лицо выглядели ужасающе.

— Нам ничего другого не остается, как переправиться на другой берег, — сказал он в конце концов. — Возвращаться нет смысла. — Голос альбиноса звучал глухо, словно он не слышал собственных слов.

Каменные ступени, вырезанные прямо в скале, вели к пляжу. Эльрик начал спускаться; Мунглам и Шаарилья последовали за ним, с восхищением и ужасом глядя по сторонам.

Глава четвертая

Они шли по серебристому пляжу, усыпанному хрустальным песком, и звуки их шагов нарушали мертвую тишину. Внезапно Эльрик остановился, уставился своими красными глазами на берег моря, зловеще улыбнулся, тряхнул головой, словно пытаясь освободиться от наваждения, и молча вытянул руку по направлению к небольшому боту, резко выделявшемуся среди обломков кораблей. Выкрашенный в желтый и красный цвета, бот выглядел более чем вульгарно на фоне окружающего его пейзажа. Он был деревянным, но такого дерева путешественникам никогда не доводилось видеть. Мунглам провел по нему пальцами.

— Тверже железа, — пробормотал он. — Неудивительно, что этот бот не сгнил, как остальные. — Коротышка перегнулся через борт и задрожал. — Что ж, владелец не станет возражать, если мы отправимся на его судне в плавание.

Эльрик и Шаарилья поняли, о чем он говорит, проследив направление его взгляда. На дне бота лежал неестественно искривленный скелет. Эльрик наклонился, поднял его, бросил на хрустальный песок. Скелет рассыпался, кости покатались по пляжу, череп подпрыгнул и остановился у самого моря, уставившись пустыми глазницами на беспокойные волны.

Пока Эльрик и Мунглам старались столкнуть бот с берега, Шаарилья окунула руку в море, сразу же отдернув ее.

— Это не обычная вода, — сказала она.

Альбинос нахмурился, но ничего не ответил.

— Нам нужен парус, — пробормотал он спустя несколько минут, снял с себя плащ и прикрепил его к мачте. — Ничего другого не придумаешь. Придется держать его за концы с двух сторон, чтобы хоть как-то управлять судном.

Стараясь не замочить ног, путешественники оттолкнулись от берега и забрались в бот. Ветер мгновенно надул самодельный парус, и они помчались вперед с огромной скоростью, словно их подгоняла неведомая сила. Эльрик и Мунглам с трудом удерживали края плаща.

Вскоре серебристый пляж скрылся из виду. Путешественники плыли почти в полной темноте — лишь небо слабо фосфоресцировало голубым светом. Внезапно они услышали, как над их головами захлопали крылья, и невольно посмотрели наверх.

На бот опускались три крылатых существа, похожие на обезьян. Шаарилья узнала их, вскричала в ужасе:

— Клакеры!

Мунглам пожал плечами, выхватил саблю.

— Не все ли равно, как они называются? Лучше скажи, как нам побыстрее их прикончить. — Но он не получил ответа, потому что в это время вожак обезьян стремительно спикировал, обнажив острые желтые клыки в уродливой пасти. Мунглам отпустил край плаща, нанес удар, но клакер резко отвернул в сторону, сделал круг и вновь ринулся в атаку.

Эльрик выхватил из ножен рунный меч, замер от неожиданности. Черное лезвие не сверкало, не пело своей обычной песней. «Повелитель Бурь» слегка задрожал в руке альбиноса, который вместо обычного прилива энергии почувствовал лишь легкое покалывание в пальцах. На какое-то мгновение его охватило отчаяние: он знал, что без помощи «Повелителя Бурь» очень быстро потеряет силы. Но сейчас ему некогда было задумываться, и, справившись со своим страхом, он поднял меч и нанес удар одной из обезьян.

Клакер схватился за лезвие, пригнул его вниз, повалил Эльрика на дно бота и взвыл от боли. Его отрезанные пальцы, извиваясь, со стуком упали на палубу. Альбинос уцепился за борт, с трудом поднялся на ноги. Крича от ярости, обезьяна вновь накинулась на него, и Эльрик, собравшись с силами, взял «Повелителя Бурь» двумя руками, высоко поднял над головой и одним ударом отрубил клакеру крыло. Искалеченный зверь рухнул на дно бота, и альбинос в ту же секунду пронзил ему сердце.

Тем временем Мунглам отбивался от обезьян, атаковавших его с двух сторон. Он стоял на одном колене, и сабля его мелькала в воздухе. У одного из клакеров в черепае зияла большая рана, но он продолжал нападать.

Эльрик сделал выпад, пропорол обезьяне брюхо. Схватившись за лезвие обеими руками, она свалилась за борт. Какое-то время труп ее оставался на поверхности, затем начал медленно тонуть. Альбинос изо всех сил держал рукоять меча, который — и это было невероятно! — уходил под воду вместе со зверем. Эльрик вспомнил, как однажды «Повелитель Бурь» воткнулся в море, как в дерево. Сейчас же он тонул, как самый обычный железный меч.

С большим трудом удалось альбиносу вытащить лезвие из трупа крылатой обезьяны. Он чувствовал, что теряет остатки сил. Какие же законы правили этим подземным миром? Все мысли Эльрика сосредоточились на одном: если «Повелитель Бурь» не даст ему свою энергию, он погибнет.

Искривленная сабля Мунглама нанесла смертельный удар третьей обезьяне. Коротышка ухмыльнулся, посмотрел на Эльрика.

— Неплохо мы подрались! — заявил он.

Эльрик покачал головой.

— Нам необходимо как можно скорее добраться до берега, — сказал он. — Иначе мы погибнем. Я потерял свою волшебную силу.

— Что? Почему?

— Этого я не знаю. Быть может, потому, что мы очутились в мире, где правит Хаос... Поторопись, рассуждать будем после.

Мунглам молча взялся за край плаща. Дрожа от слабости, Эльрик последовал его примеру. Шаарилья села с ним рядом, помогла править самодельным парусом. Она смотрела на альбиноса с состраданием и любовью.

— Кто они такие, эти летучие обезьяны? — спросил Мунглам.

— Клакеры, — сказала Шаарилья, — далекие предки моего народа, который считается самым древним на нашей земле.

— Посоветуй тем, кто пытается нас остановить, друг Эльрик, придумать что-нибудь новенькое. — Мунглам ухмыльнулся. — Они действуют крайне однообразно.

Ни Эльрик, ни Шаарилья не улыбнулись в ответ. Альбинос находился в полубессознательном состоянии, девушка думала только о том, как облегчить его страдания.

Мунглам пожал плечами, обернулся, неожиданно воскликнул:

— Земля!

Бот мчался вперед с огромной скоростью. Эльрик с трудом выпрямился, сказал заплетающимся языком:

— Убери парус!

Мунглам отвязал плащ от мачты, но скорость бота не уменьшилась. Он буквально влетел на еще один серебристый пляж и, резко остановившись, угрожающе накренился. Путешественников швырнуло на борт.

Мунглам и Шаарилья подняли обмякшее тело Эльрика, вынесли его из бота, пошли по хрустальному песку и вскоре очутились у подножья высокого холма. Бережно положив альбиноса на землю, они обеспокоенно смотрели на него, не зная, что делать дальше.

Эльрик попытался приподняться, но тут же упал.

— Не волнуйтесь, — прошептал он, — я не умру. Но зрение мое уже начало ослабевать. Быть может, на берегу мой меч вновь обретет свою силу...

С огромным трудом он вытащил «Повелителя Бурь» из ножен и чуть не заплакал от облегчения. Рунный меч застонал, по его лезвию заструилось черное сияние. Энергия вливалась в тело Эльрика, он

чувствовал необычайный прилив сил. В глазах его отразилась невыразимая тоска.

— Без моего черного меча я — никто, — простонал он. — Неужели мне никогда от него не избавиться? Кем же я стану?

Мунглам и Шаарилья промолчали. Оба они жалели альбиноса и одновременно боялись его.

Дрожа всем телом, Эльрик поднялся на ноги, начал подниматься по крутому склону холма к огромному отверстию высоко наверху, в которое проникал не голубой, а обычный дневной свет. Видимо, это был выход из подземной пещеры. Сбоку от него, прячась в глубоких тенях, возвышался черный каменный замок, поросший темно-зеленым мхом, словно защищавшим его от непрошенных гостей. В многочисленных башенках замка не было окон, вход в него закрывала решетка из толстых металлических прутьев, выглядевших раскаленными, но холодных наощупь. А над входом ослепительно горел янтарный Девиз Повелителей Хаоса: восемь стрел, расположенных по периметру круга. Казалось, он висел в воздухе.

— Я думаю, наше путешествие подошло к концу, — угрюмо сказал Эльрик. — Либо Книга находится здесь, либо ее вообще не существует.

Мунглам пожал плечами.

— Мне непонятно, зачем она тебе понадобилась. Но если тебе удастся ее выгодно продать, надеюсь, я получу свою долю!

Эльрик невольно улыбнулся, хотя внутри у него все похолодело.

— Нам надо войти в замок, — сказал он.

Словно в ответ на его слова металлические прутья стали таять в воздухе... исчезли.

Мунглам вздрогнул.

— Мне это не нравится, — хрипло сказал он. — Совершенно очевидно, нас хотят заманить в ловушку. Неужели они думают, мы такие простачки, что попадем в нее?

— А что нам остается делать? — спокойно спросил Эльрик.

— Вернуться... или продолжить путь. Уйдем отсюда, не искушай Того, кто сторожит Книгу! — Шаарилья схватила Эльрика за руку, умоляюще на него посмотрела. — Забудь о Книге Мертвых Богов, Эльрик!

— Забыть? — Альбинос откинул голову, рассмеялся. — После того, что нам пришлось испытать? Никогда! Быть в двух шагах от цели и вернуться? Лучше умереть, Шаарилья!

Девушка отпустила руку Эльрика, плечи ее поникли.

— Мы не сможем победить слуг Хаоса, — сказала она безнадежным тоном.

— Возможно, нам не придется с ними драться, — невольно вырвалось у Эльрика. Он и сам не верил своим словам; губы его презрительно искривились, красные глаза зажглись мрачным огнем.

— Шаарилья права, — неожиданно произнес Мунглам, глядя на бескрылую женщину из Миирна. — Ничего, кроме разочарования, а возможно, смерти, не ждет нас за этими стенами. Давайте лучше поднимемся наверх по этим ступеням: быть может, они выведут нас из пещеры. — Он указал рукой на высеченную в камне лестницу, ведущую к отверстию, из которого проникал дневной свет.

Эльрик покачал головой.

— Нет. Уходите без меня.

Мунглам скорчил гримасу.

— Ты упрям, друг Эльрик. Что ж, если твой принцип — все или ничего, я, пожалуй, пойду с тобой, хотя, должен признаться, мне всегда больше нравились компромиссные решения.

Эльрик пошел вперед. Мунглам и Шаарилья, неуверенно переглянувшись, последовали за ним. Во дворе замка стояла высокая фигура, объятая холодным алым пламенем. Альбинос подошел к ней почти вплотную, остановился.

Гигант громко расхохотался, языки пламени взмыли вверх. Он был абсолютно гол, безоружен, но от него исходила такая сила, что трое путешественников вынуждены были отойти назад на несколько шагов. Кожа его была покрыта тусклой лиловой чешуей; он стоял, чуть согнув ноги в коленях и играя мощными мускулами, его маленькие голубые глаза без зрачков под высоким покатым лбом сверкали, как две голубые искорки. Смеялся гигант радостным, счастливым смехом, а вдоволь насмеявшись, сказал:

— *Приветствую тебя, Эльрик, Император Мельнибонэ! Я восхищен твоим упорством!*

— Кто ты? — вызывающе спросил альбинос, положив руку на рукоять меча.

— *Меня зовут Орунлу Хранитель Истины, а ты находишься в замке Повелителей Хаоса.* — Гигант цинично улыбнулся. — *Ты гордишься тем, что имеешь власть над некоторыми духами, считаешь себя волшебником. Тебе нет нужды так нервничать и хвататься за свой жалкий меч, ведь ты должен знать, что сейчас я не могу причинить тебе вреда.*

— Значит, это правда? — возбужденно спросил Эльрик. — Слуги Закона и Хаоса не имеют права лично вмешиваться в дела людей?

— *Я не смею... раз уж мне не удалось помешать тебе дойти до цели. Но должен признаться, твое глупое упрямство удивляет меня. Зачем тебе Книга? Я охранял ее тридцать тысяч лет, и у меня ни разу не возникло желания заглянуть внутрь, чтобы узнать, зачем мои Повелители спасли ее от уничтожения и спрятали в этом скучном мире, населенном недолговечными тупыми шутами, которых вы называете людьми.*

— Я ищу истину, — ответил Эльрик, чувствуя себя достаточно глупо.

— *Истина — в вечной борьбе,* — с глубоким убеждением сказал гигант, объятый алым пламенем.

— В таком случае, кто управляет Законом и Хаосом? Кто вершит судьбы не только смертных, но и богов?

— *Этого я не знаю.*

— Что ж, пусть Книга ответит нам обоим на этот вопрос. Пропусти меня и скажи, где она лежит.

Гигант отступил, иронически улыбнулся.

— *В центральной башне замка. Я поклялся, что никогда в Нее не войду, а то я проводил бы тебя. Иди, если хочешь, я выполнил свой долг.*

Эльрик, Мунглам и Шаарилья направились к открытым дверям замка, но прежде чем они вошли в него, гигант предостерегающе произнес:

— *Мне было сказано, что знания, содержащиеся в Книге, могут нарушить равновесие сил, помочь Закону. Это тревожит меня, но куда меньше, чем другая вероятность.*

— Какая? — спросил Эльрик.

— *Если великие тайны будут открыты, Вселенная может погрузиться в Хаос. Мои Повелители не желают этого, потому что тогда погибнет все живое. Мы существуем только для борьбы и хотим сражаться, а не победить в вечной битве.*

— Мне это безразлично, — сказал Эльрик. — Я ничего не теряю, Орунлу Хранитель Истины.

— *Что ж, тогда иди.* — Гигант повернулся, вышел из ворот замка и исчез в темноте.

Бледный свет озарял винтовую лестницу, ведущую в центральную башню. Эльрик молча поднимался по ней, словно движимый какой-то неведомой силой. Мунглам и Шаарилья шли за ним следом; они были печальны и, казалось, покорились своей судьбе.

Лестница поднималась спиралями все выше и выше, и наконец, они очутились у небольшой двери и вошли в комнату, залитую ослепительным светом.

Потрясенные до глубины души, путешественники застыли на месте, глядя на Книгу Мертвых Богов, переплет которой был усыпан драгоценными камнями, переливающимися всеми цветами радуги.

— Наконец-то! — прошептал Эльрик. — Наконец-то я узнаю истину!

Спотыкаясь, как пьяный, он сделал несколько шагов, дрожащими руками схватил Книгу, ради которой претерпел столько невзгод. Затаив дыхание, Эльрик раскрыл ее... переплет упал, драгоценные камни, пылая разноцветными огнями, покатались по полу.

Пальцы Эльрика были покрыты сухой, желтой пылью.

— Нет! — Казалось, от душераздирающего крика альбиноса сотряслись стены замка. — Нет! — Слезы хлынули у него из глаз, лицо перекошилось, глухие рыдания вырвались из груди. Время уничтожило Книгу Мертвых Богов, которую так никто и не читал в течение тридцати тысяч лет. Погибли сочинившие ее мудрые и могущественные боги, канули в небытие собранные ими знания.

Они стояли на склоне высокой горы, глядя на зеленые долины внизу. На голубом чистом небе сверкало солнце. Позади путешественников зияло отверстие пещеры, в которой находился удивительный подземный мир Повелителей Хаоса.

На измученном лице Эльрика застыло страдальческое выражение. С тех пор, как Мунглам и Шаарилья вывели его из центральной башни замка, он не произнес ни единого слова. Сейчас он поднял голову, посмотрел на своих спутников и, словно издеваясь над самим собой, сказал:

— Теперь я буду жить, не зная зачем. — Голос альбиноса звучал резко, пронзительно, как крик одинокой чайки. — Интересно, если бы Книга сохранилась, поверил бы я тому, что в ней написано? Я — скептик, вечно сомневающийся в том, что действую по своей воле, что мною не движет какая-то высшая сила. Я завидую людям, которые знают, зачем живут. Теперь мне остается только отправиться на поиски Истины, веруя, что когда-нибудь я найду ее, и одновременно понимая, что это невозможно.

Шаарилья взяла его за руку. Глаза ее были полны слез.

— Эльрик, позволь мне утешить тебя.

— Лучше б мы никогда не встречались, Шаарилья, или Танцующий Туман, — с горечью сказал альбинос. — Ты подала мне надежду, я думал, что наконец-то смогу обрести покой, а в результате потерял даже то душевное равновесие, которое имел. Нельзя надеяться на спасение в мире, где правит злой рок. Прощай. — Он начал спускаться по склону горы.

Мунглам посмотрел на Шаарилью, перевел взгляд на Эльрика, затем быстро вынул из кошелька какой-то небольшой предмет и сунул его девушке в руку.

— Удачи тебе, — пробормотал он и побежал за альбиносом.

Не замедляя шага, Эльрик обернулся, услышав за собой топот ног, и, несмотря на свое мрачное настроение, спросил:

— В чем дело, друг Мунглам? Что ты хочешь от меня?

— Мы проделали долгий путь, и я не вижу причин прерывать наше путешествие, — весело заявил коротышка. — Кроме того, в отличие от тебя, я — материалист. Не можем же мы с тобой не кушать.

Эльрик нахмурился, но на душе у него потеплело.

— Что ты хочешь этим сказать, Мунглам?

— Я стараюсь извлечь вывод из любого положения, даже самого безнадёжного. — Коротышка ухмыльнулся, полез в кошелек, вытащил оттуда сверкающий драгоценный камень. — У меня их несколько, и каждый стоит целого состояния. — Он взял альбиноса за руку. — Пойдем, Эльрик... какие новые страны хочешь ты посетить, чтобы обменять эти безделушки на хорошее вино и милых женщин?

Шаарилья, стоя на склоне горы, тоскливо смотрела им вслед. Огромный изумруд выпал из ее пальцев, сверкнул на солнце, затерялся в высокой траве. Когда Мунглам и Эльрик скрылись из виду, девушка повернулась и через мгновение исчезла в черной пасти пещеры подземного мира.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПОЮЩАЯ ЦИТАДЕЛЬ

Глава первая

Вечерело. Бирюзовое море лениво катило волны, искрящиеся в солнечных лучах. На палубе галеры у перил борта стояли два человека. Один из них, одетый в черный плащ с капюшоном, откинутым на плечи, был высоким статным альбиносом; другой — невысок ростом, с копной огненно-рыжих волос, пряди которых падали на лоб.

— Она была хорошей женщиной и, главное, любила тебя, — сказал коротышка, нарушив затянувшееся молчание. — Зачем ты так резко ее бросил?

— Она была хорошей женщиной, — согласился его собеседник, — но за ее любовь пришлось бы слишком дорого платить. Пускай ищет свое счастье в стране, где никто не будет считать ее неполноценной. Однажды я убил женщину, дороже которой у меня не было никого на свете, и не хочу новых жертв.

Мунглам пожал плечами.

— Иногда мне кажется, Эльрик, что судьба, о которой ты все время говоришь, не более чем плод твоего больного воображения. Напрасно ты сам себя мучаешь.

— Возможно, — небрежно ответил альбинос. — Но мне не хочется проверять на практике правоту твоих слов. Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

Гребцы дружно налегали на весла, море пенилось за кормой судна, час за часом приближавшегося к порту Дакосу, столице Джаркора, одного из самых могущественных Молодых Королевств. Прошло около двух лет с тех пор, как король Джаркора Дармит погиб в рейде на Имрирр, и Эльрик слышал, что джаркорцы винят его в смерти молодого короля, хотя он и не был в ней виноват. Впрочем, альбиносу, по-прежнему презирающему почти всех людей, было безразлично, как они к нему относятся.

— Через час стемнеет, а вряд ли мы будем плыть ночью, — сказал Мунглам. — Пойду-ка я спать.

Эльрик посмотрел на него, и в это время дозорный, сидевший в «вороньем гнезде» на мачте, громко крикнул:

— Парус по левому борту! — Видимо, он уснул на вахте и только сейчас проснулся — корабль был виден прямо с палубы.

Эльрик уступил место выскочившему из своей каюты капитану, темнокожему таркешиту.

— Что это за судно, капитан? — спросил Мунглам.

— Боевая трирема с острова Пан Танг. Они собираются нас таранить.

Капитан побежал на корму, отдавая распоряжения громким голосом, а Эльрик и Мунглам подошли к противоположному борту, чтобы лучше разглядеть трирему. Ее корпус и два треугольных паруса с золотой окаемкой были выкрашены в черный цвет, за каждым веслом сидели трое матросов — на одного больше, чем на галере. Трирема выглядела мощной и одновременно элегантной, с высокой кормой и низко опущенным носом, к которому был прикреплен бронзовый таран, вздымающийся на ходу высокие, волны.

Рабов на таркешитской галере охватила паника. Они вразнобой били веслами по воде, неловко пытаясь выполнить распоряжения капитана. Мунглам, улыбаясь, повернулся к Эльрику.

— Ничего у них не выйдет. Приготовься к битве, друг мой.

На острове Пан Танг жили волшебники — несколько человек, стремившихся подражать колдунам Мельнибонэ, Их мощные триремы не уступали лучшим кораблям Молодых Королевств, и они практически безнаказанно совершали рейды на прибрежные государства. Теократ Пан Танга, некто Джагрэн Лерн, заключил, по слухам, договор с Повелителями Хаоса и собирался завоевать весь мир.

Эльрик считал этих доморощенных волшебников неумелыми выскочками, которым никогда не удастся достичь тех высот, где властвовали его великие предки, но и альбинос вынужден был признать, что трирема выглядела достаточно внушительно и с легкостью могла захватить в плен таркешитскую галеру.

Вскоре стало ясно, что столкновение неизбежно, а еще через несколько секунд бронзовый таран ударил в корму, пробил в корпусе дыру ниже ватерлинии.

Эльрик стоял неподвижно, глядя, как на галеру летят абордажные крючья. Понимая, что им не справиться с хорошо вооруженной командой триремы, таркешитские рабы и матросы тем не менее приготовились к бою.

— Эльрик! — голос Мунглама вывел альбиноса из оцепенения. — Мы должны помочь!

Эльрик неохотно кивнул. Ему неприятна была сама мысль о том, что снова придется вытаскивать рунный меч из ножен, «Повелитель Бурь» — сверхъестественное оружие, — казалось, обладал разумом; между ним и Эльриком существовала неразрывная связь. Альбинос не мог выжить без рунного меча, но и «Повелитель Бурь» не мог существовать без человека, убивающего им своих жертв. Черное лезвие питалось душами живых существ, отдавая часть полученной энергии своему хозяину.

Воины в алых доспехах ринулись на корму галеры, сломали строй матросов и рабов. Боевые топоры и секиры обагрились кровью.

Эльрик сжал рукоять своего меча, выхватил его из ножен. По черному лезвию заструилось черное сияние, оно застонало, словно в предвкушении добычи, задрожало в руке альбиноса, бросившегося на помощь защитникам галеры.

Более половины матросов были убиты буквально в течение нескольких секунд, оставшиеся в живых беспорядочно отступали. Эльрик выбежал вперед, Мунглам не отставал от него ни на шаг.

Свирепая радость, которой дышали лица воинов в алых доспехах, сменилась изумлением, когда испещренный рунами черный меч перерубил одного из нападавших от плеча до нижних ребер.

Эльрика узнали сразу — о нем и о «Повелителе Бурь» ходили легенды. И хотя Мунглам был прекрасным фехтовальщиком, пираты Пан Танга не обратили на него внимания, понимая, что ни один из них не останется в живых, если им не удастся убить альбиноса.

Горячая кровь предков вскипела в Эльрике, слепая жажда мести охватила его. Он и меч стали едины, но не Эльрик управлял «Повелителем Бурь», а «Повелитель Бурь» — Эльриком. Люди падали как колосья, скошенные серпом, крича скорее от ужаса, чем от боли: они чувствовали, чего именно их лишает дьявольское лезвие. На альбиноса напали сразу четверо воинов с боевыми топорами. Он отрубил одному голову, вспорол живот другому, отсек третьему руку и пронзил сердце четвертому. Таркешиты победно кричали, помогая Эльрику и Мунгламу очищать галеру от врагов.

Воя, как волк, Эльрик схватился за канат с абордажным крюком на конце и перепрыгнул на палубу триремы.

— За мной! — вскричал Мунглам, последовав примеру альбиноса. — Это наш единственный шанс спастись!

На высокой корме триремы стоял капитан в красивых красных с голубым доспехах. На лице его был написан ужас. Он не сомневался, что добыча будет легкой, а сейчас сам стал добычей!

«Повелитель Бурь» пел в экстазе, а Эльрик пробивался к корме, рубя направо и налево. Воины в страхе расступились, сосредоточив все усилия, чтобы сдержать натиск матросов и рабов во главе с Мунгламом.

Капитан — один из знатных священников — приготовился к сражению. Эльрик заметил, что от его доспехов исходило слабое свечение — они были заколдованы.

Коренастый, с густой черной бородой и орлиным носом капитан был типичным представителем теократии Пан Танга. Улыбаясь толстыми красными губами, сжимая в правой руке меч, а в левой — боевой топор, он ждал, когда альбинос приблизится к нему.

Эльрик вбежал на высокую корму, сделал выпад; капитан парировал, отступил в сторону, нанес удар боевым топором по незащищенной голове альбиноса. Эльрик резко пригнулся, не удержался на ногах, упал на палубу, быстро перекатился с боку на бок. В то место, где он только что лежал, вонзилось острие меча. «Повелитель Бурь» поднялся по своей воле, отразил еще один удар боевого топора, перерубил его рукоятку. Капитан выругался, схватился за меч обеими руками, занес его над головой. И вновь «Повелитель Бурь» оказался быстрее своего хозяина. Он метнулся к сердцу священника, задержался на секунду,

наткнувшись на невидимую преграду, взвыл от ярости, задрожал, словно собираясь с силами, и расколол заколдованные доспехи, как скорлупу ореха. Капитан с обнаженной грудью стоял, не веря собственным глазам, позабыв обо всем на свете. Он не отрываясь смотрел на испещренное рунами черное лезвие, победно взывшее и вонзившееся ему в сердце. Лицо его перекосилось, он выронил свой меч, схватился за «Повелителя Бурь», который высасывал его душу.

— Великий Чардрос!.. нет, нет, только не это... ахххх! — Он умер, зная, что душа его тоже погибла, поглощенная дьявольским оружием, которым убил его альбинос.

Эльрик вытащил рунный меч из трупа, в очередной раз чувствуя прилив сил.

Тем временем на палубе остались только рабы во главе с Мунгламом, но трирема, связанная с галерой абордажными крючьями и застрявшим в корме тараном, опасно накренилась.

— Рубите канаты! Задний ход! — вскричал Эльрик. — Быстрее! — Рабы кинулись исполнять его приказание. Весла затабанили, канаты были перерублены, и тонущая галера стала медленно погружаться в глубину вод.

Эльрик окинул взглядом свою команду. В живых осталось меньше половины матросов и рабов; капитан погиб при первой атаке.

— Если хотите получить свободу, — сказал альбинос, обращаясь к рабам, — гребите в Дакос как можно скорее. — Солнце садилось, но Эльрик решил плыть ночью, ориентируясь по звездам.

— Зачем ты предложил им свободу? — недоуменно вскричал Мунглам. — Мы могли бы продать их в Дакосе и хоть немного компенсировать себя за сегодняшние труды!

Эльрик пожал плечами.

— Мне так захотелось, Мунглам.

Коротышка вздохнул, отвернулся, глядя, как матросы выкидывают трупы воинов Пан Танга за борт. Он решил, что никогда не поймет альбиноса, но не стал особо расстраиваться по этому поводу.

Так и получилось, что Эльрик, намеревавшийся остаться неузнанным, вошел в порт Дакос с триумфом. Предоставив Мунгламу продать трирему и распределить половину вырученных денег между матросами, Эльрик пробрался сквозь толпу на причале и пошел в гостиницу у западных ворот города, в которой он не раз бывал.

Глава вторая

Мунглам давно отправился спать, а Эльрик продолжал сидеть в полутемной таверне и пить вино. Даже завсегдатаи покинули комнату, когда узнали того, кто в ней сидит, и альбинос остался в полном одиночестве.

Внезапно дверь отворилась, на пороге появился молодой человек в богатой одежде.

— Я ищу Белого Волка, — сказал он, вглядываясь в полумрак.

— Иногда меня называют этим именем, — спокойно ответил альбинос. — Тебе нужен Эльрик из Мельнибонэ?

— Да. У меня к нему поручение. — Незнакомец подошел к столику, не снимая плаща. В таверне было холодно. — Я — граф Йолан, капитан королевской стражи, — надменно сказал он, окидывая Эльрика бесцеремонным взглядом. — Наверное, ты ничего не боишься или думаешь, что у джаркорцев короткая память. Но мы не забыли, как всего два года назад ты заманил нашего короля в ловушку!

Прихлебывая вино, Эльрик посмотрел поверх бокала на молодого человека.

— Все это пустая болтовня, граф Йолан. Что тебя просили мне передать?

От уверенности Йолана не осталось и следа, он нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Может, для тебя это и пустая болтовня, но я никогда не забуду короля Дармита, который был бы жив и здоров, если б ты не бросил его в сражении за Имрирр. Разве ты не предал своих товарищей по оружию и удрал, прибегнув к волшебной силе, вместо того, чтобы оказать им помощь?

Эльрик вздохнул.

— Насколько я понимаю, ты искал меня не для того, чтобы со мной поссориться. К тому же Дармит погиб прежде, чем мы вошли в морской лабиринт.

— Ты увливаешь от моих вопросов и неуклюже лжешь, пытаешься оправдать собственную трусость, — с горечью сказал Йолан. — Будь на то моя воля, я убил бы тебя твоим собственным мечом, который, как я слышал, испил достаточно мельнибонийской крови.

Эльрик медленно поднялся на ноги.

— Твои мальчишеские выходки утомили меня. Когда успокоишься, передай то, что тебе велено, хозяину гостиницы. — Он вышел из-за столика, направился к лестнице, но остановился, почувствовав, что Йолан схватил его за рукав.

Красные глаза на мертвенно-бледном лице альбиноса зажглись недобрым огнем. Он посмотрел на Йолана в упор.

— Я не привык к подобной фамильярности, молодой человек.

Йолан отдернул руку.

— Прости меня. Я позволил своим чувствам возобладать над разумом. У меня к тебе важное и деликатное дело... королева Йишана нуждается в твоей помощи.

— Я так же не люблю оказывать помощь, как объяснять свои поступки, — нетерпеливо сказал Эльрик. — Те, кто просили меня оказать им услуги, не всегда оказывались в выигрыше, и пример тому — король Дармит, брат Йишаны.

— То же самое и я говорил королеве, — хмуро произнес Йолан. — Но она не захотела ко мне прислушаться и просила передать, что хочет увидеться с тобой наедине... сегодня ночью. — Лицо графа перекосилось, он отвернулся. — Мне остается упомянуть, что я могу тебя арестовать, если ты откажешься.

— Возможно. — Эльрик пожал плечами. — Передай Йишане, что эту ночь я проведу в вашем городе, а наутро отправлюсь в путь. Если дело ее такое срочное, я согласен принять ее здесь.

Альбинос не торопясь начал подниматься по лестнице, а граф Йолан смотрел ему вслед с широко открытым от изумления ртом.

Телеб К'арна хмурился. Он был адептом черной магии, но новичком в любви, и Йишана, распростертая на меховом покрывале, прекрасно это знала. Ей доставляло удовольствие властвовать над человеком, который мог уничтожить ее одним движением пальца. Хотя Телеб К'арна принадлежал к иерархии священников Пан Танга, Йишана не сомневалась, что колдун никогда не причинит ей вреда. Скорее наоборот, интуиция подсказывала королеве, что тому, кто любит подчинять себе других, в свою очередь необходимо кому-нибудь подчиниться. И Йишана бессовестно этим пользовалась.

Продолжая хмуриться, Телеб К'арна искоса посмотрел на нее.

— Чем может помочь тебе этот выродок, если у меня ничего не получилось? — пробормотал он, усаживаясь на кровать и глядя Йишану по голой ноге, обутой в туфельку, усыпанную драгоценными камнями.

Йишана была и немолода, и некрасива, но что-то гипнотическое таилось в ее высокой пышной фигуре, черных, как вороново крыло, волосах, чувственном лице. И если она решала кого-нибудь соблазнить, мало кто мог устоять перед ее чарами.

Нельзя было также назвать королеву нежной, доброй, мудрой или справедливой. Вряд ли будущие историки поставили бы один из этих эпитетов перед ее именем. Тем не менее, она казалась настолько необычной, так сильно отличалась от других женщин, что ее любили все подданные, хотя и относились к ней, как к капризному ребенку, чьи прихоти надо удовлетворять.

Сейчас она тихо рассмеялась, явно поддразнивая своего любовника-колдуна.

— Возможно, ты прав, Телеб К'арна, но об Эльрике ходят легенды. О нем очень много говорят, но ничего не знают. Быть может, мне удастся понять, что он из себя представляет?

Телеб К'арна нетерпеливо махнул рукой, погладил свою большую черную бороду. Встав с кровати, он подошел к столику, налил два кубка вина, вернулся к Йишане.

— Если ты снова хотела вызвать во мне ревность, у тебя это получилось. Но я не верю, что ты добьешься успеха. Предки Эльрика были демонами, он не принадлежит к нашей расе, его нельзя мерить человеческими мерками. Знания Эльрика интуитивны; то, что дается нам, магам, годами упорного труда, для него естественно. Ты можешь умереть, прежде чем что-нибудь о нем узнаешь. Он убил Каймориль, свою сестру, а она была его невестой!

— Твоя забота меня трогает. — Лениво протянув руку, Йишана взяла один из кубков с вином. — И тем не менее, я не откажусь от своих намерений. В конце концов, ты не можешь похвастаться, что успешно разрешил загадку цитадели!

— Существуют тонкости, в которые я пока еще не вдавался!

— Что ж, в таком случае проверим, не поможет ли нам интуиция Эльрика! — Она улыбнулась, оперлась на локоть, посмотрела в окно. На чистом небе светила полная луна. — Странно, что Йолана до сих пор нет. Если все прошло гладко, он давно должен был привести Эльрика ко мне.

— Напрасно ты отправила за Эльриком близкого друга Дармита. Не удивлюсь, если он вызвал альбиноса на дуэль и убил его!

И вновь Йишана не смогла удержаться от смеха.

— О, ты пристрастен, и это мешает тебе трезво мыслить. Я специально послала Йолана, зная его пылкий нрав. Думаю, грубость графа возбудит любопытство Эльрика, после чего он обязательно к нам придет!

— Если не разгадает твоей маленькой хитрости.

— Я, конечно, не отличаюсь большим умом, любимый, но инстинкты редко меня подводят. Посмотрим, кто из нас окажется прав.

Через некоторое время в дверь деликатно постучали, и горничная доложила:

— Ваше Величество, граф Йолан вернулся.

— Один? — Телеб К'арна не смог удержаться от улыбки.

Этой улыбке скоро суждено было исчезнуть. Тепло одевшись, Йишана вышла из своих покоев.

— Дура! — вскричал он, когда дверь за королевой захлопнулась, и в сердцах швырнул серебряный кубок на пол. — Если Эльрику удастся решить загадку цитадели...

Телеб К'арна глубоко задумался.

Глава третья

Хотя Эльрик и утверждал, что ему все было безразлично, его измученные глаза говорили об обратном. Альбинос сидел у окна, пил крепкое вино бокал за бокалом. После падения Имрирра Прекрасного последний Император Мельнибонэ странствовал по свету, стараясь понять, зачем он живет, в чем смысл его существования.

Совсем недавно он пытался найти ответы на эти вопросы в Книге Мертвых Богов, хранившей, согласно легендам, разгадки всех тайн Вселенной, но страницы Книги за тридцать тысяч лет превратились в сухую пыль. Он хотел полюбить Шаарилью, бескрылую женщину из Миирна, но не смог позабыть Каймориль, каждую ночь сновившуюся ему во сне. Покой, — думал он, — единственное, чего я хочу. А мне отказано даже в смерти.

С каждой минутой альбинос мрачнел все больше и больше. Неожиданно в дверь тихонько постучали.

В ту же секунду лицо его словно окаменело. Красные глаза настороженно блеснули. Он расправил плечи, поднялся на ноги: вся его поза выражала холодное высокомерие. Поставив бокал на стол, альбинос небрежно произнес:

— Войдите!

Дверь открылась и тут же закрылась за женщиной, закутанной в красный плащ. Она остановилась на пороге, помолчала, затем негромко произнесла:

— Ты сидишь в темноте, милорд Эльрик. Я думала, ты спишь...

— Спать, госпожа, слишком скучно. Но если тебе не нравится темнота, я зажгу свет. — Он подошел к столу, снял крышку с сосуда, где тлели угли, положил на них щепку. Когда та разгорелась, он поднес ее к факелу, висевшему на стене.

Факел вспыхнул, по небольшой комнате заплясали тени. Женщина откинула капюшон плаща, встряхнула черными, как вороново крыло, волосами, обрамлявшими чувственное лицо. Она резко отличалась от высокого худого альбиноса, который бесстрастно смотрел на нее.

Женщина явно не привыкла к подобным взглядам. Но новизна чувств, которую она сейчас испытала, ей понравилась.

— Ты послал за мной, милорд Эльрик, и, как видишь, я пришла. — Она сделала шутливый реверанс.

— Королева Йишана. — Эльрик ответил на реверанс легким поклоном.

Стоя перед альбиносом, Йишана почувствовала его притягательную силу, которая, видимо, была намного больше, чем у нее самой. И тем не менее, он ни словом, ни жестом не выдал, что его хоть как-то к ней тянет. Йишана невольно подумала, что вместо легкой победы, на которую она рассчитывала, ее может ждать горькое разочарование. Как ни странно, но и эта мысль позабавила королеву.

Эльрик, в свою очередь, заинтересовался стоявшей перед ним женщиной, сам того не желая. В нем начали пробуждаться чувства, о которых он старался не думать. Это взволновало его и одновременно привело в смятение.

Заставив себя расслабиться, он пожал плечами.

— Я слышал о тебе, королева Йишана. Присаживайся, если хочешь. — Он указал ей на деревянную скамью у стола, а сам сел на краешек кровати.

— Ты куда любезнее, чем мне показалось со слов графа Йолана. — Она улыбнулась, села, положила ногу на ногу, скрестила руки на груди. — Означает ли это, что ты готов выслушать мое предложение?

Он улыбнулся ей в ответ. Эльрик редко так улыбался — немного угрюмо, но без горечи.

— Да. Ты — необычная женщина, королева Йишана. Я бы заподозрил, что в тебе течет мельнибонийская кровь, если б не знал, что это невозможно.

— Не все «выскочки» из Молодых Королевств так глупы, как ты предполагаешь, милорд.

— Возможно.

— Теперь, когда мы встретились лицом к лицу, мне трудно поверить в те страшные легенды, которые о тебе сложены... хотя, с другой стороны... — Она наклонила голову на бок, окинула его откровенным взглядом. — ...в них говорится о куда более грубом человеке, чем тот, которого я вижу перед собой.

— На то они и легенды.

— Ах, — прошептала она, — какой силой мы были бы вместе, ты и я...

— Рассуждения на эту тему мне неприятны, королева Йишана. Зачем ты пришла?

— Прости. Честно говоря, я не надеялась, что ты согласишься меня выслушать.

— Я тебя выслушаю, но на большее не рассчитывай.

— Тогда начнем. Думаю, мой рассказ заинтересует даже тебя.

Йишана не ошиблась.

— Несколько месяцев тому назад, — говорила Йишана Эльрику, — крестьяне гаравианской провинции Джаркора сообщили, что какие-то загадочные всадники крадут из деревень молодых мужчин и женщин.

Не сомневаясь, что речь идет о шайке преступников, Йишана послала в провинцию полк Белых Леопардов, лучших солдат Джаркора, приказав им уничтожить бандитов.

Ни один солдат не вернулся. Второй полк, посланный вслед за первым, не нашел и следа своих товарищей, но в долине близ города Такора Леопарды обнаружили странную цитадель, все время меняющую свои очертания. Командир второго полка, заподозрив неладное, оставил несколько солдат наблюдать за долиной, а сам поскакал с донесением в Дакос. В одном можно было не сомневаться: цитадель появилась в гаравианской провинции не более двух месяцев назад.

Йишана и Телеб К'арна во главе большой армии отправились к Такору. Люди, оставленные командиром полка для наблюдений, исчезли, и как только Телеб К'арна увидел цитадель, он тут же предупредил Йишану, что захватить ее невозможно.

— Это было удивительное зрелище, милорд Эльрик, — продолжала Йишана. — Цитадель сверкала, переливалась всеми цветами радуги. Она казалась нереальной, то резко выделяясь на фоне неба, то исчезая и расплываясь в тумане. Телеб К'арна сказал, что это — волшебное сооружение, посланное из Измерений Хаоса. — Йишана поднялась со скамейки, распростерла руки. — Мы, джаркорцы, плохо разбираемся в колдовстве. Но и Телеб К'арна, черный маг из города Кричащих Статуй на Пан Танге, признался, что никогда не встречал ничего подобного.

— Вы отступили? — нетерпеливо спросил Эльрик.

— Мы повернули назад, когда зазвучала музыка... Она была нежной, прекрасной, неземной, рвущей душу на части. Телеб К'арна закричал, чтобы я скакала во весь опор. Я замешкалась, очарованная сладостными звуками, и тогда он хлестнул плеткой моего коня, и мы помчались, словно за нами гнались драконы. Те, кто были рядом с нами и впереди нас, спаслись, а остальные повернули коней и поскакали к цитадели. Более двухсот человек вошли в нее и исчезли.

— Что вы предприняли? — спросил Эльрик.

Йишана сделала несколько шагов и села рядом с ним на кровать. Он чуть подвинулся, освобождая ей место.

— Телеб К'арна попытался исследовать цитадель, определить, кто ее хозяин и какие цели он преследует. Ему удалось выяснить совсем немного: Хаос послал на Землю цитадель, которая медленно, но верно увеличивается в размерах. Слуги Хаоса похищают все больше и больше наших молодых людей.

— Кто эти слуги?

— Загадочные всадники. Крестьяне, которые пытались помешать им, погибли. — Йишана вновь

придвинулась к Эльрику, и на этот раз альбинос остался сидеть на месте.

— Чего же ты от меня хочешь?

— Помощи. — Она наклонилась к нему, дотронулась до его лица. — Ты обладаешь знаниями о Законе и Хаосе, древними, инстинктивными знаниями, если верить Телебу К'аарне. Ведь Повелители Хаоса — твои боги.

— Ты абсолютно права, Йишана, и именно потому, что мои покровители — боги Хаоса, я не хочу сражаться с одним из них.

Он повернулся к ней, улыбаясь, посмотрел ей в глаза. Затем внезапно обнял и привлек к себе. — Возможно, ты окажешься достаточно сильной, — загадочно сказал он, прежде чем их губы слились. — А что касается твоего дела, мы поговорим о нем позже.

В зеленых глубинах темного зеркала Телеб К'аарна видел урывками то, что происходило в комнате Эльрика, и кусал себе губы в бессильной злобе. Туманные образы расплылись, исчезли, и черный маг изо всех сил дернул себя за бороду. На этот раз ему не помогли никакие заклинания: зеркало осталось темным. Откинувшись на спинку кресла из змеиных голов, Телеб К'аарна строил планы мести. Он решил, что идея его должна вызреть, а если Эльрик окажется полезен в деле с цитаделью, уничтожить его можно будет после...

Глава четвертая

На следующий день трое всадников отправились в путь по направлению к городу Такору. Эльрик и Йишана скакали рядом; Телеб К'арна держался от них на некотором расстоянии, но в пределах слышимости. Если Эльрика и смущало поведение колдуна, чье место он занял в постели и сердце его любовницы, он ничем не проявлял этого.

Альбинос, поневоле увлекшийся Йишаной, согласился осмотреть цитадель и высказать о ней свое мнение. Перед отъездом он перекинулся несколькими словами с Мунгламом.

Они скакали по прекрасным долинам Джаркора, освещенным золотыми лучами солнца. До Такора было два дня пути, и Эльрик намеревался как следует отдохнуть.

Чувствуя себя не таким несчастным, как всегда, он скакал галопом рядом с Йишаной, смеясь, когда она радовалась цветочку или травинке, словно ребенок. Тем не менее, у альбиноса появилось какое-то мрачное предчувствие, усилившееся по мере их приближения к цитадели. К тому же он заметил, что на лице Телеба К'арны изредка появляется довольное выражение, что в сложившейся ситуации было необъяснимо.

Иногда Эльрик кричал черному магу:

— Ого-го, заклинатель змей! Неужели тебе не хочется порезвиться на лоне природы? Вдохни чистый воздух полной грудью, Телеб К'арна, и повеселись вместе с нами!

В эти минуты лицо волшебника с острова Пан Танг вытягивалось, он начинал что-то бормотать себе под нос, а Йишана смеялась и смотрела на Эльрика влюбленными глазами.

Когда они подъехали к Такору, на месте города была огромная дымящаяся яма, из которой несло, как из помойки.

— Это — дело рук Хаоса, — сказал Эльрик. — Тут ты оказался прав, Телеб К'арна. Только сверхъестественный огонь мог до такой степени уничтожить большой город. И тот, кто его зажег, постепенно набирает силу. Как тебе известно, колдун, силы Закона и Хаоса, как правило, находятся в идеальном равновесии; ни один из богов не станет открыто переделывать нашу Землю. Видимо, оно было нарушено, как часто бывает, и чаша весов склонилась на сторону Повелителей Хаоса, позволив им захватить часть нашего измерения. Любой волшебник может прибегнуть к помощи богов и на короткое время вызвать их к себе, но крайне редко Закону или Хаосу удастся утвердиться здесь так прочно, как удалось нашему приятелю из цитадели. Для Молодых Королевств это очень плохо, потому что, получив даже маленькую зацепку, Хаос постепенно завоюет всю Землю.

— О боги! — пробормотал Телеб К'арна. Хоть он и прибегал иногда к помощи Хаоса, жить под его пятой не захотел бы ни один нормальный человек.

Эльрик тряхнул поводьями своего коня.

— Теперь поскачем в долину.

— Ты уверен, что это не опасно? — нервно спросил Телеб К'арна.

Эльрик рассмеялся.

— Что я слышу? И это говорит колдун из Пан Танга, один из приближенных Первосвященника, утверждающего, что знает о волшебстве столько же, сколько мои великие предки, Императоры Мельнибонэ! Конечно же мы отправимся посмотреть на цитадель, тем более что сегодня мне не хочется осторожничать!

— И мне тоже! — вскричала Йишана, прищипывая коня. — Вперед, господа, — в цитадель Хаоса!

Стоял полдень, когда они остановились на вершине одного из холмов, окружающих долину, в которой находилась загадочная цитадель. Йишана хорошо ее обрисовала, но многого не увидела. У Эльрика разболелись глаза при взгляде на сооружение, простирающееся за пределы Земли в одно, а может, в несколько других измерений.

Цитадель сверкала и переливалась всеми цветами радуги, известными и неизвестными на Земле, ее очертания постоянно менялись. Долина, в которой она стояла, была покрыта черным пеплом, изредка вздымавшимся вверх небольшими фонтанами.

— Ну? — Телеб К'арна с трудом успокоил лошадь, захрипевшую и попятившуюся при виде цитадели. — Видел ли ты что-нибудь подобное в нашем мире?

Эльрик покачал головой.

— В нашем мире — нет, но эту цитадель я знаю. Во время моего посвящения отец показал мне Измерения Хаоса и представил меня моему покровителю, Ариоху, Повелителю Семи Кругов Тьмы...

Телеб К'арна задрожал.

— Ты побывал в Измерениях Хаоса? Значит, перед нами цитадель Ариоха?

Эльрик презрительно усмехнулся.

— Этот сарай? Разве можно сравнить его с дворцами Повелителей Хаоса?

— В таком случае, кто хозяин цитадели? — нетерпеливо спросила Йишана.

— Когда в далекой юности я путешествовал по измерениям Хаоса, в ней жил, если не ошибаюсь, вовсе не бог, а слуга богов... впрочем, нет, не совсем слуга...

Эльрик нахмурился, роясь в своей памяти.

— Ха! Ты говоришь загадками. — Телеб К'арна развернул коня, явно намереваясь отъехать от цитадели подальше. — Знаю я вас, мельнибонийцев! Помирая с голода, вы предпочтете сочинить хороший парадокс, чем съесть кусок хлеба! — Он поскакал вниз по склону холма.

Эльрик и Йишана медленно последовали за ним, затем альбинос остановился, обернулся через плечо.

— Вспомнил! Хозяин цитадели — большой любитель парадоксов, придворный шут. Повелители Хаоса уважают его, даже слегка побаиваются, хоть он и развлекает их, придумывая космические головоломки или слагая забавные стишки о Руке, которая держит Весы, управляющие Законом и Хаосом; он высмеивает то, что дорого сердцу богов, не воспринимает всерьез того, над чем они задумываются... — Эльрик умолк, пожал плечами. — По крайней мере так мне рассказывали.

— Почему он здесь обосновался?

— А почему он должен был обосноваться в другом месте? Никто, даже Повелители Высших Измерений, не может объяснить действий Бало, придворного шута. Говорят, он единственный, кто свободно перемещается по Королевствам Закона и Хаоса. Правда, я никогда не слышал, чтобы Бало разрушал города или захватывал кого-нибудь в плен, но ведь и на Земле он впервые. В общем, то, что происходит — загадка, как раз в стиле Бало.

— Существует только один способ выяснить, что ему здесь надо, — сказал Телеб К'арна с легкой усмешкой. — Зайти в цитадель.

— А ты болтун, волшебник из Пан Танга. — Эльрик пожал плечами. — Я, конечно, не ценю свою жизнь, но есть вещи, которые мне дороги, — моя душа, например!

Не говоря ни слова, Телеб К'арна поскакал вниз по холму. Эльрик и Йишана остались на месте. Казалось, альбинос о чем-то глубоко задумался.

— Мне кажется, ты напрасно так тревожишься, Эльрик, — сказала Йишана, пристально глядя на него.

— У меня есть все основания для тревоги. В глубине души я чувствую, что, исследуя цитадель, мы окажемся втянутыми в спор между Бало и Повелителями Хаоса, а может, и Закона. Если это произойдет, нас ждет верная гибель: ни один смертный не выстоит против тех сил, которые будут пущены в код.

— Нельзя же сидеть сложа руки и смотреть, как Бало уничтожает наши города и захватывает в плен наших юношей и девушек! Если его не остановить, он завоюет весь Джаркор!

Эльрик вздохнул, но ничего не ответил.

— Разве ты не можешь с помощью колдовства отправить Бало обратно в Измерение Хаоса?

— Даже мельнибонийцы не в состоянии соперничать с Повелителями Высших Измерений, а у моих отцов и дедов знаний было больше, чем у меня. Мои помощники не служат ни Закону, ни Хаосу, это — духи огня, земли, воды и воздуха, повелители некоторых животных и растений. Они могут помочь мне в обычной битве, но практически бессильны перед такими, как Бало. Я должен подумать... По крайней мере, выступив против шута, я вряд ли навлеку на себя гнев моих покровителей. С другой стороны...

Яркое солнце освещало холмы, поросшие густой зеленой травой. Какая-то хищная птица парила высоко в чистом небе. Телеб К'аарна, остановившийся у подножья холма, помахал рукой и что-то прокричал, но слов было не разобрать.

Йишана, казалось, совсем упала духом. Плечи ее поникли, она смотрела куда-то в сторону. Эльрик понимал, что его нерешительность произвела на нее неприятное впечатление, но не особо печалился по этому поводу. В конце концов, какое ему было дело...

Зазвучала музыка: нежная, мелодичная, навевающая приятные воспоминания, зовущая в неведомые дали. Эльрик подавил в себе невольное желание подчиниться этому зову, но Йишана не смогла устоять перед ним. Щеки ее пылали, губы дрожали, из глаз текли слезы.

Эльрик, путешествуя по многим измерениям, не раз слышал подобную музыку, характерную и для многих мельнибонийских симфоний. Она не оказала на него такого действия, как на Йишану. Понимая, что королеве грозит опасность, он схватил ее коня за уздечку.

Йишана мгновенно ударила его по руке хлыстом, пришпорила коня, в несколько секунд очутилась на вершине холма и скрылась из виду.

— Йишана! — в отчаянии закричал альбинос, но музыка заглушила звуки его голоса. Эльрик оглянулся, надеясь, что Телеб К'аарна придет ему на помощь, но колдун во весь опор скакал обратно по дороге, ведущей к сожженному городу.

Альбинос кинулся вдогонку за Йишаной. Неподалеку от цитадели копыта ее лошади начали ступать не по земле, а по волнам переливающегося света. Внезапно Эльрик увидел не одну, а десять Йишан, входящих в десять ворот цитадели. Иллюзия была настолько полной, что невозможно было отличить настоящую женщину от ее отражений.

Внезапно музыка стихла. Эльрику показалось, что кто-то негромко рассмеялся. Альбинос спешил, ноги его по щиколотки погрузились в розовый туман. Испуганная лошадь, хрипя и бешено вращая глазами, умчалась прочь.

Эльрик положил левую руку на рукоять «Повелителя Бурь», задумался. Если он обнажит рунный меч, тот потребует принести ему в жертву чью-нибудь душу, прежде чем позволит вложить себя в ножны. Эльрик вздохнул, сделал шаг вперед. «Повелитель Бурь» задрожал, ножны дернулись.

— Подожди, — сказал своему мечу альбинос. — Пока еще неизвестно, с кем нам предстоит сражаться.

Он продолжал идти, окутанный серебряными, голубыми, красными, зелеными, желтыми, золотыми волнами света. Он не понимал, куда идет, ничего не видел вокруг. Подобные ощущения он испытывал, когда путешествовал по измерениям Хаоса. Исчезло пространство, исчезло время, он словно плыл против течения, и мысли в его голове путались.

Понимая, что так продолжаться не может, он все-таки решил вынуть рунный меч из ножен. Пусть Хаос борется против Хаоса!

Альбинос вновь положил руку на рукоять «Повелителя Бурь», неожиданно почувствовал необычайный прилив сил. Меч буквально вылетел из ножен; по черному лезвию, испещренному рунами, заструилось черное сияние. Разноцветные волны расступились.

Из груди Эльрика вырвался боевой клич его предков. Теперь он ясно видел истинный вход в цитадель, а не его отражения. Рубя рунным мечом по танцующим туманным образам, он бросился к открытой двери, на мгновение остановился на пороге, припоминая заклинание, которое могло ему

пригодиться. Губы его беззвучно шевелились. Ариох, Повелитель Хаоса, покровитель Императоров Мельнибонэ, был капризным божеством. Вряд ли Эльрик мог рассчитывать сейчас на его помощь, разве что...

По длинному коридору величавыми прыжками к альбиносу приближался зверь с густой золотистой шерстью. Его красные глаза горели, как угли, но он смотрел в одну точку и, казалось, был слеп. В нескольких шагах от Эльрика зверь остановился, открыл пасть, обнажив изогнутые красные клыки, присел на задние лапы и взвился в воздух.

Эльрик попятился, взмахнул мечом...

Тяжелое тело навалилось на него, прижало к земле. Внезапно Эльрик почувствовал, что начинает цепенеть от холода.

Он попытался скинуть с себя ледяного зверя. «Повелитель Бурь» тихонько застонал, проколол чудовищу шкуру. Холодная энергия влилась в тело альбиноса. Зверь прижался к нему еще сильнее, из его пасти вырвался жалобный протяжный звук. Видимо, небольшая рана причинила ему боль.

Коченея от холода, Эльрик вновь нанес чудовищу удар рунным мечом. И вновь зверь жалобно завыл, а Эльрик почувствовал прилив могучей ледяной силы. Он напряг мышцы, с легкостью сбросил с себя обжигающее холодом существо, которое, скуля, как побитый пес, поползло по коридору. Альбинос вскочил на ноги, занес рунный меч над головой, с размаху опустил черное лезвие на покрытый золотистым мехом череп, расколовшийся, как глыба льда.

Альбинос побежал по коридору, слыша со всех сторон громкие крики, визг и стоны. Пол круто уходил вверх, напоминая склон холма. Эльрик остановился, посмотрел вниз, задрожал от ужаса, увидев бездонную пропасть, заполненную извивающимися полосками света, от которых почти невозможно было оторвать взгляд. Он почувствовал, как его тянет в эту пропасть, с трудом справился с желанием броситься в нее, вновь пошел вперед.

Наверху тоже извивались полоски света: зеленые, голубые, желтые, темно-красные, черные, оранжевые. Внезапно Эльрик очутился перед узким мостиком над пропастью, в конце которого сиял голубым светом проход под аркой. Двигаясь с крайней осторожностью, он прошел по мостику, миновал арку. Все вокруг, включая его самого, было голубым.

«Повелитель Бурь» тихонько застонал, и Эльрик тут же пригнулся, посмотрел по сторонам. Справа от него появился еще один проход под аркой, на этот раз темно-красный. Голубой и красный смешивались друг с другом, превращаясь в лиловый цвет, производящий такой же гипнотический эффект, как извивающиеся полоски в пропасти. И вновь Эльрик справился с собой, заставил себя пройти сквозь темно-красную арку. В ту же секунду слева от него появился зеленый проход через арку, справа — желтый, впереди — лиловато-розоватый. Разноцветные лучи били в Эльрика, как в мишень. Он ударил по ним рунным мечом, и черное сияние на мгновение затмило калейдоскоп красок. Стиснув зубы, Эльрик пошел дальше.

Перед ним появилась фигура, похожая на человеческую, но гигантских размеров. Однако подойдя ближе, Эльрик понял, что непонятное существо даже меньше ростом, чем он сам, хотя, глядя на него, создавалось впечатление чего-то необъятного, как будто оно действительно было огромным, а альбинос вдруг увеличился до его размеров.

Существо кинулось на Эльрика, прошло сквозь него. Оно казалось плотным, осязаемым, а альбинос, напротив, чувствовал себя бестелесным духом. Великан повернулся, лицо его исказилось злобой, он протянул к Эльрику огромную руку. Эльрик взмахнул «Повелителем Бурь», нанес удар и замер на месте, пораженный до глубины души. Черное лезвие отскочило от груди гиганта, как резиновый мячик от стенки.

Руки существа сомкнулись на Эльрике, прошли сквозь него. Альбинос попятился, облегченно вздохнул и тут же вздрогнул, увидев, что свет тоже свободно проходит сквозь его тело. Он действительно стал бестелесным духом!

Чувствуя, что может сойти с ума, Эльрик повернулся и побежал вперед.

Внезапно он очутился в зале, стены и потолок которого переливались такими же разноцветными

полосками, что и весь дворец. В центре зала, держа на ладони крохотных, копошащихся человечков, сидел карлик. Подняв голову, он посмотрел на Эльрика и ухмыльнулся.

— Приветствую тебя, Император Мельнибонэ. Как поживаешь, последний повелитель любимой мною земной расы?

На карлике был разноцветный шутовской наряд. Голову его украшала высокая, похожая на колпак, корона — пародия на короны могущественных Повелителей Хаоса. Большой рот выглядел нелепым на его угловатом лице.

— Здравствуй, рыцарь Бало. — Эльрик отвесил ему шутливый поклон. — Какое странное гостеприимство оказываешь ты повелителю любимой тобою расы.

— Ха! Моя шутка пришлась тебе не по вкусу? Впрочем, людям куда труднее угодить, чем богам. Ты согласен со мной?

— У людей не так сильно развито чувство юмора. Где королева Йишана?

— Позволь и мне развлекаться так, как я хочу, смертный. Кажется, это она. — Бало указал на одну из крошечных фигурок, копошащихся у него на ладони. — С ними намного проще управляться, когда они маленькие, — доверительным тоном сообщил он.

— Несомненно. Однако я думаю, это не они меньше нас, а мы больше их.

— Ты проницателен, смертный. Но догадываешься ли ты, каким образом можно этого добиться?

— Твои бездонные пропасти... полосы света... проходы под арками... они преобразуют что-то... но что именно?

— Массу, Император Мельнибонэ, но тебе не понять этой концепции. Даже мельнибонийцы, полубоги и самые разумные из смертных, управляя духами огня, воды, земли и воздуха с помощью заклинаний, так и не поняли, какими силами они управляют. И в этом они отличаются от богов Высших Измерений, которые знают, что делают.

— Я прекрасно могу обходиться без заклинаний, потому что сумел подчинить разум своей воле!

— Это тебе, конечно, помогло, но ты забываешь о своем великом помощнике... я имею в виду этот раздражающий меня меч, который висит у тебя на поясе. Ты пользуешься им для решения своих жалких проблем, а это все равно, что бить из гарпунов кильку! Твой рунный меч обладает силой и могуществом в любом измерении, Император Эльрик!

— Может быть. Меня это не интересует. Зачем ты явился на Землю, рыцарь Бало?

Шут усмехнулся, потом музыкально расхохотался:

— Моим повелителям не понравилась моя шутка об их эгоизме, гордости и ничтожестве. Боги не любят, когда им говорят о том, что они тоже не вечны, и поэтому мой фарс не имел успеха. Тогда я сбежал на Землю, где по своей воле не могут появиться ни Повелители Закона, ни Повелители Хаоса. Тебе, как истинному мельнибонийцу, мой замысел должен понравиться, Эльрик: я намерен создать на Земле свое королевство — Королевство Парадоксов. Немного Закона, немного Хаоса, — а в результате получится веселая и забавная борьба противоположностей.

— Мне кажется, мы уже живем в том мире, который ты собираешься создать, рыцарь Бало! Не пропадут ли твои усилия даром?

— Для мельнибонийца ты шутишь слишком серьезно, Император Эльрик.

— Что делать, при некоторых обстоятельствах я становлюсь скучен. Ты освободишь нас с Йишаной?

— Но мы с тобой — великаны, я сделал тебя почти что богом! Почему бы нам не поразвлечься вместе?

— К сожалению, рыцарь Бало, я не обладаю таким чувством юмора, как ты, и не подхожу на роль бога. К тому же мне кажется, что Повелители Высших Измерений вряд ли посмотрят сквозь пальцы на твои выходки, которые могут помешать их планам.

Бало засмеялся, но ничего не ответил.

Эльрик тоже улыбнулся, делая вид, что абсолютно спокоен, но мысли его неслись вскачь.

— Что ты намерен предпринять, если я откажусь от твоего предложения? — спросил он.

— Но ведь ты не откажешься, Эльрик! Я мог бы сыграть с тобой много злых шуток...

— Правда? Несмотря на мой рунный меч?

— Ах, да...

— Бало, желая от души повеселиться, ты многого не учел. Тебе следовало приложить больше усилий, чтобы убить меня как только я здесь появился. — Красные глаза Эльрика засверкали, он поднял Повелителя Бурь над головой, громко вскричал: — *Ариох! Господин мой! Я вызываю тебя, Повелитель Хаоса!*

Бало вздрогнул.

— Прекрати, Император Эльрик!

— *Ариох, здесь находится душа, которая принадлежит тебе по праву!*

— Замолчи, говорю тебе!

— *Ариох! Услышь меня!*

Бало сбросил крошечных человечков на пол, быстро встал с кресла.

— Тебя никто не услышит! — Он засмеялся, потянулся за Эльриком. «Повелитель Бурь» застонал, черное сияние заструилось по его лезвию, и шут торопливо отдернул руку. На лице его появилось озабоченное выражение, он нахмурился.

— *Ариох, Повелитель Семи Кругов Тьмы, твой слуга призывает тебя!*

Стены из разноцветных полосок потускнели. Расширившимися от ужаса глазами Бало огляделся по сторонам.

— *Ариох! Приди за своим заблудшим Бало!*

— Ты не имеешь права! — взвизгнул карлик, кидаясь к стене, которая растаяла в воздухе, обнажив проход в черную пустоту.

— Как это ни прискорбно для тебя, малышка-шут, он имеет на это право, — сказал мелодичный прекрасный голос, и высокая фигура вышла из темноты на свет. Согласно обычаю, Повелитель Хаоса появился на Земле в человеческом облике, но необычайная красота незнакомца, выражение его лица, — надменное, гордое, жестокое и слегка печальное, — говорили о том, что он не мог быть человеком. На нем был переливающийся алый камзол, брюки, все время меняющие цвет; на его поясе висел золотой меч в золотых ножнах. У него были огромные, чуть раскосые глаза, длинные золотистые волосы, изящно очерченный рот, выдающийся вперед подбородок.

— Ариох! — воскликнул Бало, попятившись.

— Ты допустил ошибку, Бало, — сказал Эльрик из-за спины шута. — Разве ты не знал, что Императоры Мельнибонэ, и только они одни, имеют право вызывать Ариоха на Землю? Эта привилегия была дарована нам много веков назад.

— И ты неоднократно пользовался ею в своих корыстных целях, — произнес Ариох, слегка улыбнувшись. — Однако услуга, которую ты оказал мне сегодня, с лихвой окупает твои прошлые ошибки.

Эльрик чувствовал себя жалким муравьем по сравнению с могущественным Повелителем Хаоса, но одновременно он испытывал облегчение, так как вовсе не был уверен, что ему удастся вызвать Ариоха на Землю. Альбинос много раз обращался к нему за помощью, и не раз получал ее, но впервые бог сам явился по его зову.

Ариох двумя пальцами поднял шута за шиворот. Бало извивался в воздухе, лицо его перекошилось от ужаса. Повелитель Хаоса сдавил голову карлика, которая тут же стала уменьшаться в размерах, затем

согнул ему ноги, начал мять своими нежными изящными руками, пока он не превратился в маленький шарик. Изумленный Эльрик смотрел, как бог Хаоса бросил шарик себе в рот и проглотил его.

— Не бойся, Эльрик, я не съел Бало, — пояснил Ариох, вновь слегка улыбнувшись. — Сейчас я перемещу его в другое измерение, где он будет наказан за свои грехи. То, что произошло, — он помахал рукой, — не согласуется с нашими планами в отношении Земли; планами, в которых ты, наш верный слуга, играешь важную роль. Тебя ждут почет и слава, Эльрик.

— Это большая честь для меня, мой повелитель, но я не ищу ничьих милостей.

Голос Ариоха потерял свою мелодичность, лицо его на мгновение затуманилось.

— Ты обречен служить Хаосу, Эльрик, так же, как ему служили твои предки. И ты будешь служить Хаосу! Приближается время, когда Закон и Хаос сойдутся в решительной битве за Землю, и Хаос победит Закон! Земля станет частью нашего Королевства, а ты превратишься в одного из нас, бессмертных богов Хаоса!

— Бессмертие не прельщает меня, мой повелитель.

— Ах, Эльрик, неужто мельнибонийцы превратились в полуобезьян, которые сейчас расплодились в этом мире и создали свою жалкую «цивилизацию»? Подумай, что мы тебе предлагаем!

— Обязательно, мой повелитель, но не раньше чем придет время, о котором ты говоришь.

— Оно придет. — Ариох воздел вверх руки. — А теперь пора отправить дурачка Бало, куда полагается, и уничтожить следы его пребывания на Земле, пока наши противники не узнали, что здесь произошло. — Голос Повелителя Хаоса зазвучал, как миллионы маленьких колокольчиков, и Эльрик, вложивший меч в ножны, невольно зажал уши ладонями.

Внезапно он почувствовал, что тело его увеличивается в размерах, становится бесконечным, невесомым, превращается в дым, который постепенно начинает сгущаться, приобретать плотность. Вокруг него плыли разноцветные облака, сверкали молнии, раздавались непонятные звуки. Неожиданно наступила темнота, и он закрыл глаза...

...А когда открыл их, увидел под своими ногами зеленую траву долины. Поющая цитадель исчезла, неподалеку от него стояли Йишана и солдаты, недоуменно оглядывающиеся по сторонам. Йишана подбежала к нему.

— Эльрик... это ты меня спас?

— Не могу похвастаться, что действовал в одиночку.

— А куда подевались мои остальные солдаты? — спросила Йишана. — И где деревенские жители?

— Если у Бало такие же вкусы, как у его господ, боюсь, они стали частью полубога. Повелители Хаоса, естественно, не едят мяса, будучи обитателями Высших Измерений, но они находят в людях нечто притягательное...

Йишана обняла себя руками за плечи, задрожала, словно от холода.

— Он был великаном... я не понимала, как ему удалось поместиться в цитадели...

— Она простиралась на несколько измерений и к тому же постоянно меняла форму. Ариох забрал с собой и Бало, и цитадель.

— Ариох! Один из шести великих Повелителей Хаоса! Неужели он здесь был?

— Да. Еще мои далекие предки заключили с Ариохом договор, согласно которому он имел право появляться на короткое время на Земле, когда они вызывали его. Взамен Повелитель Хаоса обещал помогать им в трудные минуты.

— Пойдем, Эльрик. — Йишана взяла его за руку. — Мне не хочется оставаться в этой долине.

Они начали медленно подниматься на холм. Эльрика покачивало от усталости, Йишана поддерживала его за локоть, солдаты шли за ними гурьбой. Им хотелось поскорее попасть в ближайшую деревню, где можно было как следует отдохнуть перед возвращением в Дакос.

Глава пятая

Они проходили мимо уничтоженного огнем Такора, когда Йишана внезапно указала рукой на небо.

— Что это?

По направлению к ним летело какое-то существо, похожее на огромную бабочку, крылья которой затмевали солнце.

— Неужели одно из созданий Бало осталось на Земле? — с ужасом спросила Йишана.

— Вряд ли. Оно не похоже на зверя Хаоса. Скорее...

— Телеб К'аарна! — воскликнула Йишана. — Это его рук дело!

— Он превзошел самого себя, — сухо сказал Эльрик. — Никогда не думал, что этот болтун на что-нибудь способен.

— Он мстит нам, Эльрик!

— Вполне возможно. Но я слишком слаб, Йишана, а «Повелитель Бурь» нуждается в душах, чтобы передать мне частичку своей силы. — Он оглянулся, внимательно посмотрел на солдат, растерянно наблюдавших за приближающимся существом с человеческим туловищем, покрытым павлиньими перьями.

Пятидесятифутовые крылья, по сравнению с которыми семифутовое тело казалось крошечным, со свистом разрезали воздух. На голове у чудовища росли изогнутые рога, мощные лапы заканчивались длинными когтями.

— Мы погибли, Эльрик! — вскричала Йишана, глядя, как ее солдаты разбегаются в разные стороны. Альбинос стоял неподвижно. Он понимал, что в одиночку ему не справиться с гигантской бабочкой.

— Уходи, Йишана, — пробормотал он. — Зачем нам умирать вместе?

— Нет!

Чудовище приземлилось, заскользило по траве, и Эльрик, позабыв о Йишане, пошел к нему навстречу. Он вытащил из ножен непривычно тяжелый рунный меч, который даже не задрожал в его руке. Альбинос почувствовал небольшой прилив сил, но их было явно недостаточно. Он надеялся, что ему удастся хотя бы ранить чудовище, чтобы воспользоваться его энергией.

Лицо зверя исказилось от ненависти, он пронзительно закричал, и Эльрик понял, что видит перед собой не сверхъестественное существо, а заколдованного человека, которого заклинания Телеба К'аарны превратили в страшное орудие его мести. Если б альбинос не был так слаб, ему ничего не стоило бы убить обычного смертного, но сейчас...

Он взял рунный меч двумя руками, ударил по шее чудовища, которое быстро сложило крылья, обхватив ими черное лезвие. Длинный коготь впился в руку Эльрика, разорвал ее до кости. Закричав от боли, он с трудом вытащил «Повелителя Бурь» из массы разноцветных перьев, а существо тем временем поволокло его к себе, наклонив голову и выставив вперед острые рога. Эльрик сопротивлялся, стиснув зубы; мысль о неизбежной смерти придала ему сил.

Внезапно из-за его спины с громким криком выскочил человек, размахивающий двумя саблями. Не медля ни секунды, он атаковал гигантскую бабочку, ударил одной из сабель по мощной лапе. Дико взвизгнув, чудовище напало на спасителя Эльрика.

Это был Мунглам. Альбинос упал; хриплое дыхание со свистом вырывалось у него из груди. Помутневшими глазами он смотрел, как его друг сражается, не щадя себя.

Понимая, что Мунгламу долго не выстоять, Эльрик лихорадочно пытался вспомнить какое-нибудь заклинание, а вспомнив его, вдруг подумал, что у него не хватит сил вызвать того, кто должен прийти ему на помощь.

Неожиданно альбиноса осенило. Йишана! Она устала меньше, чем он. Только бы получилось!

Мунглам с трудом сдерживал натиск зверя: сабли мелькали в воздухе, почти не причиняя ему вреда. Эльрик повернул голову.

— Йишана! — позвал он.

Она подбежала к нему, опустилась перед ним на колени.

— Бежим, Эльрик! Быть может, нам удастся спастись...

— Нет. Я должен помочь Мунгламу. Послушай, ты понимаешь, что наше положение безнадежно? У нас есть всего один шанс, и я хочу его использовать. Я научу тебя заклинанию, и ты будешь читать, его вместе со мной. Скажи, в этих краях водятся ящерицы?

— Да... да, конечно.

— Тогда начнем, и помни, что слуга Телеба К'аарны уничтожит нас, если мы не добьемся успеха.

В измерении между пространствами, где обитают сверхсущества всех живых особей, за исключением человека, Тот, кого звали Хааашаастаак, зашевелился, услышав свое имя. У Хааашаастаака было холодное, покрытое твердой чешуей тело, он не умел мыслить, подобно людям и богам, но обладал чувствами, которые служили ему куда лучше, чем разум. Он являлся братом таких сверхсуществ, как Миирклар, Повелитель Кошек, Рууфдрак, Повелитель Собак, Нуруаш, Повелитель Коров, и многих других. Сам Хааашаастаак был Повелителем Ящериц. Он, конечно, не понимал слов, которые слышал, но ритм, в котором они произносились, многое для него значил, хоть он и не знал почему. Впрочем, ритмично повторяющиеся строки звучали почти неслышно. Хааашаастаак повернулся на другой бок, зевнул...

Хааашаастаак,
ты всемогущ, это так
Повелитель всех рептилий,
Прародитель всех людей,
Помоги врага осилить
И потомка пожалей.
Хааашаастаак,
ты всемогущ, это так.
Чешуя твоя — твердыня,
Кровь — холодная, как лед.
Мы умрем, навечно сгинем,
Если помощь не придет.
Хааашаастаак,
ты всемогущ, это так.

Это была странная сцена: Йишана и Эльрик вновь и вновь повторяли заклинание, а Мунглам отчаянно сражался, с каждой минутой теряя силы.

Хааашаастаак заворочался, приподнял голову. Его разоблало любопытство. Он решил отправиться в тот мир, где жили его подопечные. Повелитель Ящериц знал, что, ответив на заклинание, он должен будет подчиниться тому, кто его произнес. Но он не догадывался, что все его действия были запрограммированы в те далекие времена, когда Земля еще не была сотворена, а Повелители Закона и Хаоса, которых никто так тогда не называл, жили в одном измерении, вместе создавали живую и неживую материю и старались соблюсти определенный порядок, строго следуя указаниям Космического Равновесия, которое с тех пор не произнесло ни единого слова.

Хааашаастаак встряхнулся и довольно неуклюже переместился на Землю.

Эльрик и Йишана читали заклинание хриплыми голосами, когда Повелитель Ящериц появился перед ними. Он был похож на огромную игуану с глазами из множества драгоценных камней, переливающихся всеми цветами радуги, и чешуей из золота, серебра и других драгоценных металлов. Хааашаастаака окружила туманная дымка, словно он переместился на Землю вместе с частью своего мира между

измерениями.

Йишана вскрикнула от ужаса, но Эльрик облегченно вздохнул. Будучи ребенком, альбинос выучил языки всех Повелителей Зверей и сейчас, находясь перед лицом смертельной опасности, с легкостью вспомнил язык Повелителя Ящериц.

— *Хааашаастаак!* — вскричал он, указывая на человека-бабочку. — *Мохим анхум!*

Хааашаастаак медленно повернул голову. Разноцветные глаза сверкнули, длинный язык вылетел из пасти, как молния, обвился вокруг зверя, который дико закричал и захлопал крыльями. Не прошло и нескольких секунд, как Хааашаастаак сомкнул челюсти на создании Телеба К'аарны, проглотил его, неуверенно огляделся и исчез так же внезапно, как появился.

Только теперь Эльрик почувствовал, как сильно болит у него рука. Мунглам, ухмыляясь, подошел к нему, вложил сабли в ножны.

— Я ехал за вами на некотором расстоянии, как мы договорились, — сказал он. — Ты был прав, считая, что Телеб К'аарна предаст вас. Когда вы расстались, он скрылся в пещере неподалеку, — Мунглам указал рукой на холмы, — а затем оттуда вылетел этот жуткий зверь, и я решил проследить, куда он держит путь. — Он вновь ухмыльнулся. — Мне почему-то показалось, что он направляется в вашу сторону.

— Я рад, что интуиция тебя не подвела, — сказал Эльрик.

— Я-то здесь при чем? Если б ты не заподозрил Телеба К'аарну, меня бы не оказалось с вами в нужную минуту.

Внезапно у Мунглама подкосились ноги, он упал на землю и потерял сознание.

Эльрик тоже окончательно лишился сил.

— Я думаю, мы можем на время забыть о Телебе К'аарне, — устало произнес он. — Сейчас его можно не бояться. Давайте как следует отдохнем, а если эти трусливые солдаты вернутся, пошлем их в ближайшую деревню за лошадьми.

Йишана легла на траву рядом с Эльриком, и они заснули, обнявшись.

Проснувшись, Эльрик понял, что лежит в теплой мягкой постели. Он удивленно открыл глаза, увидел перед собой улыбающиеся лица Мунглама и Йишаны.

— Долго я спал?

— Около трех дней. Ты не проснулся, когда солдаты привели лошадей, и я велела соорудить носилки и отвезти тебя в Дакос. Сейчас ты находишься в моем дворце.

Эльрик осторожно пошевелил забинтованной рукой, поморщился от боли.

— А где мои вещи? В гостинице?

— Если их не украли. Зачем они тебе?

— Я вожу с собой травы, которые помогли бы мне хоть немного собраться с силами и заодно вылечили бы руку.

— Пойду проверю. — Мунглам вышел из комнаты.

Йишана потрепала Эльрика по волосам.

— Я многим обязана тебе, Белый Волк, — сказала она. — Ты спас мое государство, а может, и все Молодые Королевства от неминуемого уничтожения. В моих глазах ты искупил свою вину за смерть брата.

— Благодарю тебя, великодушная госпожа, — с издевкой в голосе произнес Эльрик.

Йишана весело рассмеялась.

— Ты истинный мельнибониец!

— Это верно.

— Как странно сочетаются в тебе чувственность и жестокость, цинизм и преданность своему другу-коротышке. Надеюсь, со временем я пойму тебя окончательно, сир.

— Боюсь, тебе не представится такой возможности.

Йишана нахмурилась.

— Почему?

— Ты неполно определила мой характер. Тебе следовало добавить: «ко всему безразличный и мстительный». Я должен отомстить твоему бывшему любимцу.

— Но ведь ты сам говорил, что сейчас он не опасен!

— Только что ты сказала, что я мельнибониец. Моя голубая кровь требует, чтобы я отомстил выскочке!

— Забудь Телеба К'аарну. Я прикажу Белым Леопардам выследить его и загнать, как дикого зверя. Никакие заклинания не спасут колдуна от моих свирепых воинов!

— Забыть Телеба К'аарну? О, нет!

— Эльрик, Эльрик. — я отдам тебе свое королевство, объявлю тебя повелителем Джаркора, только позволь мне быть твоей любовницей.

Альбинос нежно провел пальцами по ее руке.

— Ты строишь воздушные замки, королева. Если ты поступишь подобным образом, в стране начнется восстание. Для твоих подданных я все еще Имрирский Предатель.

— Сейчас ты герой Джаркора.

— С чего ты взяла? Они не знают о том, что им угрожало, и поэтому не могут чувствовать ко мне признательности. Чем скорее я рассчитаюсь с твоим колдуном и уберусь восвояси, тем будет лучше. Город наверняка уже полон слухами, что ты спишь с убийцей своего брата. Не думаю, что сейчас ты пользуешься особой популярностью у народа, госпожа королева.

— Мне это безразлично.

— Вряд ли ты останешься безразличной, когда твои дворяне взбунтуются и распнут тебя голой на главной площади города.

— Ты хорошо знаком с нашими обычаями.

— Мы, мельнибонийцы, народ ученый.

— И искусный.

— Во всем, моя королева. — Он почувствовал, как сильно забилося его сердце, когда она встала и заперла дверь на засов. В эту минуту ему не нужны были травы, за которыми Мунглам отправился в гостиницу.

Когда глубокой ночью Эльрик вышел на цыпочках из комнаты, Мунглам, терпеливо ожидавший его в прихожей, подмигнул ему и протянул мешочек с травами. Альбинос выглядел мрачным и угрюмым. Вынув из мешочка несколько пучков трав, он выбрал тот, который был ему нужен, и принялся сосредоточенно жевать. Мунглам поморщился.

Они незаметно покинули королевский дворец, оседлали своих коней. Мунглам скакал чуть впереди, указывая дорогу.

— Насколько я знаю колдунов из Пан Танга, — пробормотал Эльрик, — они быстро утомляются. Если мне повезет, я застану Телеба К'аарну спящим.

— В таком случае я подожду тебя у входа в пещеру, — сказал Мунглам, который не раз видел, как Эльрик мстит своим врагам и не хотел присутствовать при медленной смерти Телеба К'аарны.

Они скакали галопом, так что путешествие отняло у них совсем немного времени. Спешившись,

Эльрик бросил поводья Мунгламу, положил руку на рукоять меча и, крадучись, вошел в пещеру. Мунглам нервно оглядывался по сторонам, ожидая с минуты на минуту услышать крики колдуна, но ночную тишину не нарушал ни один посторонний звук. Небо постепенно светлело, а Эльрика все не было. Наконец, он вышел из пещеры и, ни слова не говоря, вырвал у Мунглама поводья и вскочил в седло.

— Все в порядке? — нерешительно спросил Мунглам.

— Нет! Этот пес улизнул!

— Но...

— Он оказался хитрее, чем я думал. Я обыскал цепь пещер и в последней из них обнаружил следы волшебных рун на стенах и полу. Колдун переместился куда-то, но хотя я разгадал большинство рун, мне не удалось понять, куда именно. Быть может, в Пан Танг.

— Значит, на этот раз тебе не удалось отомстить. Что ж, вернемся в Дакос и насладимся гостеприимством королевы Йишаны.

— Нет, мы отправимся в Пан Танг.

— Послушай, Эльрик, там живут одни колдуны, друзья Телеба К'аарны, а Джагрин Лерн, Первосвященник, запретил посторонним посещать остров.

— Не имеет значения. Я должен закончить начатое дело.

— Ты сам только что сказал, что Телеб К'аарна находится неизвестно где.

— *Не имеет значения!*

Эльрик взмахнул хлыстом и помчался вперед, словно был одержим дьяволом. Мунглам задумчиво смотрел, как его друг скачет во весь опор, и невольно думал о том, что Йишана задела те струны в сердце альбиноса, о существовании которых тот стремился позабыть всеми силами своей души. Мунглам был уверен, что Эльрик отказался вернуться в Дакос вовсе не потому, что жаждал немедленно отомстить Телебу К'аарне.

Мунглам пожал плечами, пришпорил коня и поскакал вслед за последним Императором Мельнибонэ, не сомневаясь, что, удалившись от Дакоса на достаточное расстояние, альбинос откажется от мысли немедленно отправиться на Пан Танг.

Эльрик же вообще ни о чем не думал. На него нахлынули чувства, в которых он не хотел разбираться. Молочно-белые волосы струились за его спиной, мертвенно-бледное лицо было, как каменное, холеные руки крепко сжимали поводья. И только в странных красных глазах отражалось страдание и та битва, которую альбинос пытался выиграть у самого себя.

На следующее утро в Дакосе еще в одной паре глаз появилось страдальческое выражение, которое, однако, быстро прошло. Йишана была практичной королевой.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОХИТИТЕЛЬ ДУШ

Глава первая

В городе Вакшаане, по сравнению с которым все города северо-востока казались жалкими деревушками, в таверне с высоким потолком сидел Эльрик, Повелитель руин Мельнибонэ. Он усмехался, по-волчьи обнажив зубы, и сухо шутил с четырьмя купцами, которых собирался через день-другой сделать нищими.

Мунглам, товарищ Эльрика, смотрел на него с восхищением и беспокойством. Альбинос редко смеялся и шутил, но никогда еще он не веселился в компании купцов. Это было неслыханно! На всякий случай Мунглам поздравил себя с тем, что является другом Эльрика и принялся гадать, чем закончится сегодняшний вечер. Как всегда, альбинос не посвятил его в свои планы.

— Мы нуждаемся в твоих услугах, милорд Эльрик, и готовы хорошо тебе заплатить, — осторожно сказал сухощавый, безвкусно одетый Пилярмо, вызвавшийся вести переговоры с альбиносом от имени всех четверых купцов.

— Чем же вы мне заплатите, господа? — вежливо спросил Эльрик, все еще улыбаясь.

Брови купцов изумленно поползли вверх. Пилярмо растерянно помахал рукой в воздухе, отгоняя табачный дым. В таверне сидели всего шесть человек, но было накурено.

— Мы можем рассчитаться с тобой золотом... или драгоценными камнями.

— Цепями, — сказал Эльрик. — Для нас, путешественников, богатство — цепи, отнимающие свободу.

Мунглам слегка наклонился, по выражению его лица было ясно видно, что он абсолютно не согласен с высказыванием своего друга.

Пилярмо и трое купцов недоуменно уставились на альбиноса.

— В таком случае назови свою цену.

— Со временем. — Эльрик улыбнулся. — Прежде чем говорить на эту тему, я хотел бы узнать, что именно вы мне предлагаете.

Пилярмо откашлялся, переглянулся со своими товарищами. Они кивнули, каждый по очереди.

— Ты не можешь не знать, милорд Эльрик, — начал Пилярмо, — что в нашем городе существует сильнейшая конкуренция. Многие купцы соперничают друг с другом, стремясь продать свои товары. Бакшаан — город богатый, жители его живут в достатке.

— Мне это известно, — согласился Эльрик, считавший жителей Бакшаана овцами, а себя — волком, которому предоставился случай хорошо пожить. Глаза альбиноса весело блеснули. Мунглам усмехнулся.

— В нашем городе торгует один человек, скупивший множество складов и лавок, — продолжал Пилярмо. — Он снаряжает большие, прекрасно вооруженные караваны и поэтому имеет возможность привозить в Бакшаан много товаров и продавать их по низким ценам. Короче говоря, он — вор, пользуется нечестными методами и рано или поздно разорит нас всех. — На лице Пилярмо отразились неподдельные возмущение и обида.

— Ты говоришь о Никорне из Ильмара? — спросил Мунглам из-за спины Эльрика.

Пилярмо молча кивнул.

Эльрик нахмурился.

— Этот человек сам ведет свои караваны, подвергается опасностям в пустынях, лесах и горах. Он —

храбрец, и заслужил всего, чего добился с таким трудом.

— Это не имеет отношения к делу! — вскричал толстяк Тормиель, и его жирные напудренные щеки затряслись от гнева.

— Да, да, конечно, — успокаивающе сказал красноречивый Келос и потрепал Тормиеля по руке. — Но храбрость вызывает восхищение у каждого из нас, верно? — Его товарищи согласно закивали головами. Молчаливый Дейнстаф, последний из четырех купцов, откашлялся, тряхнул нечесаными волосами, положил руку на эфес очень красивой, но бесполезной в бою шпаги и расправил плечи. — Тем не менее, — продолжал Келос, с одобрением глядя на Дейнстафа, — Никорн ничем не рискует, продавая товары по низкой цене, а мы скоро вконец разоримся.

— Никорн — заноза в нашем здоровом теле, — зачем-то уточнил Пилярмо.

— И вам, господа, требуется, чтобы я и мой друг вытащили эту занозу?

— Грубо говоря, да. — Пот градом катился по лицу Пилярмо. Совершенно очевидно, он до полусмерти боялся улыбающегося альбиноса. Легенды об Эльрике и его приключениях рассказывались со всевозможными страшными подробностями во всех городах Молодых Королевств, и только крайняя нужда заставила купцов обратиться к нему за помощью.

— Мы хотим лишить Никорна могущества, а если это означает, что его придется убить, что ж... — Пилярмо пожал плечами, заискивающе улыбнулся, напряженно глядя на альбиноса.

— Наемных убийц найти нетрудно, особенно в Бакшаане, — заметил Эльрик.

— Э-э... верно. Но у Никорна есть своя армия. К тому же он взял на службу колдуна, который с помощью заклинаний сделал его дворец неприступным. А на тот случай, если колдовство не поможет, все входы и выходы охраняет отряд воинов-кочевников. Наемные убийцы не раз пытались устранить Никорна, но до сих пор им не везло.

Эльрик рассмеялся.

— Как это печально, друзья мои. Впрочем, убийцы не пользуются успехом в обществе, не так ли? Возможно, их заблудшие души понравились какому-нибудь демону, которому пришлось бы, не насытись он вовремя, охотиться за душами честных людей.

Купцы вежливо засмеялись, Мунглам отвернулся, не в силах удержаться от улыбки.

Эльрик наполнил бокалы. В Бакшаане было запрещено торговать вином, которое они пили: слишком много людей сходили от него с ума. Эльрик поднес к губам бокал, осушил его, удовлетворенно вздохнул. Купцы осторожно отхлебнули по маленькому глоточку, жалея, что связались с альбиносом. Каждый из них чувствовал, что слухи о человеке, к которому они обратились за помощью, не преувеличены, а преуменьшены.

Эльрик вновь наполнил свой бокал, с наслаждением выпил. Любой другой на его месте давно превратился бы в полного идиота, но на альбиноса почти не подействовал желтый напиток, который люди употребляли в надежде увидеть иные миры. Эльрик, напротив, пил, чтобы не видеть снов.

— Кто же этот могущественный колдун, которого взял на службу Никорн? — насмешливо спросил он.

— Его зовут Телеб К'аарна.

Красные глаза альбиноса недобро блеснули.

— Волшебник с острова Пан Танг?

— Да.

Эльрик поставил бокал на стол, поднялся на ноги, теребя рукоять своего рунного меча, «Повелителя Бурь».

— Я помогу вам, господа, — твердо сказал он, решив про себя, что не будет грабить купцов. В голове у него созрел другой план.

Телеб К'аарна, — подумал последний Император Мельнибонэ. — Значит, вот где твоя нора,

колдун.

Телеб К'арна судорожно вздохнул, застонал. Даже не верилось, что высокий, одетый в алую мантию человек с серьезным лицом, украшенным черной бородой, может издавать столь непристойные звуки.

Телеб К'арна судорожно вздохнул, застонал, перекатился на бок, влюбленными глазами посмотрел на женщину, лежавшую рядом с ним на кушетке. Он неуклюже поцеловал ее, что-то прошептал в ухо. Женщина рассеянно улыбнулась и погладила его по волосам, — так гладят домашнюю собаку или кошку.

— Ты глуп, несмотря на свои знания, Телеб К'арна, — пробормотала она, глядя из-под приспущенных век на оранжево-зеленые ковры, висевшие на стенах ее спальни. В голову ей пришла мысль, что женщине ничего не остается, как повелевать мужчиной, если он окажется в ее власти.

— Йишана, ты ведьма, — прерывающимся от страсти голосом прошептал колдун, — и все знания в мире не стоят твоей любви. Я люблю тебя, Йишана. — Телеб К'арна говорил прямо, просто, не понимая женщины, которая лежала рядом с ним. Он побывал в самой преисподней и вернулся оттуда, не лишившись разума; он знал тайны, которые свели бы с ума обычного человека; но он был новичком в искусстве любви. — Я люблю тебя, — повторил колдун, удивляясь, что она не обращает на него внимания.

Йишана, королева Джаркора, оттолкнула Телеба К'арну, скинула красивые голые ноги на пол, села на кровати. Она не отличалась красотой, молодость ее давно прошла, но было в ней что-то такое, от чего мужчины теряли рассудок. Йишана одернула подол переливающегося шелкового платья, грациозно встала, подошла к зарешеченному окну и уставилась на темное небо, по которому ветер быстро гнал тучи. Колдун, прищурившись, удивленно посмотрел на нее, разочарованный тем, что она не захотела еще раз ответить на его ласки.

— Что случилось?

Йишана продолжала смотреть на зловещее небо, на черные облака, похожие на гигантских чудовищ. Над Бакшааном разыгрался шторм.

Телеб К'арна повторил свой вопрос, и вновь Йишана ничего ему не ответила. Колдун сердито поднялся на ноги, запахнулся в алую мантию, подошел к окну.

— Давай уедем отсюда, Йишана, пока не поздно. Если Эльрик узнает, что мы здесь, нам несдобровать.

И вновь она не ответила, но ее большая грудь колыхнулась, а губы упрямо сжались. Лицо колдуна исказилось от ярости, он схватил ее за руку.

— Забудь этого ренегата и убийцу! Сейчас у тебя есть я! Чем тебе плохо со мной?

Йишана неприятно рассмеялась, резко повернулась к своему любовнику.

— Ты дурак, Телеб К'арна, и, как мужчина, не идешь ни в какое сравнение с Эльриком. Три долгих года прошло с тех пор, как он бросил меня, отправившись по твоему следу, но я до сих пор помню дикие наслаждения, которые он дарил мне безумными ночами. О боги! Как жаль, что нет второго такого, как он! После Эльрика у меня было много любовников, которых ты отпугивал своими заклинаниями или отправлял на тот свет, и каждый из них удовлетворял меня куда лучше, чем ты! — Она рассмеялась ему в лицо. — Мне скучно с тобой, Телеб К'арна!

Лицо колдуна потемнело от гнева, на его скулах заходили желваки.

— В таком случае, почему, ты позволила мне остаться с тобой? Я мог бы сделать тебя рабыней с помощью приворотного зелья, и ты прекрасно об этом знаешь!

— Но ты этого не сделаешь, а следовательно, *это ты — мой раб*, могущественный волшебник! Ты *любишь* меня, Телеб К'арна, и я согласилась жить с тобой, потому что ты часто бываешь мне полезен, но если б Эльрик вернулся...

Колдун отвернулся, дернул себя за бороду.

— Зачем же ты приехала ко мне в Бакшаан? Почему сделала регентом сына своего брата и

примчалась сюда по первому моему зову? Я не верю, что ты не испытываешь ко мне никаких чувств!

Йишана вновь рассмеялась.

— До меня дошли слухи, что человек с мертвенно-бледным лицом и красными глазами путешествует по северо-востоку. Вот почему я летела сюда, как на крыльях, Телеб К'аарна.

— Ты забыла, что этот человек виновен в смерти твоего брата! — вскричал колдун. — Ты спала с убийцей его и твоих близких! Он предал собственный народ, а затем трусливо удрал с поля боя, когда на эскадру напали драконы! На борту одного из кораблей находился твой брат, который сейчас лежит на дне морском!

Йишана устало покачала головой.

— Ты вечно заводишь разговор на эту тему, надеясь пристыдить меня. Да, я отдалась тому, кого можно считать убийцей моего брата, но Эльрик виновен в более страшных преступлениях, а я, несмотря на это, а может, благодаря этому, все равно люблю его! Твой упрек не достиг цели, Телеб К'аарна. А сейчас оставь меня, я хочу спать.

Выражение лица колдуна мгновенно изменилось.

— Прости меня, — сказал он прерывающимся голосом. — Позволь мне остаться.

— Уходи, — мягко ответила она.

Телеб К'аарна, могущественный колдун с острова Пан Танг, опустил голову и, мучаясь от сознания собственного бессилия, вышел из комнаты. Эльрик из Мельнибонэ находился в Бакшаане, а три года назад Эльрик поклялся страшными клятвами отомстить Телебу К'аарне. В сердце своем чернобородый колдун знал, кто из них двоих победит, если дело дойдет до поединка.

Глава вторая

Четверо купцов покинули таверну, завернувшись в черные плащи, сделавшие их неузнаваемыми. Они предпочитали, чтобы об их встрече с Эльриком никто даже не подозревал. Альбинос налил себе очередной бокал желтого вина, задумался. Без посторонней помощи он не мог захватить дворец Никорна, защищенный от нападения заклинаниями Телеба К'аарны. На Земле не было волшебника, равного Эльрику, но на борьбу с Телебом К'аарной ему придется истратить слишком много сил, после чего он уже не сможет войти во дворец, охраняемый свирепыми воинами-кочевниками.

Да, без посторонней помощи ему было не обойтись. И он знал, что должен обратиться за ней к тем, кто сейчас разбил лагерь в лесу к югу от Бакшаана. Но захотят ли они помочь ему? Эльрик посмотрел на Мунглама, медленно произнес:

— Я слышал, что небольшой отряд моих соотечественников, разграбив по дороге несколько больших городов, недавно перебрался из Вильмира на север. После того, как пять лет назад пал Имрирр, мельнибонийцы покинули Остров Драконов, превратились в скитальцев, часто предлагающих свои услуги в качестве наемников. Это я организовал рейд на Город Мечты, и им об этом известно, но если речь пойдет о богатой добыче, они могут согласиться мне помочь.

Мунглам хмыкнул.

— На твоём месте я не стал бы на них рассчитывать, Эльрик. Прости меня за откровенность, но то, что ты сделал, никогда не забудется. Твои соотечественники лишились родины, не по своей воле остались без крыши над головой. Когда Имрирр Прекрасный, древняя столица Мельнибонэ, был разрушен, тебя проклинал каждый его житель.

Эльрик усмехнулся.

— Возможно. Но я хорошо знаю свой народ. Мы, мельнибонийцы, древняя раса, славимся своей мудростью и редко позволяем чувствам брать верх над разумом, в особенности когда речь идет о нашем благосостоянии.

Мунглам иронически поднял брови, и Эльрик понял, о чем подумал его товарищ.

— Я — исключение из правила. Но сейчас Каймориль и мой брат покоятся в развалинах Имрирра, а мои страдания в какой-то мере искупили мою вину. Думаю, мои соотечественники это понимают.

Мунглам вздохнул.

— Будем надеяться, что ты прав. Кто командует отрядом мельнибонийцев?

— Мой старый друг, один из Повелителей Драконов, Хранитель Пещер. Его зовут Дайвим Твар.

— Кстати, что стало с драконами? Где они?

— Вновь спят в пещерах. Их можно будить не чаще одного-двух раз в столетие: на восстановление сил и запасов яда уходят долгие годы. Если б не эта их особенность, мельнибонийцы и сейчас правили бы миром.

— Твое счастье, что их могущество сломлено.

— Кто знает? — задумчиво сказал Эльрик. — Если я соглашусь стать предводителем нынешних скитальцев, мы еще сумеем создать новую Великую Империю, наподобие той, что создали наши предки.

Мунглам промолчал. В глубине души он был уверен, что завоевать Молодые Королевства будет не так-то просто. Мельнибонийцы были древней расой, жестокой и мудрой, но они вырождались. У них отсутствовала жизненная сила варваров, предки которых построили Имрирр Прекрасный и многие другие города Великой Империи. Повелители Драконов все еще купались в лучах былой славы, но дни их были сочтены.

— Мы поедem к Дайвиму Твару утром, — сказал альбинос. — Надеюсь, он вспомнит, что самолично уничтожил эскадру, напавшую на Имрирр, а также учтет угрызения совести, которые меня мучают, и проявит снисходительность.

— В таком случае, пойдем спать, — предложил Мунглам. — Мне необходимо отдохнуть, а меня ждет одна милашка, и терпение ее скоро может лопнуть.

Эльрик пожал плечами.

— Иди, я еще посижу.

Черные тучи все еще висели над Бакшааном, когда рано утром Эльрик и Мунглам оседлали коней и поскакали по улицам, омытым дождем, направляясь к южным воротам города.

Вместо безвкусной, кричащей одежды, которую обычно носил альбинос, на нем были кожаные темно-зеленые брюки и куртка с вышитым на ней гербом Императоров Мельнибонэ: алым драконом на золотом поле. Палец Эльрика украшал перстень: редкий акторийский камень в серебряной оправе тончайшей работы. Этот перстень носили предки Эльрика в течение десяти тысяч лет. Костюм альбиноса довершали короткий темно-зеленый плащ и сапоги до колен. На его поясе висел рунный меч, еще более древний, чем перстень, выкованный богами в те далекие времена, когда на Земле еще не зародилось человечество. Странный и ужасный симбиоз существовал между мечом и человеком, который им пользовался. Человек без своего меча стал бы калекой, меч без человека не смог бы питаться кровью и душами, необходимыми для его существования. Они всегда были вместе, человек и меч, и ни тот, ни другой не знали, кто из них кем повелевает.

Мунглам, в отличие от своего друга всегда обращавший внимание на погоду, поднял воротник плаща, вполголоса выругался.

Примерно через час они подскакали к опушке леса. Эльрик только по слухам знал, что его соотечественники разбили здесь лагерь. Бакшаанцы видели нескольких высоких незнакомцев в тавернах на южных окраинах города, но это их не встревожило, так как они считали, — и не без оснований, — что захватить Бакшаан гораздо труднее, чем слабо укрепленные вильмирийские города. Эльрик решил, что мельнибонийцы остановились здесь, чтобы отдохнуть и сбыть награбленное добро на городских базарах.

Дым больших костров поднимался сквозь густую листву в небо. Эльрик и Мунглам осторожно ехали среди деревьев, вдыхая свежие запахи леса. Внезапно из-за кустов вышел имрирский воин, одетый в стальные доспехи и меха. Забрало его было опущено. Не узнав альбиноса, часовой громко крикнул:

— Стойте! Что вам здесь надо?

— Немедленно пропусти меня, — нетерпеливо сказал Эльрик. — Это я, твой Император.

Часовой судорожно вздохнул, опустил длинное зазубренное копье. Подняв забрало, он посмотрел на сидевшего перед ним в седле человека, и на его лице попеременно отразились отчаяние, страх и ненависть. Он коротко поклонился.

— Тебе здесь не место, сир. Ты отверг и предал свой народ пять лет назад, и хотя я почитаю королевскую кровь, текущую в твоих жилах, я не могу ни подчиниться тебе, ни выказать свою преданность, на которую ты вправе был когда-то рассчитывать.

— Естественно, — надменно сказал Эльрик, выпрямляясь в седле. — Пускай твой предводитель, друг моей юности, Дайвим Твар, решит, как ему со мной поступить. Немедленно отведи меня к нему и не забудь, что мой спутник не причинил вам зла. Отнесись к нему с уважением, как подобает относиться к избранным друзьям, сопровождающим Императора Мельнибонэ.

Часовой вновь поклонился, взял коня Эльрика под уздцы, повел его по едва заметной тропинке. Вскоре они оказались на большой лесной поляне, где стояли многочисленные имрирские шатры. Вокруг костров, на которых готовился обед, сидели и оживленно переговаривались высокие мельнибонийские воины. Несмотря на хмурую погоду, шелковое полотно шатров выглядело ярким и веселым, пестрело красками, — зелеными, оранжевыми, золотыми, темно-голубыми. Несмотря на разнообразие, краски были нежными, гармонично сливались одна с другой, напоминая Эльрику расцвеченные всеми цветами радуги башни Имрирра Прекрасного, города, в котором он родился и вырос.

Когда Эльрик и Мунглам подъехали к кострам, мельнибонийцы в изумлении уставились на них, затем, узнав своего Императора, начали негромко перешептываться.

— Прощу тебя подождать, — сказал часовой Эльрику. — Я доложу о тебе Повелителю Драконов Дайвиму Твару.

Эльрик кивнул, остался сидеть в седле, глядя прямо перед собой, чувствуя на себе любопытные взгляды имрирских воинов. Ни один из них не подошел к нему; многие его старые знакомые смущенно отворачивались, делая вид, что готовят обед или начищают доспехи. Некоторые солдаты злобно бормотали себе под нос, но их было меньшинство.

На самой большой шатре, обшитом алым и золотым шелками, полоскалось белое знамя, на котором был изображен спящий голубой дракон. Из этого шатра торопливо вышел Дайвим Твар, пристегивая к поясу меч, изумленно и настороженно глядя на сидевшего в седле альбиноса.

Повелитель Драконов был ненамного старше Эльрика и принадлежал к высшей мельнибонийской знати. Его мать была принцессой, двоюродной сестрой матери Эльрика. У Дайвима Твара были высокие скулы, чуть раскосые глаза, продолговатый череп, выдающийся вперед подбородок, уши без мочек, белая кожа, хотя и не такая мертвенно-бледная, как у альбиноса. Положив левую руку на рукоять меча, Дайвим Твар сделал несколько шагов к Императору Мельнибонэ, остановился в пяти футах от него, отвесил глубокий поклон. Когда он выпрямился, глаза их встретились.

— Дайвим Твар, Хранитель Драконых Пещер, приветствует Императора Эльрика, Повелителя Мельнибонэ, Толкователя Священных Таинств, — произнес он ритуальные слова.

Эльрик ответил с уверенностью, которой не чувствовал:

— Повелитель Мельнибонэ приветствует своего преданного слугу, Дайвима Твара, и настаивает на том, чтобы дать ему аудиенцию. — По древним мельнибонийским традициям, Император не мог просить аудиенции у своего подданного, и Дайвим Твар это знал.

— Император окажет мне честь, если согласится пройти в мой скромный шатер.

Эльрик спешил, пошел вперед. Мунглам тоже соскочил на землю и последовал за ним, но альбинос, обернувшись через плечо, отрицательно покачал головой. Двое знатных имрирцев вошли в шатер, где стояли жесткая походная кровать, стол, на котором горела масляная лампа, и шесть деревянных стульев. Дайвим Твар с поклоном указал на один из них. Эльрик сел.

Некоторое время два мельнибонийца молча смотрели друг другу в глаза; лица у обоих были бесстрастны. Эльрик заговорил первым:

— Ты считаешь меня предателем, вором, братоубийцей, истребителем своего народа, Хранитель Драконых Пещер.

Дайвим Твар кивнул.

— С позволения моего сюзерена, я согласен.

— В былые дни мы никогда не соблюдали формальностей, оставаясь вдвоем, — произнес Эльрик. Забудем традиции и ритуалы — Мельнибонэ больше не существует, а его сыновья стали скитальцами. Давай поговорим, как прежде, на равных, тем более что сейчас мы действительно равны. Рубиновый Трон уничтожен, теперь на него не взойдет ни один Император.

Дайвим Твар вздохнул.

— Твоя правда, Эльрик, но зачем ты явился к нам? Мы решили забыть тебя и не стали искать, чтобы отомстить. Ты пришел поиздеваться над нами?

— Ты прекрасно знаешь, что я на это не способен, Дайвим Твар. Последние годы я редко сплю, а когда мне удастся заснуть, я вижу такие сны, что не хочу больше спать. Ты ведь понимаешь, что Йиркан вынудил меня сделать то, что я сделал, когда погрузил свою сестру, которую я любил, в волшебный сон. Я помог корсарам, потому что это был мой единственный шанс заставить Йиркана снять заклятье с Каймориль. Мною двигала жажда мести, а Каймориль убил не я, а мой меч, «Повелитель Бурь».

— Знаю. — Дайвим Твар вновь вздохнул, провел ладонью по лицу. Драгоценные перстни на его пальцах сверкнули. — Тем не менее ты не ответил на мой вопрос. Зачем ты пришел к нам? Ты не должен больше встречаться со своим народом, Эльрик. Мы боимся тебя. Если ты уговоришь нас следовать за

собой, мы пойдем по пути, тебе уготованному, а он ведет в ад. Ни мне, ни моим людям это ни к чему.

— Согласен. Но мне нужна твоя помощь в одном деле, а потом наши пути вновь могут разойтись.

— Нам следует убить тебя, Эльрик. Но что является большим преступлением: оставить в живых предателя или казнить своего Императора? Ты загадал мне загадку, Эльрик, а мне не хочется ее отгадывать. У меня хватает своих проблем.

— Обстоятельства оказались сильнее меня, — убежденно сказал альбинос. — Я приблизил день падения Мельнибонэ, но по крайней мере сейчас у моего народа появился шанс начать новую жизнь.

Дайвим Твар иронически улыбнулся.

— В какой-то степени ты прав, Эльрик, и я не буду с тобой спорить. Но попытайся повторить то, что ты мне сказал, людям, потерявшим по твоей вине родных и близких, лишившихся крыши над головой. Или поговори с Воинами, похоронившими своих товарищей, с братьями, мужьями и отцами, чьих дочерей, жен и сестер насиловали пьяные матросы.

— Да. — Эльрик опустил голову, еле слышно произнес: — Мне никогда не возместить того, что потерял мой народ, но поверь, я сделал бы все на свете, если бы это было возможно. Сейчас же я могу лишь предложить тебе захватить сокровища, которые хранятся в самом богатом дворце Бакшаана. Позабудь о прошлом и помоги мне в этом деле.

— Зачем тебе сокровища, Эльрик? Ты всегда был равнодушен к золоту и драгоценностям. Почему ты просишь у меня помощи?

— О, боги! — альбинос посмотрел на своего собеседника измученными красными глазами, провел дрожащей рукой по молочно-белым волосам. — Потому что я вновь хочу отомстить! Мне надо сполна рассчитаться с колдуном, которого зовут Телеб К'аарна. Может, ты о нем слышал: для человека он неплохо разбирается в черной магии.

— Считаю, что мы договорились, — сумрачно произнес Дайвим Твар. — Ты не единственный мельнибониец, который хочет рассчитаться с Телебом К'аарной. Мой воин умер ужасной смертью в руках этого колдуна только потому, что подарил одной ведьме, королеве Джаркора, Йишане, несколько ночей. Мы можем объединиться, чтобы отомстить за моего воина, Император Эльрик, и это будет достойный ответ тем, кто мечтал отомстить тебе.

Эльрик не обрадовался, добившись своего. У него появилось внезапное предчувствие, что неожиданное совпадение, благодаря которому Дайвим Твар согласился ему помочь, было не к добру. Но альбинос ничем не выдал своих чувств. Улыбнувшись другу своей юности, он поднялся на ноги.

Глава третья

В заполненной дымом преисподней, зашевелилось существо. Вокруг него двигались тени. Это были тени людских душ, повелевавших существом. Оно позволяло им повелевать собой, потому что они платили ту цену, которая его устраивала. У существа было имя. На человеческом языке его звали Кваолнарн, и он отвечал тому, кто называл его этим именем.

Итак, существо зашевелилось. Оно услышало свое имя сквозь барьеры, которые препятствовали его появлению на Земле. Когда его звали по имени, эти барьеры временно исчезали. Существо услышало свое имя во второй раз и вновь зашевелилось. Оно не знало, почему и зачем кто-то произносил его имя, но память подсказывала ему, что когда барьеры исчезали, оно могло *поесть*. Его не интересовали плоть и кровь. Кваолнарн питался ощущениями и путями взрослых мужчин и женщин. Изредка, на сладкое, ему доставалась жизненная сила, которую он высасывал из невинного ребенка. К животным существо было равнодушно, так как они практически не имели лакомых чувств. Несмотря на то, что оно не отличалось умом, существо было большим гурманом и знатоком пищи.

Его позвали по имени в третий раз. Кваолнарн тронулся в путь. Наступило время, когда он опять, мог поесть...

Телеб К'аарна задрожал. В принципе, он считал себя мирным человеком. Это Йишана была виновата, что возбудила в нем страсть, которая свела его с ума. Это Йишана была виновата, что он занялся черной магией и подчинил себе несколько ужасных демонов, которых приходилось кормить кровью и душами рабов за то, что они охраняли дворец купца Никорна. Своей вины Телеб К'аарна не чувствовал. Обстоятельства вынудили его к действиям, погубившим его душу. Ему стало тоскливо. Лучше б он никогда не встречал Йишану! Телеб К'аарна вновь задрожал, ступил внутрь вычерченного на полу пятиугольника. Колдун с острова Пан Танг был немного ясновидцем, знал, что в ближайшем будущем Эльрик собирается напасть на него, и поэтому решил призвать на помощь все силы, которые были ему подвластны. Эльрика следовало уничтожить до того, как он начнет осаду дворца. Телеб К'аарна поздравил себя с тем, что сохранил локон молочно-белых волос, благодаря которому сумел когда-то насладиться на Эльрика демона-бабочку, и начал вызывать Кваолнарна в надежде, что тому удастся справиться с альбиносом.

Кваолнарн приближался к своему повелителю. Он неуклюже продвигался вперед; почувствовал боль, как от укола, когда очутился в непривычной для него среде. Он знал, что душа его повелителя находится совсем близко, но по непонятной причине, не вызывающей ничего, кроме раздражения, к этой душе невозможно было подступиться. Внезапно рядом с ним что-то упало. Кваолнарн учуял незнакомый запах и понял, что ему предлагают часть его будущей *пищи*. Испытывая к своему повелителю благодарность, он отправился на поиски, намереваясь полакомиться как можно скорее, пока боль, которую он все время чувствовал, находясь на Земле, не стала невыносимой.

Эльрик скакал во главе мельнибонийского отряда. По правую его руку погонял коня Дайвим Твар, Повелитель Драконов, по левую — Мунглам из Эльвера. Позади них ехали двести имрирских воинов, а за ними — обозы с рабами, осадными машинами и награбленным добром.

Над караваном гордо колыхались шелковые полотнища знамен Мельнибонэ. На воинах были стальные доспехи, наголенники, нагрудники кирас, высокие шлемы, а поверх меховых курток — разноцветные плащи из имрирских тканей. Лучники скакали в нескольких шагах от Эльрика и его товарищей. В руках они держали костяные луки, стреляющие на огромное расстояние, за спиной у них висели колчаны с черными стрелами. За лучниками ехали копьеносцы, опустив наконечники копий к земле, чтобы не задеть за ветки деревьев. Последними скакали основные силы отряда — имрирские солдаты, вооруженные двуручными мечами и кортиками.

Они ехали лесом, направляясь к дворцу Никорна, стоявшему к северу от Бакшаана. Мельнибонийцы скакали молча. Им нечего было сказать своему Императору, который впервые за пятнадцать лет повел их в бой.

«Повелитель Бурь», зловещий черный меч, задрожал в ножнах, предчувствуя, что ему удастся как

следует поживиться. Мунглам ерзал в седле, явно нервничая в ожидании битвы с применением черной магии. Весельчак-коротышка не любил колдовства и связанного с ним вызывания страшных существ. С его точки зрения, люди должны были сами сражаться за свои идеалы, не прибегая к помощи потусторонних сил, и он знал, что Эльрик тоже так думает, хотя и понимает что с волшебством можно бороться только с помощью волшебства.

«Повелитель Бурь» вновь задрожал в ножнах. Черное лезвие слабо застонало, и Эльрик понял, что рунный меч предупреждает его об опасности. Альбинос поднял вверх руку; кавалькада всадников остановилась.

— К нам приближается нечто такое, — сказал он своим друзьям, — с чем могу справиться я один. Оставайтесь на месте, а я поскачу вперед.

Он пришпорил коня, быстро тронулся в путь, настороженно глядя по сторонам. «Повелитель Бурь» застонал сильнее; лошадь задрожала мелкой дрожью. Нервы у Эльрика были напряжены до предела. Он никак не ожидал, что подвергнется опасности в самом начале пути.

— Ариох, не оставь меня! — прошептал альбинос. — Помоги мне, и я принесу тебе в жертву души воинов-кочевников. Помоги мне, Ариох!

Повелитель Хаоса Ариох был покровителем Императоров Мельнибонэ с древних времен, могущественным сверхсуществом, которое невозможно было подчинить своей воле никакими заклинаниями. За его помощь, в которой он, как правило, отказывал, приходилось платить кровью, душами и преданностью...

Омерзительный запах был настолько силен, что невозможно стало дышать. Эльрик закашлялся, закрыл рот и нос ладонью, быстро осмотрелся по сторонам. Лошадь испуганно заржала. Эльрик спешил, отправил ее обратно по тропинке, хлопнув по влажному боку. Пригнувшись, он выхватил из ножен «Повелителя Бурь», дрожавшего от лезвия до рукояти.

С помощью чувств, унаследованных им от предков, он увидел страшное существо раньше, чем оно появилось в поле его зрения. Эльрик был одним из повелителей Кваолнарна и сразу узнал его. Но на этот раз кабалистический пятиугольник не защищал альбиноса, и ему оставалось полагаться лишь на свою находчивость и черный рунный меч. По телу Эльрика пробежал холодок. Он знал могущество Кваолнарна и не был уверен, что сможет справиться со страшным демоном из глубин преисподней.

— *Ариох! Ариох! Помоги мне!* — надсадно закричал альбинос. — *Ариох!*

У него не оставалось времени на то, чтобы вспомнить и произнести нужные заклинания. Кваолнарн приблизился к нему почти вплотную: огромная зеленая жаба непристойно прыгала по тропинке, стеная от боли, которую испытывала на земле. Она остановилась в десяти футах от Эльрика, закрыла его своей гигантской тенью. Судорожно вздохнув, альбинос еще раз закричал что было сил:

— *Ариох! Я подарю тебе кровь и души, если ты придешь сейчас мне на помощь!*

Чудовище прыгнуло.

Эльрик отскочил в сторону, но зеленая лапа с длинными когтями задела его, отшвырнула в кусты. Кваолнарн неуклюже повернулся, его рот жадно открылся, обнажив беззубые челюсти и глотку, из которой исходил омерзительный запах.

— *Ариох!*

Злобное существо оказалось настолько тупым, что даже не узнало имя могущественного бога. Кваолнарн ничего не боялся, с ним необходимо было сражаться насмерть.

Черные тучи, сгустившиеся на небе, хлынули проливным дождем. Эльрик поднялся на ноги, отступил за дерево.

Кваолнарн был слеп. Он видел не окружающее его пространство, а человеческие души, чувствовал их запах. Зеленая жаба шагнула мимо альбиноса, который в ту же секунду высоко подпрыгнул и вонзил меч по самую рукоятку в мягкую, дрожащую спину чудовища. Плоть, — вернее та субстанция, которая заменяла Кваолнарну тело, когда он путешествовал по Земле, — разорвалась с чавкающим звуком. Держа

волшебный меч двумя руками, Эльрик сверху донизу распорол колеблющуюся массу, напоминающую густое желе. Кваолнарн тоненько заверещал. Но несмотря на боль, он продолжал испытывать муки голода, а пища была рядом с ним.

Мозг Эльрика сковало странным холодом. Такого ощущения он никогда еще не испытывал. Альбинос не мог вымолвить ни слова, ему нечем было дышать. Глаза его расширились от ужаса — он понял, что с ним происходит. Душа его отделялась от тела. У него не появилось физической слабости, но сознание его затуманилось, перед внутренним взором появилась бездонная пропасть, заполненная...

— *Ариох!* — выкрикнул он посиневшими губами... и внезапно почувствовал себя всемогущим. Неземная сила растеклась по его жилам. Он с легкостью выдернул рунный меч из спины демона, встал на ноги, возвышаясь над ним, потом поднялся в воздух. У Кваолнарна, — в чем Эльрик почему-то не сомневался, — было только одно уязвимое место. Осторожно, не торопясь, альбинос поднял меч, вонзил острие в голову чудовища, навалился на него.

Жаба всхлипнула, начала быстро уменьшаться в размерах, исчезла...

Эльрик лежал в кустах, дрожа от слабости. «Повелитель Бурь», казалось, тоже лишился жизненной энергии, но альбинос знал, что скоро рунный меч станет таким, как прежде, а значит, поможет ему восстановить силы.

Внезапно он почувствовал, что не может пошевелиться. Эльрик вскрикнул от изумления. Он не понимал, что происходит, сознание его помутилось. Ему показалось, что он смотрит в черный тоннель, ведущий в никуда. Тоннель угрожающе надвигался на него... или это он двигался по тоннелю? В течение нескольких секунд альбинос твердо знал только одно: «Повелитель Бурь», от которого зависели его жизнь и смерть, находился у него в руке.

Эльрик лежал на каменном полу. Он открыл глаза — или, может, к нему вернулось зрение? — и увидел над собой лицо человека, ухмыляющегося во весь рот.

— Телеб К'аарна, — хрипло прошептал Эльрик. — Как тебе это удалось?

Колдун наклонился, выхватил из руки альбиноса рунный меч, злобно усмехнулся.

— Я следил за твоей схваткой с посланным мною демоном, милорд Эльрик. Когда мне стало ясно, что тебе каким-то чудом удалось получить помощь, я перенес тебя сюда с помощью заклинаний. Твоя сила и твой меч в моих руках. Я знаю, что без «Повелителя Бурь» ты — никто. Теперь ты в моей власти, Эльрик из Мельнибонэ!

Эльрик жадно ловил воздух открытым ртом, испытывая мучительные боли во всем теле. Он попытался улыбнуться, но у него ничего не получилось.

Он не умел улыбаться, когда проигрывал сражения.

— Отдай мне мой меч, — прохрипел он. — Немедленно отдай.

— Скоро ты начнешь кланяться, как нищий, — с довольной усмешкой произнес Телеб К'аарна. — Кажется, ты собирался мне отомстить, Эльрик?

— Отдай меч, и считай, что твоя презренная жизнь в безопасности, выродок! — Эльрик попытался приподняться, но у него не хватило сил. Зрение его помутилось, лицо стоявшего перед ним колдуна расплылось.

— Никак ты хочешь со мной договориться? — издевательским тоном спросил Телеб К'аарна. — Ты нездоров, Император Мельнибонэ, а больные люди не ставят условий. Они кланяются.

Эльрик задрожал от ярости. Сстиснув зубы, он ненавидящим взглядом посмотрел на колдуна, твердо решив, что больше ни о чем не будет просить.

— Я думаю, прежде всего надо надежно спрятать твоё оружие, — улыбаясь, сказал Телеб К'аарна. Он подошел к стене, открыл шкаф, положил туда «Повелителя Бурь», запер шкаф на ключ. — А теперь я хочу показать нашего мужественного героя его бывшей любовнице — сестре человека, которого он предал пять лет назад.

Эльрик изумленно посмотрел на колдуна.

— Йишана здесь? В Бакшаане? Я не знал.

— Оно и к лучшему. — Телеб К'аарна просиял, глаза его зажглись безумным огнем. — Оно и к лучшему, — повторил он. — И для тебя, и для нее. Сейчас ты увидишь «свет своих очей», а она поглядит на «мужчину», о котором мечтала все эти три года.

Эльрик промолчал.

— Затем, — продолжал Телеб К'аарна, — я покажу своему хозяину, Никорну, человека, который возомнил, что сможет добиться того, чего не смог добиться никто другой. — Он улыбнулся. — Какой день! Какой день! Победа за победой!

Удовлетворенно бормоча что-то себе под нос, Телеб К'аарна взял со стола колокольчик, позвонил. Дверь позади Эльрика открылась, в комнату вошли два воина-кочевника. Они посмотрели на альбиноса, перевели взгляд на Телеба К'аарну. На лицах их было написано изумление.

— Молчать! — прикрикнул колдун. — Немедленно отнесите этого негодяя в покои королевы Йишаны!

У Эльрика все кипело внутри от чувства собственного бессилия. Его подхватили под мышки, резко подняли на ноги. Он увидел темные загорелые лица, глубоко посаженные глаза, смотревшие из-под кустистых бровей. Головы воинов украшали небольшие шерстяные шапочки, доспехи у них были не металлические, а деревянные, обшитые кожей. Эльрика протащили по коридору до большой двустворчатой двери. Один из воинов громко постучал.

— Войдите! — услышал альбинос голос Йишаны.

— У меня для тебя сюрприз, дорогая, — сказал Телеб К'аарна из-за спины воинов. — Я хочу сделать тебе подарок.

По приказанию колдуна воины-кочевники втащили Эльрика в комнату, бросили его на кушетку. Он лежал, не в силах пошевелиться, глядя на потолок, расписанный яркими красками.

Йишана склонилась над ним. Эльрик вдохнул эротический запах ее духов, хрипло сказал:

— Какая неожиданная встреча, королева.

Какое-то мгновение Йишана смотрела на него сочувственно, с пониманием, затем взгляд ее стал жестоким; она цинично рассмеялась.

— Ах! Наконец-то мой герой вернулся! Я предпочла бы, конечно, чтобы он пришел по своей воле, но его втащили ко мне, как беспомощного котенка за шкурку. У волка вырвали зубы, теперь он не сможет свирепо трепать меня ночи напролет. — Йишана отвернулась, презрительно искривила накрашенные губы. — Прикажи унести его отсюда, Телеб К'аарна. Я тебя поняла.

Колдун кивнул.

— Пора навестить Никорна, — сказал он. — Нас ждут.

Глава четвертая

Никорн из Ильмара был немолод. Ему давно перевалило за пятьдесят, хотя выглядел он лет на сорок. На его простом крестьянском лице выделялись пронизательные глаза; он сурово смотрел на Эльрика, которого воины-кочевники небрежно бросили в кресло.

— Итак, ты — Эльрик из Мельнибонэ, Корсар Вздыхающего Моря, предатель, убийца женщин. Сейчас ты вряд ли смог бы убить ребенка. Тем не менее я никому не пожелал бы очутиться в твоём положении. Скажи, мой заклинатель сказал правду? Тебя действительно наняли, чтобы убить меня?

Эльрик с тревогой подумал об имрирских воинах. Что они предпримут? Будут ждать его возвращения или атакуют? Если мельнибонийцы решат взять дворец штурмом, они погибнут, и он вместе с ними.

— Это правда? — настойчиво повторил Никорн.

— Нет, — прошептал Эльрик. — Мне нужен был Телеб К'аарна. У меня с ним старые счета.

— Меня интересуют не старые счета, друг мой, а моя жизнь, — довольно дружелюбно произнес Никорн. — Кто тебя нанял?

— Телеб К'аарна говорит неправду, утверждая, что я — наемный убийца, — солгал Эльрик. — Я хотел отомстить ему за предательство.

— Боюсь, это утверждает не он один. — Никорн пожал плечами. — Два моих шпиона в Бакшаане, независимо один от другого, донесли мне, что купцы пообещали хорошо тебе заплатить, если ты меня убьешь.

Эльрик слабо улыбнулся.

— Пусть так. Это не значит, что я согласился сделать то, о чем меня просили.

— Быть может, я готов тебе поверить, Эльрик из Мельнибонэ, — сказал Никорн. — Но теперь я не знаю, как мне с тобой поступить. По своей воле я никого не отдам Телебу К'аарне на милость. Ты можешь дать мне слово, что никогда не совершишь покушения на мою жизнь?

— Разве мы о чем-нибудь договариваемся, купец Никорн?

— Да.

— В таком случае, что я получу в обмен на мое слово?

— Жизнь и свободу, милорд Эльрик.

— И мой меч?

Никорн с сожалением покачал головой.

— Мне очень жаль, — но, нет.

— В таком случае заberi мою жизнь, — срывающимся голосом сказал Эльрик.

— Зачем же так? Чем тебе не нравится наш договор? Ты получишь жизнь и свободу, а я — твое слово. По-моему, это справедливо.

Эльрик глубоко вздохнул.

— Хорошо. Я согласен.

Никорн встал с кресла, пошел к двери. Телеб К'аарна схватил его за руку.

— Ты хочешь отпустить его?

— Да. Ни тебе, ни мне он больше не страшен.

Эльрик видел, что Никорн симпатизирует ему, и почувствовал невольное уважение к этому храброму и умному человеку. Неудивительно, что купец разбогател: он был честен. Но... Никорн отказался отдать альбиносу «Повелителя Бурь».

Эльрику стало страшно.

Спустились сумерки. Двести имрирских воинов лежали, замаскировавшись, в кустах и наблюдали за дорогой. Никто не понимал, куда исчез Эльрик. Дайвим Твар, обладая даром ясновидения, — как и все мельнибонийцы королевской крови, — предполагал, что альбинос находится во дворце Никорна. Но разве мог небольшой отряд противостоять колдовским силам без помощи Эльрика?

Дворец Никорна был крепостью, высеченной в огромной скале и окруженной глубоким рвом со стоячей водой, которая постоянно подтачивала поросшие темно-зеленым мхом каменные стены. Снаружи дворец производил неприятное впечатление, выглядел практически неприступным. По крайней мере двумстам воинам никогда не удалось бы захватить его без помощи волшебства.

Мельнибонийцы начали проявлять нетерпение, многие открыто заявляли, что Эльрик вновь их предал. Ни Дайвим Твар, ни Мунглам в это не верили.

Загремели цепи, большие железные ворота дворца распахнулись настежь. Человек с мертвенно-бледным лицом, в куртке с гербом Императоров Мельнибонэ, поддерживаемый с двух сторон воинами-кочевниками, сделал несколько неуверенных шагов, упал на узкий мостик через заполненный водой ров. Двигаясь с большим трудом, он медленно пополз вперед.

— Что они с ним сделали? — вскричал Мунглам и приподнялся, собираясь броситься навстречу альбиносу.

Дайвим Твар удержал его за руку.

— Подожди. Нам нельзя выдавать своего присутствия. Мы поможем ему, когда он доберется до леса.

Даже те, кто проклинал Эльрика, с жалостью смотрели, как он ползет, поминутно отдыхая, по грязной дороге. С крепостной стены раздался смех, послышался чей-то голос:

— Не испачкай брюхо, волк! Не испачкай брюхо!

Мунглам сжал руки в кулаки, дрожа от ярости при мысли о том, что над его гордым другом издеваются.

— Что они с ним сделали? — в отчаянии повторил он.

— Терпение, — сказал Дайвим Твар. — Скоро узнаем.

И, наконец, Эльрик добрался до леса. Мунглам первый бросился к нему, обнял за плечи. Альбинос взревел, скинул руку Мунглама. Лицо его пылало ненавистью, тем более страшной, что он был бессилен отомстить тем, кого ненавидел.

— Эльрик, ты должен рассказать нам, что с тобой произошло, — твердо сказал Дайвим Твар. — Если ты хочешь, чтобы мы помогли тебе, ты должен объяснить, что случилось.

Тяжело дыша, альбинос кивнул. Он справился с обуревавшими его чувствами, начал говорить слабым голосом.

— Значит, наш план не удался, а ты навсегда потерял свою силу, — пробормотал Мунглам, когда Эльрик закончил свой рассказ.

Эльрик покачал головой.

— Выход должен быть найден! — хрипло выкрикнул он. — Обязательно!

— Какой? Если ты что-то задумал, говори скорее.

Альбинос с трудом сглотнул комок, застрявший в горле, произнес заплетающимся языком:

— Хорошо. Слушай. И запоминай то, что я скажу, потому что у меня не хватит сил повторить все с начала.

Мунглам был большим любителем ночных приключений... в городе при свете факелов. Ему не нравились ночные приключения под открытым небом... в особенности вблизи дворца Никорна. Тем не

менее, он упрямо шел вперед, стараясь не думать ни о чем плохом.

Если догадка Эльрика была верна, у мельнибонийцев не все еще было потеряно. Мунгламу предстояло проверить правоту альбиноса, а следовательно, рискнуть своей жизнью. Рыжеволосый коротышка любил жизнь и не любил ею рисковать, поэтому, согласившись выполнить поручение Эльрика, он лишний раз доказал, что является его другом.

С отвращением глядя на глубокий ров, он вздохнул, полез в грязную воду, поплыл, стараясь не плескаться. Цепляясь за мох, а потом за ветки плюща, Мунглам принялся карабкаться по крепостной стене. Эльрик просил его поторопиться, считая, что Телеб К'аарна, истратив все свои силы на вызывание демона и заклинания, спит сейчас мертвым сном. Мунглам осторожно продвигался вперед, надеясь, что альбинос не ошибся, и, наконец, очутился у небольшого незарешеченного окошка. Благодаря своей худобе и малому росту, он протиснулся сквозь него, спрыгнул на узкую каменную лестницу. Мунглам нахмурился, задумался на секунду, затем, вспомнив указания альбиноса, начал решительно подниматься по ступенькам.

Стараясь двигаться бесшумно, он шел к покоям королевы Йишаны.

Примерно час спустя, дрожащий от холода и насквозь промокший Мунглам вернулся в лес. В руках у него был «Повелитель Бурь», который он нес с необычайной осторожностью, чувствуя исходящую от него зловещую силу.

— Благодарение богу, я оказался прав, — еле слышно прошептал альбинос, лежавший на земле. Дайвим Твар с участием посмотрел на него, приподнял за плечи. Эльрик потянулся дрожащей рукой к рунному мечу, схватил его за рукоять, облегченно вздохнул. — Ты передал ей мое предложение? — спросил он у Мунглама.

— Да. — Мунглам поежился. — Она согласилась. Насчет Телеба К'аарны ты тоже не ошибся. Ей не составило труда украсть у него ключ. Она самолично открыла шкаф и отдала мне твой меч. Колдун ничего не соображал от усталости. Никорн обеспокоен тем, что Телеб К'аарна не сможет защитить его в случае нападения на дворец.

— Женщины иногда бывают полезны, — сухо заметил Дайвим Твар, — хотя, как правило, их лучше не вмешивать в мужские дела. — Хранитель Драконьих Пещер был явно не в духе, но никто не решился спросить, чем он обеспокоен.

— Я согласен с тобой, Дайвим Твар, — весело сказал Эльрик. Казалось, он ожил прямо на глазах. — А теперь пришла пора отомстить. Помните, Никорна не трогать. Я дал ему слово. — Альбинос крепко сжал рукоять «Повелителя Бурь». — Сейчас мы начнем штурмовать дворец Ариох, покровитель Мельнибонэ, с нами. Я обещал ему кровь и души за то, что он помог мне в битве с демоном, вызванным Телебом К'аарной. Думаю, мне удастся привлечь на нашу сторону союзников, которые займутся колдуном, пока мы будем сражаться во дворце. Мне не нужно чертить пентаграмму, чтобы призвать на помощь моих друзей, Повелителей воздушных стихий!

Мунглам облизнул пересохшие губы.

— Опять волшебство. Скоро в нашей стране нельзя будет продохнуть от магии и дьяволов из преисподней!

Эльрик, желая утешить своего друга, прошептал ему на ухо:

— Создания воздуха не имеют к Хаосу никакого отношения. Они чисты и преданны, хотя в могуществе почти не уступают демонам. Я произнесу несколько простых заклинаний, и у Телеба К'аарны раз и навсегда отпадет охота устраивать против меня заговоры.

Альбинос нахмурился, вспоминая тайные соглашения, которые его предки заключили с силами, повелевающими природой. Из груди его вырвался глубокий вздох, красные глаза сами собой закрылись. Он покачнулся и, не выпуская рунный меч из рук, начал читать нараспев. Несколько молодых воинов, не посвященных в древние ритуалы Мельнибонэ, смотрели на него с ужасом. Голос Эльрика напоминал далекое завывание ветра.

Я, обреченный, словами звеня,

Вас вызываю, Граоль и Миша,
Ветры-гиганты, услышьте меня,
Враг мой заклятый все еще дышит.

Поднимись, могучий ветер,
Лашаары, прилетите.
Рунный меч один на свете —
Бурь великих Повелитель.

Мчитесь скорее вспугнутой лани,
Летите быстрее мыслей и дум,
Вам отдаю врага на закланье,
Да будет наказан злобный колдун!

Поднимись, могучий ветер,
Лашаары, прилетите.
Рунный меч один на свете —
Бурь великих Повелитель.

В ту же секунду деревья в лесу согнулись, словно их придавила чья-то гигантская рука. Из ниоткуда послышался могучий шумящий голос. Все, кроме Эльрика, находившегося в глубоком трансе, задрожали от страха.

— ЭЛЬРИК ИЗ МЕЛЬНИБОНЭ, — голос напоминал рев далекой бури. — Я ЗНАЛ ТВОИХ ОТЦОВ. Я ЗНАЮ ТЕБЯ. НАШ ДОЛГ ИМПЕРАТОРАМ МЕЛЬНИБОНЭ ВЕЛИК. СМЕРТНЫЕ ЗАБЫЛИ О НЕМ, НО ГРАОЛЬ И МИША, КОРОЛИ ВЕТРОВ-ГИГАНТОВ, ПОМНЯТ. МЫ, ЛАШААРЫ, ГОТОВЫ СЛУЖИТЬ ТЕБЕ. ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ? — Голос был гордым, далеким, внушающим суеверный страх, но, как ни странно, звучал дружелюбно.

Тело Эльрика задергалось в конвульсиях. Резкие, похожие на крик чайки, звуки вырвались из его горла. Он говорил недолго, а затем Повелитель Ветров ответил ему:

— Я ВЫПОЛНЮ ТВОЮ ВОЛЮ.

Внезапно деревья выпрямились. В лесу наступила тишина.

Кто-то из воинов чихнул, и это словно послужило сигналом остальным мельнибонийцам, которые начали оживленно переговариваться.

В течение нескольких минут Эльрик оставался в трансе, затем его красные глаза открылись, и он недоуменно огляделся по сторонам. Словно вспомнив о чем-то, альбинос крепко сжал рукоять «Повелителя Бурь» и обратился к имрирским воинам:

— Скоро, друзья, Телеб К'аарна окажется в нашей власти, и мы захватим сокровища купца Никорна!

Воины вскричали, как один; даже Мунглам улыбнулся в предвкушении предстоящего сражения. Один лишь Дайвим Твар печально опустил голову.

— Я, конечно, не такой адепт магии, как ты, Эльрик, — сказал он, — но своим внутренним взором я вижу трех волков, ведущих стаю к богатой добыче, и знаю, что один из них должен умереть. Мне кажется, моя гибель предрешена.

Эльрик переступил с ноги на ногу.

— Напрасно тревожишься, Повелитель Драконов, — сказал он. — Ты еще посмеешься над воронами, клюющими трупы воинов-кочевников, когда мы будем гулять на деньги, добытые в Бакшаане.

Эльрик пристегнул рунный меч к поясу, отвернулся. Он и сам не верил тому, что говорил.

Глава пятая

На шелковых простынях под соболиным покрывалом Телеб К'аарна заворочался, открыл глаза. У него возникло предчувствие чего-то недоброго; он вспомнил, что Йишана, воспользовавшись его усталостью, выпросила у него нечто очень важное. Впрочем, сейчас это не имело значения. Всем существом своим чувствуя приближающуюся опасность, Телеб К'аарна соскочил с постели, схватил со стула свою мантию и, одеваясь на ходу, подошел к висевшему на стене странному серебряному зеркалу, которое ничего не отражало.

Мигая воспаленными веками, колдун взял одну из многочисленных баночек, стоявших на скамье, дрожащими руками налил в тигель густую жидкость: смесь высушенной человеческой крови с голубым ядом черной змеи, обитающей в далеком Дареле. Пробормотав короткое заклинание, он прикрыл глаза рукой, выплеснул содержимое тигля на зеркало. Раздался звук, похожий на треск рвущейся материи, зеленый свет ослепительно вспыхнул и тут же погас. Поверхность зеркала заколебалась, в глубине его появилось изображение.

Телеб К'аарна знал, что видит сцену из недавнего прошлого. На его глазах Эльрик впал в транс и обратился за помощью к Ветрам-Гигантам.

Лицо Телеба К'аарны исказилось от страха. Его руки конвульсивно задергались. Несвязно выкрикивая какие-то слова, он бросился к окну, уставился в непроглядную ночь. Колдун понимал, что его ожидает.

Разыграется буря, Лашаары нападут на него, вырвут душу из тела, швырнут ее в воздушные течения, где она будет скитаться вечно, не зная ни отдыха, ни покоя, то стена в вершинах покрытых льдом скал, то тоскливо воя над бушующим морем.

Редко какой колдун мог повелевать воздушными стихиями, но для Эльрика и его предков духи воздуха являлись небольшой частью тех сил, которые были им подвластны. Только сейчас Телеб К'аарна до конца осознал, что вступил в борьбу с поколениями колдунов, живших в течение десяти тысяч лет, обладающих колоссальными знаниями, доставшимися по наследству Эльрику — тому, кого он, Телеб К'аарна, вознамерился уничтожить. И Телеб К'аарна горько пожалел о том, что бросил вызов альбиносу. Но было поздно.

Черный маг с острова Пан Танг не мог, подобно Эльрику, повелевать Ветрами-Гигантами. Ему оставалось лишь просить помощи у духов огня, приложить все свои силы, чтобы не подпустить к себе всепожирательный сверхъестественный ветер, который вскоре сотрясет небо и землю. Сама преисподняя содрогнется от разъяренного рева Ветров-Гигантов.

Колдун собрался с мыслями, дрожащими руками начал делать пассы в воздухе, обещая заключить договор на любых условиях с тем, кто согласится ему помочь. Ради нескольких лет жизни он согласился умереть конечной смертью.

Ветры-Гиганты собирались с силами; пошел дождь, загремел гром. Сверкали молнии, но ни одна из них не коснулась земли. Дайвим Твар, Мунглам и имрирские воины чувствовали изменения в атмосфере, но только Эльрик, обладающий вторым зрением, видел, что происходит на самом деле.

Могучие Лашаары готовились к битве, но они не могли помочь взять штурмом дворец Никорна. При свете факелов мельнибонийцы достали из обозов различные орудия, лихорадочно стали собирать осадные лестницы с крючьями, мощные тараны. Час Бури приближался. Ветер завывал все сильнее, гром гремел не умолкая. Луна скрылась за черными тучами.

За два часа до рассвета все было готово.

Эльрик, Дайвим Твар, Мунглам и двести воинов вышли на дорогу, ведущую к замку. Эльрик поднял голову, закричал нечеловеческим голосом. Ему ответил оглушительный раскат грома. Ослепительная молния расколола небо, понеслась к замку, над которым внезапно появилось лиловато-розоватое облако, поглотившее эту молнию! Началась битва между силами огня и воздуха. Земля дрожала, отовсюду доносились зловещие завывания, невнятные крики и стоны.

Неземное сияние над дворцом то вздымалось, то опадало, защищая сломленного духом, трясущегося от страха колдуна, который знал, что погибнет, если Повелители Огня отступят перед ревущими Ветрами-Гигантами.

Эльрик хмуро улыбнулся, глядя на разыгравшееся сражение. Телеб К'аарна больше не представлял опасности. Теперь надо было захватить замок, который защищали свирепые воины-кочевники, выстроившиеся на крепостной стене и готовые уничтожить двести человек, осмелившихся напасть на них.

Вверх взмыли штандарты с изображениями драконов; золотые полотнища развевались, освещенные призрачным светом. Сыны Имрирра, чеканя шаг, шли в бой.

Под градом стрел, защищаясь щитами, воины в авангарде с таранами в руках, каждый из которых держали двадцать человек, пробежали по узкому мостику через ров. Первый из таранов с силой ударил в ворота, которые, к удивлению Эльрика, выдержали этот мощнейший удар!

Подобно вампирам, жаждущим крови, мельнибонийцы взвыли, отскочили в сторону, пропуская своих товарищей со вторым тараном. Ворота задрожали, но вновь выстояли.

Дайвим Твар громовым голосом отдавал распоряжения воинам, карабкавшимся по осадным лестницам, приставленным к стенам. Только отчаянные смельчаки могли пойти на штурм первыми, — ведь большинство из них должны были погибнуть. На головы нападавших посыпались камни, полился расплавленный свинец из котлов, висевших на цепях, чтобы их можно было быстро опорожнить и вновь наполнить. Имрирские воины падали, погибая до того, как разбивались об острые камни внизу. И тем не менее мельнибонийцы не отступили. Медленно, но верно поднимались они все выше и выше, в то время как их товарищи продолжали равномерно бить таранами в железные ворота.

Эльрик и два его друга ничем не могли помочь имрирским воинам, но лучники, стоявшие в задних рядах, посылали тучи стрел на крепостную стену, убивая одного защитника замка за другим.

Ворота затрещали. В них появились трещины. Внезапно правая створка сорвалась с петель и рухнула. Воины взревели, как один бросили тараны, с победными криками ринулись во внутренний двор замка, рубя боевыми топорами направо и налево, снося головы с плеч, словно они косили серпами колосья пшеницы.

— Замок наш! — вскричал Мунглам и бросился к воротам. — Мы победили!

— Не хвались победой заранее, — сказал Дайвим Твар, но и он улыбнулся, выхватывая меч из ножен.

— Не сбылись твои дурные предчувствия! — на бегу крикнул Эльрик своему другу и тут же осекся, увидев, как вытянулось лицо мельнибонийца. На какую-то секунду между ними возникла какая-то недоговоренность, затем Дайвим Твар громко засмеялся и постарался обратить все в шутку.

— Смерть ждет меня, Эльрик, и когда-нибудь дождется, но лучше не думать о ней сейчас. Все равно мне некуда будет бежать, когда пробьет мой час! — И он хлопнул смущенного альбиноса по плечу, желая показать, что не обиделся на него за необдуманные слова.

Они вбежали во внутренний двор замка, где кипела битва. Три друга одновременно вступили в бой, но «Повелитель Бурь» был первым, отведавшим крови и отправившим душу воина-кочевника в преисподнюю. Рунный меч пел свою зловещую песню, по его лезвию струилось черное сияние.

Темнокожие воины-кочевники были знамениты своей свирепостью, отвагой и умением сражаться. Изогнутые клинки их сабель производили опустошение в рядах имрирцев, значительно уступавших им в численности.

Сверху донеслись победные крики мельнибонийцев, вскарабкавшихся на крепостную стену и вступивших в рукопашный бой. Теперь уже защитники замка с дикими криками падали вниз, и один из них свалился прямо под ноги Эльрику. Альбинос поскользнулся, упал в лужу крови. Воин-кочевник воспользовался случаем, торжествующе смеясь кинулся к альбиносу, заноса саблю над головой. Внезапно шлем его раскололся, а Дайвим Твар, ухмыляясь своему императору, выдернул боевой топор из черепа поверженного врага.

— Мы с тобой оба доживем до победы! — воскликнул Повелитель Драконов, перекрикивая шум

битвы сражающихся духов и лязг металла о металл. — Я обману судьбу и... — Он умолк, на его лице с тонкими чертами появилось изумленное выражение.

Эльрик почувствовал, что у него все похолодело внутри. Из живота Дайвима Твара торчало острие клинка, а стоявший сзади воин-кочевник свирепо скалился. Эльрик бросился вперед; горячая волна ненависти захлестнула его мозг. Воин-кочевник торопливо вытащил саблю из тела Дайвима Твара, поднял ее, защищаясь от удара. Черное лезвие «Повелителя Бурь» взвыло, вошло в изогнутый клинок, как нож в масло, разрубило воина надвое, от плеча до крестца. Эльрик быстро подбежал к Дайвиму Твару, все еще стоявшему на ногах, с участием взгляделся в его бледное, измученное лицо.

— Ты серьезно ранен? — спросил он, тревожно глядя на расплывающееся пятно крови. — Что ты чувствуешь?

— Кажется, мне пощекотали ребра. — Дайвим Твар закашлялся, попытался улыбнуться. — Ничего страшного. Я бы знал, если б меня...

Он упал. Эльрик быстро наклонился, бережно перевернул своего друга на спину, уставился на бледное лицо с остекленевшими глазами. Повелитель Драконов, Хранитель Драконых Пещер был мертв.

Альбиноса затошнило. Он медленно выпрямился, застыл над телом своего двоюродного брата. Из-за меня, — подумал он, — погиб еще один хороший человек. Больше Эльрик ни о чем не успел подумать: воины-кочевники напали на него с двух сторон.

Лучники, закончившие обстреливать крепостные стены, ворвались в ворота, осыпали защитников замка градом стрел.

— Мой брат, Дайвим Твар, погиб, сраженный подлым наемником в спину! — вскричал Эльрик. — Отомстим за него! Отомстим за Хранителя Драконых Пещер Имрирра!

Стон прокатился по рядам мельнибонийцев; еще яростнее, чем прежде, кинулись они в атаку. Эльрик подозвал к себе несколько солдат, спустившихся с крепостной стены.

— Следуйте за мной! — приказал он. — Мы отомстим за кровь, пролитую по вине Телеба К'аарны!

— Подожди, Эльрик, я с тобой! — закричал откуда-то Мунглам. Воин-кочевник, стоявший спиной к альбиносу, упал; ухмыляющийся коротышка вытащил из его тела клинок сабли, от острия до эфеса перепачканной в крови.

Эльрик подбежал к небольшой двери, ведущей в центральную башню замка, указал на нее своим солдатам.

— Вперед! — вскричал он. — Поторопитесь!

Боевые топоры вгрызлись в твердое дерево, полетели щепки. Эльрик нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

Это было ужасно. Телеб К'аарна рыдал, чувствуя свое бессилие. Какатал, Повелитель Огня, и его подданные не могли оказать почти никакого сопротивления Ветрам-Гигантам. Они ревели все сильнее и сильнее, мощь их натиска усиливалась. Колдун засунул в рот кулак, начал грызть костяшки пальцев, чавкая и жалобно повизгивая, в то время как внизу сражались, истекали кровью и умирали защитники замка. Телеб К'аарна думал только об одном: как спастись от Лашааров. Но и в эту минуту он твердо знал, что часы его сочтены.

Топоры все глубже вгрызались в твердое дерево и, наконец, пробили его насквозь.

— Дело сделано, сир, — сказал один из солдат, отступая в сторону. Эльрик засунул руку в образовавшееся отверстие, скинул тяжелый засов, со звоном упавший на каменный пол. Альбинос толкнул дверь плечом; прежде чем войти в башню, бросил взгляд на небо.

На фоне ночи четко выделялись две фигуры, похожие на человеческие. Одна из них, с огненным мечом в руке, была золотой и сверкала, как солнце; другая — серебристая — казалась расплывчатой и держала в руке розовато-лиловатое копье.

Миша и Какатал сошлись в поединке, исход которого должен был решить судьбу Телеба К'аарны.

— Скорее! — крикнул Эльрик. — В башню!

Они побежали по лестнице, ведущей в покои Телеба К'аарны.

Внезапно мельнибонийские воины остановились: путь им преградила иссиня-черная каменная дверь, отделанная красным металлом. На двери не было видно ни замочной скважины, ни засова, но стояла она непоколебимо. И вновь Эльрик приказал пустить в ход боевые топоры. Шесть лезвий одновременно мелькнули в воздухе, обрушились на каменную дверь.

Шесть солдат отчаянно закричали и бесследно исчезли. На том месте, где они стояли, не осталось даже пятен. Мунглам попятился, расширенными от ужаса глазами посмотрел на Эльрика. «Повелитель Бурь» дернулся в руке альбиноса.

— Уйдем отсюда, Эльрик, — сказал Мунглам дрожащим голосом. — Не будем связываться с этим ужасным колдовством... пусть твои друзья, духи воздуха, прикончат Телеба К'аарну.

Последний Император Мельнибонэ запрокинул голову, цинично расхохотался.

— С колдовством надо бороться колдовством! — выкрикнул он и, размахнувшись что было сил, ударил по двери рунным мечом. Черное лезвие победно запело, взвыло, словно демон, изголодавшийся по людским душам. Яркая вспышка света ослепила Эльрика; он услышал рев в ушах, тело его на мгновение стало невесомым. Дверь рухнула.

Если б Мунглам собственными глазами не видел, что произошло, он никогда бы в это не поверил.

— «Повелитель Бурь» редко подводил меня, Мунглам! — воскликнул Эльрик, переступая через порог. — Вот мы и пришли в логово Телеба К'аарны... — Он умолк, глядя на скрюченное существо, сидевшее на полу и невнятно бормотавшее себе под нос. Когда-то оно было человеком. Когда-то оно было Телебом К'аарной. Сейчас существо превратилось в сгорбленного и кривого старца; изо рта у него текли слюни, падавшие на линии пентаграммы, часть которых уничтожил огонь.

Внезапно в глазах существа засветился разум.

— Ты опоздал, Император Мельнибонэ, — сказала оно. — Теперь тебе не удастся мне отомстить. Видишь ли, я победил тебя, потому что отомстил сам себе.

Нахмурившись, не говоря ни слова, Эльрик сделал шаг вперед, одним ударом рассек череп колдуна, оставил черное лезвие в зияющей ране.

— Пей до дна, рунный меч, — пробормотал он. — Мы с тобой оба заслужили эту награду.

Звуки битвы внезапно затихли. Наступила мертвая тишина.

Глава шестая

— Это неправда! Ты лжешь! — визгливо закричал насмерть перепуганный Пилярмо, стоявший перед группой самых уважаемых граждан города. Из-за спины безвкусно одетого купца выглядывали три его товарища, которые совсем недавно встречались с Эльриком и Мунгламом в таверне.

Один из горожан обвинительным жестом вытянул руку, ткнул пальцем в сторону дворца Никорна.

— Никорн был врагом всех купцов Бакшаана, с этим я не спорю, — сказал он. — Но в данный момент отряд головорезов осаждает его замок с помощью сверхъестественных сил, а командует ими Эльрик из Мельнибонэ! Зачем вы лжете? Всею городу известно, что вы тайно встречались с альбиносом и просили у него помощи. Вы одни виноваты в том, что произошло!

— Но мы никогда не думали, что он пойдет на все, чтобы убить Никорна! — в отчаянии вскричал толстяк Тормиель, ломая руки. — Вы к нам несправедливы! Мы только...

— Это мы к вам несправедливы?! — Фаратт, выступающий от имени горожан, поджал толстые губы, вытянулся во весь рост. Глаза его гневно засверкали. — Когда Эльрик и его шайка разбойников покончат с Никорном, они придут в город! Идиоты! Колдун-альбинос с самого начала намеревался вас одурачить! А теперь он воспользуется предлогом и разграбит Бакшаан! Нам ничего не стоит справиться с вооруженными бандитами, но мы не способны устоять против колдовства!

— Что же нам делать? Что делать? — чуть не плача спросил Тормиель, поворачиваясь к Пилярмо. — Это была твоя идея! Придумай хоть что-нибудь!

— Мы... мы... — заикаясь, произнес Пилярмо, — заплатим выкуп... подкупим их... дадим столько денег, сколько они запросят...

— Кто будет платить? — спросил Фаратт.

Разгорелся спор.

Эльрик с отвращением посмотрел на труп Телеба К'аарны, отвернулся, встретился взглядом с бледным, как смерть, Мунгламом.

— Пойдем отсюда, Эльрик, — хрипло сказал Мунглам. — Йишана ждет тебя в городе. Ты должен сдержать обещание, которое я дал ей от твоего имени.

Эльрик устало кивнул.

— Хорошо. Судя по всему, имриррцы победили. Мы предоставим им делить добычу, а сами потихоньку уйдем. Но мне хотелось бы на несколько минут остаться здесь одному. Ты не возражаешь?

Пораженный учтивостью Эльрика, которая была ему несвойственна, Мунглам кивнул и сказал:

— Я спущусь во двор через четверть часа. Схожу напомню, чтобы добычу делили поровну.

Он ушел, весело стуча каблуками по каменным ступенькам, а Эльрик вновь посмотрел на труп своего врага. Он раскинул руки, крепко держа за рукоять рунный меч, с лезвия которого стекала кровь, и вскричал:

— Дайвим Твар! Дайвим Твар! Я отомстил за тебя и за нашего соотечественника! Пусть же нечистый, пленивший душу Дайвима Твара, освободит ее, а взамен возьмет душу Телеба К'аарны.

Нечто невидимое, неосязаемое, — то, что можно было только почувствовать, — поплыло по воздуху, остановилось над изуродованным телом Телеба К'аарны. Эльрик посмотрел в окно, и ему показалось, что он слышит удары драконьих крыльев, вдыхает едкий драконий запах, видит на фоне светлеющего неба бестелесного Дайвима Твара на бестелесном драконе, улетающего в страну, где драконы никогда не спят, а миллионы измерений сливаются в одно под лучами никогда не заходящего солнца.

Эльрик грустно улыбнулся.

— Боги Мельнибонэ защитят тебя, где бы ты ни был, — тихо сказал он и, опустив голову, вышел из комнаты.

На нижней площадке лестницы он столкнулся с Никорном из Ильмара. В правой руке купец держал большой меч.

— Наконец-то я разыскал тебя, волк! — воскликнул он. — Я подарил тебе жизнь, и вот твоя благодарность!

— Случилось то, чему суждено было случиться, — устало сказал Эльрик. — Но я сдержал свое слово, и, поверь мне, Никорн, я не убил бы тебя, даже если б ничего тебе не обещал.

Купец стоял в двух шагах от двери, загораживая проход.

— Тогда Я тебя убью! Защищайся! — Он попятился, вышел во двор, споткнулся о труп имриррского воина, чуть было не потерял равновесие. Выпрямившись, он приготовился к поединку. Альбинос вышел во двор, но не вынул рунный меч из ножен.

— Нет. — Он покачал головой.

— Я убью тебя!

Рука Эльрика невольно сомкнулась на рукояти меча, затем он пожал плечами, сделал шаг в сторону. Никорн выругался, нанес удар. Альбинос, едва успевший отступить, неохотно обнажил «Повелителя Бурь», решив разоружить Никорна. Ему не хотелось ни калечить, ни убивать этого храброго и благородного человека.

Никорн сделал выпад, Эльрик парировал. «Повелитель Бурь» тихонько застонал, черное сияние заструилось по его лезвию. Металл звенел о металл. Купец справился со своей яростью: он дрался хладнокровно, расчетливо. Эльрик оборонялся, используя все свое мастерство. Несмотря на возраст и род занятий, Никорн был блестящим фехтовальщиком, и иной раз альбиносу приходилось защищаться не только потому, что он не хотел нападать.

Рунный меч вывернул кисть руки Эльрика, заставил его провести контратаку. Никорн попятился, в глазах его промелькнул страх. Казалось, он только сейчас осознал, какой страшной волшебной силой обладало черное лезвие, испещренное рунами. Купец сражался не щадя себя, а Эльрик вообще не сражался. Он чувствовал, что находится в полной власти меча, который делал то, что хотел.

Внезапно «Повелитель Бурь» вырвался из рук альбиноса, повис в воздухе.

— Нет! — Эльрик не успел схватить за рукоять рунный меч, который мелькнул быстрее молнии, вонзился в сердце своего противника и победно взвыл.

— Нет! — Альбинос кинулся вперед, попытался выдернуть меч из тела. Никорн дико кричал в мучительной агонии. Удар был смертельным.

Но купец не умер.

— Будь оно трижды проклято! — Кровь клокотала в горле Никорна; он схватился за черное лезвие скрюченными пальцами. — Оно поглощает меня! Останови его, Эльрик! Молю тебя, останови его! *Пожалуйста!*

И вновь Эльрик попытался вытащить «Повелителя Бурь» из сердца купца. Ему не удалось даже пошевелить рунный меч, который, казалось, сросся с плотью, стал с нею одним целым. Черное лезвие пело тихую, до отвращения сладострастную песню; жадно всхлипывало, до капли высасывая все то, что было Никорном из Ильмара. Вновь и вновь Эльрик дергал за рукоять «Повелителя Бурь», но был не в силах сдвинуть его с места.

— Будь ты проклят! — простонал альбинос. — Этот человек мог стать моим другом. Я дал слово, что никогда не убью его. — Но «Повелитель Бурь», хоть и обладал разумом, не понимал своего хозяина.

Дикий крик купца перешел в долгий протяжный стон. Затем Никорн умер.

От него осталась одна оболочка, а душа его соединилась с бесчисленными душами друзей, родных и врагов Эльрика из Мельнибонэ, который и жил-то благодаря тому, что получал силы от рунного меча, питавшегося этими душами.

Эльрик зарыдал, упал как подкошенный в лужу крови.

— О, боги! — вскричал он сквозь душившие его слезы. — За что мне все это? За что?

Через несколько минут Мунглам, спустившийся во двор, увидел, что друг его неподвижно лежит на земле. Испугавшись, он схватил Эльрика за плечо, перевернул на спину. Перепачканное грязью, вымазанное в крови лицо альбиноса выражало такое страдание, такие душевные муки, что Мунглам невольно содрогнулся.

— Что случилось?

Эльрик приподнялся на локте, указал рукой на труп Никорна.

— Опять, Мунглам! Опять! Будь проклят этот меч!

Мунглам поежился.

— Никорн убил бы тебя, в этом нет сомнений. Не думай о нем. Ты нарушил слово не по своей вине. Пойдем, друг мой. Йишана ожидает нас в таверне «Сизый Голубок». Пойдем.

Эльрик с трудом поднялся на ноги, медленно пошел к воротам дворца, за которыми их ожидали оседланные лошади.

Они скакали рядом, направляясь в Бакшаан, даже не подозревая о том страхе, который они посеяли в душах его жителей. Эльрик хлопнул по ножнам «Повелителя Бурь», вновь спокойно висевшим у него на поясе. Взгляд альбиноса был суров и хмур.

— Бойся этого дьявольского меча, Мунглам. Он убивает врагов, но больше всего на свете любит лакомиться кровью друзей и родных.

Мунглам тряхнул головой, отвернулся, ничего не ответил. Эльрик посмотрел на него, собираясь еще что-то сказать, но промолчал. В эту минуту больше всего на свете альбиносу хотелось поговорить. Но говорить ему было не о чем.

Пилярмо держался за сердце, глядя, как рабы, сгибаясь под тяжестью сундуков с драгоценностями, вытаскивают их на улицу и ставят у ворот его дома. Впрочем, с тремя товарищами Пилярмо тоже случились сердечные приступы. Бюргеры Бакшаана высказались вполне определенно по поводу того, кто должен будет заплатить выкуп Эльрику и его головорезам.

Внезапно на улице появился бегущий горожанин в лохмотьях.

— Едут! Едут! — громко кричал он. — Альбинос и его друг остановились у северных ворот! Едут!

Бюргеры, стоявшие рядом с Пилярмо, переглянулись. Фаратт с трудом сглотнул слюну.

— Прежде чем спустить на нас своих демонов, Эльрик наверняка захочет поторговаться. Скорее! Откройте сундуки с драгоценностями и прикажите страже пропустить его в город! — Один из горожан бросился со всех ног к северным воротам.

В то время, как бюргеры лихорадочно открывали сундуки, чтобы продемонстрировать товар лицом, в конце улицы показались Эльрик и Мунглам. Они скакали, бесстрастно глядя на собравшихся горожан, ничем не выдавая своего изумления.

— Что это? — спросил Эльрик, останавливая коня рядом с Пилярмо.

Фаратт выступил вперед, униженно кланяясь.

— Драгоценности, — подобострастным, жалобным голосом сказал он. — Возьми их, милорд Эльрик, для себя и своих людей. И не думай, что это все. Мы по всему городу собрали сокровища, которым нет цены. Зачем тебе насылать на нас демонов? Возьми выкуп и, пожалуйста, не разрушай Бакшаан.

Мунглам едва удержался от смеха. Эльрик холодно посмотрел на Фаратта.

— Хорошо. Я согласен. Потрудись доставить сундуки, включая те, которых я здесь не вижу, моим людям в бывший дворец Никорна. Если ты нас обманешь, мы поджарим тебя и твоих друзей на медленном огне.

Фаратт поперхнулся, дрожащим голосом произнес:

— Будет исполнено, милорд Эльрик. Мы все сделаем, как ты велел.

Два товарища развернули коней, поскакали к таверне «Сизый Голубок». Когда толпа горожан скрылась из виду, Мунглам весело рассмеялся.

— Насколько я понял, — сказал он, — непрошенный нами выкуп платят Пилярмо и три его друга.

Эльрик был не в состоянии веселиться, но и он хмуро улыбнулся.

— Да. Я с самого начала намеревался их ограбить, а сейчас это сделали за меня горожане. На обратном пути надо будет заехать за нашей долей добычи.

Вскоре они подскакали к таверне, спешили. Йишана, одетая по-походному, ждала их на улице. Увидев Эльрика, она с облегчением вздохнула, нежно улыбнулась ему.

— Значит, Телеб К'аарна мертв. Теперь нам никто не мешает возобновить прерванное знакомство!

Эльрик кивнул.

— Я выполню условие нашего договора, как выполнила его ты, когда помогла Мунгламу добыть мой меч. — Лицо альбиноса было бесстрастно.

Йишана попыталась обнять его, но Эльрик отстранился.

— Позже, — пробормотал он. — Но этого обещания я никогда не нарушу, Йишана. — Он помог удивленной его словами женщине сесть в седло, и они поскакали к дому Пилярмо.

— Что с Никорном? — спросила Йишана. — Он хороший человек, и я от всей души желаю ему счастья.

— Никорн мертв, — сдавленным голосом ответил Эльрик.

— То есть как?

— Купец запросил за свою жизнь слишком высокую цену, — коротко сказал Эльрик.

Они продолжали путь в молчании, и Эльрик не остановился перед домом Пилярмо, где Мунглам и Йишана задержались, чтобы забрать часть ценностей. Им удалось догнать альбиноса лишь в двух милях от города.

Стоял жаркий летний день. В Бакшаане, в садах богатых купцов, не шелохнулся ни один лист на деревьях. Потные лица бедняков не обдувал прохладный ветер. Круглое красное солнце сверкало на небе, и тень, похожая на драконью, закрыла его на миг и исчезла.

КНИГА ПЯТАЯ

ПОДЗЕМНЫЕ КОРОЛИ

Покоятся во тьме три короля,
Средь них Гутеран Орогский и я.
Под мрачным небом нас не ждет покой.
Где третий отдыхает? Под горой.

Глава первая

Эльрик, Повелитель уничтоженной и разграбленной Империи Мельнибонэ, мчался, как волк от охотников, загоняя коня. Он бежал из Надсогора, Города Нищих, которые с криками ненависти преследовали его по пятам. Горожане сразу признали в нем колдуна, служителя Темных Сил, и бросились в погоню за ним и его спутником, коротышкой Мунгламом из Эльвера, который весело смеялся, скача рядом с альбиносом.

Огни факелов освещали черную бархатную ночь, гигантские тени плясали по земле. Длинные ножи и костяные луки блестели отраженным светом. Худых, оборванных нищих было слишком много, чтобы вступить с ними в бой, поэтому Эльрик и Мунглам решили оставить негостеприимный город и сейчас погоняли коней при свете полной луны, светившей на мрачные воды реки Валкарк, преградившей им дорогу.

Два друга предпочли бы участвовать в каком угодно сражении, лишь бы не переплывать Валкарк, но выхода у них не было. Что ждет их в таинственных водах, оставалось загадкой, зато они очень хорошо знали, как поступят с ними нищие, если поймают.

Лошади захрипели, встали на дыбы. Укоротив уздечки, ругаясь почему зря, путешественники заставили своих скакунов спуститься с крутого берега, войти в реку, стремительно бегущую к нечистому лесу Троос, находившемуся в стране Орог, где жили неизвестные миру колдуны, и царило древнее зло.

Эльрик выплюнул воду изо рта, закашлялся.

— Надеюсь, они не последуют за нами в Троос! — воскликнул он, обращаясь к своему спутнику.

Мунглам промолчал. Несмотря на то, что в глазах его застыл страх, он ухмыльнулся, обнажив белые зубы. Лошади быстро плыли по течению; толпа нищих, собравшаяся на берегу, яростно ревела, чувствуя, что добыча от них ускользает; несколько человек громко смеялись и выкрикивали:

— Теперь нам не придется трудиться! Троос постарается за нас!

Эльрик издевательски рассмеялся в ответ. Глубокие воды широкой, прямой, как стрела, реки неслись по травянистой равнине, усеянной большими камнями, поросшими темно-зеленым мхом. Наступило промозглое утро. Нищие, бежавшие за двумя друзьями по берегу, решили, наконец, прекратить преследование и повернули обратно.

Когда они скрылись из виду, Эльрик и Мунглам повернули коней к берегу, выбрались из воды. Среди высоких трав и камней росли редкие деревья, постепенно переходящие в густой лес. Ветви шевелились, словно живые существа, изумрудно-зеленая листва о чем-то шептала, кроваво-красные цветы с лепестками в крапинку угрожающе кивали головками, черные изогнутые стволы, словно отполированные неизвестным мастером, зловеще скрипели. Запах гниющей растительности был настолько резким, что трудно было дышать.

Мунглам сморщил нос.

— Вернемся? — спросил он. — Обойдем Троос стороной и через день будем в Бакшаане. Что скажешь, Эльрик?

Альбинос нахмурился.

— Чем Бакшаан лучше Надсогора? Бюргеры наверняка не забыли, как мы штурмовали дворец Никорна, а затем содрали выкуп с купцов. Нет, раз уж мы здесь оказались, я намерен удовлетворить свое любопытство и исследовать этот загадочный лес. Об Ороге и Троосе ходят легенды, и мне хочется проверить, лгут они или нет. Мой меч и заклинания защитят нас, если в этом возникнет необходимость.

Мунглам вздохнул.

— Эльрик, хоть раз в жизни, давай разумно струсим и не станем подвергать себя опасности.

Альбинос холодно улыбнулся. Его красные глаза сверкнули, мертвенно-бледная кожа лица, казалось, побледнела еще сильнее.

— В случае опасности мы умрем, только и всего.

— Знаешь, мне как-то не хочется умирать, — сказал Мунглам. — Славное вино Бакшаана или, скажем, Джадмара...

Но Эльрик, не слушая, пришпорил коня, углубляясь в лес. Мунглам вздохнул и поехал следом.

Черные лепестки огромных цветов на мощных стеблях закрыли небо. В нескольких шагах ничего не было видно. Мунглам невольно вспомнил рассказы о Троосе путешественников с сумасшедшими глазами, которые с утра до вечера пили вино в самых захудалых тавернах Надсогора.

— Говорят, — сказал он, обращаясь к Эльрику, — что Обреченный Народ высвободил из недр Земли колоссальные силы, которые вызвали ужасные изменения в людях, животных и растениях. Напоследок обреченные создали этот лес, который и погибнуть должен последним на планете. Должно быть, они ненавидели Землю, хоть она и дала им жизнь.

— В определенные минуты ребенок всегда ненавидит своих родителей, — заметил Эльрик.

— Но родители следят за своими детьми, — возразил Мунглам. — Я слышал, во времена расцвета обреченные не боялись даже богов.

— Смелый народ. — Эльрик чуть заметно улыбнулся. — Жаль, я не могу засвидетельствовать им своего почтения. Не знаю, отчего они погибли, но меня утешает мысль о том, что сейчас к нам вернулись и боги, и страх.

Мунглам задумался, но так и не понял, что альбинос имел в виду. Ему стало неудобно.

Троос шептал, шуршал, шумел, но в нем не было ни одного живого существа, по крайней мере Эльрик и Мунглам не видели ни зверей, ни птиц, ни даже комаров. Не желая поддаваться страху и надеясь, что настроение у него хоть немного улучшится, Мунглам запел дрожащим голосом:

Слова и улыбки я вам продаю,
И выгоду знаю при этом свою.
Хоть я коротышка и бедный трусишка,
Но мне уготовано место в раю.

Голос его окреп, на душе стало легче. Он продолжал петь, следуя за своим другом, которого немного побаивался, о чем знали они оба, и в чем ни один из них никогда бы не признался.

Слушая песню Мунглама, Эльрик улыбнулся.

— Признаваясь в собственной слабости и трусости, ты накличешь на себя беду, — сказал он.

— Напротив, — весело заявил Мунглам. — Если я во всеуслышание буду говорить о своем ничтожестве, на меня никто не обратит внимания. Если же я начну хвастаться силой и доблестью — и при этом не совру! — кто-нибудь обязательно воспримет мои слова, как вызов, и захочет как следует проучить меня!

— Хорошо сказано! Ты прав.

Они поскакали дальше, и время от времени Эльрик указывал на различные цветы и листья, называя их на языке, которого Мунглам не знал. Казалось, альбинос вообще не испытывал страха перед Троосом, но Мунгламу было не привыкать к тому, что его друг умеет искусно скрывать свои чувства.

Путешественники сделали короткий привал, не слезая с коней, и Эльрик аккуратно сложил сорванные им растения в кожаный кошель на поясе, отказавшись объяснить, зачем они ему понадобились.

— Едем дальше, — сказал он. — Тайны Трооса ждут нас.

— Отложите свое путешествие на день, незнакомцы, — произнес из темноты нежный женский голос.

Эльрик пригнулся к шее коня, схватился за рукоять «Повелителя Бурь». Низкий глубокий голос подействовал на него самым странным образом. У альбиноса перехватило дыхание, он почувствовал, что стоит на перекрестке дорог Судьбы, по одной из которых ему предстояло пройти до конца, хотя неизвестно было, куда она его приведет. Видение исчезло также внезапно, как появилось. Напряженно вглядываясь в

темноту, он медленно произнес:

— Мы благодарим тебя за совет, госпожа. Если ты покажешься и объяснишь, что тебе угодно...

Мощный черный иноходец, с которым женщина справлялась с трудом, вышел из-за кустов. Мунглам восхищенно прищелкнул языком. Незнакомка оказалась красавицей. Лицо и осанка выдавали в ней девицу благородного происхождения, выражение ее больших серо-зеленых глаз казалось загадочным и вместе с тем невинным, Она была очень молода: несмотря на пышную фигуру, ей нельзя было дать больше семнадцати лет.

Эльрик нахмурился.

— Ты путешествуешь в одиночестве?

— В данный момент, да, — ответила девушка, пытаясь скрыть изумление, которое она испытала при виде альбиноса. — Мне нужна помощь... и защита. Я ищу людей, которые проводят меня в Карлаак. Им хорошо заплатят.

— Карлаак в Плачущей Пустоши? Он находится за Ильмиорой, примерно в ста лигах отсюда. Это — неделя быстрой езды. — Эльрик не стал ждать ответа. — Мы не проводники, госпожа. У себя на родине мы занимаем высокое положение.

— В таком случае законы рыцарства обязывают вас выполнить мою просьбу.

Эльрик коротко рассмеялся.

— Законы рыцарства? Мы не выскочки из Молодых Королевств, выдумавшие странный кодекс чести и правила ка все случаи жизни. Нас можно назвать древними рыцарями, которые руководствуются лишь своими желаниями и подчиняют их собственной воле. Ты не обратилась бы к нам с подобной просьбой, если б знала, как нас зовут.

Она облизнула пересохшие губы, неуверенно произнесла:

— Ты...

— Эльрик из Мельнибонэ, госпожа, которого на западе называют Эльриком Убийцей Женщин. Мой спутник — Мунглам из Эльвера; его никогда не мучают угрызения совести.

Она тихо вскрикнула.

— Я слышала о тебе. В легендах говорится о корсаре с мертвенно-бледным лицом, колдуне, продавшем душу дьяволу, и его мече, который питается душами людей...

— Все это так. Легенды искажаются, передаваясь из уст в уста, но, поверь, в них нет и намёка на ту страшную правду, которой обо мне никто не знает. — Эльрик замолчал, посмотрел на испуганную девушку, мягко добавил: — Ты все еще настаиваешь на своей просьбе?

Она упрямо поджала губы, делая вид, что ничего не боится.

— У меня нет выхода. Я не могу путешествовать одна. Мой отец, Старший Сенатор Карлаака, очень богат. Карлаак называют городом Нефритовых Башен, наш нефрит и янтарь знамениты на весь мир. Когда ты доставишь меня отцу, он по-царски наградит тебя.

— Думай, о чем говоришь, если не хочешь рассердить меня, — надменно сказал Эльрик, в то время как в глазах Мунглама зажегся алчный огонек. — Мы не клечи, которых можно запрячь, не товары, продающиеся в лавках. Кроме того, — он презрительно улыбнулся, — я родился и вырос в Имрире, Городе Мечты, столице Мельнибонэ, расположенной на Острове Драконов, и мне ведомо, что такое настоящая красота. Твои побрякушки не могут соблазнить того, кто видел пульсирующее всеми цветами радуги сердце Ариоха, сверкание Рубинового Трона, полное истомы пламя акторийского камня в Перстне Императоров. И это не просто драгоценности, госпожа, — в них скрыта жизненная сила Вселенной.

— Прости меня, милорд Эльрик, и ты, рыцарь Мунглам.

Эльрик рассмеялся, посмотрел на девушку чуть ли не с нежностью.

— Мы — скитальцы, миледи, не обученные правилам хорошего тона, но Боги Удачи помогли нам

бежать из Надсогора, и мы перед ними в долгу. Мы проводим тебя в Карлаак, город Нефритовых Башен, а Троос исследуем в другой раз.

Слова благодарности замерли на ее устах, когда она увидела выражение лица альбиноса.

— А теперь, — сказал Эльрик, — после того, как мы тебе представились, может, и ты назовешь нам свое имя и расскажешь, какими судьбами очутилась в этом лесу.

— Меня зовут Зарозиния, я — дочь Воашана, предводителя самого могущественного клана на юго-западе Ильмиоры. Два моих двоюродных брата, мой дядя и я решили погостить у родственников, живущих в купеческом городе на побережье Такрайда.

— Долгое путешествие, миледи Зарозиния, и опасное.

— Да. Две недели назад мы распрощались с ними и отправились в обратный путь. Вильмирийский пролив мы пересекли без приключений, затем наняли хорошо вооруженных проводников, снарядили большой караван и пошли в Ильмиору через Вильмир. Надсокор мы оставили в стороне, знал, что в Городе Нищих плохо относятся к честным путешественникам...

Эльрик улыбнулся.

— А иногда и к нечестным, в чем мы убедились на собственной шкуре.

На лице Зарозинии появилось недоуменное выражение: ей было непонятно, как может добродушно шутить человек, о котором она слышала столько страшных историй.

— Обогнув Надсокор, — продолжала она, — мы очутились в Ороге, где, как известно, и расположен Троос. В этой загадочной стране людей на каждом шагу подстерегает опасность, поэтому караван двигался с большой осторожностью. Тем не менее, мы попали в засаду, и наши проводники тут же нас покинули.

— В засаду? — перебил девушку Мунглам. — Ты, случайно, не знаешь, кто ее устроил?

— Судя по свирепым лицам и маленьким коренастым фигурам, это были орогиане. Моего дядю убили сразу, а братья сражались отчаянно, но и они погибли. Один из них хлестнул плетью моего иноходца, и он помчал, а я никак не могла остановить его. Позади меня раздавались ужасные крики, безумные визги, свирепый вой. Когда, наконец, мне удалось справиться с конем, я поняла, что заблудилась. А затем я услышала ваши голоса и спряталась в кустах, решив сначала, что вы тоже орогиане. Потом, по вашему разговору, мне стало ясно, что вы такие же люди, как я, и тогда я обратилась к вам за помощью.

— И мы обязательно тебе поможем, — сказал Мунглам, отвесив почтительный поклон. — Тем более, я — твой должник. Если б ты не уговорила моего друга проводить тебя в Карлаак, мы до сих пор блуждали бы в этом кошмарном лесу и, вне всяких сомнений, нажили бы себе массу неприятностей. Я выражаю тебе соболезнования по поводу смерти твоих близких и заверяю в том, что ты находишься под защитой не только двух мечей и двух храбрых сердец, но и волшебных сил, которыми мы сможем воспользоваться в случае необходимости.

— Будем надеяться, такая необходимость не возникнет, — нахмурившись, сказал Эльрик. — К тому же не слишком ли восторженно ты говоришь о волшебных силах, Мунглам? Насколько я помню, ты всегда возмущался, когда я ими пользовался.

— Должен же я хоть немного успокоить нашу юную леди, Эльрик, — весело произнес Мунглам. — И должен признаться, твое могущество не раз выручало нас из беды. А сейчас я хочу предложить вам разбить лагерь и как следует выспаться, чтобы рано утром отправиться в путь.

— Здесь ты прав, — сказал Эльрик, смущенно глядя на девушку. Внезапно у него перехватило дыхание, и он с большим трудом справился с охватившими его чувствами.

Зарозиния, казалось, тоже не могла оторвать взгляда от альбиноса. Их невольно тянуло друг к другу, хотя ни один из них не догадывался, какое будущее уготовила им судьба.

Стало совсем темно: дни в этих краях были короткими. Пока Мунглам разжигал костер, нервно оглядываясь по сторонам, Зарозиния подошла к Эльрику, разбиравшему травы, которые он собрал в лесу. Вышитый золотом наряд девушки сверкал и переливался в колеблющемся свете. Она искоса посмотрела на альбиноса, затем, увидев, что он поглощен работой, уставилась на него с нескрываемым восхищением.

Почувствовав ее взгляд, Эльрик поднял голову, улыбнулся. Первый раз в жизни в глазах его не отражалась тоска, а лицо было спокойным.

— Это — целебные травы, — пояснил он, указывая на один из пучков, — а это — волшебные, для вызывания духов. Я нашел в Троосе растения, которые могут дать человеку сверхъестественную силу или свести его с ума. В общем, мне удалось собрать богатый урожай.

Она села с ним рядом, провела рукой по черным волосам. Девушка часто дышала, ее большая грудь быстро вздымалась и опускалась.

— Скажи, ты действительно такой злой, как говорят легенды? — спросила она. — Мне трудно в это поверить, милорд Эльрик.

— Я принес зло многим, но, как правило, мне приходилось бороться еще с большим злом. Нет, я не оправдываюсь и отдаю себе отчет во всех своих поступках. Я убивал не только черных магов и тиранов, но и добрых, честных людей. Моя сестра, Каймориль, которую я любил, погибла от моей руки... вернее, от моего меча.

— Разве ты не повелеваешь своим мечом?

— Повелеваю?.. Наверное, да. Я часто задаю себе этот вопрос. Без моего меча я — никто. — Он положил руку на рукоять «Повелителя Бурь». — Я должен быть ему благодарен. — И вновь в глазах альбиноса появилась тоска, исходящая, казалось, из глубин его души.

— Прости, если я пробудила в тебе неприятные воспоминания...

— Не извиняйся, миледи Зарозиния. Ты не могла причинить мне боль, потому что я живу с нею всю свою жизнь. Если быть до конца откровенным, твое присутствие облегчило мои страдания.

Вздвигнув от изумления, она посмотрела на него, потом счастливо улыбнулась.

— Меня нельзя назвать легкомысленной, милорд, но в данном случае...

Альбинос быстро вскочил на ноги.

— Мунглам, костер хорошо горит?

— Да, Эльрик. До утра можно не подкладывать. — Мунглам склонил голову набок, подождал, не скажет ли его друг что-нибудь еще, затем пожал плечами и подошел к седельным сумкам, так и не поняв, в чем дело. У Эльрика не было привычки задавать пустые вопросы.

Альбинос, который просто не знал, как продолжить разговор с Мунгламом, резко повернулся к Зарозинии, заговорил настойчиво, убежденно:

— Я — убийца и вор, недостойный...

— Милорд Эльрик, я...

— Тебя пленила легенда, вот и все.

— Неправда! Если ты чувствуешь то же, что чувствую я, ты знаешь, что это не так!

— Ты слишком молода.

— Но не для любви.

— Остерегись! Я должен до конца сыграть отведенную мне роль.

— Роль?

— Я обречен не знать покоя. Жалость живет в моем сердце, но я редко в него заглядываю. Все мои желания и поступки определяют не Звезды, не Судьба, не Люди, не Боги, не Демоны, а злой рок, преследующий меня по пятам. Посмотри на Эльрика, Зарозиния, любимую игрушку Времени, Эльрика из Мельнибонэ, который ненавидит себя всеми силами своей души!

— Это самоубийство!

— Да. Я совершил великий грех, ибо приговорил себя к медленной смерти. И те, кто следуют за мной, страдают не меньше, чем я.

- Ты говоришь так только потому, что сходишь с ума от чувства вины.
- Я и не отрицаю, что виновен.
- А рыцарь Мунглам тоже страдает не меньше, чем ты?
- Он не такой, как все. На Мунглама ничто не действует — он слишком уверен в своих силах.
- Я тоже уверена в себе, милорд Эльрик.
- Это другое дело. Ты слишком молода.
- Разве моя уверенность обязательно должна пройти вместе с молодостью?
- Не стану скрывать, я чувствую в тебе силу, не меньшую, чем в Мунгламе и во мне.

Она поднялась на ноги, распахнула ему свои объятия.

- Тогда примиришься с самим собой, Эльрик из Мельнибонэ!

Что-то дрогнуло в душе Эльрика. Он жадно обнял ее, страстно поцеловал, чувствуя, что она нужна ему, что он без нее не может. Впервые за свою жизнь он забыл Каймориль из Имрирра.

Мунглам, отвернувшись, начищал свою саблю, а двое влюбленных, поглощенные друг другом, упали на мягкую землю и погрузились в небытие.

Путешественники крепко спали; огонь костра постепенно угасал.

Эльрик, радость которого не знала границ, позабыл о том, что ему надо стоять на часах, а Мунглам, полагавшийся только на самого себя, бодрствовал, сколько мог, а затем тоже уснул.

Среди черных стволов искривленных деревьев двигались небольшие коренастые фигуры.

Орогиане неслышно подбирались к трем спящим людям.

Эльрик инстинктивно открыл глаза, увидел юное, умиротворенное лицо Зарозинии. Не поворачивая головы, он обвел взглядом поляну и лес, в ту же секунду перекатился по земле, выхватил «Повелителя Бурь» из ножен. Черное лезвие яростно завывало, словно протестуя, что его разбудили.

— Мунглам! Опасность! — вскричал Эльрик, чувствуя, как его охватил страх при мысли о девушке, за которую он готов был отдать жизнь.

Коротышка, спавший сидя, резко поднял голову, схватил саблю, лежавшую у него на коленях, вскочил на ноги и бросился к альбиносу.

- Извини, — сказал он.

- Это я виноват...

Орогиане накинудись на них. Эльрик и Мунглам стояли над Зарозинией. Девушка проснулась, сразу поняла, что произошло, но даже не вскрикнула. Быстро оглядевшись по сторонам, она убедилась, что поблизости нет никакого оружия, и поступила самым разумным образом: осталась на своем месте.

От орогиан пахло протухшей рыбой. Размахивая длинными ножами, которыми мясники разделяют туши, они напали на двух друзей.

«Повелитель Бурь» взвыл, прошел сквозь лезвие ножа, как сквозь трухлявое дерево, снес орогианину голову с плеч. Кровь фонтаном взлетела в небо. Мунглам уклонился от удара, поскользнулся, упал, рубанул саблей по ногам противника, дико завизжавшего и свалившегося в костер. Не вставая с земли, коротышка сделал выпад, пронзил сердце еще одному орогианину. Быстро вскочив на ноги, он оказался плечом к плечу с альбиносом.

- Если сможешь, приведи сюда наших лошадей! — крикнул Эльрик Зарозинии, не оборачиваясь.

Мунглам застонал: лезвие ножа полоснуло его по руке. Стиснув зубы, он убил нападавшего ударом в шею, слегка повернулся, снес половину лица еще одному орогианину. Два друга перешли в контратаку; раненой рукой Мунглам с трудом достал кинжал из ножен, отбил лезвие ножа клинком сабли, по самую рукоять вонзил кинжал в живот своего противника.

Эльрик взял рунный меч двумя руками, начал вращать его с бешеной скоростью, внося хаос в ряды маленьких человечков. Зарозиния бросилась к лошадям, подвела их к месту битвы. Эльрик разрубил пополам напавшего на него орогианина, возблагодарил судьбу за то, что проявил предусмотрительность и не стал расседлывать лошадей на ночь, чтобы ими можно было воспользоваться в случае опасности. Трое путешественников быстро вскочили в седла и галопом поскакали по тропинке, ведущей в лес.

— Седельные сумки! — с отчаянием в голосе воскликнул Мунглам, казавшись, позабыв даже о своей ране. — Мы забыли седельные сумки!

— Что с того? Не гневи богов, друг мой.

— Но в них остались все наши деньги!

Эльрик рассмеялся. На душе у него было легко и весело.

— Не переживай, Мунглам. Не в деньгах счастье.

— Знаю я тебя, Эльрик. Ты вечно витаешь в облаках.

Но Мунглам тоже рассмеялся, слыша за своей спиной разъяренные вопли орогиан.

Альбинос подскочил к Зарозинии, обнял ее.

— В твоих жилах течет благородная кровь бесстрашного народа, — сказал он.

— Спасибо, — ответила девушка, очень довольная комплиментом. — Но ни один из наших воинов не смог бы сражаться так, как вы с Мунгламом. Это было бесподобно.

— Благодарю мой меч, — коротко сказал Эльрик.

— Нет. Я благодарю тебя. Каким бы могуществом ни обладало твое оружие, по-моему, ты придаешь ему слишком большое значение.

— «Повелитель Бурь» мне необходим.

— Для чего?

— Для того, чтобы обладать силой, которую я могу передать и тебе.

— Я не вампир. — Она улыбнулась. — И мне не нужна такая страшная сила.

— Поверь, что мне она очень нужна. Ты не посмотрела бы в мою сторону, если б рунный меч не питал меня своей энергией. Без него я превращусь в жалкое и ничтожное существо.

— Я никогда в это не поверю, но сейчас не стану с тобой спорить.

Они молча продолжали путь.

Примерно через час путешественники остановили коней, спешили. Лес шумел неприятно, зловеще. Зарозиния взяла целебные травы, которые дал ей Эльрик, положила их на рану Мунглама, завязала ему руку.

Альбинос о чем-то глубоко задумался, потом сказал:

— Мы находимся в самом центре Трооса, так что возвращаться нет смысла. Давайте продолжим путь в Ильмиору через лес, а по дороге навестим орогского короля.

Мунглам рассмеялся.

— Ты не хочешь сначала послать ему наши мечи? Заодно предлагаю явиться к нему со связанными руками. — Целебные травы подействовали на него быстро, боль его прошла почти сразу же.

— Я не шучу. Орогиане — наши должники. Они убили дядю и братьев Зарозинии, ранили тебя и к тому же забрали все наши деньги. Я считаю, король должен возместить наши убытки. Обитатели Трооса кажутся мне настолько глупыми, что их нетрудно будет надуть.

— Вот-вот. По своей глупости король прикажет разрезать нас на маленькие кусочки.

— Я действительно не шучу. Убежден, что нам надо нанести визит Его Величеству.

— Неплохо было бы, конечно, вернуть наши деньги, но мы не можем рисковать жизнью миледи Зарозинии.

— Я — будущая жена Эльрика, Мунглам. Если он пойдет к орогскому королю, я пойду вместе с ним.

Мунглам приподнял бровь.

— Быстро вы обручились.

— Тем не менее, она говорит правду. Мы навестим короля Орога вместе, а моя волшебная сила защитит нас от его гнева.

— И вновь ты хочешь отомстить и посеять вокруг себя смерть, Эльрик, — сказал Мунглам, усаживаясь в седло и пожимая плечами. — Меня это, конечно, не касается, потому что дело ты предлагаешь выгодное. Считай себя Богом Несчастья, если хочешь, но должен признаться, до сих пор ты приносил мне удачу.

Эльрик улыбнулся.

— Убивать я никого не собираюсь, но отомстить — отомщу.

— Скоро рассветет. — Мунглам огляделся по сторонам. — Насколько я помню карту, которую видел в Надсогоре, королевская цитадель находится в шести часах езды отсюда, на юг — юго-восток от Древней Звезды.

— С тобой невозможно заблудиться, Мунглам. Ни один караван не отказался бы от такого проводника, как ты.

— Наша философия основана на чтении звезд. Мы, эльверцы, считаем, что звезды, вращаясь вокруг Земли, управляют всеми событиями, происходящими на планете. Им ведомо прошлое, настоящее и будущее. Звезды — это наши боги.

— Предсказуемые боги, — уточнил Эльрик.

Весело смеясь, путешественники тронулись в путь.

Глава вторая

О крохотном орогском королевстве доподлинно известно было только одно: на его территории, — чему соседние государства искренне радовались, — находился лес Троос, в котором жили орогиане — уродливый народец с искривленными конечностями и деформированными телами. Согласно легендам, они являлись потомками Обреченного Народа, того самого, который практически уничтожил Землю в предыдущем Цикле Времени, Говорили, что безумие орогских правителей, внешне похожих на обычных людей, хуже уродства их подданных.

Немногочисленные обитатели Орога жили в лесу, а король управлял ими из цитадели, которая тоже называлась Орог.

В эту цитадель и направлялись трое путешественников, а по пути Эльрик рассказал, что он задумал.

Альбинос нашел в лесу небольшое растение, которое делало человека неуязвимым. Надо было только выжать из листьев сок, произнести нужное заклинание, — вполне безопасное, так как волшебник мог не бояться духов, согласившихся ему помочь, — и принять снадобье, изменявшее кожу и плоть таким образом, что они могли выдержать практически любой удар меча или топора.

Эльрик, будучи в редком для себя расположении духа, подробно объяснил своим спутникам, как действует снадобье, но он употребил столько архаизмов и незнакомых слов, что они ничего не поняли.

Путешественники сделали привал примерно в часе езды от цитадели, и Эльрик принялся за работу.

Он развел небольшой костер, истолок листья растения пестиком в ступке, налил в нее немного воды. Когда жидкость закипела, альбинос начертал руны, настолько странные, что они, казалось, исчезали в другом измерении, а затем вновь появлялись на земле. Сделав несколько пассов в воздухе, он тихонько запел:

Замешайте вместе вновь
Кости, мышцы, плоть и кровь.
Чудо-зелье, сделай так,
Чтобы нас не тронул враг.

Небольшое розовое облачко появилось над ступкой, заколебалось, опустилось вниз. Жидкость забулькала, затем поверхность ее стала ровной.

— Детское заклинание, — с улыбкой сказал альбинос, — настолько простое, что я чуть было не забыл его. Впрочем, им редко приходится пользоваться, так как растение, необходимое для приготовления снадобья, растет только в Троосе.

Зелье в ступке затвердело, и Эльрик разломал его на маленькие кусочки.

— Если принять слишком большую дозу, — предупредил он, — можно отравиться. Эффект неуязвимости продолжается несколько часов, хотя в редких случаях снадобье может не подействовать. Впрочем, риск невелик. — Он протянул своим спутникам, с сомнением глядевшим на снадобье, по лепешке. — Проглотите их перед тем, как мы войдем в цитадель, или в том случае, если по пути нам встретятся орогиане.

Они вскочили на коней и продолжили путь.

В нескольких милях к юго-востоку от Трооса, слепец запел во сне страшную песню и разбудил сам себя.

Эльрик, Мунглам и Зарозиния подъехали к цитадели Орог в сумерках. Лающий отрывистый голос окрикнул их с крепостной стены, окружающей большое квадратное здание — древнюю резиденцию орогских королей. Из толстых каменных стен, поросших лишайником и мхом, сочилась вода. Единственным входом в цитадель служила покрытая на фут черной вонючей грязью тропинка, по которой мог пройти только один человек.

— Что вам надо в королевском дворце Гутерана Могучего?

Они не видели, кто задал им этот вопрос.

— Мы просим, чтобы король оказал нам гостеприимство и дал аудиенцию, — весело крикнул Мунглам. — Мы сообщим ему очень важные новости.

Из-за башенки на стене выглянуло перекошенное лицо.

— Войдите, незнакомцы. Мы рады вас приветствовать, — заявил часовой безрадостным тоном.

Тяжелые деревянные ворота поднялись; путешественники с трудом проехали по тропинке, очутились во внутреннем дворе цитадели.

По серому небу стремительно неслись черные рваные тучи, словно им не терпелось как можно скорее покинуть границы Орога и омерзительный лес Троос.

Двор был тоже покрыт черной вонючей грязью, хотя и не такой глубокой. Справа от Эльрика каменные ступени поднимались ко входу под аркой, поросшей тем же лишайником, что стены цитадели и деревья Трооса.

На верхнюю площадку лестницы вышел высокий человек благородной внешности с такими же, как у Эльрика, молочно-белыми волосами, но грязными и спутанными. Выглядел он лет на сорок-пятьдесят, на его волевом, изрезанном глубокими морщинами лице выделялись крупные оспины. Он был одет в куртку из мягкой кожи и желтую юбку до голеней; на поясе у него висел обоюдоострый кинжал без ножен.

Человек остановился, бросил на путешественников тяжелый взгляд из-под полуопущенных век, подал знак стражнику, который бросился закрывать ворота, сказал безо всякого выражения в голосе:

— Мужчин убейте, женщину не трогайте. — Эльрику доводилось слышать, как таким тоном разговаривают ожившие мертвые.

Эльрик и Мунглам, договорившиеся заранее, встали по бокам Зарозинии и молча скрестили руки на груди. Изумленные орогиане, одетые в широкие брюки и рубашки с просторными рукавами, скрывавшими их изуродованные конечности, осторожно приблизились к путешественникам, взмахнули длинными ножами.

Эльрик почувствовал небольшой шок от сильных ударов, но на теле у него не появилось ни царапины. Мунглам тоже остался цел и невредим.

Орогиане отскочили в сторону; их лица, похожие на звериные, исказились от страха.

Глаза человека, стоявшего на лестничной площадке, расширились от изумления. Он поднес ко рту белую руку, принялся грызть ногти. Драгоценные камни в перстнях на его пальцах засверкали.

— Мы не можем убить пришельцев мечами, о король! На их телах не появилось ран, из них не течет кровь. Кто они такие?

Эльрик картинно рассмеялся.

— Мы не простые смертные, маленькие человечки, — сказал он. — Мы — посланники богов и спустились на Землю, чтобы объявить их волю вашему королю. Не беспокойтесь, мы не причиним вам вреда, потому что вы против нас бессильны. А теперь расступитесь и окажите нам достойный прием.

Король Гутеран продолжал задумчиво грызть ногти. Эльрик выругался про себя. Его Величество оказался куда разумнее своих подданных; обмануть его будет нелегко. Альбинос решительно поднялся по каменной лестнице.

— Приветствую тебя, король Гутеран. Боги, наконец-то, вернулись в Орог и послали нас сообщить тебе об этом.

— В Ороге не поклонялись богам целую вечность, — все тем же безжизненным тоном сказал Гутеран. — Зачем они нам сейчас? — Повернувшись, он прошел в цитадель.

— Ты слишком дерзок, король.

— А ты слишком смел. Откуда я знаю, что вы — посланники богов? — Гутеран быстро шел по

мрачным залам с низкими потолками.

— Ты своими глазами видел, что мечи твоих воинов не причинили нам вреда.

— Это так. Что ж, допустим, я тебе верю. Придется устроить пир... в вашу честь. Я приветствую вас, посланники богов. — Выражение лица у короля оставалось бесстрастным, по нему невозможно было определить, что он думает на самом деле.

Эльрик расстегнул застёжки своего плаща, беззаботно произнес:

— Мы обязательно расскажем о твоей щедрости нашим Повелителям.

Королевский дворец состоял из множества полутемных залов, из которых до слуха путешественников иногда доносился неестественный смех. Эльрик задал Гутерану множество вопросов, но король либо не отвечал на них, либо отделялся ничего не значащими фразами. Он не предложил своим гостям ни перекусить, ни отдохнуть с дороги и заставил их в течение нескольких часов стоять в тронном зале цитадели, в то время как сам он сидел на троне, грыз ногти и даже не вспоминал о том, что обещал устроить пир.

— Радужный хозяин, — пробормотал Мунглам.

— Эльрик, когда закончится действие снадобья? — спросила Зарозиния, стоявшая рядом с альбиносом. Он обнял ее за плечи.

— Точно не знаю. Думаю, скоро. Оно сослужило свою службу. Вряд ли орогиане нападут на нас еще раз. Однако за ними надо внимательно наблюдать: они могут попытаться прикончить нас каким-нибудь другим способом.

В тронном зале было холодно и неуютно. Огонь, по-видимому, никогда не разводился в полуразвалившихся каминах; с голых каменных стен, потускневших от времени, капала вода; на грязном полу валялись обглоданные кости и гниющие остатки пищи.

— Чистюли хоть куда, — иронически заметил Мунглам, с отвращением уставившись на Гутерана, продолжающего грызть ногти и, казалось, забывшего о своих гостях.

Слуга приблизился к королю, что-то прошептал ему на ухо. Гутеран кивнул, встал с трона, величаво удалился. Через несколько минут в зал вошли орогиане со столами и скамейками. Видимо, скоро должен был начаться пир.

Гостей усадили по правую руку от короля, одевшего на шею тяжелую золотую цепь, усыпанную драгоценными камнями. Слева от Гутерана сидели его сын и несколько женщин с молочно-белой кожей, не разговаривавших даже между собой.

Принц Гурд, развязный юноша, явно испытывавший неприязнь к отцу, жадно накинулся на безвкусную еду и осушал кислое, но довольно крепкое вино бокал за бокалом.

— Чего же хотят от нас, бедных орогиан, боги? — спросил он, похотливо глядя на Зарозинию.

— Им ничего от вас не нужно. Но они будут помогать вам в беде, если вы их признаете.

— Только и всего? — Гурд расхохотался. — От тех, кто лежит под горой, нам помощи не дожидаться. Верно я говорю, папочка?

Гутеран бросил на своего сына тяжелый взгляд.

— Да, — сказал он, и впервые за все время голос его был не монотонным, а угрожающим.

— Под какой горой? — спросил Мунглам.

Ему никто не ответил. В дверях тронного зала появился худой, как скелет, человек. Глядя прямо перед собой невидящим взором, он визгливо рассмеялся. Незнакомец был как две капли воды похож на Гутерана; его пальцы перебирали печально звеневшие струны музыкального инструмента, который он держал в руках.

— Смотри-ка, папочка, — издевательским тоном произнес Гурд, — к нам пожаловал слепой Виркад,

твой брат и менестрель. Ты не знаешь, он будет петь?

— Петь?

— Ты ведь не станешь возражать, если он споет нам свои песни, папочка?

Губы Гутерана задрожали, рот перекосился. Тяжело дыша, он неуверенно произнес:

— Пусть развлечет наших гостей какой-нибудь балладой, но...

— Некоторые песни ты ему петь запрещаешь... — Гурд злорадно усмехнулся. Казалось, сын намеренно мучал своего отца, хотя Эльрик никак не мог понять, что между ними происходит. Гурд посмотрел на слепца, громко крикнул: — Иди сюда, дядя Виркад, спой нам!

— Здесь присутствуют посторонние, — гулко заявил Виркад, продолжая перебирать струны. — Посторонние в Ороге?

Гурд захихикал, залпом выпил очередной бокал вина. Гутеран задрожал всем телом, принялся нервно грызть ногти.

— Мы с удовольствием выслушаем тебя, менестрель, — громко сказал Эльрик.

— Тогда я спою вам песню о Трех Королях, чужеземцы.

— Нет! — вскричал Гутеран, вскакивая с места, но Виркад уже начал петь:

Покоятся во тьме три короля,
Средь них Гутеран Орогский и я.
Под мрачным небом нас не ждет покой,
Где третий отдыхает? Под горой.
Ужели не займет король свой трон?
Когда другой умрет, восстанет он...

— Замолчи! — Гутеран, безумно сверкая глазами, дрожа от страха, полез через стол, круша блюда, опрокидывая бокалы. Размахнувшись, он изо всех сил ударил своего брата. Менестрель упал, как подкошенный. — Уберите эту падаль! И чтоб больше я его здесь не видел! — На губах Гутерана выступила пена.

Гурд, неожиданно протрезвевший, перепрыгнул через стол, взял своего отца за руку.

— Успокойся, папочка! Я придумал новое развлечение.

— Негодяй! Ты хочешь занять мой трон! Это ты подговорил Виркада спеть эту ужасную песню! Тебе известно, что, слушая ее, я... — Гутеран судорожно вздохнул, уставился в пол. — В один прекрасный день легенда станет былью, Король под Горой восстанет из мертвых. И тогда погибнем ты, я и Орог.

— Папочка, — зловеще улыбаясь, сказал Гурд, — пусть женщина, наша гостья, станцует нам танец богов.

— Что?

— Прикажи женщине станцевать нам, папочка.

Эльрик поднялся на ноги. Он не сомневался, что действие волшебного снадобья давно закончилось, но не мог предложить своим спутникам принять новую порцию, потому что тем самым выдал бы себя с головой.

— Ты святотатствуешь, принц! — воскликнул он.

— Мы устроили в вашу честь пир, развлекли вас, как сумели. Согласно орогскому обычаю, теперь вы должны развлечь нас.

В тронном зале наступила зловещая тишина. Эльрик горько пожалел о своем решении обмануть орогского короля. Он намеревался истребовать с него дань именем пославших его богов, но, видимо, этот безумный человек боялся не высших сил, а чего-то куда более реального.

Он допустил ошибку, подверг опасности не только свою жизнь, но и жизни своих друзей. Что же ему

предпринять?.. Зарозиния прервала ход его мыслей.

— В Ильмиоре всех благородных девиц обучают искусству танца, Позволь мне станцевать для них. Возможно, они утихомятятся, и тебе легче будет привести свой план в исполнение.

— Один Ариох знает, как я клянусь себя за то, что придумал этот план. Будь по-твоему, Зарозиния. Танцуй, но будь осторожна. — Он посмотрел на Гурда, громко сказал: — Наша спутница станцует для вас танец богов, дабы вы убедились, какую красоту они могут сотворить. Затем вы должны будете заплатить дань, потому что терпение наших Повелителей не безгранично.

— Дань? — Гутеран встрепнулся. — Ты раньше ничего не говорил о дани.

— Те, кто признают богов, должны пожертвовать им драгоценные металлы и камни, король Гутеран. Я думал, тебе это известно.

— Вы больше похожи на обычных воров, чем на необычных посланников, друзья мои. Мы живем бедно и не собираемся отдавать последнее шарлатанам.

— Остерегись, король! Не кощунствуй! — Звонкий голос Эльрика эхом прокатился по тронному залу.

— Мы посмотрим танец, а затем рассудим, как нам поступить дальше.

Эльрик сел, сжал руку Зарозинии под столом. Девушка поднялась на ноги, величавой походкой прошла в центр зала, начала танцевать.

Эльрик, любивший Зарозинию всем сердцем, был потрясен ее изяществом и грациозностью. Она танцевала прекрасные старинные танцы Ильмиоры, и даже тупоумные орогиане смотрели на нее с восхищением. Тем временем слуги поставили на стол большой золотой кубок.

Гурд оттолкнул плечом своего отца, наклонился к Эльрику.

— Это — Кубок Гостей, милорд, — сказал он. — Согласно обычаю, наш гость должен выпить из него в знак дружеского к нам расположения.

Эльрик раздраженно кивнул, досадуя, что ему помешали наслаждаться удивительным танцем Зарозинии, которая, казалось, плыла по воздуху. В тронном зале стояла мертвая тишина.

Зарозиния кружилась у самого стола, незаметно приближаясь к альбиносу. Гурд протянул ему кубок, Эльрик машинально поднес его к губам, сделал большой глоток... Зарозиния громко вскрикнула, выбила ногой кубок из руте Эльрика. Вино выплеснулось на Гутерана и Гурда.

— Оно отравлено, Эльрик! Оно отравлено!

Разъяренный Гурд вскочил на ноги, тыльной стороной ладони ударил девушку по лицу. Зарозиния отлетела в сторону, упала на грязный пол, тихонько застонала.

— Ведьма! Разве можно причинить вред посланникам богов, подсыпав им в вино сонное зелье?

Вне себя от ярости, Эльрик отшвырнул Гутерана, изо всех сил ударил Гурда в лицо. Губы юноши превратились в кровавое месиво. Гутеран закричал, Мунглам выхватил саблю из ножен. Эльрик покачнулся, голова у него закружилась, стены поплыли перед глазами. Он увидел, как слуги схватили Зарозинию, но Мунглам исчез из его поля зрения.

Чувствуя, что теряет сознание, он собрал остатки сил и мощным ударом сбил Гурда с ног. Затем ноги у него подкосились, он упал и погрузился в небытие.

Глава третья

Холодные металлические наручники обхватывали запястья альбиноса, мелкие капли дождя стекали по его лицу, расцарапанному ногтями Гурда.

Эльрик огляделся по сторонам. Он был прикован цепями к двум каменным столбам, стоявшим на вершине гигантского могильного холма. Наступила ночь, бледная луна плыла по темному небу. Альбинос посмотрел на группу людей далеко внизу, увидел среди них Гутерана и Гурда, злобно смеявшихся.

— Прощай, посланник богов! Ты сослужишь нам добрую службу: умиротворишь Великих, живущих под горой! — крикнул Гурд и пошел вместе со всеми обратно в цитадель, находившуюся неподалеку.

Куда он попал? Что стало с Зарозинией и Мунгламом? Почему его приковали... внезапно Эльрик вспомнил все, что произошло, понял, где он находится. *«Ты умиротворишь Великих, живущих под горой»!*

Альбинос задрожал, чувствуя свою беспомощность. Как он ни дергал за цепи, ему не удавалось освободиться. В отчаянии он попытался придумать хоть какой-нибудь план действий, но никак не мог сосредоточиться, испытывая душевные муки при мысли о том, что по его вине Мунглам и Зарозиния должны погибнуть. Снизу до него донесся неприятный шелестящий звук; он увидел омерзительное белое существо, появившееся из тьмы. И вновь Эльрик забился в цепях, намертво приковавших его к двум каменным столбам.

В тронном зале пир закончился оргией. Гутеран и Гурд, безумно хохоча, празднующая победу над пришельцами, напились до полусмерти.

За дверьми тронного зала Виркад вслушивался в пьяные голоса и кипел от ненависти. Больше всех на свете он ненавидел своего брата, который ослепил его, когда узнал, что менестрель изучает черную магию с целью оживить короля под горой.

— Наконец-то настал мой час, — прошептал Виркад и остановил проходившего мимо слугу.

— Скажи мне, где пленная девушка?

— В спальне Гутерана, господин.

Виркад отпустил маленького человечка, пошел по коридорам и витым каменным лестницам, пробираясь наощупь, затем остановился у королевских покоев, достав из кармана ключ — один из многих, изготовленных им без ведома Гутерана, — и открыл дверь.

Зарозиния видела, как слепец вошел в комнату, но была бессильна оказать ему сопротивление. Девушку связали ее собственным платьем, засунули кляп в рот. Гурд сообщил ей о том, какая судьба ждет Эльрика, но Мунглама орогиане не поймали; стражники до сих пор искали его в катакомбах Орога.

— Я доставлю тебя к твоему другу, госпожа. — Слепой Виркад улыбнулся, поднял ее как пушинку, — он обладал силой, присущей всем сумасшедшим, — и вышел из комнаты. Менестрель прекрасно знал катакомбы Орога, потому что родился и вырос в них.

Его видели два человека. Одним из них был Гурд, ненавидевший своего отца и пожелавший сам обладать девушкой, вторым — Мунглам, спрятавшийся от стражников в одной из глубоких ниш в коридоре.

Гурд стоял, не шевелясь, но когда его дядя скрылся за поворотом, последовал за ним, двигаясь с крайней осторожностью. Мунглам выждал несколько секунд и пошел вслед за Гурдом.

Не выпуская из руте своей ноши, Виркад вышел из цитадели через небольшую дверь и направился к могильному холму.

У подножья гигантского холма скользили омерзительные белые существа с пятнами проказы на бесформенных членах. Они чувствовали присутствие Эльрика, которого орогиане решили принести им в жертву.

Только сейчас альбинос понял, что король боялся этих призраков больше самых страшных богов, потому что они были живыми мертвыми, предками тех, кто правил сейчас орогским королевством, — Обреченным Народом. Какое же наказание постигло Обреченных? Не знать ни минуты покоя? Никогда не умирать, постепенно превращаясь в безмозглых вампиров? Эльрик задрожал от отвращения.

Но размышления пробудили его память.

Он воззвал к Ариоху, демону-покровителю Мельнибонэ, и его мучительный крик, полный отчаяния, унесся в мрачное небо.

— Ариох! Разрушь каменные столбы! Спаси своего слугу! Ариох, повелитель, помоги мне!

Он не был услышан. Белые существа начали медленно карабкаться по склону холма к беспомощному альбиносу.

— *Ариох! Если Обреченный Народ оживет, память о тебе исчезнет из душ людских! Помоги мне уничтожить живых мертвых!*

Земля задрожала, тучи закрыли луну. Белые существа с пятнами проказы на телах подобрались к Эльрику почти вплотную.

А затем в небе высоко над головой альбиноса вспыхнул огненный шар, раздался оглушительный раскат грома, две ослепительные молнии ударили в каменные столбы, превратив их в пыль. Эльрик был свободен.

Он вскочил на ноги, понимая, что Ариох потребует платы за свою помощь, яростно накинулся на белых тварей, размахивая цепями, нанося мощные удары по бесформенным телам. Обреченные отступили, побежали вниз по холму, вереща от страха и бессильной злобы. Внезапно они исчезли.

Эльрик внимательно пригляделся, увидел у подножья холма черное отверстие входа в подземелье. Тяжело дыша, он стал шарить по кармашкам своего пояса; с облегчением вздохнул, нащупав тонкую золотую проволоку. Не медля ни секунды, альбинос засунул ее в один из замков наручников, к которым были прикреплены тяжелые цепи.

Зарозиния казалось, что она сойдет с ума от страха. Беспрерывно хихикая, Виркад все время шептал ей на ухо: «Ужели не займет король свой трон? — Когда другой умрет, восстанет он. — Тогда, когда прольется кровь другого. — Все мертвые живыми станут снова». Мы с тобой оживим его, и он отомстит, — о, как Он отомстит! — моему брату. Твоя кровь, моя дорогая, поможет ему восстать из мертвых. — Виркад почувствовал, что белых призраков поблизости нет и удовлетворенно улыбнулся. — Твой любовник сослужил мне хорошую службу, — сказал он и вошел в подземелье. От смрадного трупного запаха Зарозиния чуть не потеряла сознания. Продолжая бормотать себе под нос, безумный слепец нес ее все дальше и дальше в глубь холма.

Гурд, протрезвевший на свежем воздухе, пришел в ужас, увидев, куда пошел его дядя. Могильный холм Обреченного Народа или, как его называли, Королевская Гора, был самым страшным местом во всей орогской стране. Гурд бросился бежать к цитадели и тут же остановился, как вкопанный. Окровавленная фигура альбиноса, медленно спускавшегося с холма, преградила ему путь.

Дико вскрикнув, Гурд повернулся, нырнул в подземелье.

Эльрик, не заметивший принца, услышал чей-то крик и, не понимая, в чем дело, побежал к подножью холма. Навстречу ему из темноты выбежал человек.

— Эльрик! Слава звездам и всем богам на свете! Ты жив!

— Славь Ариоха, Мунглам. Где Зарозиния?

— Сумасшедший менестрель отнес ее внутрь этой горы; Гурд шел за ним следом. Все эти короли и принцы — безумные; по-моему, они сами не понимают, что делают.

— Зато я прекрасно понимаю, чего хочет Виркад. Зарозиния в опасности, Мунглам. Мы должны как можно скорее освободить ее!

— Клянусь звездами, ну и вонища! Таким воздухом я не дышал даже после знаменитой битвы в Эшмирской долине, где сражались армии Эльвера и Калега Вогуна, принца-узурпатора Тангензи, и на поле брани осталось более полумиллиона трупов!

— Если ты слаб желудком...

— Послушай, давай поговорим на другую тему. Пойдем...

Они бросились в черное отверстие, побежали по длинному тоннелю. Где-то вдалеке хохотал сумасшедший Виркад; слышался топот ног обезумевшего от страха Гурда, который оказался меж двух врагов, но больше всего боялся...

В призрачно фосфоресцирующем воздухе Усыпальницы, окруженный мумиями своих предков, Виркад стоял перед огромным гробом Короля Горы и нараспев читал заклинания, совершая ритуал воскрешения из мертвых. Менестрель не думал о собственной безопасности, он мечтал лишь отомстить своему брату, Гутерану. В руке Виркад держал большой нож, которым он собирался убить Зарозинию, лежавшую в полуобморочном состоянии на грязном полу рядом с гробом.

Когда горячая кровь брызнет на его крышку, ритуал воскрешения можно будет считать завершенным, и тогда...

Разверзнутся ворота преисподней. По крайней мере, Виркад был в этом уверен. Он закончил читать заклинания, занес над девушкой нож, и в это время в усыпальницу ворвался Гурд с обнаженным мечом в руке. Виркад резко повернулся, лицо его исказилось от ярости.

Ни на секунду не задумываясь, Гурд по самую рукоять вонзил меч в грудь своего дяди. Испустив предсмертный крик, Виркад отбросил нож и сомкнул пальцы на шее орогского принца. Лицо Гурда посинело, он схватил слепца за руки, но не смог их разжать.

Двое мужчин, каким-то чудом не умерших на месте, танцевали танец смерти. Гроб Короля Горы едва заметно задрожал.

В усыпальницу вбежали Эльрик и Мунглам. Альбинос бросил взгляд на Виркада и Гурда, кинулся к Зарозинии, которая, к счастью, потеряла сознание. Он бережно поднял ее на руки, посмотрел на гроб, дрожавший все сильнее и сильнее, подошел к Мунгламу.

— Этот слепой безумец воскресил мертвых. Пойдем отсюда, друг мой, пока на нас не набросились все дьяволы преисподней.

Не говоря ни слова, Мунглам побежал вслед за альбиносом к выходу из гробницы.

— Что будем делать, Эльрик? — спросил он, когда они очутились на свежем воздухе.

— Придется рискнуть и вернуться в цитадель. Там наши лошади, а пешими нам далеко не уйти. Насколько я разбираюсь в волшебстве, скоро здесь прольются моря крови.

— Мне кажется, мы ничем не рискуем. Когда я удрал из цитадели, все орогиане были пьяны — поэтому им и не удалось меня поймать. Если они продолжали пить все это время, нам нечего бояться.

— Тем более поспешим.

Они побежали к цитадели.

Глава четвертая

Мунглам оказался прав. Пьяные орогиане спали беспробудным сном. В полуразрушенных каминах горел огонь, черные тени плясали по стенам.

— Мунглам, — тихо сказал Эльрик, — иди вместе с Зарозинией на конюшню и оседлай наших коней. Я присоединюсь к вам, как только рассчитаюсь с Гутераном. Посмотри, — он указал рукой на стол, где были свалены в кучу их вещи, включая седельные сумки, украденные у дяди и братьев Зарозинии, поверх которых лежал «Повелитель Бурь». — Эти твари напились, празднуя свою победу над нами.

Зарозиния, все еще не пришедшая в себя после испытаний, выпавших на ее долю, покорно последовала за Мунгламом на конюшню. Эльрик, осторожно переступая через тела лежавших на полу орогиан, подошел к груде наваленных вещей, со вздохом облегчения схватил свой рунный меч, затем перепрыгнул через стол и совсем было собрался схватить за шиворот Гутерана, на шее которого все еще висела золотая цепь, усыпанная драгоценными камнями, когда дверь в тронный зал неожиданно рухнула. Позабыв о Гутеране, Эльрик резко повернулся; глаза его расширились от изумления.

Умерший много сотен столетий назад монарх, воскресший благодаря ритуалу, который Виркад скрепил собственной кровью, стоял на пороге тронного зала. Сгнившая одежда почти не прикрывала скелета короля, обтянутого морщинистой кожей; сердце его не билось, потому что у него не было сердца; грудь не вздымалась и не опускалась, потому что он не дышал. И тем не менее, он был жив.

Король Горы. Последний Повелитель Обреченного Народа, который, обуреваемый безумными страстями, уничтожил почти всю Землю и сотворил лес Троос. Позади короля толпились его придворные, похороненные вместе с ним в легендарном прошлом.

Побоище началось!

За что мстил Обреченный Народ своим потомкам, Эльрик не знал, но орда оживших мертвецов накинута на орогиан с неопишуемой яростью. Послышались дикие крики и стоны умирающих. Эльрик замер, с ужасом глядя на гибнувших одного за другим беззащитных человечков. Гутеран проснулся, безумным взглядом посмотрел на Короля Горы и его свиту, вскричал, с благодарностью воздев руки:

— Наконец-то! Теперь я смогу отдохнуть! — Губы его посинели, и он упал, мертвый, на грязный пол, лишив Эльрика возможности отомстить ему.

Альбинос вспомнил мрачную песню Виркада. Три Короля во тьме: Гутеран, Виркад и Король Горы. Два первых властителя погибли, третий — неожиданно ожил.

Холодные мертвые глаза Короля Горы обежали тронный зал, остановились на бездыханном Гутеране, на шее которого висела бесценная золотая цепь, усыпанная драгоценными камнями — древний символ королевской власти. Эльрик быстро снял цепь с трупа, попятился...

Король Горы приблизился к Эльрику медленными шагами, кинулся на него с глубоким стоном, исходившим, казалось, из глубин разлагающегося тела. Эльрик выхватил рунный меч из ножен, но даже «Повелитель Бурь» был бессилен против ужасного существа, лишенного души.

Мощные челюсти лязгнули у горла альбиноса, длинные ногти мелькнули у его лица. Свита короля пировала, поедая и живых, и мертвых; от смрадного трупного запаха можно было задохнуться.

Внезапно Эльрик услышал голос Мунглама, увидел своего друга на галерее, опоясывающей стены тронного зала. В руках Мунглам держал большой кувшин с маслом.

— Замани его поближе к огню, Эльрик! — крикнул он. — Это — твой единственный шанс!

Стиснув зубы, альбинос перешел в наступление. Его атака была настолько стремительной, что Король Горы отступил. Вокруг них не переставая кричали обезумевшие от страха орогиане.

Король Горы остановился спиной к полуразрушенному камину, в котором горел огонь. Казалось, он не чувствовал ударов испещренного рунами черного меча. Мунглам бросил кувшин с маслом, упавший позади короля на каменный пол. Кувшин разбился вдребезги, масло загорелось. Эльрик толкнул воскресшего монарха изо всех сил.

Страшный тоскливый вой вырвался из горла Короля Горы; он покачнулся, упал и исчез в пожравшем его пламени.

В тронном зале начался пожар; воскресшие мертвые продолжали пировать как ни в чем не бывало, несмотря на то, что погибали в огне один за другим. Пламя разбушевалось, пробиться к двери было невозможно.

Эльрик огляделся по сторонам, вложил меч в ножны. У него оставался только один путь к спасению. Коротко разбежавшись, он изо всех сил оттолкнулся от пола, подпрыгнул, уцепился за столбик перил галереи. Мунглам наклонился, помог альбиносу перебраться через перила.

— Я в тебе разочаровался, Эльрик. — Коротышка ухмыльнулся. — Ты не прихватил с собой ничего ценного.

Альбинос показал ему золотую цепь, усыпанную драгоценными камнями, которую он держал в левой руке.

— Эта безделушка в какой-то мере вознаградит нас за труды. — Он улыбнулся. — Клянусь Ариохом, я ее не украл! В Ороге не осталось королей, которые могли бы носить этот символ власти! Пойдем отсюда.

Через дверь галереи они вышли на каменную лестницу, спустились вниз. Через несколько минут трое всадников покинули цитадель, объятую ревущим пламенем. Орог прекратил свое существование; исчезли три короля; закончилось настоящее; будущее было уничтожено. Теперь от древнего королевства останется лишь могильный холм, а в нем — два трупа, покоящихся рядом со своими великими предками, пролежавшими в усыпальнице сотни веков. Предыдущий Цикл Времени окончательно канул в небытие, Земля очистилась от древнего Зла. Только страшный лес Троос напоминал теперь о былом величии легендарного Обреченного Народа.

Усталые, но довольные путешественники смотрели на вздымающийся в небо столб погребального огня, освещающего мрачный Троос.

Эльрик глубоко задумался.

— Почему ты хмуришься, любимый? — спросила его Зарозиния.

— Я думаю о том, что ты, быть может, оказалась права. Помнишь, ты говорила, что я придаю своему мечу слишком большое значение?

— Да... и обещала, что не буду спорить с тобой по этому поводу.

— Верно. Видишь ли, когда меня приковали к каменным столбам на могильном холме, у меня не было с собой «Повелителя Бурь», и тем не менее я сражался и победил, потому что больше всего на свете беспокоился за твою жизнь. — Голос альбиноса был тих и спокоен. — Вдруг мне удастся когда-нибудь избавиться от рунного меча и поддерживать свои силы с помощью трав, которые я нашел в Троосе?

Мунглам громко расхохотался.

— Что я слышу, Эльрик! Неужто ты осмелился предположить, что сможешь обойтись без своего ужасного оружия? Какая приятная неожиданность!

— Вот именно, друг мой, вот именно. — Не обращая внимания на то, что лошади мчались галопом, Эльрик притянул Зарозинию к себе за плечи, крепко поцеловал ее в губы.

— Я начинаю новую жизнь! — вскричал он, чувствуя, как ветер свистит у него в ушах. — Нас ждет новая жизнь, моя любимая!

Дорогой в Карлаак, расположенный на Плачущей Пустоши, они весело смеялись и шутили. Им предстояли новые знакомства, их ждали богатство и слава, они торопились сыграть свадьбу — самую странную из всех, которые когда-либо игрались в Западных Землях, потому что, сочетаясь браком, ужасный колдун и молодая дочь сенатора устанавливали связь между старым и новым миром, между мудростью прошлых веков и надеждой на прекрасное будущее.

Кто знал, что может дать подобный союз?

Впрочем, об этом говорится в других легендах об Эльрике из Мельнибонэ.

КНИГА ШЕСТАЯ

ПОВЕЛИТЕЛЬ ОГНЯ

Глава первая

Ястребы с кроваво-красными клювами парили в небе над огромной ордой всадников, скачущих по Плачущей Пустоши.

Орда прошла две пустыни, перевалила через три горных хребта, неумолимо двигалась вперед, распаленная рассказами путешественников о сокровищах Востока, падкая на обещания своего предводителя, скакавшего впереди с десятифутовым копьём в руке, на древке которого развевались знамена захваченных и уничтоженных ордой городов.

Усталые воины двигались медленно, не зная, что цель их близка.

Из столицы восточного мира Эльвера, который орда обошла стороной, выехал одинокий всадник. Через несколько часов он очутился в Эшмирской долине, которую когда-то называли бархатным садом востока, и, погоняя коня, поскакал по выжженной траве мимо обуглившихся деревьев.

Чума поразила Эшмир, саранча уничтожила его красоту. У чумы и саранчи было одно имя: Терарн Гаштек — предводитель орды, уничтожающей все на своем пути, кровавый убийца, поджигатель, называвший себя Повелителем Огня.

Всадника, который видел, во что Терарн Гаштек превратил цветущий Эшмир, звали Мунглам. Он скакал в Карлаак, расположенный на Плачущей Пустоши, — последний оплот западной цивилизации, о которой на востоке почти ничего не знали, — чтобы предупредить Эльрика из Мельнибонэ об опасности и заручиться его помощью.

Мунглам был коренаст, невысок ростом. Голову его украшала копна ярко-рыжих волос, на лице выделялся непропорционально большой рот. Весельчак по натуре, сейчас он не смеялся. Эшмир, прекрасный Эшмир, который предки Мунглама считали своей родиной, был уничтожен огнем и мечом.

Пригнувшись к шее коня, бормоча проклятья, Мунглам скакал в Карлаак.

Туда же направлялся и Терарн Гаштек. Повелитель Огня подошел к Плачущей Пустоши, но орда двигалась медленно, так как обозы с продовольствием сильно отстали. Помимо провизии, в этих обозах находился пленник, связанный по рукам и ногам. Лежа на спине, он клял Терарна Гаштека и его воинов с раскосыми глазами.

Дринидж Бара был связан по рукам и ногам не только кожаными ремнями, от которых он, будучи волшебником, мог избавиться в течение нескольких секунд. Если б не слабость к женщинам и вину, Терарну Гаштеку никогда не удалось бы одержать над ним верх и пленить его душу.

Да, Дринидж Бара был связан по рукам и ногам тем, что маленькая черная кошка, в которую он поместил свою душу, находилась у повелителя орды, пригрозившего отправить эту душу в преисподнюю, если волшебник откажется подчиняться его приказаниям.

Гордый колдун попал в рабство, но, видимо, он это заслужил.

На лице Эльрика еще не стерлись следы прежних страданий, но он часто улыбался, а его красные глаза зажигались радостью, когда он смотрел на свою черноволосую красавицу-жену, которая сейчас шла рядом с ним по крытой террасе, увитой цветами.

— Эльрик, — спросила Зарозиния, — ты счастлив?

Альбинос кивнул.

— Наверное, да. Мой рунный меч, «Повелитель Бурь», висит в оружейной палате твоего отца и покрывается пылью. Я редко принимаю травы, которые нашел в Троосе, но они дают мне силу, сохраняют

зрение. Я больше не стремлюсь путешествовать, не думаю о битвах. Мне нравится проводить с тобой время, изучать старые книги в библиотеке Карлаака. Чего еще можно желать?

— Смотри, не перехвали меня, а то я возгоржусь.

— Гордись на здоровье! Не бойся, Зарозиния, я никуда не собираюсь уезжать. Мне недостает Мунглама, но я понимаю, что он устал от праздной жизни и решил навестить своих родных в Эльвере.

— Я рада, что ты обрел покой, Эльрик. Мой отец сначала не хотел, чтобы ты остался; он думал, что ты принесешь нам несчастье, а мы живем, не зная забот, и тебе перестали сниться по ночам кошмары.

Внезапно на улице послышались возмущенные голоса, раздался сильный стук в ворота, кто-то громко закричал:

— Открой, черт тебя побери! Мне необходимо поговорить с твоим хозяином!

Перепуганный слуга вбежал на террасу.

— Милорд, какой-то человек рвется в дом, нагло заявляя, что он — ваш друг...

— Его имя?

— Очень странное, милорд. Мунглам...

— Мунглам! Недолго же он пробыл в Эльвере! Немедленнопусти его!

Зарозиния вздрогнула, схватила Эльрика за руку.

— Только бы его вести не оказались дурными! Я так боюсь, что тебе придется уехать...

— Нет таких вестей, которые заставили бы меня покинуть мою жену, Зарозиния. Успокойся. — Он торопливо сошел с террасы во внутренний двор, подбежал к своему другу, только что въехавшему в ворота и соскочившему с коня.

— Мунглам, в чем дело? Я, конечно, рад тебя видеть, но почему ты так быстро вернулся? Что случилось? Ты едва держишься на ногах!

От долгой скачки одежда Мунглама была покрыта пылью и грязью; на его хмуром лице четко обозначились морщины, он тяжело дышал.

— Повелитель Огня идет на Карлаак, сметая препятствия на своем пути с помощью волшебства. Ты должен предупредить отцов города об опасности.

— О чем ты говоришь? Кто такой Повелитель Огня? Ты, случайно, не болен, друг мой?

— Ты угадал. Я болен, и моя болезнь называется ненавистью. Он уничтожил мою страну, убил моих близких и друзей. Два года назад он был обычным разбойником с большой дороги, а потом к его шайке стали присоединяться отряды варваров. Они жгли, грабили и убивали; разорили все крупные города, кроме Эльвера, который оказался им не по зубам. Две тысячи миль некогда прекрасной страны Терарн Гаштек превратил в выжженную пустыню. А сейчас он двинулся на завоевание запада, и в его распоряжении пятьсот тысяч воинов! Этот человек собирается покорить весь мир!

— А при чем здесь волшебство? Как может варвар разбираться в магическом искусстве?

— Сам он, конечно, ничего не может, но в его власти находится один из величайших колдунов мира, Дринидж Бара. Он был взят в плен, когда, пьяный, развлекался с двумя девицами из таверны. Колдун поместил свою душу в тело кошки, чтобы его соперники не украли ее, пока он спит. Терарн Гаштек, Повелитель Огня, узнал об этом, спутал кошке лапы, завязал ей глаза и рот, пленив злую душу Дриниджа Бары. Колдун стал рабом варвара, который пригрозил убить кошку железным мечом и отправить душу своего пленника в преисподнюю, если тот откажется ему подчиниться.

— Первый раз о таком слышу, — сказал Эльрик. — По-моему, все это — глупые суеверия.

— Может быть, но до тех пор, пока Дринидж Бара в них верит, он будет делать то, что велит ему Терарн Гаштек. Немало больших городов было уже захвачено с помощью магии.

— Этот Повелитель Огня далеко от Карлаака?

— В трех днях пути. Мне пришлось сделать круг, чтобы меня не заметили его дозорные.

— В таком случае нам надо подготовиться к осаде.

— Нет, Эльрик! Ты должен бежать!

— Бежать... Ты хочешь, чтобы я предложил жителям Карлаака бросить свой прекрасный город, оставить свои дома?

— Если они откажутся, забирай Зарозинию и уезжай как можно скорее. Против такого сильного врага невозможно выстоять.

— Я не новичок в колдовстве, Мунглам.

— Тебе придется сражаться не только с волшебником, но и с полумиллионной армией варваров. Разве это возможно?

— Карлаак — торговый город, а не крепость, — задумчиво сказал Эльрик. — Хорошо, я поговорю со Старейшинами.

— Ты должен убедить их покинуть город, Эльрик. Под натиском кровожадной орды Карлаак падет в течение нескольких часов.

— Старейшины заупрямились, — сказал Эльрик. Он сидел вдвоем с Мунгламом в своем кабинете, задумчиво глядя в окно. На улице быстро темнело. — Они решили, что я преувеличиваю грозящую им опасность, наотрез отказались покинуть Карлаак. А я не могу бросить в беде тех, кто оказал мне гостеприимство, сделал полноправным членом общества.

— Ты предпочитаешь погибнуть?

— Да... если не найду выхода. Но у меня возник один план. Ты говорил, колдун орды — пленник Терарна Гаштека. Как ты считаешь, что сделает Дринидж Бара, если ему удастся вернуть себе душу?

— Конечно же, отомстит своему тюремщику. Но Терарн Гаштек неглуп, и сторожит кошку пуще глаза.

— А если нам удастся помочь колдуну?

— Каким образом? Это невозможно.

— Другого выхода нет. Скажи, Повелитель Огня что-нибудь знает обо мне или моих приключениях?

— Навряд ли.

— А ты с ним знаком?

— Еще чего!

— В таком случае я предлагаю тебе присоединиться к нему.

— При... Эльрик, ты был и остался сумасшедшим. Даже женитьба тебя не исправила!

— Я отвечаю за свои слова. Только находясь рядом с Терарном Гаштеком, мы сумеем обмануть его. Отправимся в путь на рассвете, нам нельзя терять времени.

— Хорошо. Надеюсь, удача тебя не покинула, хоть ты и изменил ей, став домоседом.

— Поживем — увидим.

— Ты возьмешь с собой «Повелителя Бурь»?

— Я надеялся, что никогда больше не буду держать в руках дьявольский рунный меч. Он не раз предавал меня.

— Думаю, сейчас тебе без него не обойтись.

— Ты прав. — Эльрик нахмурился, мышцы его непроизвольно напряглись. — Это значит, я нарушу обещание, данное мною Зарозинии.

— Лучше нарушить обещание, чем отдать жену на растерзание варварам.

Эльрик открыл ключом дверь, взял в левую руку факел, пошел по длинному коридору, стены которого были увешаны разнообразным холодным оружием, пылившемся уже на протяжении ста лет.

С бьющимся сердцем вошел он в небольшую комнатку, где находились регалии давно умерших Карлаакских военачальников и... «Повелитель Бурь». Черное лезвие застонало, словно приветствуя альбиноса, когда он потянулся за рунным мечом. Эльрик схватил рукоять «Повелителя Бурь» и, почувствовав, как могучая сила вливается в каждую клеточку его тела, испытал такой неземной восторг, что ему стало страшно. Лицо его перекошилось, он дрожащими руками вложил меч в ножны и выбежал из оружейной палаты.

Два друга, одетые по-походному, оседлали коней и быстро распрощались со Старейшинами Карлаака.

Зарозиния поцеловала Эльрику руку.

— Я все понимаю, — сказала она, поднимая на него глаза, полные слез, — но прошу тебя, будь осторожен.

— Обязательно. Помолись, Зарозиния, чтобы нам во всем сопутствовал успех.

— Да помогут тебе боги Закона.

— Нет. Проси богов Хаоса, Ариоха и Варуна, Повелителей Мечей, ибо только их злая воля может помочь мне в том, что я задумал. И не забудь послать гонца на юго-запад. Пусть разыщет Дайвима Слорма и передаст ему мои слова.

— Не забуду. Больше всего на свете я боюсь, что ты пойдешь прежним путем и погубишь себя.

— Бойся тех опасностей, которые угрожают нам сейчас, а о будущей своей судьбе я сам позабочусь.

— Тогда до свидания, милорд, и пусть тебе во всем сопутствует удача.

— До свидания, Зарозиния. Моя любовь к тебе дает мне больше сил, чем мой страшный меч. — Он прищепил коня и выехал из городских ворот. Мунглам скакал за ним следом.

Глава вторая

Два всадника, казавшиеся карликами на бескрайней Плачущей Пустоши, где всегда шел дождь, мчались на восток, погоняя своих коней.

Дрожавший от холода воин-кочевник увидел их издалека. Он прищурился, пытаясь сквозь сетку дождя разглядеть две неясные фигуры, затем развернул коня, дал ему шпоры и вскоре присоединился к необычному отряду воинов, одетых в меха, с железными шлемами на головах. Они были вооружены ятаганами и короткими костяными луками; через плечо у каждого из них висели колчаны с длинными стрелами, украшенными орлиными перьями.

Дозорный что-то сказал своим товарищам, и они не медля поскакали навстречу двум незнакомцам.

— Далеко еще до лагеря Терарна Гаштека, Мунглам? — спросил Эльрик, слегка задыхаясь от быстрой скачки.

— Не думаю. Мы... Смотри! — Коротышка указал рукой на группу примерно из десяти всадников, мчавшихся к ним во весь опор. — Воины-кочевники из орды Повелителя Огня. Приготовься к битве — эти ребята не теряют времени на выяснения отношений.

«Повелитель Бурь» с легким свистом вылетел из ножен. Тяжелый меч показался Эльрику легче пушинки, казалось, он сам взлетел в воздух. Мунглам выхватил саблю, взял в левую руку кинжал.

С громкими воинственными криками кочевники рассыпались полукругом, атаковали. Эльрик резко остановил своего коня, убил первого нападавшего ударом в горло. Глаза воина расширились от ужаса: умирая, он понял, какая судьба его постигла, ибо «Повелитель Бурь» питался не только кровью, но и душами своих жертв.

Рунный меч мелькнул, как молния, отрубил руку еще одному кочевнику, а через секунду разрубил его железный шлем, расколол череп. Капли дождя и пота катились по мертвенно-бледному лицу альбиноса, застилая красные глаза. Эльрик тряхнул головой, отбил в сторону клинок ятагана, неуловимо быстрым движением кисти вонзил острое рунного меча в сердце своего противника. Воин-кочевник завыл, как волк на луну, и продолжал выть, пока «Повелитель Бурь» по каплям не высосал из него душу.

Эльрик ненавидел себя за ту сверхъестественную силу, которая разлилась по его жилам. Мунглам старался держаться подальше от испещренного рунами черного лезвия, которое больше всего на свете любило лакомиться кровью и душами друзей последнего Императора Мельнибонэ.

Вскоре из нападавших в живых остался только один воин. Эльрик разоружил его, с трудом удержал «Повелителя Бурь», жадно устремившегося к горлу кочевника.

Дрожа от страха, воин что-то сказал на лающем языке, который показался альбиносу знакомым. Он напряг память, вспоминая древние языки, которые ему пришлось изучать в молодости, когда он готовился стать колдуном.

— Ты есмь ратник Терарна Гаштека, Повелителя Огня. — Полузабытые слова выговаривались ясно и легко.

— Правду ты молвил. Мне тоже ведомо о тебе, Бледнолицый Дьявол из Преисподней. Молю тебя, убей меня другим оружием, чем то, что ты держишь в руке.

— Я не ищу твоей жизни. Мы ехали этим путем, дабы присоединиться к Терарну Гаштеку. Проводи нас к нему.

Воин быстро кивнул, торопливо вскочил в седло.

— Кто ты такой, что знаешь Священный Язык моего народа?

— Я — Эльрик из Мельнибонэ. Тебе ведомо мое имя?

Кочевник покачал головой.

— Нет, но Священный Язык наших предков не знает сейчас никто, кроме шаманов, а ты, судя по одежде, простой воин.

— Я и мой друг — наемники. Но я устал от разговоров. Все, что потребуется, я объясню твоему предводителю.

Оставив трупы воинов шакалам на съедение, Эльрик и Мунглам поскакали за своим пленником на восток. Вскоре они увидели дымы костров на горизонте, а еще через некоторое время их взорам открылся лагерь варваров, занимающий около мили в окружности. Словно дома в захолустном городе, повсюду стояли шатры, покрытые шкурами, а примерно посередине лагеря возвышалось большое строение, обшитое снаружи яркими шелковыми тканями.

— Должно быть, это ставка Терарна Гаштека, — сумрачно сказал Мунглам. — Посмотри, он разукрасил все стены флагами уничтоженных им восточных городов. — Лицо его посуровело, он с горечью посмотрел на разорванный штандарт Эшмира, на выпелл Окара с гербом, изображающим льва на золотом поле, на пропитанные кровью знамена Чангшаи.

Они ехали вслед за своим пленником, осторожно пробираясь между отдыхающими варварами, которые бесстрастно смотрели на них и о чем-то переговаривались между собой. Перед огромным шатром Терарна Гаштека было воткнуто в землю копье, увешанное высушенными черепами восточных принцев и королей.

— Такого человека нельзя оставлять в живых, — пробормотал Эльрик.

— Молодые Королевства процветают, — философски заметил Мунглам, — но люди в них обленились, и Терарну Гаштеку не составит труда стереть их в порошок.

— Пока я жив, он не захватит Карлаак... и не войдет в Бакшаан.

— Пусть себе забирает Надсокор, я не возражаю. Городу Нищих будет очень полезен визит Повелителя Огня. Seriously, Эльрик, Терарн Гаштек не остановится, пока не дойдет до моря, а может, и море не преградит ему путь.

— С помощью Дайвима Слорма мы его остановим. Будем надеяться, гонец из Карлаака не подведет.

— Дай-то бог. Вдвоем нам трудненько будет справиться с полумиллионной армией, друг мой!

Воин-кочевник остановился у входа в шатер, громко закричал:

— О, Великий Завоеватель! Могучий Повелитель Огня! Двое чужеземцев желают поговорить с тобой!

— Введи их! — не совсем внятно рявкнул чей-то голос.

В шатре, освещенном огнем, горящим в круге камней, было душно. Худой высокий человек, одетый в яркие одежды с чужого плеча, сидел, полуразвалившись, на деревянной скамье. Несколько полуголых женщин внимательно наблюдали за каждым его движением; одна из них все время подливала вино в золотой кубок, стоявший на столе.

Терарн Гаштек отшвырнул ее в сторону, поднялся на ноги, уставился на двух друзей. Глядя на его худое лицо, Эльрик невольно вспомнил черепа, нанизанные на копье у входа в шатер. У Терарна Гаштека были впалые щеки, раскосые глаза, блесевшие из-под мохнатых бровей.

— Это еще кто?

— Не знаю, о Повелитель... они убили десять наших воинов и подарили мне жизнь.

— Твоя жизнь ничего не стоит, если ты позволил разоружить себя. Убирайся и немедленно найди новый меч, если не хочешь, чтобы я приказал шаманам погадать на твоих внутренностях. — Вжав голову в плечи, кочевник выбежал из шатра. Терарн Гаштек вновь опустился на скамью. — Значит, вы убили десять моих отборных воинов и пришли ко мне похвастаться своей удачей? Я жду объяснений.

— Мы не искали с ними ссоры, нам пришлось защищаться, — ответил Эльрик на более грубом современном языке варваров.

— Гм-мм... драться вы умеете. Каждый наш воин стоит троих мягкотелых горожан. Я вижу, ты с запада, но у твоего молчаливого друга лицо эльверийца. Откуда вы?

— С запада, — сказал Эльрик. — Мы — солдаты, готовые продать наши мечи тому, кто хорошо

заплатит или пообещает богатую добычу.

— Послушай, в твоей стране все воины так же искусны в бою, как вы? — с тревогой, которую не сумел скрыть, спросил Тераρν Гаштек. Видимо, ему внезапно пришло в голову, что он недооценил тех, кого собирался завоевать.

— Мы немного искуснее других, — солгал Мунглам.

— А волшебством на западе кто-нибудь занимается?

— Нет, — сказал Эльрик. — У них почти не осталось настоящих волшебников.

— Тогда и беспокоиться не о чем. — Тераρν Гаштек с облегчением вздохнул; его тонкие губы раздвинулись в улыбке. Он кивнул, засунул руку под одежды, вытащил оттуда маленькую связанную кошечку, начал гладить ее по спине. Зверек, который не в силах был оказать своему мучителю сопротивления, смотрел на него горящими глазами. — Зачем же вы все-таки пришли сюда? — спросил Тераρν Гаштек после непродолжительного молчания. — В наказание за то, что вы убили десять моих стражников, я мог бы подвергнуть вас страшным пыткам.

— Мы можем помочь тебе и одновременно нажать большое богатство, — сказал Эльрик. — Мы покажем тебе страны, где накоплены сказочные сокровища, приведем к незащищенным городам, которые не сумеют оказать тебе сопротивления. Ты позволишь нам вступить в ряды твоей армии?

— Не стану скрывать, мне нужны такие люди, как вы. Я с удовольствием найму вас, но запомните, я не стану доверять вам, пока вы не докажете мне своей преданности на деле. Устройтесь в каком-нибудь шатре, а вечером приходите на пир. Я докажу вам, что обладаю таким могуществом, перед которым не устоят не только западные страны, которые я уничтожу огнем и мечом, но и весь мир!

— Спасибо тебе, — спокойно произнес Эльрик. — Мы с нетерпением будем ждать сегодняшнего вечера.

Они медленно шли по лагерю, пробираясь между людьми, лошадьми и повозками. Редко на каком костре готовилась пища, зато вино было в изобилии, и, похоже, варваров это вполне устраивало.

Эльрик остановил одного из воинов, ссылаясь на Терарна Гаштека, потребовал, чтобы ему и его другу предоставили жилье. Кочевник подвел их к одному из шатров.

— Он принадлежит вам по праву, так же как оружие и прочее добро. Здесь жили трое кочевников, которых вы убили в честном поединке.

Оставшись вдвоем, два друга переглянулись.

— Мне что-то не по себе, — пожаловался Мунглам. — Каждый раз, когда я думаю о том, во что они превратили Эшмир, у меня руки чешутся переколотить их всех до единого. Что будем делать?

— Нам ничего не остается, как дожидаться вечера, а дальше действовать по обстоятельствам. — Эльрик вздохнул. — Наша задача кажется невыполнимой: я никогда еще не видел такой большой армии.

— Она непобедима, — согласился Мунглам. — Даже без Дриниджа Бары варвары не имеют себе равных, а западные государства, вечно грызущиеся между собой, просто не успеют объединиться, чтобы противостоять этой могучей силе. Над нашей цивилизацией нависла угроза, Эльрик. Помолись своим мудрым богам Зла, быть может, уничтожение Земли не входит в их планы, и они подскажут нам, что делать.

— Боги играют в странные игры, а люди для них не более, чем пешки, — ответил Эльрик. — Смертным не дано знать их планов.

Когда Эльрик и Мунглам вошли в шатер Терарна Гаштека, пир был в разгаре. Факелы чадили, вино лилось рекой.

— Приветствую вас, друзья мои! — вскричал Повелитель Огня, размахивая в воздухе золотым кубком. — Здесь собрались ближайшие мои помощники, присоединяйтесь к нам скорее!

Никогда еще Эльрик не видел столь омерзительных людей. Все они были пьяны и, под стать своему

предводителю, носили одежду с чужого плеча. На поясе у каждого из них висел ятаган.

Варвары потеснились, освобождая двум друзьям место, налили им вино в кубки.

— Привести сюда нашего раба! — крикнул Терарн Гаштек. — Привести сюда нашего любимого колдуна, Дриниджа Бару! — На столе перед ним лежала связанная кошка, а рядом с ней — железный кинжал.

Ухмыляющиеся воины втащили в шатер стройного человека с угрюмым лицом, поставили его на колени перед предводителем варваров. Колдун с ненавистью посмотрел на своего мучителя, перевел взгляд на кошку, увидел железный кинжал. В глазах его мелькнул страх.

— Чего ты хочешь от меня? — мрачно спросил он.

— Как ты разговариваешь со своим господином? Ну, да ладно. Нам надо развлечь гостей — чужеземцев, которые обещали проводить нас в самые богатые западные города. Мы требуем, чтобы ты показал им несколько своих фокусов.

— Я не фокусник. Зачем мне, одному из величайших волшебников мира, исполнять дешевые трюки?

— Затем, что я тебе приказываю. Давай, заклинатель, позабавь нас. Что тебе нужно для твоей магии? Несколько рабов? Кровь девственниц? Мы все для тебя сделаем.

— Я не шаман-пустомеля, и не нуждаюсь в подобных атрибутах. — Внезапно он увидел Эльрика. Альбинос почувствовал, как колдун, напрягая свою мысль, пытается проникнуть в закоулки его мозга. Не было сомнений, что Дринидж Бара признал в мельнибонийце собрата по профессии.

Эльрик небрежно положил руку на рукоять меча, приготовился дорого продать свою жизнь, если колдун его выдаст. Чуть откинувшись назад, он сложил пальцы определенным образом: знак, который был бы понятен любому волшебнику запада. Поймет ли его восточный маг?

Глаза Дриниджа Бары расширились от изумления. Он искоса посмотрел на предводителя варваров, затем отвернулся, начал делать руками пассы в воздухе, невнятно бормоча себе под нос.

Все присутствующие разом вскрикнули, увидев, как золотой дым сгустился у потолка, превратился в фигуру всадника, в котором они узнали Терарна Гаштека. Повелитель Огня задрал голову, уставился на свой образ.

— Что это?

Под копытами коня появилась карта с изображением рек, лесов и морей.

— Западные Земли! — вскричал Дринидж Бара. — Сейчас я предскажу будущее!

— Как так?

Лошадь начала скакать по карте, расползшейся на тысячи струек дыма; образ всадника затуманился.

— Распадутся Западные Земли под могучим натиском великого Повелителя Огня! — воскликнул Дринидж Бара.

Варвары восторженно взревели; Эльрик чуть заметно улыбнулся. Восточный колдун издевался над Терарном Гаштеком и его сподвижниками.

Струйки дыма собрались в золотой шар, который ярко вспыхнул и исчез.

Терарн Гаштек засмеялся.

— Хороший фокус, заклинатель, и предсказал ты верно. Я тобой доволен. А теперь, уберите его отсюда!

Когда Дриниджа Бару выводили из шатра, он бросил на Эльрика вопросительный взгляд, но промолчал.

Поздним вечером, когда варвары напились до бесчувствия, Эльрик и Мунглам осторожно пробирались по лагерю, направляясь к небольшому шатру, где находился пленный колдун.

У входа в шатер стоял часовой. Мунглам поднес к губам мех с вином и, делая вид, что мертвецки пьян, подошел к варвару, качаясь из стороны в сторону. Эльрик остался стоять на месте.

— Что тебе надо, чужеземец? — проворчал часовой.

— Надо? Мне ничего не надо, друг, я хочу попасть в свой шатер. Ты не знаешь, где он?

— Откуда мне знать?

— Ха, ха, ха! Вот правда, откуда? Хочешь выпить? Прекрасное вино, из закромов самого Терарна Гаштека.

Часовой протянул руку.

— Давай!

Мунглам поднял мех, сделал большой глоток.

— Нет, я передумал. Жаль тратить такое вино на простого солдата.

— Вот как? — Кочевник сделал шаг к Мунгламу. — Я смешаю его с твоей кровью, малыш, и выпью за упокой твоей души.

Мунглам попятился, повернулся, неуклюже побежал вперед. Воин кинулся за ним следом.

Эльрик метнулся к шатру, зашел внутрь. Дринидж Бара со связанными руками лежал на куче невыделанных шкур. Увидев альбиноса, он поднял голову.

— Ты! Что тебе надо?

— Мы хотим помочь тебе, Дринидж Бара.

— Почему? Ты не относишься к числу моих друзей. Риск слишком велик, чтобы ты действовал бескорыстно.

— Разве один волшебник не обязан помочь другому в беде?

— Я сразу понял, что ты — маг. Но в моей стране собраты по нашей профессии пальцем не пошевелят, чтобы помочь друг другу.

— Я скажу тебе правду, Дринидж Бара. Нам нужна твоя помощь, чтобы остановить кровавое продвижение варваров на запад. У нас с тобой общий враг. Скажи, если мне удастся вернуть тебе твою душу, ты нам поможешь?

— Конечно! Я давно уже вынашиваю план мести. Но молю тебя, будь осторожен. Если Терарн Гаштек что-нибудь заподозрит, он убьет и кошку, и нас с тобой.

— Мы постараемся принести тебе эту кошку. Ты ведь этого хочешь?

— Да. Мы должны обменяться с нею кровью, и тогда моя душа ко мне вернется.

— Хорошо. Я постараюсь... — Эльрик повернул голову, услышав на улице громкий раздраженный голос. — Кто это?

Дринидж Бара задрожал от страха.

— Терарн Гаштек... Он приходит каждую ночь, чтобы поиздеваться надо мной.

— Куда подевался часовой? — рассерженно кричал предводитель варваров, заходя в шатер. — Безобразие! Я... — Он умолк, недоуменно уставился на Эльрика, стоявшего над связанным колдуном. Глаза его расширились от изумления, он подозрительно спросил: — Как ты здесь оказался, чужеземец? Что ты сделал с часовым?

— С часовым? — удивленно переспросил альбинос. — Я его и в глаза не видел. По дороге в свой шатер я услышал, как этот вонючий пес что-то кричит и зашел узнать, что случилось. К тому же мне было любопытно посмотреть на могущественного колдуна, беспомощного, как слепой котенок.

— Если ты еще раз проявишь подобное любопытство, я покажу тебе, как выглядит твое сердце. Убирайся отсюда. Утром мы выступаем в поход.

Сделав вид, что испугался, Эльрик втянул голову в плечи и выскользнул из шатра.

Одинокий всадник в ливрее официального гонца Карлаака, погоняя коня, мчался на юго-запад. Спустившись с холма, он поскакал по деревне, окликнул первого попавшегося человека, которого увидел на улице:

— Скорее скажи мне, ты знаешь что-нибудь о Дайвиме Слорме и его имриррских наемниках? Они здесь не проходили?

— Мы принимали их неделю назад. Они направлялись в Ригнарион, на границу с Джадмаром, чтобы предложить свои услуги претенденту на вильмирийский престол.

— Пешие или конные?

— И те, и другие.

— Спасибо, друг, — крикнул гонец через плечо и, пришпорив коня, помчался по дороге в Ригнарион.

Он скакал по свежим следам большого отряда воинов, который прошел здесь совсем недавно.

Цветущие сады Карлаака больше не радовали его жителей, напряженно ожидающих известий от Эльрика и от гонца, посланного к Дайвиму Слорму. Если оба они преуспеют, город будет спасен. Если нет...

Надежд оставалось все меньше и меньше.

Глава третья

Шел мелкий дождь. Оружие бряцало; воины громко переговаривались, Терарн Гаштек сердито кричал, приказывая им поторопиться.

Рабы разобрали и уложили в повозку шатер предводителя варваров, который вырвал из мягкой земли свое длинное копье и поскакал вперед. Его помощники, включая Эльрика и Мунглама, поехали за ним следом.

Разговаривая на незнакомом для кочевников вильмирийском языке, два друга обсудили создавшееся положение. Терарн Гаштек надеялся на легкую добычу, а так как дозорные варвара рыскали по всей округе, обмануть его будет невозможно. Указать же Повелителю Огня какой-нибудь богатый город, чтобы спасти на время Карлаак, было бы бесчестным. И все же...

Двое кочевников, громко крича, галопом мчались навстречу Терарну Гаштеку.

— Город, о Повелитель! Совсем маленький и беззащитный!

— Наконец-то! Да не затупятся клинки наших ятаганов в ножнах! — Он повернулся к Эльрику. — Ты знаешь это поселение?

— Где оно находится? — спросил альбинос, с трудом выговаривая каждое слово.

— В десяти милях отсюда на юго-запад, — сообщил дозорный.

Несмотря на то, что город был обречен, Эльрику стало легче на душе. Речь шла о Горджане.

— Я его знаю, — сказал он.

Шорник Кэйвим ехал в деревню, чтобы продать крестьянам упряжь и несколько седел. Внезапно он увидел вдалеке всадников в сверкающих на солнце железных шлемах. Казалось, им не было числа.

Подгоняемый страхом, Кэйвим развернул коня и помчался обратно в Горджан. Он скакал по главной улице города и громко кричал;

— *Кочевники! К нам приближается орда кочевников!*

Через четверть часа на Городском Совете разгорелся спор. Те, кто были постарше, предлагали все бросить и бежать; молодежь настаивала на том, чтобы дать варварам бой. Несколько Советников высказали мнение, что на них вообще не нападут, так как город их слишком беден.

Спор перекинулся на улицы, и пока горожане спорили, первая волна кочевников хлынула на крепостные стены.

С разговорами было покончено. Жители Горджана, вооруженные чем попало, кинулись защищать свой город, хотя и понимали, что обречены на гибель.

Из-под копыт танцующего на месте коня Терарна Гаштека летели комья грязи.

— Не будем тратить времени на осаду! — проревел он. — Привести ко мне колдуна!

Дриниджа Бару выволокли из повозки, поставили перед предводителем варваров, который вытащил из-за пазухи маленькую черную кошечку и занес над ней кинжал.

— Делай свое дело, заклинатель! Немедленно уничтожь стены этого города!

Дринидж Бара судорожно вздохнул, искоса посмотрел на Эльрика. Альбинос отвел глаза.

Колдун нехотя достал из кармашка своего пояса щепотку серого порошка, подкинул ее на ладони. Воздух задрожал, загорелся; в языках холодного пламени появилось страшное нечеловеческое лицо.

— Даг-Гадден, Разрушитель, — монотонно произнес Дринидж Бара, — готов ли ты, повинуюсь клятвам, которые мы дали друг другу, выполнить мою волю?

— Я дал клятву, и я ее выполню. Приказывай.

— Уничтожь стены этого города, дабы люди остались незащищенными, как крабы, лишившиеся своих

панцирей.

— Уничтожать — мое призвание. Слушаю и повинуюсь. — Языки пламени взметнулись, с диким свистом унеслись в небо, окрасив его в кроваво-красный цвет, затем ринулись вниз, подобно урагану пронесли над городом. Крепостные стены Горджана задрожали, заколебались и исчезли.

Эльрик стиснул зубы. Если варвары когда-нибудь подойдут к Карлааку, его ждет такая же участь.

Радостно крича, кочевники ринулись в незащищенный город.

Хотя Эльрик и Мунглам не принимали участия в сражении, они не в силах были помочь горожанам, которых убивали, как быков на бойне. Бессмысленная жестокость воинов-кочевников не могла вызвать у двух друзей ничего, кроме отвращения. Они зашли в небольшой дом, который каким-то чудом до сих пор не привлек внимания варваров, увидели трех испуганных ребятишек, жавшихся к молоденькой девушке, стоявшей с кухонным ножом в руке.

Дрожа от страха, она приготовилась защищаться.

— Не теряй времени, девочка, если не хочешь потерять жизнь, — сказал Эльрик. — В этом доме есть чердак?

Она кивнула.

— Спрячься там вместе с детьми. Мы позаботимся о твоей безопасности.

Избиение беззащитных горожан продолжалось. На улицах раздавались отчаянные крики, кровь лилась рекой.

Дверь в дом распахнулась настежь, хохочущий варвар за волосы втащил в комнату женщину и бросил ее на деревянный пол. Несчастная даже не пыталась сопротивляться, лицо ее было искажено от ужаса.

— Найди себе другое место для развлечений, — угрожающе сказал Эльрик. — Мы с другом здесь отдыхаем.

Воин ухмыльнулся.

— Я вам не помешаю. Присоединяйтесь.

Эльрик не помнил, как рунный меч очутился в его руках. Красные глаза альбиноса горели ненавистью, он шагнул вперед, занес «Повелителя Бурь» над головой, одним ударом расколол воину череп. Не в силах справиться с обуревавшей его яростью, он ударил еще раз, разрубив тело варвара пополам.

Женщина безучастно смотрела на разыгравшуюся перед ее глазами сцену. Эльрик бережно взял ее на руки, передал Мунгламу.

— Отнеси ее на чердак, пусть девушка присмотрит за нею.

Варвары, насытившись кровью, начали грабить и поджигать дома. Вложив рунный меч в ножны, Эльрик вышел на улицу. Город пылал, огненные языки пламени вздымались в серое небо. Лицо альбиноса было похоже на маску из света и тени.

Отовсюду доносились отчаянные женские крики, грубый смех, бряцание оружия, невнятные голоса варваров, деливших жалкую добычу.

Внезапно Эльрик услышал чей-то молящий голос, резко отличающийся от других голосов, увидел сквозь дым Терарна Гаштека, победно размахивающего в воздухе окровавленной человеческой рукой, отрезанной у кисти. За предводителем варваров шли несколько воинов-кочевников, которые волокли за собой голого человека, истекающего кровью.

Заметив Эльрика, Терарн Гаштек нахмурился, посмотрел на него исподлобья, затем громко вскричал:

— Сейчас ты увидишь, чужеземец, как мы почитаем наших богов! Мы приносим им в жертву не тухлую пищу и кислое молоко, а кое-что пожирнее! Взгляни-ка на эту пададь! Послушай, как он выклянчивает у нас свою жизнь! Верно я говорю, Святой Отец?

Старик-священник прикусил губу до крови, перестал жалобно стонать, горящими глазами уставился на Эльрика, заговорил высоким, пронзительным голосом:

— Шелудивые псы! Вы можете таякать на меня, сколько угодно, но Мират и Т'ааргано отомстят за оскорбление их жреца и разрушение храма. Вы пришли к нам с огнем, от огня и погибнете! — Он указал окровавленным обрубком руки на альбиноса. — А ты — убийца и предатель, я вижу клеймо клятвопреступника на твоём лице. Хотя сейчас... ты... — Жрец судорожно вздохнул.

Эльрик облизнул пересохшие губы.

— Я такой, какой есть, — ответил он. — А ты — жалкий старик, который скоро умрет. Твои боги не могут причинить нам вреда, потому что мы им не поклоняемся. Я не желаю больше слушать твоей болтовни!

На лице престарелого священника появилось страдальческое выражение. Видимо, он подумал о том, какие мучения ждут его впереди.

— Ничего, скоро эта мразь запоет по-другому! — воскликнул Терарн Гаштек.

— Убивать священнослужителя — дурная примета, — неожиданно сказал Эльрик.

— Ты слаб в коленках, друг мой. Не бойся, наши боги любят, когда им приносят кровавые жертвы.

Альбинос отвернулся, вошел в дом. Дикий крик боли расколол вечернюю тишину. Варвары засмеялись.

Поздно вечером, при свете догорающих домов, Эльрик и Мунглам выбрались из города, скинули с плеч тяжелые мешки, выпустили из них детей и женщин. Мунглам куда-то исчез, но вскоре вернулся с тремя лошадьми.

Женщины посадили детей, молча сели в седла. Они ускакали, не попрощавшись.

— Независимо от того, нашел или нет гонец Дайвима Слорма, — со сдержанной яростью сказал альбинос, — мы осуществим наш план сегодня ночью. Я больше не могу быть свидетелем подобных зверств.

Терарн Гаштек напился до бесчувствия. Он лежал, ничего не соображая, в постели на втором этаже уцелевшего от пожара дома. Пока Эльрик сторожил у двери, Мунглам на коленях подполз к предводителю варваров, осторожно запустил руку в его одежды. Удовлетворенно улыбнувшись, он вытащил оттуда извивающуюся всем телом кошечку, положил на ее место набитую травой шкуру кролика. Крепко сжимая зверьку в руке, он встал на ноги, кивнул Эльрику. Они быстро спустились на первый этаж, вышли из дома.

— Насколько я понял, Дринидж Бара находится в фургоне, — сказал альбинос своему другу. — Пойдем скорее, главная опасность миновала.

— Когда кошка и Дринидж Бара обменяются кровью, и колдун вернет себе душу, что мы будем делать, Эльрик? — спросил Мунглам.

— Вдвоем, возможно, у нас хватит сил сдержать натиск варваров, Но... — Он умолк, глядя на приближавшуюся к ним большую группу воинов.

— Да это же чужеземец со своим другом-малышом, — засмеялся один из них. — Куда вы собрались, приятели?

Эльрик почувствовал настроение толпы. Кочевники все еще жаждали крови. Им не терпелось затеять с кем-нибудь ссору.

— Никуда, — ответил он. — Просто прогуливаемся.

Варвары остановились, не давая им пройти.

— Мы много слышали о твоём чудесном мече, незнакомец, — произнес с усмешкой все тот же кочевник, — и мне захотелось проверить, как он себя поведет, скрестившись с настоящим оружием. — Он выхватил из-за пояса ятаган.

— Стоит ли тебе затрудняться? — хладнокровно сказал Эльрик.

— Ты крайне любезен, но я настаиваю на своём предложении.

— Пропустите нас, — вмешался в разговор Мунглам.

Глаза воинов-кочевников засверкали.

— Как смеешь ты разговаривать таким тоном с завоевателями мира? — выкрикнул их предводитель.

Мунглам сделал шаг в сторону, взялся за эфес сабли, продолжая сжимать кошку у себя под мышкой левой рукой. Зверек дергался изо всех сил; видимо, ему каким-то образом удалось освободиться от пут.

— Ничего не поделаешь, — сказал Эльрик своему другу и выхватил меч из ножен. С тихим издевательским свистом черное лезвие, испещренное рунами, разрезало воздух, и варвары услышали этот звук. Переглянувшись, они невольно отступили.

— В чем же дело? — спросил Эльрик, вытянув руку с «Повелителем Бурь».

Воин, бросивший ему вызов, нерешительно посмотрел на своих товарищей, затем, набравшись храбрости, бросился на альбиноса, громко вскричав:

— Благородное железо справится с любым колдовством!

Эльрик, радуясь, что получил возможность отомстить, с легкостью отбил клинок ятагана, нанес удар наискосок, перерубив кочевнику живот и бедро, Мунглам тем временем расправился с двумя варварами, но третий неожиданно напал на него с левой стороны и ранил в плечо. Вскрикнув от боли, Мунглам выронил кошку. Эльрик пришел своему другу на помощь. Победно взыв, черное лезвие перерезало кочевнику горло. Варвары не выдержали и бросились врассыпную.

— Ты серьезно ранен? — с тревогой спросил альбинос, глядя на Мунглама, который стоял на коленях и напряженно всматривался в темноту.

— Ерунда, Эльрик. Я выронил кошку. Если мы ее не отыщем, все погибло.

Они лихорадочно принялись за поиски, но не добились успеха. С хитростью, свойственной этим животным, кошка спряталась так, что найти ее было невозможно.

Внезапно к ним подошли несколько воинов.

— Наш предводитель желает поговорить с вами, — сказал один из них.

— О чем?

— Он сам вам все объяснит. Пойдемте с нами.

Они неохотно повиновались и вскоре предстали перед разъяренным Терарном Гаштеком, державшим в руке набитую травой шкурку кролика.

— Я лишился своего колдуна! — завопил он. — Что ты об этом знаешь?

— Прости, я тебя не понимаю, — ответил Эльрик.

— У меня украли кошку, а вместо нее положили это чучело. Недавно я застал тебя в шатре Дриниджа Бары. Признавайся, что ты задумал!

— Мы ни в чем не виноваты, — сказал Мунглам. — Нас здесь и близко не было.

Терарн Гаштек нахмурился.

— В лагере царит хаос, воины не подчиняются никаким приказам. Но завтра я наведу порядок и допрошу каждого из них. Если ты говоришь правду, я отпущу вас на свободу, а пока что вам придется провести ночь вместе с колдуном. — Он дернул головой. — Свяжите их и бросьте в фургон.

— Нет, собрат-волшебник, я не стану тебе помогать, — сказал из темноты голос Дриниджа Бары.

— Риск слишком велик.

— Но ведь теперь ты можешь не бояться Терарна Гаштека.

— А если он поймает кошку?

Эльрик промолчал. Он лежал на голом дощатом полу фургона, обтянутого шкурами, и уже с полчаса

безуспешно уговаривал Дриниджа Бару выступить против предводителя варваров.

Внезапно полог распахнулся, и в фургон бросили еще одного человека, связанного по рукам и ногам.

— Кто ты? — спросил Эльрик на эшмирском языке.

— Не понимаю, — ответил человек на вильмирийском.

— Так ты с запада?

— Да. Я — официальный гонец города Карлаака. Эти вонючие шакалы схватили меня, когда я возвращался домой.

— Что?! Значит, это тебя мы послали к моему родственнику, Дайвиму Слорму? Я — Эльрик из Мельнибонэ.

— Милорд, неужели и ты попал в плен? О, боги, теперь Карлаак обречен.

— Ты видел Дайвима Слорма?

— Да. К счастью, имриррцы оказались ближе к Карлааку, чем мы предполагали.

— Что он тебе сказал?

— Дайвим Слорм согласился выполнить твою просьбу, но предупредил, что сможет разбудить немногих драконов. Он просил передать, что даже с помощью волшебства не успеет за один день добраться до острова.

— Все равно, теперь у нас появился шанс. Но нам необходимо вернуть Дриниджу Бару его душу, чтобы он не стал защищать варваров. У меня появилась одна идея: я вспомнил, что мы, мельнибонийцы, состоим в родстве с существом по имени Миирклар. Какое счастье, что в Троосе я нашел травы, которые позволили мне сохранить силы. Сейчас я постараюсь позвать свой меч.

Альбинос закрыл глаза, полностью расслабился, затем сконцентрировался на «Повелителе Бурь», стараясь увидеть его своим внутренним взором.

Между человеком и рунным мечом в течение долгих лет существовал своего рода симбиоз: один не мог обойтись без другого.

— *«Повелитель Бурь»!* — вскричал Эльрик. — *Брат мой! Соединись со своим братом! Приди ко мне, гордый меч, испещренный рунами, убийца моих родных и близких! Твой господин погибнет без тебя...*

Казалось, на улице забушевал ураган. Эльрик услышал испуганные крики людей, свист ветра. Затем над его головой показалось звездное небо: черное лезвие разрезало шкуры, покрывающие фургон, запело победную песню, зависло в воздухе. Альбинос с трудом поднялся на ноги, испытывая отчаяние при мысли о том, какими силами предстоит ему воспользоваться, и утешая себя, что на этот раз он заботится не о собственном благополучии, а о спасении человечества от варваров.

— Дай мне твою силу, брат, — простонал он, хватаясь за рукоять меча связанными руками. — Дай мне твою силу, и будем надеяться, больше она мне никогда не понадобится.

Рунный меч задержался, вжался в ладони альбиноса, почувствовавшего небывалый прилив энергии, украденной оружием-вампиром у сотен храбрецов.

Эльрик испытывал необычайные ощущения, и не только физические. Его мертвенно-бледное лицо исказилось от ужаса: на мгновение ему показалось, что он навсегда останется рабом своего могущественного оружия. Затем он одним движением разорвал стягивающие его веревки и выпрямился.

Варвары сбегались к фургону со всех сторон. Эльрик быстро освободил пленников и, не обращая внимания на воинов-кочевников, напевно заговорил на языке, который Императоры-колдуны Мельнибонэ знали задолго до того, как десять тысяч лет назад был построен Имрирр Прекрасный.

— Миирклар, это я, твой родич, Эльрик, последний Император Мельнибонэ, поклявшийся тебе и твоему народу в вечной дружбе. Ты слышишь меня, Повелитель Кошек?

За пределами Земли, там, где нет ни пространства, ни времени, похожее на человека существо,

купавшееся в теплом голубом и янтарном свете, потянулось и зевнуло, обнажив маленькие острые зубки. Наклонив голову к мохнатому плечу, оно прислушалось к голосу, зовущему его по имени.

Этот голос не был голосом одного из подданных, которые находились под его защитой, но слова древнего языка были хорошо ему знакомы.

Миирклар улыбнулся, невольно испытывая чувство привязанности к тому, кто звал его по имени. Повелитель Кошек вспомнил расу мельнибонийцев, непохожую на человеческую (которую он презирал) и любившую, подобно ему, удовольствия ради удовольствий, жестокость ради жестокости и знания ради знаний.

Миирклар, Повелитель Кошек, грациозно изогнувшись, переместился на Землю.

— Чем я могу помочь тебе? — промурлыкал он.

— Мы ищем одну твою подданную, Миирклар. Она находится неподалеку отсюда.

— Да, я чувствую. Что тебе надо от нее?

— То, что ей не принадлежит. У кошки две души, и одна из них — чужая.

— Это так... Ее зовут Мррушерн, она из блистательной семьи Трремаяу. Я позову ее. Она придет.

Варвары, столпившиеся перед фургоном, никак не могли преодолеть своего страха перед теми сверхъестественными событиями, свидетелями которых они оказались. Терарн Гаштек яростно кричал:

— Труссы! Вас — пятьсот тысяч, а их всего несколько человек! Схватить негодяев!

Воины-кочевники осторожно двинулись вперед.

Черная кошка по имени Мррушерн услышала голос, которому, как она знала, не подчиниться было бы глупо. Она быстро побежала к фургону.

— Смотрите! Кошка! Вот она! Хватайте ее быстрее!

Двое варваров попытались выполнить приказ своего предводителя, но Мррушерн ловко ускользнула от них и прыгнула в фургон.

— Отдай человеку обратно его душу, — мягко сказал Миирклар.

Кошечка прыгнула на колени к своему хозяину, бережно прокусила острыми, зубками вену на его руке.

Через мгновение Дринидж Бара громко рассмеялся.

— Наконец-то! Моя душа вновь со мной! Благодарю тебя, о великий Повелитель Кошек! Позволь мне не остаться у тебя в долгу.

— Ты ничего мне не должен. — Миирклар насмешливо улыбнулся. — К тому же твоя душа, как я вижу, давно уже тебе не принадлежит. Прощай, Эльрик из Мельнибонэ. Мне было приятно ответить на твой зов, хоть ты и свернул с того пути, которым шли твои великие предки. Тем не менее, я на тебя не в обиде. Прощай, я покидаю твою негостеприимную планету.

Образ Повелителя Кошек затуманился, исчез, Миирклар вернулся на свой теплый мир, устроился поуютнее и уснул, купаясь в голубом и янтарном свете.

— Пойдем, брат-колдун! — возбужденно вскричал Дринидж Бара. — Мы должны отомстить!

Они соскочили на землю, остановились перед группой кочевников во главе с Терарном Гаштеком.

— Убейте их! — взревел предводитель варваров. — Убейте их, пока они не вызвали еще каких-нибудь демонов!

Воины, державшие луки со стрелами наготове, разом спустили тугие тетивы. Дринидж Бара улыбнулся, сказал несколько слов, небрежно провел руками в воздухе. Стрелы остановились в полете, развернулись, понеслись в обратном направлении. Каждая из них впилась в горло кочевника, выпустившего ее из лука. Терарн Гаштек коротко вскрикнул, бросился бежать, расталкивая воинов, крича во все горло:

— Убейте их! Не дайте им уйти живыми!

Варвары, прекрасно понимая, что погибнут, если отступят, набросились на своих бывших пленников. Разгоралась зря.

— Смотри, Эльрик! — неожиданно вскричал Мунглам, указывая на небо.

— Всего пятеро, — пробормотал альбинос, поднимая голову. — Всего пятеро.

Он парировал удар за ударом. Тело его переполняла чудовищная энергия, но «Повелитель Бурь» стал обычным мечом, лишился своего сверхъестественного могущества. Продолжая обороняться, Эльрик расслабился, почувствовал, как сила уходит из него в рунный меч. Черное сияние заструилось по черному лезвию, «Повелитель Бурь» запел свою песню, впиваясь в горла и сердца варваров.

У Дриниджа Бары не было оружия, но он прекрасно без него обходился. Вокруг колдуна валялись окровавленные трупы кочевников, похожие на мешки с тряпьем.

Два волшебника, Мунглам и гонец Карлаака медленно продвигались вперед. Большинство воинов-кочевников, не помня себя от страха, мчались на запад, погоняя своих коней. Внезапно Эльрик увидел Терарна Гаштека, целившего из лука в Дриниджа Бару, и громко крикнул, предупреждая колдуна об опасности.

Дринидж Бара повернулся, начал произносить какое-то заклинание, но было поздно: стрела вонзилась в его левый глаз.

— *Нет!* — вскричал он и упал бездыханный к ногам альбиноса.

Последний император Мельнибонэ посмотрел на небо. Дайвим Слорм, сын двоюродного брата Эльрика, Дайвима Твара, прилетел на легендарных имрирских драконах на помощь своему соотечественнику. Большинство зверей спали — и будут спать еще сто лет, — но пятеро драконов гордо реяли над уничтоженным городом.

Терарн Гаштек тоже увидел гигантских рептилий. Грандиозные планы несостоявшегося завоевателя Земли рухнули. Не помня себя от ярости, предводитель варваров кинулся к альбиносу.

— Бледнолицая мразь! — взревел он. — Это ты во всем виноват! Сейчас тебе придется сполна заплатить по счетам Повелителю Огня!

Эльрик громко расхохотался, небрежно отбил рунным мечом клинок ятагана.

— Моих драконов тоже можно назвать Повелителями Огня, — насмешливо сказал он, — но, в отличие от тебя, каждый из них по праву заслужил это имя! — И не ведая жалости, он пронзил грудь предводителя варваров.

Чувствуя, как черное лезвие жадно пьет его душу, Терарн Гаштек застонал и, испуская последнее дыхание, выкрикнул:

— Быть может, я и преступник, Эльрик из Мельнибонэ, но я жил куда честнее и порядочнее, чем ты! Будь ты проклят! Да не познаешь ты во веки веков ни минуты покоя!

Эльрик рассмеялся, глядя на труп варвара, но голос его слегка дрожал.

— Подобные проклятья давно на меня не действуют, друг мой. — Он на мгновение задумался. — Клянусь Ариохом, надеюсь, я прав! Я думал, надо мною больше не тяготеет злой рок, но, возможно, я ошибался...

Лагерь опустел. Полумиллионная орда воинов-кочевников скакала на запад. Если их не остановить, они очень скоро достигнут Карлаака, и от беззащитного города не останется камня на камне.

Над головой Эльрика раздалось хлопанье тридцатифутовых крыльев; он почувствовал драконий запах, который преследовал его много лет подряд, с тех самых пор как корсары уничтожили Имрир Прекрасный. Затем послышались трубные звуки рога, и альбинос увидел Дайвима Слорма с длинным копьём в правой руке, сидевшего на шее вожака драконов.

Зверь по спирали опустился вниз, сел на землю в двадцати футах от Эльрика, сложил перепончатые

крылья. Повелитель Драконов помахал альбиносу рукой.

— Приветствую тебя, император Эльрик. Мы чуть было не опоздали прийти тебе на помощь.

— Вы подоспели вовремя. — Эльрик улыбнулся. — Я рад видеть сына Дайвима Твара. Не думал, что ты согласишься выполнить мою просьбу.

— Мы перечеркнули прошлое после битвы при Бакшаане, где мой отец, Дайвим Твар, погиб, помогая тебе захватить замок Никорна. Мне жаль, что удалось разбудить только пятерых драконов. Если помнишь, остальные участвовали в сражении за Имрирр.

— Я помню. Но могу я попросить тебя еще об одной услуге, Дайвим Твар?

— Какой именно?

— Позволь мне занять твое место на вожаке драконов. У меня есть причины отомстить варварам, убившим на моих глазах ни в чем не повинных жителей города, уничтожившим их дома огнем и мечом. Я хочу отплатить им той же монетой.

Дайвим Слорм кивнул, соскочил на землю. Дракон беспокойно зашевелился, приподнял верхнюю губу, обнажив острые, как мечи, зубы — каждый толщиной с человеческую руку. Раздвоенный язык зверя мелькнул с быстротой молнии, огромные глаза холодно уставились на Эльрика.

Альбинос запел на древнем мельнибонийском языке, взял копье и рог у Дайвима Слорма, осторожно забрался в седло на шее дракона, сунул ноги в большие серебряные стремяна.

— Лети, брат-дракон, — пел Эльрик, — вздымайся в небо и держи свой яд наготове.

Громадные крылья развернулись, начали бить по воздуху, зверь с легкостью набрал высоту, стал парить над серыми тучами.

Четыре дракона последовали за своим вожаком; альбинос выхватил рунный меч из ножен, протрубил в рог.

Десятки веков назад предки Эльрика, вооруженные «Повелителем Бурь» и его сестрой «Властительницей Мрака» завоевали мир с помощью гордых драконов. В те времена Драконы Пещеры были переполнены удивительными зверями. Сейчас их осталось совсем немного, а разбудить удалось только пятерых.

Полы черного плаща, молочно-белые волосы Эльрика развевались у него за спиной. Он пел торжественную песню Повелителей Драконов, и голос его дрожал от волнения:

Мы небо пьем с тобой, как брагу,
А рог зовет, гремит, как гром.
Мы первыми пойдем в атаку,
В бою последними умрем.

Любовь, покой, ненависть остались в далеком прошлом. Лишь ветер свистел в ушах, да небеса раскинулись от горизонта до горизонта, молчаливо, взирая на Землю, приютившую на миг Молодые Королевства. Эльрик — величественный и гордый, порочный и мудрый — полностью осознал, что, несмотря ни на что, кровь, текущая в его жилах, была кровью колдунов-императоров Мельнибонэ.

В эту минуту для него не существовало ни близких, ни друзей, и если он олицетворял собой Зло, оно было бесконечным, всепобеждающим, не имеющим никакого отношения к человеческим страстям и желаниям.

Все выше и выше поднимались драконы, и, наконец, подобно грязному пятну на красочном пейзаже, внизу показалась орда варваров, которые в невежестве своем осмелились посягнуть на излюбленную страну Эльрика из Мельнибонэ.

— Эгей, братья-драконы, плещите ядом, жгите, жгите! Очистите землю от скверны своим огнем!

«Повелитель Бурь» торжествующе взвыл; драконы спикировали на обезумевших от страха варваров,

плюясь струями огненного яда; запахло горелым человеческим мясом. Страшна была месть последнего императора развалин, летевшего, подобно сатане, сквозь огонь и дым.

Эльрик не ликовал по поводу того, что спас землю от нашествия варваров. Он сделал то, что должен был сделать. Он протрубил в рог; драконы вновь начали набирать высоту. Возбуждение от битвы оставило альбиноса, сердце его внезапно похолодело от ужаса.

«Я все еще мельнибониец, — подумал он, — и каждый мой поступок вопиет об этом. В силе моей таится моя слабость, ибо я готов по самому ничтожному поводу использовать проклятый всеми рунный меч». — С криком отчаяния он схватил «Повелителя Бурь» и швырнул его вниз. Черное лезвие завизжало, как женщина, и, кувыряясь, полетело к далекой земле.

— Вот и все, — сказал альбинос. — Свершилось.

Глубоко вздохнув и несколько успокоившись, он вновь протрубил в рог, приказывая драконам опуститься на широкий зеленый луг.

Дайвим Слорм подошел к нему, ступая по мягкой траве.

— Где меч твоих отцов, император Эльрик? — спросил он.

Альбинос вместо ответа поблагодарил своего соотечественника за оказанную помощь, и вскоре они пустились в путь, торопясь как можно скорее попасть в Карлаак.

Зарозиния первая увидела своего мужа, летевшего на вожаке драконов, и сразу поняла, что западные страны спасены. Она бросилась встречать его к городским воротам, побежала ему навстречу, обняла, прижала к себе. Лицо альбиноса было спокойным, осанка — гордой, но в его красных глазах застыла тоска, от которой, видимо, ему не суждено было избавиться, хотя он хотел этого всем сердцем.

Попрощавшись с Дайвимом Слормом и имрирскими воинами, Эльрик взял Зарозинию за руку, быстро пошел по городским улицам. Мунглам и гонец следовали за ними на некотором расстоянии. Не обращая внимания на восторженные крики горожан, альбинос вошел в свой дом, поднялся в спальню, со вздохом облегчения растянулся на широкой постели.

— Что случилось, милорд? — спросила Зарозиния. — Может, тебе станет легче, если ты мне все расскажешь?

— Я устал от битв и волшебства, Зарозиния, вот и все. Слава всем богам, я избавился от своего выкованного в преисподней меча, с которым, как я думал, злой рок никогда не позволит мне расстаться.

Зарозиния коротко вскрикнула.

— Ты говоришь о «Повелителе Бурь»?

— Да, конечно.

Она промолчала. Ей не хотелось говорить мужу о рунном мече, который, повинувшись неизвестной силе, прилетел в Карлаак, визжа, как женщина, и вернулся на свое старое место в оружейной палате.

Глаза Эльрика закрылись сами собой; он дышал ровно, глубоко.

— Спи спокойно, любимый, — со слезами в голосе сказала Зарозиния и осторожно легла рядом с ним на кровать.

Больше всего на свете она боялась, что завтра наступит утро.

Первая Хроника Эльрика «Повелитель Бурь» английского писателя Майкла Муркока является продолжением уже известной читателю Хроники Корума.

Принц в Алой Мантии Джайлин Ирси, Вечный Герой, странствующий по бесчисленным мирам, предстает в своей новой инкарнации под именем Эльрика, последнего императора Мельнибонэ. Он снова оказывается вовлеченным в извечную борьбу Повелителей Хаоса и Хранителей Закона, грозящую нарушить Космическое Равновесие. На пути его ожидают лишения и удача, предательство и верность, коварство и любовь, друзья и недруги. Во всех невзгодах Эльрика выручает волшебный меч, испещренный

руническими письменами, который черпает чудодейственную силу, питаясь душами убиваемых им существ. Но со временем Эльрик начинает замечать, что этот меч, названный Повелителем Бурь, из верного слуги превращается в жестокого хозяина, наделенного злой волей к уничтожению...